

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 14 № 1 / 2024

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 14 № 1 / 2024

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: История и право
(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istoriya i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, криминалистика, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Красильникова Екатерина Ивановна, д-р ист. наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск, Россия)

Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)

Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Рускевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)

Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Юго-Западный государственный университет, 2024

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется по подписке.

Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 28.02.2024.

Дата выхода в свет 07.03.2024. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 28,8.

Тираж 1000 экз. Заказ 1.

Proceedings of the Southwest State University Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU.

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University
(Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University
(Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Ekaterina I. Krasilnikova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tatiana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

**Official address of the Founder, Publisher
and Editorial Office:**

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

16+

© Southwest State University, 2024

Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Sent to the printer 28.02.2024.
Release 07.03.2024. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 28,8.
Circulation 1000 copies. Order 1.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ.....	10
Оригинальные статьи	
О системном методе научно-правового исследования.....	10
<i>Андреев Ю. Н.</i>	
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	22
Оригинальные статьи	
Правовая природа института уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг	22
<i>Кулакова Д. В.</i>	
Развитие цифровых технологий в процедурах администрирования публичных неналоговых платежей.....	33
<i>Куркин И. В.</i>	
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	46
Оригинальные статьи	
Отношения посредничества и представительства при осуществлении авторских и смежных прав некоммерческими организациями.....	46
<i>Барковская Л. Е.</i>	
Стартапная деятельность. Субъекты и признаки.....	55
<i>Быкова С. П.</i>	
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	65
Оригинальные статьи	
Судимость как персональные данные и основание общеправовых ограничений.....	65
<i>Алихаджиева И. С.</i>	
Адвокат, прокурор и суд – субъекты доказывания или участники доказывания в уголовном судопроизводстве?.....	80
<i>Конин В. В.</i>	
Вопросы криминализации деяний в отношении персональных данных в контексте законопроекта № 502113-8.....	93
<i>Хохлова Е. В.</i>	
Проявления криминального профессионализма в деятельности разбойных шайк дореволюционной России.....	104
<i>Зарубина К. А.</i>	
Доктрина живого инструмента и эволютивное толкование в практике Европейского суда по правам человека.....	113
<i>Оганесян Т. Д.</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	123
Оригинальные статьи	
Сельскохозяйственное винокурение в период действия акцизной системы в России (1863–1894 годы)....	123
<i>Горюшкина Н. Е.</i>	

Основные направления социализации воспитанников детских учреждений Воронежской области в 1930-е годы.....	135
<i>Филоненко Т. В., Менжулин В. А.</i>	
Подвиг артиллеристов 3-й истребительной бригады в оборонительных боях на северном фланге Курской дуги.....	146
<i>Немцев А. Д.</i>	
Военное обучение и военно-физическая подготовка учащихся школ Чкаловской (Оренбургской) области в годы Великой Отечественной войны.....	159
<i>Хисамутдинова Р. Р., Аптикиев А. Х.</i>	
Курская крепость: к вопросу о границах естественных оборонительных укреплений.....	174
<i>Петров А. А.</i>	
Развитие трамвайного движения в послевоенный восстановительный период (на примере города Липецка).....	193
<i>Давыдов А. С.</i>	
Сценический репертуар советского регионального театра в период позднего социализма.....	205
<i>Заельская С. А.</i>	
Взгляды представителей партийно-политического актива Курской губернии на изменение социальной структуры городского населения (1918–1921 годы).....	220
<i>Петров Н. В.</i>	
Лев Троцкий – путь в революцию.....	231
<i>Колупаев А. А.</i>	
К сведению авторов	243

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES.....	10
Original articles	
On the Systematic Method of Scientific and Legal Research.....	10
<i>Yurij N. Andreev</i>	
PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES.....	22
Original articles	
The Legal Nature of the Institution of the Commissioner for the Rights of Consumers of Financial Services.....	22
<i>Diana V. Kulakova</i>	
Development of Digital Technologies in the Procedures of Administration of Public Non-Tax Payments.....	33
<i>Ilya V. Kurkin</i>	
PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE.....	46
Original articles	
Mediation and Representation Relations in the Exercise of Copyright and Related Rights by Non-Profit Organizations.....	46
<i>Liudmila E. Barkovskaia</i>	
<i>Startup Activity. Subjects and Signs.....</i>	<i>55</i>
<i>Svetlana P. Bykova</i>	
CRIMINAL LEGAL SCIENCE	65
Original articles	
Criminal Record as Personal Data and the Basis of General Legal Restrictions.....	65
<i>Inna S. Alikhadzhiyeva</i>	
Are the Lawyer, the Prosecutor and the Court Subjects of Evidence or Participants in Evidence in Criminal Proceedings?.....	80
<i>Vladimir V. Konin</i>	
Issues of Criminalization of Acts in Relation to Personal Data in the Context of Draft Law No. 502113-8.....	93
<i>Elena V. Khokhlova</i>	
Manifestations of Criminal Professionalism in the Activities of Robber Gangs of Pre-Revolutionary Russia... ..	104
<i>Kristina A. Zarubina</i>	
The Doctrine of the Living Instrument and Evolutionary Interpretation in the Case-Law of the European Court of Human Rights.....	113
<i>Tigran D. Oganessian</i>	
HISTORICAL SCIENCES	123
Original articles	
Agricultural Distilling During the Period of the Excise System in Russia (1863–1894).....	123
<i>Natalia E. Goryushkina</i>	
The Main Directions of Socialization Pupils of Children's Institutions Voronezh Region in the 1930s.....	135
<i>Tatiana V. Filonenko, Viktor A. Menzhulin</i>	

The Feat of the Gunners of the 3rd Fighter Brigade in Defensive Battles on the Northern Face of the Kursk Bulge.....	146
<i>Alexander D. Nemtsev</i>	
Military Education and Military-Physical Training of Schoolchildren in the Chkalovsk (Orenburg) Region During the Great Patriotic War.....	159
<i>Ravilya R. Khisamutdinova, Albert Kh. Aptikiev</i>	
Kursk Fortress: on the Question of the Borders of Natural Defense Fortentions.....	174
<i>Aleksander A. Petrov</i>	
Development of Tram Traffic in the Post-War Recovery Period on the Territory of the RSFSR (Using the Example of the City of Lipetsk).....	193
<i>Alexey S. Davydov</i>	
Stage Repertoire of the Soviet Regional Theater During the Period of Late Socialism.....	205
<i>Svetlana A. Zaetskaya</i>	
The Views of Representatives of the Party and Political Activists of the Kursk Province on the Change in the Social Structure of the Urban Population (1918–1921).....	220
<i>Nikolay V. Petrov</i>	
Leo Trotsky – the Path to Revolution.....	231
<i>Andrei A. Kolupaev</i>	
К сведению авторов	243

О системном методе научно-правового исследования

Ю. Н. Андреев¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: andreevvrn3@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Методы научного познания правовой действительности являются надежным условием, средством теоретического исследования правовых норм, правоотношений, способов, приемов и средств праворегулирования, мер юридической ответственности и иных правовых явлений. В отечественной юридической науке нет единства мнений о правовой природе, содержании и компонентах метода научного мышления и познания. Юридические публикации и собственный профессиональный опыт показывают, что, к сожалению, студенты юридических вузов и даже преподаватели не в полной мере знают о существовании, специфике и действии познавательных способов, средств и приемов. Перед организаторами юридического образования и представителями юридической науки стоит неотложная задача инициировать интерес юристов к этому чрезвычайно важному вопросу и помочь им в овладении необходимыми методологическими познаниями юридического мира.

Цель – выявить особенности, целевое назначение и содержание системного метода юридического познания.

Задачи: исследовать и выявить понятие метода и методологии юридического научного познания, особенности системного гносеологического метода в юриспруденции.

Методология. В ходе исследования обозначенной темы использованы такие общенаучные и частнонаучные методы исследования, как исторический, логический, формально-юридический, системный и сравнительно-правовой.

Результаты. В результате проведенного исследования выяснилось, что если методы научного познания – это способы, приемы, средства и принципы теоретического познания, то гносеологическая методология – это универсальное учение о приемах (способах и средствах) научного познания, применяемых на основе достижений в области философии, политологии, социологии, экономической теории, психологии и юриспруденции.

Выводы. Системный метод научного юридического познания занимает ведущее место среди остальных познавательных методов. Для него характерны: системный подход к изучаемому объекту (предмету, явлению), выявление системных связей его отдельными компонентами (элементами), установление закономерностей и особенностей их связей с внешней средой, иными системами в природе, обществе и правовой действительности.

Ключевые слова: научные методы; правовое исследование; методология; системный метод; научное познание.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Андреев Ю. Н. О системном методе научно-правового исследования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 10–21. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-10-21>.

Поступила в редакцию 30.11.2023

Принята к публикации 25.12.2023

Опубликована 28.02.2024

On the Systematic Method of Scientific and Legal Research

Yurij N. Andreev¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: andreevvrn3@yandex.ru

Abstract

Relevance. Methods of scientific cognition of legal reality are a reliable condition, a means of theoretical research of legal norms, legal relations, methods, techniques and means of legal regulation, measures of legal responsibility and other legal phenomena. There is no unity of opinion in Russian legal science about the legal nature, content and components of the method of scientific thinking and cognition. Legal publications and their own professional experience show that, unfortunately, law students and even teachers are not fully aware of the existence, specifics and operation of cognitive methods, means and techniques. The organizers of legal education and representatives of legal science have an urgent task to initiate the interest of lawyers in this extremely important issue and help them master the necessary methodological knowledge of the legal world.

Purpose: to find out the features, purpose and content of the systematic method of legal cognition

Objectives: to investigate and clarify the concept of the method and methodology of legal scientific cognition, the features of the systemic epistemological method in jurisprudence.

Methodology. In the course of the study of the designated topic, such general scientific and private scientific research methods as historical, logical, formal legal, systemic and comparative legal methods were used.

Results. As a result of the conducted research, it turned out that if the methods of scientific cognition are methods, techniques, means and principles of theoretical cognition, then epistemological methodology is a universal teaching about the techniques (methods and means) of scientific cognition applied on the basis of achievements in the field of philosophy, political science, sociology, economic theory, psychology and jurisprudence.

Conclusions. Systematic approach to the studied object (subject, phenomenon), the identification of systemic connections between its individual components (elements), the establishment of patterns and features of their connections with the external environment, other systems in nature, society and legal reality.

Keywords: scientific methods; legal research; methodology; systematic method; scientific cognition.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Andreev Yu. N. On the Systematic Method of Scientific and Legal Research. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(1): 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-10-21>

Received 30.11.2023

Accepted 25.12.2023

Published 28.02.2024

Введение

Методы и методология призваны выполнять ведущую роль в философии, политологии, социологии, экономической теории и юриспруденции. Нет оснований утверждать, что в советский период нашей страны учение о методах научного познания не действовало. Следует признать, что обозначенные методы действовали, но находились при этом под непосредственным воздействием учения

К. Маркса и Ф. Энгельса в пределах господствующей государственной идеологии и правовой политики. Нельзя не заметить значительный ряд работ российских исследователей последних десятилетий, пытающихся на фоне современных международных и внутригосударственных вызовов, потребностей и интересов политического, экономического и правового характера обосновать и усовершенствовать современные методы теоретических исследований, которые

способствовали бы более успешному решению многочисленных социально-экономических и иных проблем в нашей стране [1, с. 7–50; 2, с. 14; 3, с. 19–53; 4, с. 50–75; 5; 6, с. 5–55; 7, с. 120–156; 8; 9, с. 20–34; 10, с. 23–50]. Однако, к сожалению, только небольшой перечень современных студентов и преподавателей юридических вузов нашей страны может поделиться знаниями и успешным применением основ методологии отечественного права. Одной из актуальнейших задач современного правоведения является профессиональное овладение и использование эффективных и адекватных методов (способов, приемов, средств) научного познания на благо российских граждан, всего общества и российского государства.

В переводе с греческого языка метод (*methodos*) означает путь, способ, прием теоретического исследования либо практического осуществления чего-либо, а методология (от греч. *methodos* и *logos*) – учение о научном методе или методах отдельных наук [11, с. 452]. В отечественной науке существуют различные подходы к понятию «методология», таких как: 1) система исходных теоретических знаний, формирующих общие закономерности окружающего мира, средство (орудие, инструмент, основной принцип) познания и практической деятельности; 2) совокупность общетеоретических проблем, философия, диалектика, самостоятельная частная наука; 3) система познавательных средств (приемов, способов), учение о познавательной деятельности [3, с. 36].

Научно-познавательный метод – это научно обоснованный способ (прием, средство) познания определенных закономерностей, свойств, признаков в обществе, природе, науке, выявление научной (относительной, абсолютной) истины с целью использования полученных результатов на благо человека, общества и государства. Безусловно, методологические приемы (средства и способы), ре-

зультаты использования этих методов зависят от многих факторов объективного и субъективного характера, включая: общий уровень развития науки, техники, технологии; соблюдение философских, социологических, математических, психологических, логических требований и правил научного познания; профессиональную подготовку (опыт) самого исследователя, его мировоззрение, миро- и правопонимание, правосознание; учет и обоснованное применение им различных методологических приемов и средств, понимание их содержания, особенностей и характера взаимосвязи, цели и задачи научного исследования, объективную и всестороннюю проверку (апробацию) на практике. Выбор того или иного научного метода зависит также от цели познания и объекта исследования.

По нашему мнению, научная методология – это универсальное учение (теория) о методах (способах, приемах, средствах, принципах) теоретического познания, являющееся составной частью философии, политологии, социологии, психологии, экономической теории, правоведения. Практическая методология – это совокупность приемов, средств и способов, учение об этих способах по использованию результатов научного познания в реальной действительности. В качестве структурных элементов научной (теоретической) методологии выступают: теоретические положения, научные идеи, гипотезы, версии, принципы, взгляды, идеалы, убеждения, жизненные позиции и т. д.

В философии и юридических науках метод в широком смысле понимается как способ достижения цели, упорядоченная деятельность, средство и путь познания [12, с. 42]. Различаются: философский (мировоззренческий); общенаучный (для всех наук); частнонаучные (для некоторых наук) и специальные (для отдельных наук) методы научного исследования. Особое значение для юридической науки имеют философские, общенаучные и

формально-логические методы научного познания. Философские подходы (способы, приемы, средства) сопровождают в целом весь процесс общенаучного и частнонаучного познания, содействуют общему и частному познанию на всех стадиях его развития и действия. К общенаучным методам относятся научно обоснованные способы и приемы теоретического познания, характерные для многих отраслей российской науки и предназначенные для выполнения общепознавательных задач исследования. Указанный вид методологических способов распадается, в свою очередь, на методы-подходы и методы-приемы. К первому виду относят содержательный (субстратный), структурный, функциональный и системный подходы, позволяющие исследовать свойства и признаки анализируемого объекта с содержательных, структурных, функциональных и системных позиций (подходов). Второй вид методов составляют: анализ и синтез, индукция и дедукция, метод историзма, функциональный, герменевтический, синергетический и другие методы. Формально-логические методы познания включают в себя: анализ, синтез, абстрагирование, конкретизацию, дедукцию, индукцию, моделирование, аналогию. К частнонаучным методам познания относятся: методы конкретно-социологических исследований, сравнительно-правовой, математический, кибернетический и т. д. Уместно заметить, что М. Н. Марченко и Е. М. Дерябина утверждают, что ведущее место в системе методов занимают: диалектический метод (переход количества в качество, отрицание отрицания, единство и борьба противоположностей), общие (общенаучные) методы (методы сравнения, анализа и синтеза, абстрагирования, системного и структурного подходов), восхождение от частного к общему и от общего к частному, что системный метод стал исследоваться и использоваться в России лишь в послевоенный период. К частным методам в

юриспруденции указанные ученые, в частности, относят: методы подготовки, принятия и оформления правовых решений, методы толкования норм права, формально-юридический метод, а к специальным методам – математический, статистический, психологический, кибернетический, конкретно-социологический и др. [2, с. 43–44]

Предметом нашего исследования является **системный** метод научного познания. Обозначенный метод заключается в систематизации, обобщении научных знаний о том или ином предмете исследования, во всестороннем и детальном анализе всех его структурных элементов, в выявлении особенностей их взаимосвязи и взаимодействии с иными системами и подсистемами. Понятия «система», «системность», «системное» имеют большое познавательное, научное и практическое значение в деятельности человека. В отличие от «множества», «совокупности» термин «система» направлен на выяснение упорядоченности, целостности, проявляется в установлении тех или иных закономерностей построения того или иного объекта, его становления и дальнейшего развития. В филологическом понимании (толковании) «система» означает целое, составленное из частей соединение множества элементов, находящихся друг с другом в относительных связях (в пер. с греческого языка *systema* – целое, составленное из частей; соединение) [13, с. 1437]. Известный толкователь русского языка Д. Н. Ушаков разъяснял понятие «система» как обусловленный закономерным расположением частей в определенной связи порядок, метод действий, предопределяющий порядок и правила совершения этих действий, совокупность мыслей, суждений, подчиняющихся определенным принципам, устройство, структуру, составляющих единство закономерно расположенных и функционирующих составных частей, совокупность хозяйственных единиц, организаций, объединенных в единое целое [11,

с. 964]. В словаре иностранных слов термин «система» обозначается как качественная характеристика, множество закономерно связанных между собой предметов, явлений, взглядов, принципов, знаний, составляющих единое целое, а понятие «систематизировать» – «приводить в систему, располагать в определенном порядке, устанавливать определенную последовательность» [14, с. 1437].

Доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук Д. А. Керимов разъяснял, что идеальный и материальный мир не состоит из отдельных изолированных предметов, явлений и процессов, а представляет собой тесно связанные между собой, взаимодействующие и взаимопроникающие элементы, требующие системного подхода и познания. Современная действительность чрезвычайно нуждается в системном, комплексном, целостном подходе в науке, организации и управлении производством, социальной и культурной деятельности людей, всего общества, в правовой политике и правовом регулировании общественных отношений. В связи с современной специализацией и дифференциацией знаний и общественной деятельности человека усилилась потребность в создании общей (систематизированной) картины общественного бытия и общественной практики, в интеграции и синтезе общего видения всего происходящего в мире. Для решения этой проблемы необходимо всесторонне (системно) анализировать динамично развивающиеся части сложной системы, находящиеся между собой в органическом единстве и взаимодействии. Системный подход позволяет выявить не только особенности действий отдельных компонентов системы, но и их взаимодействие на различных уровнях, а также субстанционально-содержательность и организационную многослойность системы, диалектическую связь её элементов, её структуру и функции. В структуру системы в отечественной и зарубежной теории пра-

ва включено достаточно много предметов, явлений и процессов, что создает определенные трудности на пути их познания, идентификации и выявления закономерных общих признаков. Исходя из гносеологических позиций, необходимо устанавливать сами составные части системного образования, их специфические качества, анализировать их взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие, выявлять общие черты, образующие всю систему в целом, познавать функциональное назначение, роль и эффективность воздействия всей системы и её составляющих на окружающую среду. Потребности современной научной деятельности нуждаются не только в совершенствовании наших научных знаний о системе и системном методе, но и в реальном и эффективном использовании результатов этих знаний в правовой действительности. Системный подход (метод) вместе с другими основными методами познания охватывает все основные закономерности и категории. Существуют компоненты (элементы) политических, экономических и правовых систем [15, с. 224–234].

Не менее важным является суждение академика Д. А. Керимова о том, что философские категории, имеющие всеобщий характер, не следует смешивать с общенаучными положениями и методами. Философские достижения (категории) – это универсальные методологические средства, инструменты, методы познания, общества, природы и мышления. В отличие от них общенаучные положения и методы обобщают лишь ограниченный круг вещей, явлений и процессов, однако иногда могут переходить в разряд философских категорий и понятий. С другой стороны, методология использует не только философские постулаты, но и достижения многих частных наук, однако при всем при этом не является самостоятельной (общей или частной) наукой (наукой методологии). Методология имманентна (присуща)

науке в целом и всем её отраслям. Методология является познавательным базисом для всей системы научных знаний, является совокупностью её компонентов (теоретические принципы, мировоззренческие позиции, общенаучные и частнонаучные методы) и представляет собой учение о взаимосвязанных (взаимодополняющих) между собой методах познания. Ядром познавательного процесса являются диалектика, гносеология и логика. Общая теория права и государства обладает методологической значимостью [15, с. 69–70, 85–89].

Представляется, что каждое явление (предмет исследования), даже простейшее в своем структурном и содержательном существовании, обладает той или иной степенью системности, требующей, соответственно, системного подхода к своему изучению, анализу и синтезу.

Тем более системностью обладают сложные правовые системы, какими являются, например, система российского права и система российского законодательства, система гражданского права и система гражданского законодательства. Системный подход (метод) позволяет выявить и исследовать всю систему российского права и законодательства, включая систему гражданского права и систему гражданского законодательства, их отдельные, но взаимосвязанные элементы. Согласно современной правовой доктрине отрасли отечественного права отличаются друг от друга предметом и методом правового (отраслевого) регулирования. Предмет отраслевого правового регулирования – это совокупность относительно однородных общественных отношений, находящихся под воздействием регулятивного отраслевого метода правового регулирования. К примеру, предмет гражданского права составляют вещные, имущественные, личные неимущественные, корпоративные, абсолютные, относительные, организационные отношения, отношения в сфере интеллектуальной деятельности, наследственные отношения и

иные виды отношений, связанные с участием субъектов гражданского права, обладающих юридическим равенством, автономией воли, своим (частным) интересом, имущественной самостоятельностью, и действующих по своему усмотрению, своей волей, в своем интересе под воздействием принципов и метода гражданского права¹. Для метода гражданского права характерно доминирование правовых дозволений, стимулов, поощрений, рекомендаций над позитивными обязательствами, запретами и ограничениями. Существенными признаками гражданского правового метода являются: юридическое равенство, правонаделение, правовая инициатива, диспозитивность, гражданское правовое принуждение, меры гражданской правовой ответственности [16; 17].

По нашему мнению, отрасль гражданского права включает в себя такие подотрасли, как: вещное право, личное неимущественное право, обязательственное право, корпоративное право, интеллектуальное право, наследственное право. В свою очередь, подотрасли содержат правовые институты гражданского права. Будучи источником пандектного права, часть первая ГК РФ закрепила общие положения о субъектах и объектах гражданского права, участии российского государства в гражданско-правовых отношениях, о праве и формах собственности, о сделках (договорах) и обязательствах, о гражданско-правовой ответственности, о возникновении, осуществлении и защите субъективных гражданских прав. Часть вторая ГК РФ² преду-

¹ См., например, ст. 1 и 2 части первой Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: [ред. от 14.04.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.09.2023).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: [ред. от 01.07.2021] // Консультант-

смачивает конкретные типы договоров, порядок их заключения, изменения, исполнения и прекращения, договорную ответственность, регламентирует отношения, связанные с исполнением деликтных и кондикционных обязательств. Часть третья ГК РФ¹ посвящена наследственному и международному частному праву. Часть четвертая ГК РФ² регламентирует общественные отношения, связанные с интеллектуальной собственностью и средствами индивидуализации товаров, работ и возмездных услуг.

Система гражданского законодательства не предусматривает деления на отрасли, подотрасли, отграничение от смежных систем с помощью метода правового регулирования и т. д., включает в себя нормы ГК РФ, федеральных законов, подзаконных нормативно-правовых актов. В диспозиции ст. 3 ГК РФ констатируется, что нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать Гражданскому кодексу РФ (п. 2). Согласно ст. 71 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)³, гражданское законодательство, регулирование и защита прав и сво-

бод человека и гражданина относится к ведению исключительно Российской Федерации. Следует отметить, что гражданское законодательство (гражданские нормативно-правовые акты), нормы гражданского права могут находиться в различных частях российского законодательства, ибо нормативно-правовые акты зачастую охватывают многие сферы регулируемых общественных отношений, представляющих предметы регулирования самых различных отраслей российского права и подвергающихся различным правовым способам (средствам, приемам) правового воздействия.

Академик Д. А. Керимов характеризовал систему права как обусловленное политическим, экономическим и социально-культурным общественным строем внутреннее объединение, единое целое правовых норм, образующих соответствующие отрасли, обладающие относительной самостоятельностью и автономностью. По его обоснованному утверждению, функционирует не только вся система права в целом, но и её элементы (отрасли, институты, нормы), функциональность которых зависит от функций всей системы в целом. В конечном итоге действует внутренний механизм функционального взаимодействия всех элементов системы и внешний механизм взаимодействия всей системы со средой и другими системами. Каждая отрасль права имеет свои специфические черты и характерные особенности, находится одновременно во взаимной связи с другими отраслями права. Системное единство права и его отраслевая дифференциация обусловлены объективными факторами. Ученый рассматривал системность права как объективное интегративное объединение (соединение) содержательных признаков определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающих относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования. Относительная самостоятельность системных элементов и признаков проявляется в

Плюс: сайт. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 28.09.2023).

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ: [в ред. от 24.07.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 28.09.2023).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ: [ред. от 13.06.2023] // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 28.09.2023).

³ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993]: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Консультант Плюс: сайт. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 28.09.2023).

том, что эти элементы (признаки) могут изменяться по своему содержанию и назначению, входить в состав иных систем и подсистем либо подвергаться специфическому воздействию внешней среды. Структурная упорядоченность системы придает ей относительную устойчивость (стабильность), и известные изменения составных частей происходят лишь в пределах этой системы. Изменение или исключение из системы одного из структурных элементов может привести к разрушению всей системы в целом. Существуют односистемные и многосистемные правовые образования. К первому виду системно-правовых образований Д. А. Керимов относил нормы позитивного (объективного) права, ко второму виду – отрасли права, включающие в себя правовые институты и нормы права. По его справедливому мнению, все перечисленные элементы обладают интегральными и структурно-функциональными качествами, связями, отношениями. Вершиной многосистемности в праве является система права, вбирающая в себя отрасли, институты и нормы права [15, с. 234–248].

По обоснованному разъяснению Д. А. Керимова, критериями отраслевой дифференциации в отечественной юридической науке являются предмет и метод правового регулирования. К предмету относятся общественные отношения (имущественные, трудовые, административные и т.п.), подвергающиеся правовому воздействию, а к методу – правовые способы, средства, пути защиты и восстановления нарушенных прав, автономность субъектов правоотношения той или иной степени (равенство или соподчиненность). Метод правового регулирования находится под воздействием предмета правового регулирования, а также публичных интересов, целей и задач государственно-правового регулирования. Грани между отраслями отечественного права и законодательства весьма подвижны. Отрасль права вбирает в себя качественно однородные общественные

отношения с учетом отраслевого метода праворегулирования и отраслевых принципов нормы права, способствующие формированию и функционированию самостоятельной и автономно действующей отрасли права. Отрасли права, будучи подсистемными образованиями правовой системы, являются своеобразными системами определенного уровня. Правовой институт регламентирует более узкую однородную сферу общественных отношений. Норма права – это объективно сложившееся в рамках правового института правило поведения, регулирующее типичное общественное отношение. В правовой норме отсутствует персонализированный адресат, но она содержит объективно predetermined правила поведения в конкретной правовой ситуации, являющейся для права типовой [15, с. 248–255].

Относительно системы законодательства Д. А. Керимов разъяснял, что система законодательства строится в соответствии с единством правовой системы и ее дифференциации. Отражая объективные закономерности социального бытия, система права служит основанием для кодификации законодательства, его классификации, логической обработки и размещения законодательного материала в определенном порядке для нужд юридической практики. Действующее законодательство состоит из нормативно-правовых актов, принятых различными государственными органами в те или иные периоды. Существуют два основных вида систематизации законодательства: инкорпорация и кодификация. Первый вид предполагает упорядочение законодательного материала без его существенного изменения, а второй вид направлен на существенную переработку законодательного массива. В отличие от системы права законодательство содержит комплексные отрасли и институты законодательства. Д. А. Керимов подчеркивал, что центром правовой системы является Конституция, на основе которой происходит правотворческая, праворегу-

лятивная и правореализационная деятельность государства, общества и субъектов права. Система права воздействует с помощью своих компонентов в непосредственной или опосредованной форме на внешнюю среду и другие системы [15, с. 255–257].

Талантливый представитель теории права, доктор юридических наук, профессор Н. И. Матузов рассматривал системность как один из качественных существенных признаков права. Ученый утверждал, что системность в праве – это гармонично устроенная, целостная система правовых норм, выстроенных в определенном порядке и образующих правовые отрасли, институты, иные подгруппы и формирования [18, с. 143].

Доктор юридических наук, профессор В. В. Кожевников характеризует систему права как структуру права, обусловленную социальными и экономическими факторами, выражающую внутреннюю согласованность и единство правовых норм, их дифференциацию на отрасли и институты права. Иными словами, для системы права характерны: единство и согласованность правовых норм; дифференциация, объективность и иерархическое построение системы права. Правовая система обеспечивает многофункциональную способность права (внутренние, внешние, вертикальные, горизонтальные, информационные). Правовая система направлена на реализацию правовых норм, обеспечение стабильности правового регулирования [19, с. 217–222].

Согласно правовой позиции проф. В. В. Кожевникова, система законодательства, в отличие от системы права, носит субъективный характер, содержит не нормы, а нормативно-правовые акты, не имеет метода правового регулирования и имеет не только горизонтальное, но и вертикальное строение. В Российской Федерации различаются три уровня законодательства: 1) федеральный (Конституция РФ, Основы законодательства, нормативные Указы Президента РФ и

др.); 2) уровень субъектов Российской Федерации; 3) нормативно-правовые акты муниципальных органов. Ученый выделяет три группы отраслей законодательства: а) одноименные с отраслями права (уголовное, гражданское, административное и т. д.); б) комплексные, состоящие из норм гражданского, административного и уголовного права; в) группы, обслуживающие определенные сферы государственной деятельности (законодательство о водном, воздушном, железнодорожном транспорте, об образовании и т. д.). Общеправовой классификатор¹ насчитывает 21 отрасль законодательства [19, с. 225–229].

Доктор юридических наук, профессор М. Н. Марченко и кандидат исторических наук, доцент Е. М. Дерябина рассматривают систему российского права как внутреннее строение, определенный порядок организации и расположения её составляющих частей, обусловленных общественными отношениями. В её основе лежат объективные и субъективные факторы. Российское гражданское право включает в себя такие правовые институты, как обязательственное, договорное право (договоры купли-продажи, контракта, подряда, поставок, аренды, найма, займа, перевозок, страхования, хранения, дарения и др.). Критериями отраслевой дифференциации являются предмет и метод отраслевого праворегулирования. Ведущими являются авторитарный метод (императивный метод, метод властных предписаний) и метод автономии (диспозитивный метод). По мнению ученых, диспозитивный метод действует в рамках гражданского, коммерческого и других отраслей частного права [12, с. 172–178].

Согласно научной позиции доктора юридических наук, профессора Е. А. Суханова, современное российское граждан-

¹ Общеправовой классификатор отраслей законодательства: [утвержден Указом Президента РФ от 5 октября 2002 г. № 1129] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 40, ст. 3905.

данское право включает в себя следующие подотрасли: общая часть; корпоративное право; вещное право, обязательственное право; интеллектуальное право; наследственное право; личное неимущественное право. Если система гражданского права состоит из юридически однородных объективных частноправовых норм и является составной частью общей системы российского права, то гражданское законодательство – это совокупность нормативно-правовых актов, составляющих систему национального российского законодательства, имеющих субъективную основу (усмотрение законодателя) и обладающих комплексным характером. О медицинском, энергетическом, информационном, спортивном, образовательном, транспортном праве можно настаивать только условно. Систематизация законодательства о предпринимательской, коммерческой, хозяйственной деятельности не ведет к возникновению и формированию одноименных отраслей права [20, с. 48–50].

По утверждению доктора юридических наук, профессора А. П. Сергеева, будучи подотраслью гражданского права, вещное право состоит из институтов права собственности и ограниченных вещных прав, а обязательственное право – из институтов договорного и деликтного права, а также обязательств, вытекающих из односторонних действий. Подотрасль «право интеллектуальной собственности» состоит из институтов авторского права, смежных прав, патентного права, правовой охраны средств индивидуализации и т. д. А. П. Сергеев предлагает дополнить список гражданско-правовых отраслей корпоративным и семейным правом. Включить предпринимательское (коммерческое) право в качестве подотрасли права в состав системы гражданского права можно лишь при условии признания субъектного признака критерием деления гражданского права [21, с. 17–22].

Выводы

Современные вызовы реальной действительности требуют от представителей юридической науки более глубокого исследования проблем методологии научного познания и их эффективного применения на практике. Гносеологическая научная методология – это совокупность теоретических методов научного познания, универсальное учение о способах, приемах и средствах познания на основе теоретических положений, принципов и идей философии, политологии, социологии, психологии, экономической теории, правоведения, необходимых для достижения позитивных результатов в юридической практике.

Существуют самые различные классификационные группы методов познания юридической материи: философские, общенаучные, частнонаучные, специальные. Они тесно связаны между собой и дополняют друг друга. Одним из важнейших познавательных методов в юриспруденции является системный метод, требующий системного (всестороннего) подхода ко всякому исследуемому явлению, предмету или процессу. Системный метод предполагает изучение исследуемого объекта как системы, выявление его системных связей, признаков и закономерностей, установление характера взаимодействия системы с элементами (компонентами) системы и с внешней средой, иными системами и их элементами.

Системный подход позволяет всесторонне исследовать изучаемый объект (явление, процесс), познать его существенные черты и признаки, характерные системные связи всего объекта и его элементов, предупредить и уменьшить риски, связанные с использованием на практике полученных результатов, правовых средств в рамках правотворчества, правонаделения, правореализации, правоприменения и правовой защиты.

Список литературы

1. Баскаков А. Я., Туленков Н. В. Методология научного исследования. Киев: МАУП, 2002. 215 с.
2. Лекторский В. А., Швырева В. С. Методологический анализ науки (типы и уровни) // Философия, методология, наука / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Наука, 1972. С. 7–44.
3. Лукич Р. Методология права. М.: Прогресс, 1981. 304 с.
4. Маркович Д. Общая социология. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1993. 271 с.
5. Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы: сборник статей. Вып. 2 / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Юрист, 2008. 224 с.
6. Очерки методологии познания социальных явлений. М.: Мысль, 1970. 343 с.
7. Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках. М.: Прогресс, 1967. 271 с.
8. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. М.: Юстицинформ, 2000.
9. Ушаков А. А. Общее понятие методологии // Методология советского правоведения: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 70. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1978. С. 20–34.
10. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.
11. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Буколика, 2008. 1247 с.
12. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Теория государства и права России: в 2 т. Т. 1. Государство. М.: Проспект, 2019. 640 с.
13. Большой Российский энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. Энцикл., 2003. 1887 с.
14. Словарь иностранных слов / отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. М.: Рус. яз.- Медиа, 2003. 818 с.
15. Керимов Д. А. Методология права: Предмет, проблемы философии права. 6-е изд. М.: Изд-во СГУ, 2011. 521 с.
16. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., доп. М.: Статут, 2006. 240 с.
17. Андреев Ю. Н. Методы правового регулирования: общетеоретические и отраслевые проблемы. М.: Юрлитинформ, 2023. 624 с.
18. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. 5-е изд. М.: Дело, 2022. 528 с.
19. Кожевников В. В. Теория государства и права: в 2 ч. Ч. 2. М.: Проспект, 2023. 912 с.
20. Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 576 с.
21. Гражданское право: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 1040 с.

References

1. Baskakov A. Ya., Tulenkov N. V. Metodologiya nauchnogo issledovaniya [Methodology of scientific research]. Kiev, MAUP Publ., 2002. 215 p.
2. Lektorskiy V. A., Shvyreva V. S. Metodologicheskij analiz nauki (tipy i urovni) [Methodological analysis of science (types and levels)]. Filosofiya, metodologiya, nauka [Philosophy, methodology, science]; ed. by V. A. Lektorskiy. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 7–44.
3. Lukich R. Metodologiya prava [Methodology of law]. Moscow, Progress Publ., 1981. 304 p.
4. Markovich D. Obshchaya sociologiya [General Sociology]. Rostov-on-Don, Rostov. Univ. Publ., 1993. 271 p.
5. Metodologiya yuridicheskoy nauki: sostoyanie, problemy, perspektivy. Sbornik statej [Methodology of legal science: state, problems, prospects. Collection of articles]; ed. by M. N. Marchenko. Moscow, Yurist Publ., 2008, is. 2. 224 p.

6. Ocherki metodologii poznaniya social'nyh yavlenij [Essays on the methodology of cognition of social phenomena]. Moscow, Mysl' Publ., 1970. 343 p.
7. Stefanov N. Teoriya i metod v obshchestvennyh naukah [Theory and method in the social sciences]. Moscow, Progress Publ., 1967. 271 p.
8. Syryh V. M. Logicheskie osnovaniya obshchej teorii prava [The logical foundations of the general theory of law]. Moscow, Yusticinform Publ., 2000.
9. Ushakov A. A. Obshchee ponyatie metodologii [The general concept of methodology]. Metodologiya sovetskogo pravovedeniya. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Methodology of Soviet Jurisprudence. Interuniversity collection of scientific papers]. Sverdlovsk, Ural. gos. un-t Publ., 1978, is. 70. pp. 20–34.
10. Yudin E. G. Sistemnyj podhod i princip deyatel'nosti: metodologicheskie problemy sovremennoj nauki [A systematic approach and the principle of activity: methodological problems of modern science]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 391 p.
11. Ushakov D. N. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka [A large explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Bukolika Publ., 2008. 1247 p.
12. Marchenko M. N., Deryabina E. M. Teoriya gosudarstva i prava Rossii. T. 1. Gosudarstvo [Theory of the state and Law of Russia. Vol. 1. The State]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 640 p.
13. Bol'shoj Rossijskij enciklopedicheskij slovar' [The Great Russian Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bol'shaya Ros. Encikl. Publ., 2003. 1887 p.
14. Slovar' inostrannyh slov [Dictionary of foreign words]; ed. by V. V. Burceva, N. M. Semenova. Moscow, Rus. yaz.-Media, 2003. 818 p.
15. Kerimov D. A. Metodologiya prava: Predmet, problemy filosofii prava [Methodology of law: Subject, problems of philosophy of law]. Moscow, SGU Publ., 2011. 521 p.
16. Yakovlev V. F. Grazhdansko-pravovoj metod regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij [The civil law method of regulating public relations]. Moscow, Statut Publ., 2006. 240 p.
17. Andreev Yu. N. Metody pravovogo regulirovaniya: obshcheteoreticheskie i otraslevye problemy [Methods of legal regulation: general theoretical and sectoral problems]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 624 p.
17. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and law]. Moscow, Delo Publ., 2022. 528 p.
18. Kozhevnikov V. V. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and law]. Moscow, Prospekt Publ., 2023, pt. 2. 912 p.
19. Grazhdanskoe pravo. T. 1. Obshchaya chast' [Civil Law. Vol. 1. General part]; ed. by E. A. Sumanov. Moscow, Statut Publ., 2019. 576 p.
20. Grazhdanskoe pravo [Civil law]; ed. by A. P. Sergeeva. Moscow, Prospekt Publ., 2018, vol. 1. 1040 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Андреев Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, федеральный судья в почетной отставке, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: andreevvrn3@yandex.ru

Yuri N. Andreev, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Professor of Civil Law Department, Southwest State University, Honorary Retired Federal Judge, Kursk, Russian Federation, e-mail: andreevvrn3@yandex.ru

Правовая природа института уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг

Д. В. Кулакова¹ ✉

¹Академия управления МВД России

ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, г. Москва 125171, Российская Федерация

✉ e-mail: tsurkan-diana@mail.ru

Резюме

Актуальность. В 2018 году в Российской Федерации был учрежден институт уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг. Количество финансовых услуг, оказываемых потребителю, несомненно, растет, также увеличивается и количество случаев нарушения прав граждан организациями финансового рынка. Финансовый уполномоченный учрежден в целях защиты прав потребителей, он рассматривает споры между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями. Повышается значимость института уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, что можно проследить в росте количества поступающих обращений. Однако исследования правовой природы института не нашли должного отражения в юридической науке, что обуславливает актуальность данной темы исследования.

Целью является определение правовой природы института уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг в Российской Федерации.

Задачи: на основе анализа нормативной правовой базы и научной литературы определить основные направления деятельности института финансового омбудсмена для установления сущности его правовой природы.

Методология. В ходе работы использовались методы теоретического исследования (анализ и синтез, индукция и дедукция, мысленное моделирование), а также статистический метод.

Результаты. В ходе исследования автором предложено понимание правовой природы института финансового уполномоченного как комплексного правового феномена, включающего правозащитную и квазисудебную правовые составляющие.

Выводы. По результатам исследования сделаны выводы о том, что ключевыми направлениями деятельности института финансового уполномоченного являются защита прав потребителей финансовых услуг и разрешение споров. Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг представляет собой правозащитный орган, олицетворяющий гарантию государства по защите и соблюдению прав и интересов потребителей со стороны финансовых организаций. Финансовый уполномоченный выступает в роли судьи в споре, по итогу рассмотрения дела выносит обязательное для исполнения решение, направленное на урегулирование спора, восстановление справедливости и базирующееся на нормативных правовых актах.

Ключевые слова: финансовый уполномоченный; правовая природа; правозащитный орган; квазисудебный орган; омбудсмен; финансовые организации.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кулакова Д. В. Правовая природа института уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 22–32. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-22-32>.

Поступила в редакцию 28.11.2023

Принята к публикации 25.12.2023

Опубликована 28.02.2024

The Legal Nature of the Institution of the Commissioner for the Rights of Consumers of Financial Services

Diana V. Kulakova¹ ✉

¹Academy of Management the Ministry of Internal Affairs of Russia
Zoi I Alexandra Kosmodemyanskikh Str. 7, Moscow 125171, Russian Federation

✉ e-mail: tsurkan-diana@mail.ru

Abstract

Relevance. In 2018, the Institute of the Commissioner for Consumer Rights of Financial Services was established in the Russian Federation. The number of financial services provided to consumers is undoubtedly growing, and the number of cases of violation of citizens' rights by financial market organizations is also increasing. The Financial Commissioner is established to protect the rights of consumers, he considers disputes between consumers of financial services and financial organizations. The importance of the institution of the Commissioner for the Rights of Consumers of Financial services is increasing, which can be seen in the increase in the number of incoming appeals. However, studies of the legal nature of the institute have not been adequately reflected in legal science, which determines the relevance of this research topic.

The purpose is to determine the legal nature of the institution of the Commissioner for the Rights of Consumers of Financial Services in the Russian Federation.

Objectives: based on the analysis of the regulatory legal framework and scientific literature to determine the main activities of the Institute of financial Ombudsman to establish the essence of its legal nature.

Methodology. In the course of the work, the methods of theoretical research (analysis and synthesis, induction and deduction, mental modeling), as well as the statistical method were used.

Results. In the course of the study, the author proposed an understanding of the legal nature of the institution of the financial commissioner as a complex legal phenomenon, including human rights and quasi-judicial legal components.

Conclusions. According to the results of the study, conclusions are drawn that the key areas of activity of the Institute of Financial Commissioner are the protection of the rights of consumers of financial services and dispute resolution. The Commissioner for the Rights of Consumers of Financial Services is a human rights body that embodies the guarantee of the state for the protection and observance of the rights and interests of consumers by financial organizations. The Financial Commissioner acts as a judge in the dispute, upon the outcome of the consideration of the case, makes a binding decision aimed at resolving the dispute, restoring justice and based on regulatory legal acts.

Keywords: scientific methods; legal research; methodology; systematic method; scientific cognition.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kulakova D. V. The Legal Nature of the Institution of the Commissioner for the Rights of Consumers of Financial Services. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(1): 22–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-22-32>

Received 28.11.2023

Accepted 25.12.2023

Published 28.02.2024

Введение

Защита прав и свобод человека и гражданина – это одна из основных обязанностей российского государства. Это положение составляет основу конституционного строя государства, предопределяет содержание нормативных правовых

актов, деятельность органов государственной власти и правовых механизмов [1, с. 132]. Для обеспечения охраны, защиты, восстановления нарушенных прав личности государство создает различные институты, совершенствует их согласно

современным вызовам во исполнение реализации своих функций.

В целях защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг в 2018 г. был принят Федеральный закон № 123-ФЗ¹. Данным законом был учрежден институт финансового уполномоченного в Российской Федерации, а также введен досудебный порядок рассмотрения споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями. Представляется важным тот факт, что до начала работы Службы финансового уполномоченного альтернативного механизма урегулирования споров в российской правовой системе не существовало и до настоящего времени не было создано.

Опыт, накопленный за период деятельности финансового омбудсмена, результаты его работы дают возможность проводить анализ эффективности его деятельности, достаточности прописанных в его основополагающих документах правовых способов защиты прав граждан и определить правовую природу исследуемого института. Необходимость определения правовой природы института финансового омбудсмена состоит в том, что в целом «правовая природа позволяет охарактеризовать изучаемый предмет комплексно... установить его место в системе категорий» [2, с. 21].

Развитие денежного обращения, появление новых отраслей экономики способствовало увеличению количества услуг, оказываемых потребителю, на финансовом рынке. Однако при этом также увеличивается риск недобросовестного поведения участников финансовой отрасли. В финансовых организациях функционируют целые отделы менеджеров и юристов, представляющие интере-

сы компании. Формально являясь равными участниками финансового рынка, потребители финансовых услуг находятся в фактически неравном положении при взаимодействии с квалифицированными профессионально подготовленными работниками финансовой сферы. За прошедшее десятилетие кредитная активность россиян увеличилась в 1,5 раза (в 2013 г. имели кредиты 31%, в 2023 г. – 46%)². Финансовые услуги чаще всего связаны с потребностями граждан, при этом финансовая организация способна навязывать условия сделки и дополнительные услуги лицам, не обладающим необходимыми знаниями и опытом в финансовой сфере. Закредитованность населения, нарушения прав и интересов личности могут привести к повышению социальной напряженности в государстве.

В России институт финансового уполномоченного фактически берет свое начало с 2010 г. в результате учреждения при Ассоциации российских банков (далее – АРБ)³ финансового омбудсмена. Финансовый омбудсмен Ассоциации российских банков⁴ функционирует по сей день как внесудебный орган урегулирования споров между потребителями и банковскими организациями на безвозмездной основе. К нему имеют право обращаться потребители с жалобами и заявлениями при сумме иска до 300 000 рублей, однако решения финансового омбудсмена АРБ имеют рекомендательный характер. При этом правовое регулирование данного института отсутству-

² Кредитная активность россиян: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kreditnaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 19.10.2023).

³ Общие сведения // Ассоциация российских банков: сайт. URL: <https://arb.ru/arb/about/> (дата обращения: 19.10.2023).

⁴ О финансовом омбудсмене // Ассоциация российских банков: сайт. URL: <https://clck.ru/34cuso> (дата обращения: 19.10.2023).

¹ Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: федер. закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ: [последняя редакция] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299392/ (дата обращения: 19.10.2023).

ет, вследствие чего в юридической литературе, а также на различных дискуссионных площадках неоднократно поднимался вопрос о необходимости имплементации финансового уполномоченного в российскую правовую систему и наделение его властными полномочиями [3; 4]. П. С. Троекуров полагал, что «создание института финансового уполномоченного станет важным шагом на пути формирования правовых основ гражданского общества, которое обеспечивает равный доступ к быстрому и профессиональному правосудию» [5, с. 253–254].

С появлением и развитием рыночной экономики изменяется и расширяется сфера финансовых услуг, вследствие чего не исключены случаи нарушения законных прав и свобод личности. Споры о защите прав потребителей финансовых услуг составляют довольно значительную часть споров, рассматриваемых судами общей юрисдикции [6, с. 26]. Всего лишь по спорам о взыскании страхового возмещения по договору ОСАГО судами общей юрисдикции в 2016 г. было вынесено 387 428 решений, из которых только в 21 521 случае потребителю отказано в удовлетворении требований; в 2017 г. было вынесено 343 065 таких решений, а отказано в удовлетворении заявленных требований только в 27 526 случаях¹. По спорам о защите прав потребителей из договоров с финансово-кредитными учреждениями судами общей юрисдикции в 2016 г. было вынесено 151 494 решений, из которых отказано в удовлетворении требований в 89 617 случаях; в 2017 г. было вынесено 79 235 решений, из которых в 30 261 случае отказано в удовлетворении требований¹. Наглядно видно, что учреждение института финансового

омбудсмана объективно обусловлено существующими нарушениями прав и законных интересов граждан различными финансовыми организациями. Потребность в институте финансового уполномоченного возникла ввиду неспособности разрешать противоречия существующими в государстве средствами и необходимости дополнительной защиты прав потребителей против финансового произвола организаций.

Методология

В основу настоящего исследования положен всеобщий диалектический метод. Для обоснования актуальности исследования и выявления необходимости учреждения института финансового уполномоченного был использован статистический метод. Вместе с тем для определения правовой природы института уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг были использованы общенаучные методы, такие как: анализ, синтез, дедукция и индукция. Представление обоснованных выводов осуществлялось с использованием формально-логического метода.

Результаты и их обсуждение

Как отмечал В. В. Субочев, «законный интерес представляет собой стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения не противоречащих нормам права интересов, которое в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности, отраженной в объективном праве либо вытекающей из его общего смысла» [7, с. 20]. По мнению З. В. Ромовской, «охраняемый законом интерес создает носителю возможность действовать определенным образом, а в случае неудовлетворения этого интереса обращаться за его защитой» [8, с. 77]. Вследствие того, что интересы потребителей являются законными, следователь-

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2016 и 2017 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.10.2023).

но, и природа финансового омбудсмена имеет правовой характер.

Для защиты прав, свобод и законных интересов граждан государство создает компетентные органы, коим в случае нарушения юридических интересов потребителя финансовой организацией является финансовый омбудсмен. Обеспечение равновесия между законными интересами потребителя и интересами финансовой организации возникает из публичного интереса государства в защите прав слабой стороны правоотношений (потребителя). Федеральный закон № 123-ФЗ принят в целях защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг (ст. 1). Как мы видим, интересы граждан являются юридическими, тогда и природа института финансового уполномоченного имеет правовой характер. Природа финансового омбудсмена также имеет правовой характер ввиду наделения омбудсмена правозащитной функцией в качестве главного направления его деятельности.

«Для уяснения правовой природы, – писал С. С. Алексеев, – необходимо определять сущностные признаки определяемого правового явления, позволяющие увидеть его структуру, место и роль среди других правовых явлений» [9, с. 227].

Подобной позиции придерживается и С. В. Малюгин, определяющий правовую природу как «набор постоянных существенных характеристик юридического объекта, проявляющихся в процессе его познания, позволяющих определить смысловое значение правового явления, а также установить принадлежность юридического факта гипотезе нормы права или иного объекта, связанного с правом, соответствующей юридической категории» [10, с. 47]. Мы разделяем мнения ученых и считаем, что для уяснения правовой природы необходимо определить сущность объекта познания путем выявления его особенных характеристик.

В. В. Климов, являющийся финансовым уполномоченным в России, определяет природу финансового омбудсмена через набор присущих ему свойств и функций. Автор выделяет:

- правозащитную природу института (из функции защиты прав потребителей финансовых услуг);

- квазисудебную природу (проявляющуюся при разрешении споров);

- участие в корректировке процесса взаимодействия финансовых организаций с потребителями;

- свойство по «улучшению государства» (воплощающуюся посредством информационного взаимодействия с Центральным Банком Российской Федерации и иными государственными органами, направленное на совершенствование действующего правового регулирования вопросов защиты прав потребителей финансовых услуг и практики его применения) [11, с. 62].

Сам институт финансового уполномоченного характеризуется комплексностью [12, с. 48], что детерминировано его комплексной правовой природой. Во внесенном в Государственную Думу Российской Федерации в 2014 г. проекте федерального закона «О финансовом уполномоченном по правам потребителей услуг финансовых организаций» в качестве целей принятия указывались: создание правовых условий для содействия охране и защите прав и интересов потребителей услуг финансовых организаций, упрощение порядка разрешения споров между потребителями услуг финансовых организаций – физическими лицами и финансовыми организациями путем обеспечения оперативного, эффективного и безвозмездного досудебного урегулирования таких споров, повышение уровня ответственности финансовых организаций и потребителей услуг финансовых организаций, а также повышение уровня их информированности и доверия к финансо-

вой системе России¹. Такая многогранная цель учреждения института породила и его комплексную правовую природу.

«Институт финансового омбудсмена нацелен на защиту потребителя финансовой услуги, – пишет П. В. Сокол, – а основная задача уполномоченного по правам потребителя финансовых услуг заключается в рассмотрении обращений потребителей финансовых услуг об удовлетворении требований имущественного характера» [13, с. 68].

В процессе своей деятельности финансовый омбудсмен руководствуется конституционным, бюджетным, банковским, страховым, гражданским и иными отраслями права. Комплексность также подчеркивается тем, что ключевые направления деятельности института – это защита прав потребителей финансовых услуг и разрешение споров. На наш взгляд, природа института финансового омбудсмена состоит из двух составляющих: правозащитной природы и квазисудебной природы, т. к. именно они раскрывают сущностные глубинные характеристики института. Остальные составляющие правовой природы финансового омбудсмена, выделенные В. В. Климовым, по нашему мнению, являются производными (дополнительными) по сравнению с основной деятельностью уполномоченного.

Правозащитная функция финансового уполномоченного в России подчеркивает его правовую природу. Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг представляет собой правозащитный орган, олицетворяющий гарантию государства по защите и соблюдению прав и интересов потребителей со стороны финансовых организаций. При этом его правозащитная цель отлична от иных уполномоченных российского государства, которые выступают в качестве медиатора между обществом и государ-

ством. Т. Э. Рождественская и А. Г. Гузнов отмечают, что финансовый уполномоченный не является нейтральной стороной, а органом по защите прав потребителей финансовых услуг [14, с. 53]. Финансовый омбудсмен также выступает в качестве посредника в споре, но уже между потребителями финансовых услуг и юридическими лицами – участниками финансового рынка, деятельность которого нацелена на восстановление нарушенных прав граждан-потребителей. Положение о том, что институт финансового уполномоченного – это правозащитный институт, подтверждает Главный финансовый уполномоченный Ю. В. Воронин [15, с. 18].

В России реализован квазисудебный порядок защиты прав граждан путем процедуры медиации и деятельности третейских судов [16, с. 20]. К. Бешеголовко утверждает, что административные квазисудебные органы создаются и финансируются государством, исполняют государственные функции [17, с. 160]. Институт финансового омбудсмена действует за счет внебюджетного финансирования, но именно государство делегировало ему функцию по защите прав потребителей финансовых услуг. И. Г. Пирожкова к сущностным признакам квазисудебной юстиции относит: «назначение, функции, которые выполняются судебными органами власти в классическом их понимании в рамках конституционной доктрины и исторически сложившейся модели судопроизводства; тот факт, что в специальном, правовом, нормативном значении, формально институты судебными органами государственной власти не являются» [18, с. 52].

Финансовый уполномоченный выступает в роли судьи в споре, по итогу рассмотрения дела выносит решение, которое вступает в силу по истечении десяти рабочих дней и является обязательным для исполнения финансовой организацией. Решение уполномоченного направлено на урегулирование спора, восстановление справедливости и базируется на нормативных правовых актах. По своей

¹ Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/517191-6> (дата обращения 21.10.2023).

юридической характеристике данный акт омбудсмена является правоприменительным актом [19, с. 204]. Эта роль уполномоченного раскрывает не только правозащитную, но и судебную природу. Однако несмотря на деятельность по разрешению конфликтов, что в классическом понимании выполняется судебными органами, институт омбудсмена не является и не может являться судебным органом государственной власти.

Нормативной правовой базой предусмотрены специальные механизмы, которые позволяют окончательно разрешить спор еще на досудебной стадии урегулирования. В этом проявляется квазисудебная природа финансового уполномоченного. Омбудсмен учрежден законодателем с намерением восстанавливать все нарушенные права потребителя без необходимости переходить к следующей, судебной стадии разрешения спора. В. П. Кудрявцева справедливо отмечает, что омбудсмен «встроен в российскую правовую систему как субъект (должностное лицо) внесудебного рассмотрения конфликтов между финансовыми организациями и их клиентами» [20, с. 3]. Законодательное разделение видов деятельности финансового уполномоченного на защиту прав потребителей финансовых услуг без указания на разрешение споров и на беспристрастное разрешение споров без указания на защиту прав позволяет сделать вывод о том, что ни один из данных видов деятельности не признается приоритетным, что свидетельствует о присутствии двойственности в правовой сущности института финансового уполномоченного. При этом, несмотря на то, что эти виды деятельности пересекаются и могут практически совпадать, каждый из них имеет свои особенности и функции, которые необходимы для эффективной работы института финансового уполномоченного.

Финансовый омбудсмен не только разрешает споры между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями, т. е. выносит формальное решение, но и участвует в самом процессе

урегулирования конфликта. Финансовый уполномоченный организует процедуру примирения сторон еще до стадии вынесения окончательного решения. На это указывает сформированный обязательный претензионный характер, согласно которому до обращения к омбудсмену потребитель обязан направить требование в финансовую организацию. Согласно закону финансовый омбудсмен вправе направить свои предложения по урегулированию спора финансовой организации для достижения самостоятельного взаимовыгодного соглашения с потребителем. Также кардинальное отличие от рассмотрения споров в судебном порядке состоит в том, что уполномоченный выполняет и консультирующую функцию, помогает лицу, подавшему обращение, разобраться в сложившейся ситуации, определить суть правоотношений и размер требования, например, путем проведения бесплатной для потребителя экспертизы, верно определить лицо, к которому должно быть подано обращение.

Согласно официальным статистическим данным, в Службу финансового уполномоченного за 2019 г. поступило 91 359, за 2020 г. – 187 386, за 2021 г. – 179 911, за 2022 г. – 153 168 обращений потребителей, при том условии, что в полную силу Служба заработала только с 1 января 2021 г.¹ Также финансовым уполномоченным отмечается, что решение финансового уполномоченного по существу рассмотрения спора отменяется судом лишь в районе 5% всех обжалованных решений². Считаем, что такие показатели говорят о верном направлении правозащитной деятельности омбудсмена. Н. Н. Бочарова также отмечает: «Роль и значение финансового уполномоченно-

¹ Отчеты о деятельности // Финансовый уполномоченный: сайт. URL: <https://finombudsman.ru/about/otchetyi-o-deyatelnosti/> (дата обращения: 20.10.2023).

² Финансовый уполномоченный: сайт. URL: <https://finombudsman.ru> (дата обращения: 12.10.2023).

го даже на раннем этапе его деятельности очень велики в защите прав потребителей финансовых услуг ввиду сокращения временных и материальных расходов потребителей и того факта, что обязанность по финансированию деятельности финансового уполномоченного побуждает финансовые организации не нарушать права потребителей» [21, с. 128–129].

На сегодняшний день Служба финансового уполномоченного является состоявшимся органом, а финансовый уполномоченный – частью публично-правового механизма защиты прав и свобод личности. Однако это не отменяет задач по дальнейшему совершенствованию и развитию данного института, обсуждение которых уже ведется, что может в дальнейшем включать возможное расширение института и разработку соответствующих законопроектов.

Выводы

Таким образом, правовая природа института финансового уполномоченного характеризуется комплексностью, как и сам институт омбудсмана, в нее пронизаны правозащитный и квазисудебный аспекты. Несмотря на отличительные черты от устоявшейся деятельности иных специализированных уполномоченных, необходимо сохранение сложной правовой природы, которая является неотъемлемой частью исследуемого института. Такое сочетание позволяет институту быть эффективным и отвечать на сегодняшние потребности потребителя, такие как быстрота, простота, бесплатность и возможность удаленного обращения. Кроме того, это также позволяет адекватно реагировать на вызовы быстро меняющегося финансового рынка.

Список литературы

1. Скоропупов Ю. И. Защита прав человека и гражданина – главная функция государства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 3-2. С. 132–140.
2. Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Правовая природа как категория правоведения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6 (149). С. 15–22.
3. Степанян М. Л. Общая характеристика и порядок деятельности института финансового уполномоченного в зарубежных правовых системах и перспективы его использования в РФ // Евразийский юридический журнал. 2017. № 3 (106). С. 41–45.
4. Белоусов А. Л. Проблемы становления института финансового омбудсмана в Российской Федерации // Финансы и кредит. 2015. № 19 (643). С. 13–21.
5. Троекуров П. С. Становление института финансового уполномоченного в Российской Федерации: финансово-правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3 (110). С. 250–260.
6. Леднева Ю. В. Споры о защите прав потребителей финансовых услуг, связанные с заключением договора страхования при предоставлении кредита // Комментарий судебной практики / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Вып. 26. М., 2020. С. 26–39.
7. Субочев В. В. Законные интересы в механизме правового регулирования: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. А. В. Малько. М.: Юрист, 2007. 226 с.
8. Ромовская З. В. Судебная защита охраняемого законом интереса // Вестник Львовского университета. 1983. Вып. 22. С. 74–88.
9. Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1998. 286 с.

10. Малюгин С. В. Категория: «правовая категория»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению // Российский юридический журнал. 2016. № 3 (108). С. 46–58.
11. Климов В. В. Правовая природа финансового уполномоченного в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2013. Т. 18, № 4 (149). С. 61–68.
12. Кулакова Д. В. Комплексность института уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 2(67). С. 45–49.
13. Сокол П. В. Институт уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 4. С. 68–73.
14. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Особенности правового статуса финансового уполномоченного // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10 (50). С. 45–54.
15. Воронин Ю. В., Беляковская Е. О. В. Правовое регулирование деятельности уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг и актуальные вопросы судебной практики по делам с их участием // Российский судья. 2021. № 3. С. 18–24.
16. Пирожкова И. Г., Попов А. М. Современные и исторические квазисудебные институты в системе судебных юрисдикций // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1(52). С. 18–21.
17. Беше-Головко К. Административные квазисудебные органы: инструмент независимости правосудия от государства? // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 9(154). С. 158–167.
18. Пирожкова И. Г., Карташова А. Г. Квазисудебные институты в правовом пространстве: дефиниция и подходы к определению // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3(83). С. 49–54.
19. Кулакова Д. В. Юридическая характеристика актов уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3(52). С. 202–207.
20. Кудрявцева В. П. Подведомственность дел финансовому омбудсмену: встраивание законодательных новелл в научную базу гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 12. С. 3–5.
21. Бочарова Н. Н. Финансовый уполномоченный в РФ: особенности правового статуса // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 3. С. 122–130.

References

1. Skoropupov Yu. I. Zashchita prav cheloveka i grazhdanina – glavnaya funkciya gosudarstva [Protection of human and civil rights is the main function of the State]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences*, 2012, no. 3-2, pp. 132–140.
2. Duraev T. A., Tyumeneva N. V. Pravovaya priroda kak kategoriya pravovedeniya [Legal nature as a category of jurisprudence]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2022, no. 6 (149), pp. 15–22.
3. Stepanyan M. L. Obshchaya kharakteristika i poryadok deyatel'nosti instituta finansovogo upolnomochennogo v zarubezhnykh pravovykh sistemakh i perspektivy ego ispol'zovaniya v RF [General characteristics and procedure of the Institute of financial commissioner in foreign legal systems and prospects for its use in the Russian Federation]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2017, no. 3 (106), pp. 41–45.
4. Belousov A. L. Problemy stanovleniya instituta finansovogo ombudsmena v Rossijskoj Federacii [Problems of formation of the Institute of financial Ombudsman in the Russian Federation]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2015, no. 19 (643), pp. 13–21.
5. Troekurov P. S. Stanovlenie instituta finansovogo upolnomochennogo v Rossijskoj Federacii: finansovo-pravovoj aspekt [Formation of the Institution of the Financial Commissioner in the Russian Fe-

deration: financial and legal aspect]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2016, no. 3 (110), pp. 250–260.

6. Ledneva Yu. V. Spory o zashchite prav potrebitel'nykh finansovykh uslug, svyazannye s zaklyucheniem dogovora strahovaniya pri predostavlenii kredita [Disputes on the protection of the rights of consumers of financial services related to the conclusion of an insurance contract when granting a loan]. *Kommentarij sudebnoj praktiki [Commentary of judicial Practice]*. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 2020, is. 26, pp. 26–39.

7. Subochev V. V. Zakonnye interesy v mekhanizme pravovogo regulirovaniya [Legitimate interests in the mechanism of legal regulation]; ed. by dokt. yurid. nauk, prof. A. V. Mal'ko. Moscow, Yurist Publ., 2007. 226 p.

8. Romovskaya Z. V. Sudebnaya zashchita ohranyaemogo zakonom interesa [Judicial protection of a legally protected interest]. *Vestnik L'vovskogo universiteta = Bulletin of the Lviv University*, 1983, is. 22, pp. 74–88.

9. Alekseev S. S. Obshchie dozvoleniya i zaprety v sovetskom prave [General permissions and prohibitions in Soviet law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1998. 286 p.

10. Malyugin S. V. Kategoriya: "pravovaya kategoriya": ponyatie, determinanty, osnovnye charakteristiki i podhody k opredeleniyu [Category: "legal category": the concept, determinants, main characteristics and approaches to definition]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal = Russian Law Journal*, 2016, no. 3 (108), pp. 46–58.

11. Klimov V. V. Pravovaya priroda finansovogo upolnomochennogo v Rossijskoj Federacii [The legal nature of the financial commissioner in the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2013, vol. 18, no. 4 (149), pp. 61–68.

12. Kulakova D. V. Kompleksnost' instituta upolnomochennogo po pravam potrebitel'nykh finansovykh uslug [The complexity of the Institute of the Commissioner for Consumer rights of financial services]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2023, no. 2(67), pp. 45–49.

13. Sokol P. V. Institut upolnomochennogo po pravam potrebitel'nykh finansovykh uslug [Institute of the Commissioner for Consumer Rights of Financial Services]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2020, no. 4, pp. 68–73.

14. Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. Osobennosti pravovogo statusa finansovogo upolnomochennogo [Features of the legal status of the financial commissioner]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)*, 2018, no. 10 (50), pp. 45–54.

15. Voronin Yu. V., Belyakovskaya E. O. V. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti upolnomochennogo po pravam potrebitel'nykh finansovykh uslug i aktual'nye voprosy sudebnoj praktiki po delam s ih uchastiem [Legal regulation of the activities of the Commissioner for Consumer Rights of Financial Services and current issues of judicial practice in cases involving their participation]. *Rossijskij sud'ya = Russian judge*, 2021, no. 3, pp. 18–24.

16. Pirozhkova I. G., Popov A. M. Sovremennye i istoricheskie kvazisudebnye instituty v sisteme sudebnykh yurisdikcij [Modern and historical quasi-judicial institutions in the system of judicial jurisdictions]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1(52), pp. 18–21.

17. Beshe-Golovko K. Administrativnye kvazisudebnye organy: instrument nezavisimosti pravosudiya ot gosudarstva? [Administrative quasi-judicial bodies: a tool for the independence of justice from the State?]. *Lex Russica (Russkij zakon) = Lex Russica (Russian Law)*, 2019, no. 9(154), pp. 158–167.

18. Pirozhkova I. G., Kartashova A. G. Kvazisudebnye instituty v pravovom prostranstve: definiciya i podhody k opredeleniyu [Quasi-judicial institutions in the legal space: definition and approaches to definition]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3(83), pp. 49–54.

19. Kulakova D. V. Yuridicheskaya harakteristika aktov upolnomochennogo po pravam potrebitel'ey finansovykh uslug [Legal characteristics of the acts of the Commissioner for consumer rights of financial services]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3(52), pp. 202–207.

20. Kudryavceva V. P. Podvedomstvennost' del finansovomu ombudsmenu: vstraivanie zakonodatel'nykh novell v nauchnyuyu bazu grazhdanskogo processual'nogo prava [Subordination of cases to the Financial Ombudsman: embedding legislative novelties into the scientific base of civil procedure law]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskij process = Arbitration and Civil Procedure*, 2018, no. 12, pp. 3–5.

21. Bocharova N. N. Finansovyy upolnomochennyj v RF: osobennosti pravovogo statusa [Financial Commissioner in the Russian Federation: features of the legal status]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, 2022, vol. 9, no. 3, pp. 122–130.

Информация об авторе / Information about the Author

Кулакова Диана Владимировна, адъюнкт 3-го факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров), Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: tsurkan-diana@mail.ru, ORCID: 0009-0000-3349-1721

Diana V. Kulakova, Post-Graduate Student of the 3rd Faculty (training of scientific and scientific-pedagogical personnel), Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: tsurkan-diana@mail.ru, ORCID: 0009-0000-3349-1721

Оригинальная статья / Original article

УДК 336.22

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-33-45>

Развитие цифровых технологий в процедурах администрирования публичных неналоговых платежей

И. В. Куркин¹ ✉

¹Волгоградский государственный университет
пр-т Университетский, д. 100, г. Волгоград 400062, Российская Федерация

✉ e-mail: ilya_kurkin@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Эффективность администрирования в любой из сфер правового регулирования определяется способностью соответствующей сферы адаптироваться под изменяющиеся условия общественных отношений, позволяя ей развиваться, совершенствоваться соразмерно запросам, формируемым существующими условиями жизни. Перманентное развитие цифровых технологий является одной из отличительных особенностей современности, что, в свою очередь, требует их своевременного и эффективного использования в процессе правового регулирования. Не является исключением сфера администрирования публичных неналоговых платежей. Ставшее в последнее время привычным использование всевозможных IT-технологий в области администрирования налогов и сборов до настоящего момента остается несвойственным для администрирования «параллельной налоговой системы», что существенно тормозит системное развитие соответствующей сферы правового регулирования.

Цель состоит в теоретико-правовом исследовании состояния цифровизации администрирования публичных неналоговых платежей, влиянии использования IT-технологий на эффективность администрирования.

Задачи настоящего научного исследования состоят в сравнительном анализе использования IT-технологий в процессе администрирования публичных налоговых и неналоговых платежей, а также выработке конкретных практикоориентированных предложений по внедрению цифровых государственных информационных услуг при регулировании уплаты последних.

Методология настоящего научного исследования базируется на диалектическом всеобщем методе, а также включает методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, логический, сравнительный и юридического моделирования.

Результаты. При проведении настоящего научного исследования осуществлен сравнительно-правовой анализ использования IT-технологий в процессе администрирования публичных налоговых и неналоговых платежей, сформулированы конкретные практикоориентированные выводы по повышению уровня цифровизации администрирования публичных неналоговых платежей.

Вывод. Уровень цифровизации процесса администрирования публичных неналоговых платежей существенно ниже уровня цифровизации процесса администрирования налоговых платежей, в связи с чем существует необходимость заимствования используемых органами налогового контроля IT-технологий в процессе администрирования платежей, не включенных в Налоговый кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: администрирование; публичные неналоговые платежи; утилизационный сбор; цифровые технологии; IT-технологии.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Куркин И. В. Развитие цифровых технологий в процедурах администрирования публичных неналоговых платежей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 33–45. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-33-45>.

Поступила в редакцию 12.12.2023

Принята к публикации 26.01.2024

Опубликована 28.02.2024

© Куркин И. В., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024; 14(1): 33-45

Development of Digital Technologies in the Procedures of Administration of Public Non-Tax Payments

Ilya V. Kurkin¹ ✉

¹Volgograd State University
100 Universitetsky Ave., Volgograd 400062, Russian Federation

✉ e-mail: ilya_kurkin@rambler.ru

Abstract

Relevance. The effectiveness of administration in any of the spheres of legal regulation is determined by the ability of the relevant sphere to adapt to the changing conditions of public relations, allowing it to develop and improve in proportion to the demands formed by the existing living conditions. The permanent development of digital technologies is one of the distinctive features of modernity, which, in turn, requires their timely and effective use in the process of legal regulation. The sphere of administration of public non-tax payments is no exception. The use of various IT technologies in the field of administration of taxes and fees, which has recently become habitual, remains uncharacteristic for the administration of a "parallel tax system", which significantly hinders the systemic development of the relevant sphere of legal regulation.

The purpose is a theoretical and legal study of the state of digitalization of the administration of public non-tax payments, the impact of the use of IT technologies on the efficiency of administration.

The objectives of this research are a comparative analysis of the use of IT technologies in the administration of public tax and non-tax payments, as well as the development of specific practice-oriented proposals for the introduction of digital government information services in the regulation of the payment of the latter.

The methodology of this scientific research is based on the dialectical universal method, and also includes methods of analysis, synthesis, induction, deduction, logical, comparative legal and legal modeling.

Results. In the course of this scientific research, a comparative legal analysis of the use of IT technologies in the administration of public tax and non-tax payments was carried out, specific practice-oriented conclusions were formulated to increase the level of digitalization of the administration of public non-tax payments.

Conclusion. The level of digitalization of the process of administration of public non-tax payments is significantly lower than the level of digitalization of the process of administration of tax payments, and therefore there is a need to borrow IT technologies used by tax control authorities in the process of administration of payments not included in the Tax Code of the Russian Federation.

Keywords: administration; public non-tax payments; recycling fee; digital technologies; IT technologies.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kurkin I. V. Development of Digital Technologies in the Procedures of Administration of Public Non-Tax Payments. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(1): 33–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-33-45>

Received 12.12.2023

Accepted 26.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

Цифровизация общества и государства является одной из основополагающих тенденций современного этапа развития права [1, с. 257]. В свою очередь, одним из основополагающих признаков, свидетельствующих о высоком уровне развития правовой регламентации общественных отношений и системы контроля

за их субъектами, является применение современных цифровых технологий на каждом из этапов управления соответствующей областью общественных отношений. В этой связи особо важно подчеркнуть, что изначально понятие цифровизации не является строго юридической категорией. Напротив, процесс цифровизации носит прежде всего социаль-

но-экономический и технический характер, вместе с тем оказывающий существенное влияние на сферы государственного управления и правового регулирования [2].

При этом глобализация и цифровизация экономических процессов способствуют появлению новых форм реализации финансовой деятельности государства, взаимоотношений последнего с иными субъектами экономической деятельности [3; 4].

Система управления налоговыми правоотношениями и отношениями по поводу установления, введения и взимания публичных неналоговых платежей, как ключевая составляющая финансовой деятельности государства, должна соответствовать тенденциям развития цифровизации в международном масштабе с целью не только усиления контроля за собираемостью публичных платежей, но и помощи заинтересованным лицам в их уплате и совершении иных действия, так или иначе связанных с уплатой.

Вышеуказанная цель может быть реализована путем внедрения в механизм управления системой публичных налоговых и неналоговых платежей передовых информационных технологий, которые «облегчат жизнь» не только государственным органам исполнительной власти, но и плательщикам соответствующих платежей.

Отмечая относительно высокий уровень цифровизации налоговых правоотношений, нельзя не обратить внимание на крайне ограниченное использование ИТ-технологий в процессе администрирования «параллельной налоговой системы».

Принимая во внимание вышеизложенное, полагаем, существует необходимость в теоретико-правовом исследовании состояния цифровизации процесса администрирования публичных неналоговых платежей, а также выработке практикоориентированных предложений по внедрению информационных услуг при

управлении соответствующей областью общественных отношений.

Методология

Методологическая база настоящего научного исследования включает в себя совокупность методов общенаучного и специально-юридического характера, конкретный перечень которых обусловлен тематикой, целями и задачами соответствующего исследования.

Использование диалектического всеобщего метода обусловлено необходимостью познания изучаемых в рамках настоящей работы явлений в их всеобщей взаимосвязи, влиянии друг на друга. Применение методов анализа, синтеза, индукции и дедукции позволило раскрыть и обосновать сущность представленной в рамках настоящей работы проблематики.

При этом использование таких специально-юридических методов, как сравнительный и юридического моделирования, обеспечило возможность сопоставления родственных групп общественных отношений с целью выявления проблем в области цифровизации процесса администрирования отношений по поводу установления, введения и взимания публичных неналоговых платежей, а также формирования предложений по улучшению соответствующей составляющей администрирования «параллельной налоговой системы».

Применение логического метода при формулировании итоговых выводов исследования обеспечило целостный и завершенный характер настоящей работы.

Результаты и их обсуждение

Приступая к исследованию развития цифровых технологий в процедурах администрирования публичных неналоговых платежей, в первую очередь следует определиться с используемой в рамках настоящей научной работы терминологией.

Отличительной особенностью процесса научного исследования области правового регулирования публичных неналоговых платежей является то, что термин «публичный неналоговый платеж» не закреплен действующим законодательством Российской Федерации, а потому является сугубо теоретическим понятием, под которым в самом общем смысле принято понимать установленный законодательством Российской Федерации безвозмездный/возмездный неналоговый платеж, как правило, имеющий целевой характер, основной целью взимания которого, в зависимости от вида конкретного платежа, может быть возмещение вреда/предоставление государственной услуги/предоставление определенного права и т. д., а не пополнение бюджетов Российской Федерации различных уровней [5, с. 204].

Число платежей подобного рода в России настолько возросло в последние годы, что даже появился отдельный термин «параллельная налоговая система», которая наряду с системой налогов и сборов, включенных в Налоговый кодекс Российской Федерации, получила широкое распространение и применение при описании платежей, не подпадающих под регулирование налоговым законодательством [6].

Определившись с используемой в рамках настоящей работы терминологией, считаем целесообразным начать непосредственное исследование вопроса развития цифровых технологий в процедурах администрирования публичных неналоговых платежей с положительного примера использования таких технологий в системе управления налоговыми правоотношениями, как это уже было обозначено ранее. Учитывая родственный характер налоговых отношений и отношений, возникающих по поводу администрирования публичных неналоговых платежей, использование предложенного приема позволит оценить перспективы использования схожих IT-технологий при

администрировании «параллельной налоговой системы».

Начавшийся еще в начале 2000-х гг. процесс цифровизации налогового администрирования, проявившийся, в частности, в закреплении в Налоговом кодексе Российской Федерации возможности представления налоговой декларации в налоговый орган в электронном виде, продолжается и по настоящее время путем перманентной разработки и последующего внедрения новых цифровых технологий [7].

В качестве такого примера успешно реализованной и внедренной в процесс взаимодействия между органами налогового администрирования и плательщиками налогов и сборов современной цифровой технологии является официальное приложение Федеральной налоговой службы России «Личный кабинет налогоплательщика», который доступен как для физических лиц, так и для индивидуальных предпринимателей.

Указанное выше приложение представляет собой современное программное обеспечение, позволяющее в самые кратчайшие сроки без посещения налогового органа узнать актуальную информацию о суммах начисленных и уплаченных налоговых платежей, наличии переплат, решениях налогового органа о зачете и возврате излишне уплаченных (взысканных) сумм, налоговой задолженности, неисполненных налогоплательщиком требованиях на уплату налога и других обязательных платежей, мерах принудительного взыскания задолженности и многом другом. С помощью указанного программного обеспечения налогоплательщик также может оперативно получить выписку из Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей, а также сведения обо всех поставках на учет в налоговых органах, узнать дополнительную информацию о контрольно-кассовой технике и применяемой системе налогообложения, прохождении своих документов.

Создание соответствующего приложения стало следующим этапом после внедрения возможности пользования личным кабинетом налогоплательщика на официальном сайте Федеральной налоговой службы России, предоставляющим аналогичный набор возможностей.

Кроме того, по инициативе Федеральной налоговой службы России разрабатываются и применяются такие программно-информационные комплексы (сервисы), как «Налоговый паспорт» и «Прозрачный бизнес», что также существенно упрощает процесс взаимодействия налогоплательщиков, а также иных заинтересованных лиц и налоговых органов, что, в свою очередь, существенно повышает эффективность налогового администрирования [8].

Помимо прочего, начиная с 01.09.2019 г. на территории Российской Федерации начал действовать и реализовываться Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»¹, в соответствии с которым для физических лиц и индивидуальных предпринимателей появилась возможность применения соответствующего специального налогового режима.

В связи с реализацией государством политики «вывода самозанятых из тени» было разработано и внедрено еще одно официальное приложение Федеральной налоговой службы России – «Мой налог», способствующее более удобному взаимодействию между плательщиками налога на профессиональный доход и налоговыми органами. При помощи указанного приложения самозанятые граждане могут не только встать на учет в

налоговом органе, но и задекларировать полученный от профессиональной деятельности доход перед государством, выдать клиенту чек, ознакомиться с суммой налога за каждый налоговый период, получить реквизиты для уплаты налога, контролировать применение налогового вычета, отразить полученный от профессиональной деятельности доход, сняться с учета как плательщик налога на профессиональный доход, а также совершить другие необходимые действия.

Наличие указанного приложения выгодно как государству, получающему возможность осуществлять контроль за лицами, осуществляющими профессиональную деятельность и вставшими на учет в налоговом органе в качестве самозанятых, так и добросовестным плательщикам налога на профессиональный доход, получившим возможность более удобного и оперативного взаимодействия с налоговыми органами.

Кроме того, развитие цифровых технологий при регулировании соответствующей сферы общественных отношений проявляется также в активном внедрении кредитных организаций в систему взаимодействия между клиентами банков (самозанятыми гражданами) и органами налогового администрирования.

Использование программных продуктов банков, а также электронных площадок партнеров для регистрации и уплаты налогов существенно упрощает процесс взаимодействия самозанятых и органов налогового контроля, предоставляя альтернативный вариант для осуществления подобного взаимодействия, исключая необходимость обязательного пользования приложением «Мой налог» [9, с. 26].

Востребованность указанного цифрового способа взаимодействия подтверждается данными ФНС России, согласно которым каждый второй самозанятый гражданин в процессе осуществления собственной деятельности использует программные продукты банков и элек-

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федер. закон от 27 нояб. 2018 г. № 422-ФЗ: [ред. от 28.12.2022] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 23.11.2023).

тронные площадки партнеров, а более трети всех доходов таких лиц регистрируются через соответствующие сервисы без использования приложения «Мой налог».

Несмотря на относительную новизну института самозанятости в Российской Федерации, активное развитие цифровых технологий в процессе регулирования отношений, складывающихся при взаимодействии плательщиков налога на профессиональный доход и органов, осуществляющих налоговое администрирование, объясняется заинтересованностью государства в выведении самозанятых в легальный сектор экономики. В то же время описанная ситуация лишней раз подтверждает возможность создания эффективной цифровой инфраструктуры в ограниченный промежуток времени.

Между тем развитие цифровых технологий в сфере регулирования налоговых отношений не ограничивается разработкой различного рода программного обеспечения. Внедрение цифровых государственных информационных услуг проявляется в использовании таких инновационных IT-технологий, как АСК НДС-2 (автоматизированная система контроля за возмещением НДС из бюджета), онлайн-касс, RFID-меток (обязательная маркировка изделий из меха), QR-кодов (маркировка фармацевтических продуктов), а также иных автоматизированных механизмов [10; 11; 12; 13; 14].

Цифровизация налогового администрирования в наиболее общем виде позволила достичь следующих результатов:

- осуществление электронного документооборота;
- создание и успешное использование такой формы налогового контроля, как налоговый мониторинг;
- осуществление обмена финансовой информацией с иностранными государствами в автоматическом режиме [15].

Кроме того, положительный эффект использования IT-технологий в области

налогового администрирования проявляется также в увеличении налоговых доходов. Так, налоговые поступления в консолидированный бюджет Российской Федерации увеличились в 2022 г. на 17,7% (+5,1 трлн руб.) по сравнению с 2021 г.¹

Исходя из приведенного анализа, прослеживается последовательная политика Федеральной налоговой службы России в вопросе цифровизации процедуры налогового администрирования [16]. Улучшение не только количественных (рост налоговых доходов), но и качественных (создание системы удобного и оперативного взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами) показателей явилось следствием активной политики государства по цифровой трансформации сферы управления системой налоговых правоотношений.

Подтверждением особой заинтересованности государства в создании, совершенствовании и использовании цифровых технологий в процессе налогового администрирования является наличие в структуре центрального аппарата Федеральной налоговой службы России специального подразделения – Управления информационных технологий. Начиная с 2013 г. указанное управление реализует задачи по совершенствованию информационного и технического обеспечения деятельности налоговых органов, внедрению новых информационно-телекоммуникационных технологий в систему информационного взаимодействия налоговых органов с ведомствами, налогоплательщиками, а также ряд иных задач, конкретизирующих приведенные [17].

Обратная ситуация складывается в области государственного администрирования публичных неналоговых платежей. Отсутствие возможности удаленного взаимодействия плательщиков платежей подобного рода с государственными

¹ Аналитический портал ФНС России. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 28.11.2023).

администраторами последних сказывается на эффективности администрирования соответствующей сферы общественных отношений.

В правовом регулировании публичных неналоговых платежей отсутствует какая-либо система. Администрирование отдельных видов платежей такого рода осуществляется различными органами государственной власти. Периодически обсуждающиеся инициативы по реформированию соответствующей области правового регулирования не касаются внедрения современных ИТ-технологий, направленных на совершенствование процедуры администрирования «параллельной налоговой системы», несмотря на то, что аналогичные технологии уже показали свою эффективность в области налогового администрирования [18].

Разрозненное правовое регулирование публичных неналоговых платежей, их администрирование различными государственными органами исполнительной власти существенно затрудняет внедрение информационных технологий в указанную сферу общественных отношений [19].

Ситуация может частично измениться после внесения изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации в части включения в него ряда публичных неналоговых платежей. Представляется, что после проведения соответствующей реформы, реализация которой в настоящее время была отложена, указанные платежи будут интегрированы в существующую систему цифрового налогового администрирования – у плательщиков платежей подобного рода появится возможность пользоваться полным перечнем услуг, предоставляемых ныне посредством функционирования «Личного кабинета налогоплательщика», а также официального сайта Федеральной налоговой службы России¹.

Однако в таком случае открытым остается вопрос внедрения цифрового администрирования в отношении платежей, чье нынешнее и последующее правовое регулирование осуществляется и будет осуществляться вне рамок Налогового кодекса Российской Федерации.

В этой связи с целью понимания перспектив цифровизации соответствующей сферы правового регулирования целесообразно рассмотреть текущее использование цифровых технологий в процессе администрирования отдельных публичных неналоговых платежей, что предлагается сделать на примере двух из них:

- платы с автомобилей, имеющих максимальную разрешенную массу более 12 тонн (как наиболее удачного примера использования ИТ-технологий в рамках всей «параллельной налоговой системы»);

- утилизационного сбора (как платежа, использование информационных технологий при администрировании которого осуществляется в крайне ограниченном формате).

Как уже было обозначено, наиболее наглядно использование информационных технологий проявляется в процессе администрирования так называемой системы «Платон».

Лица, применяющие и использующие в своей деятельности транспортные средства с разрешенной максимальной массой более 12 тонн, обязаны платить за вред, причиняемый такими транспортными средствами автомобильным дорогам общего пользования федерального значения (ст. 31.1 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федера-

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и

2022 годов : [утв. Минфином России] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334706/ (дата обращения: 28.11.2023).

ции»). При этом расчет суммы соответствующей платы может осуществляться тремя способами:

1) путем оформления разовой маршрутной карты;

2) при помощи бортового устройства (списание денег с расчетной записи владельца происходит автоматически, исключается влияние человеческого фактора и возникновение ошибок);

3) посредством оплаты маршрутной картой за разовый маршрут.

В случае выбора плательщиком второго способа расчета и, как следствие, порядка внесения соответствующей платы в рассчитанном размере, на транспортное средство устанавливается бортовое устройство, которое обеспечивает прием сигналов навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и GPS. При этом контроль внесения платы выполняют стационарные и мобильные системы: рамные конструкции с навесным оборудованием, размещенные над дорожным полотном, либо автомобили со спецоборудованием (мобильный контроль). Средства автоматической фото- и видеофиксации обнаруживают нарушителей, а должностные лица Федеральной службы по надзору в сфере транспорта направляют им постановления об административных правонарушениях.

Использование подобного способа контроля за лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере автотранспортных перевозок, обеспечивает своевременность внесения указанного вида публичного неналогового платежа в федеральный бюджет Российской Федерации.

Как справедливо отметил генеральный директор ООО «РТ-Инвест Транспортные Системы» Антон Замков, внедрение Федеральной службой по надзору в сфере транспорта цифровых технологий в систему администрирования платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными

средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн, позволило не просто автоматизировать процесс взимания соответствующего публичного неналогового платежа, но и сделать первый масштабный шаг к цифровизации всей отрасли грузоперевозок¹.

Инновационный подход к администрированию платы, предусмотренной ст. 31.1 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»², связан в первую очередь с особенностями предпринимательской деятельности и объекта обложения соответствующим публичным неналоговым платежом. Учитывая наличие централизованной системы автомобильных дорог федерального значения, реализация соответствующей стратегии администрирования представляется наиболее целесообразной и оптимальной с точки зрения необходимости повышения эффективности контроля за соответствующей сферой экономической деятельности.

Между тем внедрение цифровых технологий в процесс администрирования иных публичных неналоговых платежей происходит в гораздо более ограниченном формате и более медленными темпами.

Так, у плательщиков утилизационного сбора имеется возможность размеще-

¹ IT-платформа «Платона» становится опорной системой для цифровизации транспортной отрасли России // Платон – Система взимания платы: сайт. URL: <https://platon.ru/ru/front-page/07-12-2017/7848/> (дата обращения: 10.11.2023).

² Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 8 нояб. 2007 г. № 257-ФЗ: [ред. от 04.08.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/ (дата обращения: 28.11.2023).

ния в электронном архиве деклараций на товары, являющиеся объектом обложения утилизационным сбором. При этом система не позволяет автоматически осуществить расчет суммы утилизационного сбора, в связи с чем плательщик должен осуществлять такой расчет вручную, приложив документы, подтверждающие правильность расчета. Только после получения соответствующих сведений и проверки их также вручную территориальный орган Федеральной таможенной службы России автоматически списывает с расчетного счета плательщика сумму утилизационного сбора¹.

Безусловно, что применяемые средства уплаты и исчисления утилизационного сбора существенно сокращают продолжительность соответствующей процедуры, экономя время лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере оборота и использования транспортных средств и самоходных машин, являющихся объектом обложения таким сбором.

Вместе с тем единой информационной системы, которая бы позволила объединить весь процесс уплаты соответствующего публичного неналогового платежа и контроля за такой процедурой посредством единого программного обеспечения, на настоящий момент не существует.

Принимая во внимание функцию утилизационного сбора, сочетающую элементы регулятивной и фискальной составляющей, вполне разумно и целесообразно предусмотреть современные инновационные механизмы контроля за его уплатой, которые бы одновременно позволили упростить сам процесс уплаты.

Представляется, что автоматизация процедуры администрирования утилизационного сбора возможна путем создания единого комплекса программного обеспечения (приложения), аналогичного применяемому Федеральной налоговой службой России при администрировании налогов и сборов, регулируемых посредством налогового законодательства.

С помощью мультиплатформенного приложения Федеральная таможенная служба России смогла бы отслеживать зарегистрированных плательщиков утилизационного сбора на предмет его уплаты, а также предоставлять последним целый спектр таких услуг, как: получение актуальной информации о сумме начисленного и уплаченного утилизационного сбора, наличии переплат, решениях таможенного органа о зачете и возврате излишне уплаченных сумм, задолженности, неисполненных плательщиком требованиях, мерах принудительного взыскания задолженности и многое другое.

Кроме того, указанное приложение позволило бы облегчить процедуру контроля Федеральной таможенной службой России ввозимых на территорию Российской Федерации транспортных средств, признаваемых объектами обложения утилизационным сбором, а также позволило бы облегчить плательщикам утилизационного сбора процедуру уплаты соответствующего публичного неналогового платежа.

По своей сути, указанное программное обеспечение могло бы представлять собой аналог «Личного кабинета налогоплательщика», в связи с чем могло бы получить наименование «Личный кабинет плательщика утилизационного сбора» с возможностью предоставления доступа к нему как через личный кабинет на официальном сайте Федеральной таможенной службы России, так и с помощью специального мультиплатформенного приложения.

Подобным образом следует поступить и с внедрением IT-технологий в

¹ Информация ФТС России от 31.03.2021 «ФТС России информирует о порядке администрирования утилизационного сбора на ввозимые в Российскую Федерацию транспортные средства, самоходные машины и прицепы к ним» // Альта-Софт: сайт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21bn0044/> (дата обращения: 28.11.2023).

процесс администрирования иных публичных неналоговых платежей. Существующие отдельные элементы автоматизации администрирования экологического сбора, платы за негативное воздействие на окружающую среду, платы за пользование лесными объектами не обладают признаками системности, несмотря на наличие соответствующей потребности у плательщиков, в том числе лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Внедрение же соответствующих технологий будет способствовать автоматизации процесса администрирования публичных неналоговых платежей государственными органами власти. При этом плательщики получат возможность существенно сократить время, связанное с уплатой платежей подобного рода, а также с получением иных необходимых услуг [20].

До того как указанные выше предложения будут реализованы, говорить об эффективности администрирования соответствующей сферы общественных отношений преждевременно. Улучшение качественных и количественных показателей, речь о которых шла выше, возможно только путем планомерной реализации политики цифровизации всей «параллельной налоговой системы».

Выводы

Подводя итог вышеизложенному, следует заключить, что внедрение информационных технологий является одним из основополагающих факторов повышения эффективности правового регулирования, оказывающих положительное влияние на систему управления общественными отношениями.

Не является исключением область правового регулирования публичных неналоговых платежей, цифровизация которой выступает важной составляющей реформирования всей «параллельной налоговой системы». Внедрение передовых IT-технологий в соответствующую сферу позволит существенно разгрузить государственные органы исполнительной власти от ряда функций, связанных с реализацией административных процедур. При этом плательщики публичных неналоговых платежей получат возможность оперативного взаимодействия с административными органами в рамках исполнения возложенной на них публичной обязанности.

В условиях наличия положительного опыта внедрения информационных технологий в процесс налогового администрирования представляется возможным перенятие опыта и конкретных практических моделей цифрового администрирования, применяемых Федеральной налоговой службой России, в процесс администрирования публичных неналоговых платежей. Учитывая очевидную эффективность использования IT-технологий при администрировании налоговых платежей, правильным будет являться применение на первоначальном этапе полностью аналогичных технологий при администрировании публичных неналоговых платежей. Вместе с тем государственным администраторам платежей подобного рода параллельно следует осуществлять разработку специального программного обеспечения, учитывающего специфические особенности каждого из платежей, являющихся частью «параллельной налоговой системы», с целью их внедрения и применения в будущем.

Список литературы

1. Овчинников А. И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 257–261.
2. Изотов А. В. Цифровизация налоговых правоотношений: теоретико-правовой аспект // Финансовое право. 2021. № 1. С. 28–31.

3. Васянина Е. Л. Новые подходы к регулированию финансовых отношений в условиях глобализации и цифровизации экономических процессов // *Финансовое право*. 2020. № 4. С. 3–6.
4. Васянина Е. Л. Проблемы формирования современной модели финансово-правового регулирования в условиях структурных преобразований экономики // *Журнал российского права*. 2023. № 7. С. 61–74.
5. Миронова С. М., Куркин И. В. Современное правовое регулирование публичных неналоговых платежей в Российской Федерации // *Парадигмы управления, экономики и права*. 2020. № 2. С. 203–210.
6. Налоговая реформа: ревизия «параллельной налоговой системы» / В. М. Зарипов, П. А. Попов, В. В. Новиков; руков. проекта В. В. Чубаров, С. Г. Пепеляев. М.: ТПП РФ, 2015.
7. Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография / Н. Е. Абрамова, С. Я. Боженко, О. В. Веремеева [и др.]; под ред. И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. М.: ИЗиСП: Юриспруденция, 2022. 272 с.
8. Васильева Е. Г. Современное налоговое право как фактор развития инновационной модели экономики // *Налоги*. 2019. № 2. С. 3–6.
9. Миронова С. М., Кожемякин Д. В. Роль банков при применении экспериментальных налоговых режимов // *Банковское право*. 2022. № 5. С. 25–33.
10. Ефремова Т. А. Цифровизация налогового администрирования в России: проблемы и перспективы // *Налоги*. 2021. № 1. С. 17–20.
11. Родыгина В. Е. Цифровизация налогового контроля НДС: правовые последствия и перспективы // *Финансовое право*. 2018. № 9. С. 31–34.
12. Бадмаев Б. Г. Цифровые платформы в деятельности ФНС России // *Налоговая система Российской Федерации в условиях развития цифровой экономики: правовые и экономические аспекты: материалы Международной научно-практической конференции* / под ред. И. А. Цинделиани. М.: РГУП, 2019. С. 17–29.
13. Мигачева Е. В. Налоговый контроль в условиях развития цифровой экономики // *Финансовое право*. 2018. № 8. С. 21–25.
14. Цинделиани И. А., Гусева Т. А., Изотов А. В. Совершенствование налогового контроля в условиях цифровизации // *Правоприменение*. 2022. Т. 6, № 1. С. 77–87.
15. Леднева Ю. В. Правотворчество в сфере цифровизации публичных финансов // *Финансовое право*. 2021. № 9. С. 12–16.
16. Изотов А. В. Налоговые правоотношения в условиях цифровизации: современное состояние и перспективы развития. М.: Юстицинформ, 2022. 264 с.
17. *Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография* / К. Т. Анисина, Б. Г. Бадмаев, И. В. Бит-Шабо и др.; под ред. И. А. Цинделиани. М.: Проспект, 2019. 320 с.
18. Зарипов В. М. Пределы дискреции законодателя в сфере налогообложения: в поисках золотой рыбки // *Закон*. 2016. № 10. С. 37–45.
19. Штогрин С. И. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ проблем установления и классификации неналоговых платежей и платежей, имеющих признаки налогов» // *Бюллетень Счетной палаты*. 2019. № 9 (261). С. 55–108.
20. Василевич Г. А. Цифровизация права как средство повышения его эффективности // *Конституционное и муниципальное право*. 2019. № 8. С. 32–35.

Reference

1. Ovchinnikov A. I. Riski v processah cifrovizacii prava [Risks in the processes of digitalization of law]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technique*, 2019, no. 13, pp. 257–261.
2. Izotov A. V. Cifrovizaciya nalogovyh pravootnoshenij: teoretiko-pravovoj aspekt [Digitalization of tax legal relations: theoretical and legal aspect]. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2021, no. 1, pp. 28–31.

3. Vasyanina E. L. Novye podhody k regulirovaniyu finansovykh otnoshenij v usloviyah globalizacii i cifrovizacii ekonomicheskikh processov [New approaches to the regulation of financial relations in the context of globalization and digitalization of economic processes]. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2020, no. 4, pp. 3–6.
4. Vasyanina E. L. Problemy formirovaniya sovremennoj modeli finansovo-pravovogo regulirovaniya v usloviyah strukturnykh preobrazovanij ekonomiki [Problems of formation of a modern model of financial and legal regulation in the context of structural transformations of the economy]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2023, no. 7, pp. 61–74.
5. Mironova S. M., Kurkin I. V. Sovremennoe pravovoe regulirovanie publicznykh nenalogovykh platezhej v Rossijskoj Federacii [Modern legal regulation of public non-tax payments in the Russian Federation]. *Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava = Paradigms of management, economics and Law*, 2020, no. 2, pp. 203–210.
6. Zaripov V. M., Popov P. A., Novikov V. V. Nalogovaya reforma: reviziya "parallel'noj nalogovoj sistemy" [Tax reform: revision of the "parallel tax system"]; ed. by V. V. Chubarov, S. G. Pepelyaev. Moscow, TPP RF Publ., 2015.
7. Abramova N. E., Bozhenok S. Ya., Veremeeva O. V., eds. Cifrovaya sushchnost' finansovogo prava: proshloe, nastoyashchee, budushchee [The digital essence of Financial law: past, present, future]; ed. by I. I. Kucherov, N. A. Povetkina. Moscow, IZiSP Publ., Yurisprudenciya Publ., 2022. 272 p.
8. Vasil'eva E. G. Sovremennoe nalogovoe pravo kak faktor razvitiya innovacionnoj modeli ekonomiki [Modern tax law as a factor in the development of an innovative economic model]. *Nalogi = Taxes*, 2019, no. 2, pp. 3–6.
9. Mironova S. M., Kozhemyakin D. V. Rol' bankov pri primenении eksperimental'nykh nalogovykh rezhimov [The role of banks in the application of experimental tax regimes]. *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2022, no. 5, pp. 25–33.
10. Efremova T. A. Cifrovizaciya nalogovogo administrirovaniya v Rossii: problemy i perspektivy [Digitalization of tax administration in Russia: problems and prospects]. *Nalogi = Taxes*, 2021, no. 1, pp. 17–20.
11. Rodygina V. E. Cifrovizaciya nalogovogo kontrolya NDS: pravovye posledstviya i perspektivy [Digitalization of VAT tax control: legal consequences and prospects]. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2018, no. 9, pp. 31–34.
12. Badmaev B. G. [Digital platforms in the activities of the Federal Tax Service of Russia]. *Nalogovaya sistema Rossijskoj Federacii v usloviyah razvitiya cifrovoj ekonomiki: pravovye i ekonomicheskie aspekty. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [The tax system of the Russian Federation in the context of the development of the digital economy: legal and economic aspects. Materials of the International Scientific and Practical Conference]; ed. by I. A. Cindeliiani. Moscow, RGUP Publ., 2019, pp. 17–29. (In Russ.)
13. Migacheva E. V. Nalogovyj kontrol' v usloviyah razvitiya cifrovoj ekonomiki [Tax control in the context of the development of the digital economy]. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2018, no. 8, pp. 21–25.
14. Cindeliiani I. A., Guseva T. A., Izotov A. V. Sovershenstvovanie nalogovogo kontrolya v usloviyah cifrovizacii [Improving tax control in the context of digitalization]. *Pravoprimenenie = Law Enforcement*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 77–87.
15. Ledneva Yu. V. Pravotvorchestvo v sfere cifrovizacii publicznykh finansov [Lawmaking in the field of digitalization of public finance]. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2021, no. 9, pp. 12–16.
16. Izotov A. V. Nalogovye pravootnosheniya v usloviyah cifrovizacii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Tax legal relations in the context of digitalization: current state and development prospects]. Moscow, Yusticinform Publ., 2022. 264 p.
17. Anisina K. T., Badmaev B. G., Bit-Shabo I. V., eds. Finansovoe pravo v usloviyah razvitiya cifrovoj ekonomiki [Financial law in the context of the development of the digital economy]; ed. by I. A. Cindeliiani. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 320 p.

18. Zaripov V. M. Predely diskrecii zakonodatel'ya v sfere nalogooblozheniya: v poiskah zolotoj rybki [The limits of the legislator's discretion in the field of taxation: in search of a goldfish]. *Zakon = Law*, 2016, no. 10, pp. 37–45.

19. Shtogrin S. I. Otchet o rezul'tatah ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya "Analiz problem ustanovleniya i klassifikacii nenalogovykh platezhej i platezhej, imeyushchih priznaki nalogov" [Report on the results of the expert-analytical event "Analysis of the problems of establishing and classifying non-tax payments and payments with signs of taxes"]. *Byulleten' Schetnoj palaty = Bulletin of the Accounting Chamber*, 2019, no. 9 (261), pp. 55–108.

20. Vasilevich G. A. Cifrovizaciya prava kak sredstvo povysheniya ego effektivnosti [Digitalization of law as a means of increasing its effectiveness]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal law*, 2019, no. 8, pp. 32–35.

Информация об авторе / Information about the Author

Куркин Илья Вячеславович, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация, e-mail: ilya_kurkin@rambler.ru, ORCID: 0009-0006-7571-1204

Ilya V. Kurkin, Post-Graduate Student of Constitutional and Municipal Law Department, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation, e-mail: ilya_kurkin@rambler.ru, ORCID: 0009-0006-7571-1204

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-46-54>

Отношения посредничества и представительства при осуществлении авторских и смежных прав некоммерческими организациями

Л. Е. Барковская¹ ✉

¹ Ассоциация «Бизнес и Право»

Большой Знаменский переулок, д. 2/7, г. Москва 119019, Российская Федерация

✉ e-mail: moscowlawyersclub@mail.ru

Резюме

Актуальность. В статье анализируются договорные и иные правовые основания, с использованием которых организации по коллективному управлению и иные некоммерческие организации могут осуществлять функции посредников и представителей авторов и иных правообладателей в целях обеспечения законного использования объектов авторских и смежных прав в современных условиях. Подача правообладателем заявления о вступлении в такую организацию должна подтверждать его согласие на осуществление его прав и их защиту в объеме и на условиях, предусмотренных уставом.

Целью исследования является разработка теоретических положений, необходимых для развития правового регулирования деятельности некоммерческих организаций, связанной с осуществлением авторских и смежных прав.

Задачи: выявить особенности правового регулирования отношений посредничества и представительства, возникающих при участии некоммерческих организаций в осуществлении авторских и смежных прав; определить связанные с таким правовым регулированием проблемы, разработать предложения, направленные на их устранение.

Методология. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования гражданских правоотношений.

Выводы. Сделанные в статье выводы направлены на продолжение исследований по развитию правового регулирования деятельности некоммерческих организаций, связанной с осуществлением и защитой авторских и смежных прав, в том числе на расширение круга некоммерческих организаций, способных принимать участие в осуществлении и защите прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также упростить получение ими полномочий, необходимых для осуществления такой деятельности.

Ключевые слова: автор; произведение; исключительное право; право на вознаграждение; доверенность; лицензионный договор; коллективное управление.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Барковская Л. Е. Отношения посредничества и представительства при осуществлении авторских и смежных прав некоммерческими организациями // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 46–54. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-46-54>.

Поступила в редакцию 16.12.2023

Принята к публикации 22.01.2024

Опубликована 28.02.2024

Mediation and Representation Relations in the Exercise of Copyright and Related Rights by Non-Profit Organizations

Liudmila E. Barkovskaia¹ ✉

¹Association "Business and Law"

2/7 Bolshoy Znamensky side-street, Moscow 119019, Russian Federation

✉ e-mail: moscowlawyersclub@mail.ru

Abstract

Relevance. The article analyzes contractual and other legal grounds, using which collective management organizations and other non-profit organizations can perform the functions of intermediaries and representatives of authors and other right holders in order to ensure the lawful use of copyright and related rights objects in modern conditions.

The purpose of the research is to develop theoretical provisions necessary for the development of legal regulation of the activities of non-profit organizations related to the implementation of copyright and related rights.

Objectives: to identify the peculiarities of legal regulation of mediation and representation relations arising from the participation of non-profit organizations in the implementation of copyright and related rights; to identify the problems associated with such legal regulation, to develop proposals aimed at their elimination.

Methodology. The author used dialectical-materialistic method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method.

The results of the research are of theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of civil legal relations.

Conclusions. The conclusions made in the article are of a discussion nature, aimed at continuing research on the development of legal regulation of the activities of non-profit organizations related to the implementation and protection of copyright and related rights, including the expansion of the range of non-profit organizations able to participate in the implementation and protection of rights to the results of intellectual activity, as well as to simplify their obtaining the powers necessary for the implementation of such activities.

Keywords: author; work; exclusive right; right to remuneration; power of attorney; license agreement, collective management.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Barkovskaia L. E. Mediation and Representation Relations in the Exercise of Copyright and Related Rights by Non-Profit Organizations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(1): 46–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-46-54>

Received 16.12.2023

Accepted 22.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

Новый этап технологического развития требует все более широкого использования результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), в том числе объектов авторских и смежных прав, причем ввиду роста разнообразия востребованных объектов, способов их использования, числа пользователей осуществ-

ление прав на такие результаты становится все более затруднительным.

Традиционно считалось, что обеспечить осуществление и защиту авторских и смежных прав в условиях массового использования возможно за счет применения различных вариантов коллективного управления, которому был посвящен ряд диссертационных исследований и научных публикаций, в том числе как в период действия Закона Российской Фе-

дерации «Об авторском праве и смежных правах»¹ [1; 2], так и после принятия и введения в действие части четвертой ГК РФ [3].

Однако на протяжении последних десятилетий на практике все чаще приходится сталкиваться с ограниченными возможностями для дальнейшего развития коллективного управления [4; 5] и отсутствием правового регулирования, необходимого для расширения круга организаций, способных представлять интересы правообладателей при осуществлении и защите их прав [6].

Одним из важнейших является вопрос о законодательных и договорных основаниях, способных надлежащим образом обеспечить осуществление посредничества и представительства в сфере авторских и смежных прав не только организациями по коллективному управлению, но и иными некоммерческими организациями, которые могут оказывать содействие при решении задач развития законного использования объектов авторских и смежных прав в современных условиях.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались общенаучные методы, в том числе диалектико-материалистический метод, методы формальной и диалектической логики, методы анализа и синтеза, позволившие, в частности, осуществить анализ особенностей осуществления и защиты авторских и смежных прав в современных условиях, выявить основные проблемы дальнейшего развития участия в указанной деятельности организаций по коллективному управлению правами и иных некоммерческих организаций, осуществить систе-

матизацию полученных результатов и обобщение сделанных выводов. Исследование также осуществлялось с использованием таких специальных методов юридической науки, как формально-юридический метод, позволивший системным образом сопоставить и изучить положения действующего законодательства и сложившиеся научные взгляды, изложенные в научных публикациях, а также описать полученные результаты для целей их дальнейшего использования.

Результаты и их обсуждение

Для осуществления имущественных авторских и смежных прав некоммерческими организациями необходимо предоставление таким организациям полномочий, позволяющих реализовать правовые возможности, составляющие содержание соответствующего субъективного права [7].

В настоящее время специфика получения некоммерческими организациями полномочий, необходимых для совершения действий в интересах авторов и иных правообладателей, учитывается законодательством только при предоставлении таких полномочий организациям по коллективному управлению имущественными авторскими и смежными правами. Иные некоммерческие организации могут осуществлять принадлежащие правообладателям имущественные права на основании полномочий, получаемых по общим основаниям, устанавливаемым гражданским законодательством без учета особенностей правового регулирования отношений, связанных с распоряжением исключительными правами на РИД.

Отечественными специалистами уделялось большое внимание исследованию проблем развития российской системы коллективного управления [8], которое рассматривалось как особый гражданско-правовой институт [9], разрабатывались предложения по дальнейшему совершенствованию гражданско-правового регу-

¹ Об авторском праве и смежных правах: закон РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1: [ред. от 20.07.2004] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2238/ (дата обращения: 02.11.2023).

лирования деятельности по коллективному управлению [10].

Вместе с тем даже в отношении правовой природы договоров, заключаемых правообладателями с организациями по коллективному управлению, отсутствует единство мнений, несмотря на то, что такие договоры специально упоминаются законодательством (п. 3 ст. 1243 ГК РФ). Е. А. Суханов отмечал, что полномочия, возникающие при заключении таких договоров, могут рассматриваться как аналогичные тем, которые возникают при заключении договоров поручения и комиссии [11, с. 133].

По мнению отдельных специалистов, управление имущественными правами имеет много общего с доверительным управлением [12]. Однако существуют также принципиальные отличия между правовым регулированием доверительного управления и правовым регулированием отношений, возникающих при сборе, распределении и выплате вознаграждения организациями по коллективному управлению правами [13]. Особенности доверительного управления исключительными правами на РИД анализировались в ряде диссертационных исследований [14; 15], но при этом признавалось, что доверительное управление в сфере интеллектуальной собственности не имеет непосредственной связи с коллективным управлением имущественными правами, осуществляемого на основании особого правового регулирования. Также не получили поддержки и развития предложения по использованию сочетания возможностей открытых лицензий и коллективного управления правами на РИД [16].

Отдельными специалистами предлагается рассматривать коллективное управление как особую деятельность специальных субъектов, направленную на осуществление имущественных авторских и смежных прав [17], либо деятельность, основанную на особых договорных конструкциях [18].

Э. П. Гаврилов и Е. А. Моргунова отстаивают вывод о том, что коллектив-

ное управление может осуществляться только в отношении авторских и смежных прав, при этом существенным образом отличаясь как от доверительного управления, так и от других вариантов договорных отношений, которыми могут опосредоваться отношения между представляемым субъектом и лицом, осуществляющим функции представителя (поручение, агентирование, комиссия) [19], несмотря на то, что в научных публикациях высказывались и иные мнения [20, с. 118].

Таким образом, договоры о передаче полномочий по управлению правами, предусматриваемые п. 3 ст. 1242 ГК РФ, до настоящего времени не нашли однозначного определения на доктринальном уровне, в силу чего также не до конца проясненными оказываются полномочия, которыми наделяются организации по коллективному управлению при заключении таких договоров. Законодательство определяет отдельные положения, относящиеся к порядку возникновения и осуществления таких полномочий, но не раскрывает в полной мере их правовую природу, оставляя простор для дальнейших теоретических поисков. Предусматривается также возможность применения в отношении рассматриваемых договоров общих положений об обязательствах (ст. 307–419 ГК РФ) и договоре (ст. 420–453 ГК РФ).

Такой договор может заключаться как с членами организации по коллективному управлению, так и с другими правообладателями, в связи с чем возникает вопрос о различиях между правообладателями, являющимися членами такой организации, и правообладателями, не являющимися ее членами.

Закладываемый законодательством в настоящее время подход приводит, с одной стороны, к тому, что на правообладателей – членов организации по коллективному управлению правами возлагаются функции по содержанию такой организации, возможности внесения членских взносов, участию в принятии решений и

т.д., в то время как правообладатели, не являющиеся ее членами, могут претендовать на получение вознаграждения на равных с другими правообладателями и не нести при этом дополнительных организационных и финансовых нагрузок. С другой стороны, правообладатели, не являющиеся членами организации по коллективному управлению, формально не могут влиять на принятие решений организацией по коллективному управлению, в том числе при установлении размера удержаний из собираемого для них вознаграждения, при определении порядка распределения и выплаты вознаграждения.

Ситуация еще более осложняется в связи с тем, что наряду с договором как основанием возникновения полномочий для коллективного управления законодательство признает возможность наделения такими полномочиями в силу государственной аккредитации, причем в отношении неопределенного круга правообладателей (п. 3 ст. 1244 ГК РФ).

Договоры, заключаемые организацией по коллективному управлению с правообладателями, по нашему мнению, следует рассматривать в качестве особого вида гражданско-правовых договоров, не являющихся лицензионными договорами или договорами об отчуждении прав в силу прямого указания закона (п. 3 ст. 1242 ГК РФ) и не относящихся ни к одному из видов договоров, предусмотренных другими разделами ГК РФ. Заслуживает внимания предложение о необходимости использования в их отношении термина «договоры коллективного управления» [21, с. 88], поскольку их содержание составляет именно решение комплекса вопросов, связанных с осуществлением коллективного управления, не передача каких-либо полномочий, а только их предоставление в ограниченном объеме.

Кроме того, для осуществления выплат правообладателям, сбор вознаграждения для которых осуществляется без заключения договора о передаче полно-

мочий по управлению правами, получившая государственную аккредитацию организация также должна иметь возможность заключать с такими правообладателями соглашения, предусматривающие, как минимум, реквизиты для выплаты вознаграждения, а также гарантии со стороны правообладателя о предоставлении им достоверных данных относительно наличия у него прав, необходимых для получения такого вознаграждения.

Сфера коллективного управления отличается существенными особенностями, состоящими прежде всего в наличии значительных ограничений, направленных на обеспечение равного отношения ко всем правообладателям и пользователям, относящимся к определенной категории, невозможности дифференциации условий использования для отдельных произведений при заключении лицензионных договоров с пользователями, невозможности отказа от заключения договора с пользователем при отсутствии достаточных на то оснований (абз. второй п. 1 ст. 1243 ГК РФ), невозможности предоставления права использования произведений и объектов смежных прав на исключительной основе (исключительной лицензии) и т. д.

Такой «уравнительный» подход позволяет эффективным образом осуществлять управление имущественными авторскими и смежными правами при наличии большого числа пользователей и большого числа правообладателей, если речь идет о таком способе использования однородных по своим характеристикам произведений, при котором вознаграждение за использование объективно определяется степенью их востребованности, которая, в свою очередь, может быть установлена за счет установления частоты и (или) длительности использования на основе объективных данных. Данная ситуация имеет место при использовании музыкальных произведений на радио, телевидении, при публичном исполнении множества небольших музыкальных про-

изведений в таких местах, как рестораны, кафе, общественный транспорт и т. д.

Однако применение коллективного управления в отношении, например, таких объектов, как аудиовизуальные произведения, лишило бы правообладателей и пользователей возможности в полной мере использовать преимущества, предоставляемые исключительным правом в тех случаях, когда такие преимущества могут быть получены за счет использования такого инструментария, как предоставление исключительных лицензий, обеспечения особых условий эксклюзивного доступа к произведениям и фонограммам, контроля за последовательностью предоставления доступа и его разнесением по времени (доступ в кинотеатрах для новых фильмов, доступ в аудиовизуальных сервисах, возможность скачивания и др.). В результате правообладатели отказываются от использования коллективного управления, полагая, что их права не могут быть гарантированы при традиционных для данной сферы деятельности подходах.

В то же время существует множество некоммерческих организаций, не осуществляющих коллективное управление правами, но связанных с авторами и правообладателями, создаваемых ими (творческие союзы, объединения издателей и иных правообладателей), способных действовать в их интересах, но не обладающих возможностью эффективного осуществления такой деятельности ввиду отсутствия необходимого для этого правового регулирования [22; 23].

Полномочия некоммерческих организаций, не являющихся организациями по коллективному управлению, могут основываться на предоставленной правообладателем доверенности или вытекать из заключенного с правообладателем договора. При этом круг таких договоров существенным образом ограничен, т. к. некоммерческие организации не могут выступать в качестве доверительных управляющих (п. 1 ст. 1015 ГК РФ), а наиболее соответствующие условиям предоставле-

ния ограниченных и отчетливо определенных полномочий агентские договоры и договоры возмездного оказания услуг также более характерны для коммерческой деятельности.

Выводы

Для реализации предусмотренных в настоящее время законодательных положений от организаций по коллективному управлению требуется использование широкого спектра договоров при осуществлении их деятельности по сбору и выплате вознаграждения. Правовая природа таких договоров до настоящего времени не определена отчетливым образом, а относящееся к ним правовое регулирование чрезвычайно ограничено.

Ситуация с определением полномочий иных некоммерческих организаций при осуществлении ими имущественных авторских и смежных прав осложнена необходимостью оформления доверенностей или использования ограниченного круга договоров, предусмотренных ГК РФ, но не учитывающих особенности, связанные с осуществлением авторских и смежных прав некоммерческими организациями.

Выход из сложившейся ситуации состоит в разработке специальных договорных конструкций, предназначенных для использования широким кругом некоммерческих организаций при осуществлении имущественных авторских и смежных прав, а также признание возможности выражения согласия правообладателя на осуществление его прав путем вступления в некоммерческую организацию, устав которой предусматривает осуществление такой деятельности в интересах членов такой организации. В этом случае подача правообладателем заявления, выражающее намерение вступить в такую организацию, будет подтверждать его согласие на осуществление его прав и их защиту в объеме и на условиях, предусмотренных уставом.

Предлагаемый подход позволит значительно расширить круг некоммерче-

ских организаций, способных принимать участие в осуществлении и защите прав на РИД, а также упростить получение

ими полномочий, необходимых для осуществления такой деятельности.

Список литературы

1. Абрамова Н. К. Механизм правового регулирования отношений между организацией, управляющей имущественными авторскими правами на коллективной основе, и правообладателем // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2002. № 7. С. 13–17.
2. Антонова А. В., Близнец И. А. Проблемы и перспективы коллективного управления правами в Российской Федерации // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2005. № 1. С. 10–17.
3. Конева (Абдулхакова) Е. М. Вопросы коллективного управления смежными правами // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 1. С. 2–6.
4. Зятыцкий С. Ф. Перспективы защиты произведений и фонограмм в Интернете // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2001. № 7. С. 25–28.
5. Барковская Л. Е. Проблемы развития деятельности по защите авторских и смежных прав на коллективной основе // Юрист. 2022. № 2. С. 6–8.
6. Барковская Л. Е. Нормативно-правовая регламентация статуса некоммерческих организаций, действующих в сфере осуществления и защиты интеллектуальных прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 53–64.
7. Вавилин Е. В. Действие механизма осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // Гражданский и арбитражный процесс. 2009. № 5. С. 2–5.
8. Зятыцкий С., Терлецкий В., Леонтьев К. Проблемы развития российской системы коллективного управления правами // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2005. № 12. С. 12–23.
9. Моргунова Е. А. Коллективное управление авторскими правами на современном этапе: монография. М.: ИНИЦ Роспатента, 2005. 138 с.
10. Масальцева А. И. Правовой статус организации коллективного управления как некоммерческого посредника // Копирайт. 2021. № 1. С. 116–122.
11. Гражданское право: в 4 т. Т. 4: Обязательственное право / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 812 с.
12. Борисова А. А., Шатковская Т. В. Коллективное и доверительное управление исключительными авторскими правами: проблемы регулирования и применения в цифровую эпоху // Colloquium-Journal. 2019. № 14-7 (38). С. 31–33.
13. Черкашина О. В. Проблемы передачи в доверительное управление исключительных прав // Вестник Российской правовой академии. 2010. № 4. С. 46–49.
14. Зубкова Е. В. Доверительное управление исключительными правами: возможности и проблемы // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2001. № 5. С. 35–40.
15. Макаричев А. В. Интеллектуальная собственность как объект управления // Юрист. 2011. № 10. С. 9–12.
16. Соболев И. А. Открытые лицензии и коллективное управление авторскими правами // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3-2. С. 204–206.
17. Черкашина О. В. Коллективное управление как одна из функций организаций, осуществляющих управление правами на коллективной основе // Закон и право. 2009. № 6. С. 56–57.
18. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 1055 с.
19. Гаврилов Э., Моргунова Е. Коллективное управление авторскими и смежными правами в Российской Федерации // Хозяйство и право. 2019. № 1 (504). С. 57–76.
20. Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. 976 с.
21. Морозов С. Ю., Пятакова А. О. Коллективное управление интеллектуальными правами // Симбирский научный вестник. 2019. № 2. С. 88.

22. Барковская Л. Е. Правовое регулирование деятельности организаций, осуществляющих реализацию и защиту авторских и смежных прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 45–53.

23. Барковская Л. Е. Правовые основания участия некоммерческих организаций в защите авторских и смежных прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 62–72.

References

1. Abramova N. K. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya otnoshenij mezhdu organizaciej, upravlyayushchej imushchestvennymi avtorskimi pravami na kolektivnoj osnove, i pravoobladatelem [The mechanism of legal regulation of relations between the organization managing proprietary copyrights on a collective basis and the copyright holder]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*, 2002, no. 7, pp. 13–17.

2. Antonova A. V., Bliznec I. A. Problemy i perspektivy kolektivnogo upravleniya pravami v Rossijskoj Federacii [Problems and prospects of collective rights management in the Russian Federation]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*, 2005, no. 1, pp. 10–17.

3. Koneva (Abdulhakova) E. M. Voprosy kolektivnogo upravleniya smezhnymi pravami [Issues of collective management of related rights]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process = Arbitration and civil procedure*, 2007, no. 1, pp. 2–6.

4. Zyaticij S. F. Perspektivy zashchity proizvedenij i fonogramm v Internetе [Prospects for the protection of works and phonograms on the Internet]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*, 2001, no. 7, pp. 25–28.

5. Barkovskaya L. E. Problemy razvitiya deyatel'nosti po zashchite avtorskih i smezhnyh prav na kolektivnoj osnove [Problems of development of activities for the protection of copyright and related rights on a collective basis]. *Yurist = Lawyer*, 2022, no. 2, pp. 6–8.

6. Barkovskaya L. E. Normativno-pravovaya reglamentaciya statusa nekommercheskih organizacij, dejstvuyushchih v sfere osushchestvleniya i zashchity intellektual'nyh prav [Regulatory and legal regulation of the status of non-profit organizations operating in the field of implementation and protection of intellectual property rights]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 53–64.

7. Vavilin E. V. Dejstvie mekhanizma osushchestvleniya grazhdanskich prav i ispolneniya obyazannostej [The operation of the mechanism for the exercise of civil rights and the performance of duties]. *Grazhdanskij i arbitrazhnyj process = Civil and arbitration process*, 2009, no. 5, pp. 2–5.

8. Zyaticij S., Terleckij V., Leont'ev K. Problemy razvitiya rossijskoj sistemy kolektivnogo upravleniya pravami [Problems of development of the Russian system of collective rights management]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*, 2005, no. 12, pp. 12–23.

9. Morgunova E. A. Kollektivnoe upravlenie avtorskimi pravami na sovremennom etape [Collective copyright management at the present stage]. Moscow, INIC Rospatenta Publ., 2005. 138 p.

10. Masal'ceva A. I. Pravovoj status organizacii kolektivnogo upravleniya kak nekommercheskogo posrednika [The legal status of a collective management organization as a non-profit intermediary]. *Kopirajt = Copyright*, 2021, no. 1, pp. 116–122.

11. Grazhdanskoe pravo. T. 4. Obyazatel'stvennoe pravo [Civil law. Vol. 4. Law of obligations]; ed. by E. A. Suhanov. 3th ed. Moscow, Volters Cluver Publ., 2008. 812 p.

12. Borisova A. A., Shatkovskaya T. V. Kollektivnoe i doveritel'noe upravlenie isklyuchitel'nymi avtorskimi pravami: problemy regulirovaniya i primeneniya v cifrovuyu epohu [Collective and trust management of exclusive copyrights: problems of regulation and application in the digital age]. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 14-7 (38), pp. 31–33.

13. Cherkashina O. V. Problemy peredachi v doveritel'noe upravlenie isklyuchitel'nyh prav [Problems of transfer of exclusive rights to trust management]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2010, no. 4, pp. 46–49.

14. Zubkova E. V. Doveritel'noe upravlenie isklyuchitel'nymi pravami: vozmozhnosti i problemy [Trust management of exclusive rights: opportunities and challenges]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost' = Intellectual property. Industrial property*, 2001, no. 5, pp. 35–40.
15. Makarichev A. V. Intellektual'naya sobstvennost' kak ob"ekt upravleniya [Intellectual property as an object of management]. *Yurist = Lawyer*, 2011, no. 10, pp. 9–12.
16. Sobol' I. A. Otkrytye licenzii i kollektivnoe upravlenie avtorskimi pravami [Open licenses and collective management of copyrights]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2014, no. 3-2, pp. 204–206.
17. Cherkashina O. V. Kollektivnoe upravlenie kak odna iz funktsij organizatsiy, osushchestvlyayushchih upravlenie pravami na kollektivnoj osnove [Collective management as one of the functions of organizations that manage rights on a collective basis]. *Zakon i pravo = Law and Law*, 2009, no. 6, pp. 56–57.
18. Braginskij M. I., Vitryanskij V. V. Dogovornoe pravo. Kniga tret'ya: Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug [Contract law. Book Three. Contracts for the performance of works and the provision of services]. 2nd ed. Moscow, Statyt Publ., 2002. 1055 p.
19. Gavrilov E., Morgunova E. Kollektivnoe upravlenie avtorskimi i smezhnymi pravami v Rossijskoj Federatsii [Collective management of copyright and related rights in the Russian Federation]. *Hozaystvo i pravo = Economy and law*, 2019, no. 1 (504), pp. 57–76.
20. Gavrilov E. P., Eremenko V. I. Kommentarij k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federatsii (postatejnyj) [Commentary to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Moscow, Ekzamen Publ., 2009. 976 p.
21. Morozov S. Yu., Pyatakova A. O. Kollektivnoe upravlenie intellektual'nymi pravami [Collective management of intellectual property rights]. *Simbirskij nauchnyj vestnik = Simbirsk Scientific Bulletin*, 2019, no. 2, p. 88.
22. Barkovskaya L. E. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti organizatsiy, osushchestvlyayushchih realizatsiyu i zashchitu avtorskih i smezhnyh prav [Legal regulation of the activities of organizations engaged in the implementation and protection of copyright and related rights]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 45–53.
23. Barkovskaya L. E. Pravovye osnovaniya uchastiya nekommercheskih organizatsiy v zashchite avtorskih i smezhnyh prav [Legal grounds for the participation of non-profit organizations in the protection of copyright and related rights]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 62–72.

Информация об авторе / Information about the Author

Барковская Людмила Евгеньевна, главный юрисконсульт, Ассоциация «Бизнес и право», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: moscowlawyersclub@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4118-9837

Liudmila E. Barkovskaia, General Counsel, Association "Business and Law", Moscow, Russian Federation, e-mail: moscowlawyersclub@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4118-9837

Оригинальная статья / Original article

УДК 346.26

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-55-64>

Стартапная деятельность. Субъекты и признаки

С. П. Быкова¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: bykova.urist@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время отсутствуют единый подход к познанию и единое понимание самих терминов «стартапная деятельность», «стартап», «стартап-проект», а также общепризнанный круг субъектов (участников) стартапной деятельности. В последние годы в нашей стране принимается множество подзаконных актов, в которых понятие стартапа и его субъектного состава противоречит ранее принятым аналогичным документам: под каждую программу государственной поддержки определяются свои требования для получателей, что препятствует равному доступу предпринимателей к экономическим благам.

Цель статьи состоит в определении круга субъектов (участников) и установлении отличительных признаков стартапной деятельности.

Задачи: определить круг участников стартапной деятельности; сформировать понятия «стартап» и «стартап-проект»; выделить основные признаки стартапной деятельности.

Методология. Для достижения достоверных результатов были использованы общенаучные методы анализа, индукции и дедукции, толкования и систематизации исследуемых правовых объектов, а также формально-юридический метод и метод обобщения.

Результаты. В ходе проведенного исследования был установлен круг участников стартапной деятельности, в который входят как юридические лица и индивидуальные предприниматели, так и физические лица.

Выводы. Стартапная деятельность объединяет в себе стартапы и стартап-проекты. Если речь идет об участниках стартапа, то к ним можно отнести юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных в установленном законом порядке. По нашему мнению, в круг основных участников стартап-проекта (еще не полноценного бизнеса) входят физические лица, планирующие запуск своего инновационного бизнеса. Как известно, не все идеи воплощаются в реальную жизнь, так как на их пути могут возникнуть различные препятствия социального, экономического, финансового, инновационного, правового или технологического характера.

Ключевые слова: стартап; стартап-проект; стартапная деятельность; субъекты стартапа.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Быкова С. П. Стартапная деятельность. Субъекты и признаки // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 55–64. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-55-64>.

Поступила в редакцию 16.11.2023

Принята к публикации 26.01.2024

Опубликована 28.02.2024

Startup Activity. Subjects and Signs

Svetlana P. Bykova¹ ✉

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: bykova.urist@yandex.ru

Резюме

Relevance. Currently, there is no common understanding and approach to the definition of startup activity, startup, startup project, as well as to the range of their subjects. Many by-laws are adopted in which the concept of a startup and its subject composition contradicts previously adopted similar documents: for each state support program, its requirements for recipients are defined, which prevents equal access of entrepreneurs to economic benefits.

The purpose of the article is to determine the range of subjects and distinctive features of startup activity.

Objectives. Defining the circle of participants in startup activities; forming the concepts of "startup" and "startup project"; highlighting the main features of startup activities.

Methodology. To achieve reliable results, general scientific methods of analysis, induction and deduction, interpretation and systematization of legal norms were used, the formal legal method and methods of generalization of legal norms were also used.

Results. In the course of the study, a circle of subjects of startup activity was established, which includes both legal entities and individual entrepreneurs, as well as individuals.

Conclusion. Startup activity combines startups and startup projects. If we are talking about startup entities, then we can include legal entities and individual entrepreneurs registered in accordance with the legislation. If we talk about the subjects of a startup project, then the circle of subjects includes mainly individuals who can only plan the launch of their innovative business. The idea may not necessarily develop into a real entrepreneurial activity, since various obstacles may arise on the way to a successful project, such as economic, technological, legal and social factors.

Keywords: startup; startup project; startup activity; startup subjects.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bykova S. P. Startup Activity. Subjects and Signs. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(1): 55–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-55-64>

Received 16.11.2023

Accepted 26.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

Стартап характеризуется созданием и развитием компании на основе инновационных идей и технологий. В отличие от традиционного бизнеса стартап находится в стадии поиска своего продукта и бизнес-модели, и даже может работать в убыток в течение длительного времени. Однако при успешном развитии деятельность может превратиться в крупную компанию, приносящую значительную прибыль и имеющую влияние на рынок. Именно поэтому стартапы являются важным фактором экономического развития,

т. к. они способны создавать новые технологии и продукты, решать многие социальные и экологические проблемы, создавать новые рабочие места. Зачастую участники стартапной деятельности получают поддержку от государственных и частных инвесторов, участвуют в соответствующих программах и конкурсах¹.

¹ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Правительство России: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 28.09.2023); Федеральный проект «Взлет – от стартапа до IPO» // Мой бизнес: офиц. сайт.

Следует заметить, что с 2023 г. в Москве официально действует реестр стартапов¹.

Как уже отмечалось, в нашей стране отсутствует единое легальное понятие «стартап». Причинами пробела является абсолютная новизна этого феномена для российского законодательства и юридической науки, а их исключительно экономическое понимание стартапов, проникшее в правовое поле из зарубежных источников, не соответствует их сущности.

Представляется, что стартап является одним из видов предпринимательской деятельности, участниками которой являются юридические лица и индивидуальные предприниматели, относящиеся к субъектам малого бизнеса, содержащие в своей основе высокорисковую инновационную бизнес-модель.

Целями стартапа являются: получение прибыли за счет реализации охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности; привлечение сторонних инвестиций [1].

Методология

В число научных задач в рамках общего научного направления в области стартапов входит устранение имеющихся противоречий в определении субъектного состава стартапной деятельности. В целях получения достоверных результатов и выводов использовались общенаучные методы анализа, индукции и дедукции, давшие возможность обосновать тезисы о правовом статусе участников стартапа. Использование методов толкования и систематизации [2, с. 112] позволило лучше понять юридическое значение исследуемых правовых явлений, понятий, уяснить

смысл того или иного познаваемого правового феномена, выявить связи и взаимосвязи между отдельными элементами исследуемой системы стартапов, а данной системы – с другими социально-правовыми системами. Применение формально-юридического метода способствовало приданию надлежащей правовой формы исследуемым правовым явлениям, форматизации их правовых связей и взаимосвязей. Метод обобщения позволил выявить общее и частное, обобщить единичное и особенное, обнаружить общие юридические качества изучаемых и сравниваемых правовых явлений.

Результаты и их обсуждение

Основным участником любого вида деятельности является ее субъекты. Вместе с тем правовая неопределенность в отношении понятий «стартап», «стартапная деятельность», «стартап-проект» значительно усложняет задачу по выявлению круга участников и установления их правового статуса.

Юридические лица и индивидуальные предприниматели

Ряд авторов не разделяют понятие стартапа и компании/организации/юридического лица. Стартапы рассматриваются как компании с короткой историей операционной деятельности [3, с. 70], «только что созданная компания» [4, с. 95], «временная малая организация» [5, с. 107]. О стартапах как о юридическом лице пишут Р. М. Янковский [6, с. 15], Т. Г. Бондаренко и Е. А. Исаева [7, с. 3], О. В. Белая, Ю. А. Кицай [8, с. 146]. В качестве признаков такого юридического лица называется малый размер организации: отнесение к субъектам малого и среднего предпринимательства [9, с. 170], недолгий период существования [4], наличие инновационной идеи, высокие риски и быстрый рост [7].

URL: <https://fpprso.ru/vzlet-of-startapa-do-ipo/?ysclid=lsen72c71a311490410> (дата обращения: 28.09.2023).

¹ Реестр стартапов и технологических компаний Москвы: офиц. сайт. М., 2007. URL: https://i.moscow/startup_reestr (дата обращения: 28.09.2023).

Обращаясь к источникам права, регулирующим стартапную деятельность, можно встретить аналогичный подход.

В Постановлении Правительства РФ от 1 июля 2022 г. № 1191¹ содержится понятие «университетский стартап», которое определено как хозяйственное общество. В Распоряжении Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р² под стартапом с пометкой (технологический) понимается вновь созданное предприятие, ориентированное на разработку и (или) производство продуктов на основе какой-либо инновационной идеи, связанной, как правило, с использованием новых технологий, особенностью стартапа является наличие команды и технологической идеи, цель развития стартапа состоит в капитализации идеи в рамках производства серийной продукции (услуги) и (или) поглощения компанией-инвестором. В Распоряжении Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4355-р стартапы определяются как субъекты малого и среднего предпринимательства³.

¹ Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета некоммерческой организации Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий в целях возмещения части затрат физическим лицам, осуществившим инвестиции в университетские стартапы: постановление Правительства РФ от 1 июля 2022 г. № 1191 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421103/ (дата обращения: 28.09.2023).

² Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»): распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/ (дата обращения: 28.09.2023).

³ Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29 дек. 2022 г. № 4355-р // Консультант Плюс: сайт. URL:

Акселератор ПАО «Сбербанк» Sber500 определяет «Стартап-проект» как компанию (юридическое лицо) начальной стадии развития⁴.

Представляется, что позиция, отраженная в нормативно-правовых актах и правовой доктрине, смешивает само понятие стартапа с его субъектами. По нашему мнению, стартап – это не организационно-правовая форма, и называть стартап юридическим лицом не совсем корректно: все виды юридических лиц поименованы в четвертой главе Гражданского кодекса Российской Федерации⁵. Необходимо различать данные понятия и утверждать о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях в контексте субъектов стартапа как вида (или направления) предпринимательской деятельности.

Следует отметить, что в настоящее время уже делаются определенные позитивные шаги в указанном направлении, например, в Положении о Реестре стартапов г. Москвы определен круг субъектов, которые могут быть включены в реестр в качестве участников стартапа⁶.

В п. 3 Положения о присвоении и утрате статуса участника проекта создания и обеспечения функционирования

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78822/ (дата обращения: 28.09.2023).

⁴ Правила участия в акселераторе Sber 500 // SBER 500: сайт. URL: <https://sberbank-500.ru/rules> (дата обращения: 28.09.2023).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 нояб. 1994 № 51-ФЗ : [ред. от 14.04.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.09.2023).

⁶ О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 25 апреля 2019 N 435-ПП: постановление Правительства Москвы от 21 апр. 2023 г. №700-ПП // Mos.Ru: офиц. сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/51219220/?ysclid=lqdhkpprna447971738> (дата обращения: 28.09.2023).

инновационного центра «Сколково»¹ стартап определялся через требования к соискателю, которым является юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации, кроме этого, были требования к осуществлению исследовательской деятельности и устанавливался трехлетний срок коммерциализации результатов.

Физические лица

В том случае, если заниматься предпринимательской деятельностью намерены физические лица без образования юридического лица или регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, то они совершенствуют идею, которую они тестируют для запуска MVP (минимально жизнеспособного продукта) [10, с. 159]. Изложенную ситуацию называют «посевной стадией», в рамках которой ещё рано утверждать о начавшемся бизнесе, т. к. в случае систематического получения прибыли (предпринимательской составляющей) физические лица обязаны приобрести правовой статус индивидуального предпринимателя или стать участником (учредителем) юридического лица с совершением предусмотренной законом государственной регистрации. Иными словами, создание стартапа без регистрации юридического лица или статуса индивидуального предпринимателя возможно на посевной стадии для тестирования идеи. Однако при получении систематической прибыли законодательство обязывает физических лиц изменять свой статус или регистрировать юридическое лицо, за исключением отдельных видов деятельности, предусмотренных законом. Таким образом, физические лица, которые планируют запустить

стартап, но еще не зарегистрировали свой бизнес или не приобрели статус индивидуального предпринимателя, находятся на этапе создания стартап-проекта.

Изложенная позиция нашла свое отражение в положениях различных государственных университетов по реализации государственной программы Министерства образования и науки «Стартап как диплом»². Стартап-проект – это бизнес-проект, направленный на создание нового продукта, технологии или услуги (продуктовой инновации), обладающий потенциалом (перспективами) коммерциализации и масштабирования, разработанный и реализуемый в условиях неопределенности в конкурентной среде³. Как мы видим из данного определения, речь идет о бизнес-проекте, не содержащем особые требования к субъектному составу.

Кроме того, в Постановлении Правительства от 15 июня 2022 г. №1085⁴

² О направлении методических рекомендаций: письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 29 сент. 2022 г. № МН-11/3030 // Кодекс: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/352181469> (дата обращения: 28.09.2023).

³ Положение о подготовке и защите выпускных квалификационных работ в формате инновационно-технологического проекта «Стартап как диплом» по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата от 22.12.2022 №424 // Пятигорский государственный университет: сайт. URL: <https://upload.pgu.ru/iblock/8da/8da5d2cc78f09fe3f52a1e98ef01638d/424.pdf> (дата обращения: 28.09.2023); Положение П 02.184–2022. Выпускная квалификационная работа в формате «Стартап как диплом» от 20.12.2022. Изд. 2 // Юго-западный государственный университет: сайт. URL: https://swsu.ru/omk/normative_documents_cm/П%2002.184-2022_2.0_Выпускная%20квалификационная%20работа%20в%20формате%20Стартап%20как%20диплом.pdf (дата обращения: 28.09.2023).

⁴ О предоставлении субсидии из федерального бюджета автономной некоммерче-

¹ Положение о присвоении и утрате статуса участника проекта создания и обеспечения функционирования инновационного центра «Сколково» от 7 июня 2022 г. URL: [file:///C:/Users/User/Downloads/Положение%20о%20статусе%2007.06.22%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/Положение%20о%20статусе%2007.06.22%20(1).pdf) (дата обращения: 28.09.2023).

«стартап-проект» определяется как паспорт проекта по созданию университетского стартапа, подготовленный проектной командой с участием лиц, принявших участие в мероприятиях в рамках реализации результатов федерального проекта. Можно предположить, что законодатель вкладывал в понятие «стартап-проект» подготовительную основу для будущего стартапа.

Признаки осуществления стартапной деятельности

На основании приведённых выше определений можно выделить ряд признаков, характерных для стартапной деятельности, подразделяемых на основные и дополнительные [11].

Основные признаки стартапной деятельности – это признаки, которые отличают ее от иных видов предпринимательства. К таковым признакам относятся:

1. Осуществление деятельности в сфере технологий и инноваций. Как уже отмечалось, стартап создается для того, чтобы решать те или иные «недочеты», «недоработки» с помощью инноваций, новых технологий, способов ведения бизнеса, новых подходов и методов решения существующих проблем [12, с. 139].

2. Наличие инновационной идеи. Данный признак находится в тесной взаимосвязи с первым. Стартап создается на основе инновационных идей или концепций, которые отсутствуют на рынке, и

предлагает новые подходы к существующим решениям, идея в стартапе является его конкурентным преимуществом, и без нее заниматься данным видом деятельности бесперспективно [13, с. 170].

3. Получение результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД). Признак неразрывно связан с созданием нового инновационного продукта или решения, идею при создании которых стартап материализует в РИД [1]. Полученные результаты могут быть подвержены риску копирования или нарушения авторских прав. Одной из особенностей стартапа является необходимость прибегать к таким способам защиты исключительных прав в сфере интеллектуальной деятельности, как патентование, регистрация товарного знака, способных обеспечить правовую защиту новых идей и разработок.

4. Повышенный риск. Особыми признаками, отмеченными в правовой доктрине, является повышенный риск (по сравнению с обычным предпринимательством) и уровень неопределенности [14, с. 37]. Не случайно в многочисленных исследованиях стартапной деятельности приводятся цифры о том, что из 10 стартапов «выживает» 1–2 [15, с. 24]. Как правило, стартапы не имеют достаточных ресурсов, опыта и доказательств концепции, чтобы гарантированно утверждать о том, что идея будет успешной и прибыльной. Таким образом, стартапы – это всегда риск.

Привлечение венчурных инвестиций. Ключевым признаком стартапной деятельности является цель: поиск инвестора, а поскольку идея стартапа ранее отсутствовала, то такое отсутствие сопряжено с высокими рисками для инвесторов [16, с. 177], поэтому инвестирование называется венчурным.

6. Высокий уровень государственной поддержки¹. На протяжении десяти лет

ской организации «Платформа Национальной технологической инициативы» в целях организации акселерационных программ поддержки проектных команд и студенческих инициатив для формирования инновационных продуктов в рамках реализации федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства» государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 15 июня 2022 г. № 1085 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419842/ (дата обращения: 28.09.2023).

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики

Президент России В. В. Путин в своих обращениях и посланиях¹ подчеркивает важность государственной поддержки стартапов. За последние годы качественно изменился подход к поддержке стартапов и стартап-проектов, появилось большое количество государственных программ поддержки: грантов, субсидий, налоговых льгот². Всё это свидетельствует о важности развития данного вида деятельности.

Стартапная деятельность имеет и специфические (дополнительные) признаки, характерные только для стартапов, а не для стартап-проектов. К таковым относятся:

1. Короткий срок с момента создания (чаще всего предъявляются требования до трех лет с момента создания) [17, с. 23]. Данный признак правового статуса участника стартапной деятельности, представляется, обусловлен тем, что данного решения ранее не было представлено ни в одной сфере деятельности, и стартап как раз создается на его основе: инновационной идеи, как было указано в первых двух пунктах.

2. Требования к годовой выручке компании. Так, например, в реестре стартапов г. Москвы³ участники, включаемые

на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов: [утв. Минфином России] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429950/ (дата обращения: 28.09.2023).

¹ См., например: Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/ (дата обращения: 28.09.2023).

² Национальная программа «Цифровая экономика РФ»: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 28.09.2023); Мой бизнес: офиц. сайт. URL: <https://fprso.ru/vzlet-of-startapa-do-ipo/?ysclid=lsen72c71a311490410> (дата обращения: 28.09.2023).

³ О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 25 апреля 2019 г.

в реестр в качестве стартапа, должны соответствовать требованию по выручке, такой же механизм изложен в Положении об аккредитации ИТ-компаний⁴.

3. Отнесение субъектов стартапной деятельности к субъектам малого предпринимательства. В большинстве нормативных актов, а также правовых исследований стартапы относят к субъектам малого предпринимательства. Данный факт обусловлен тем, что стартапной деятельностью начинает заниматься обычно небольшая команда, состоящая из нескольких энтузиастов [19, с. 128; 20, с. 60].

Выводы

Стартап – это вид предпринимательской деятельности, который может быть осуществлен юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, зарегистрированными в установленном законом порядке. При этом само по себе юридическое лицо или статус индивидуального предпринимателя не является стартапом.

Стартап-проект – это прообраз стартапа, в котором участниками выступают, как правило, физические лица, желающие действовать в условиях предпринимательской деятельности, при этом они могут находиться на этапе подготовки стартап-проекта, что включает в себя разработку идеи, тестирование, создание MVP и другие действия, но это ещё не пред-

№ 435-ПП: постановление Правительства Москвы от 21 апр. 2023 г. №700-ПП // Mos.Ru: офиц. сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/51219220/?ysclid=lqdhkpprna447971738> (дата обращения: 28.09.2023).

⁴ Об утверждении Положения о государственной аккредитации российских организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий: постановление Правительства РФ от 30 сент. 2022 г. № 1729 : [ред. от 22.02.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427955/ (дата обращения: 28.09.2023).

принимательство в установленном законом порядке, т. к. они не зарегистрировали свой бизнес и не приобрели статус индивидуального предпринимателя или участника юридического лица.

Таким образом, юридические лица, индивидуальные предприниматели и физические лица могут быть участниками стартапной деятельности на различных стадиях ее развития:

– в фазе формирования концептуальной идеи и проверки ее практического применения (данный вид деятельности квалифицируется как стартап-проект с участием физических лиц);

– на стадии реального бизнеса стартап реализуется непосредственно. Эта деятельность требует четких правовых форм ввиду необходимости оформления взаимоотношений с иными участниками предпринимательской деятельности, привлечения инвестиций, участия в программах государственной поддержки и пр. Вследствие этого обстоятельства регистрация юридического лица или получение статуса индивидуального предпринимателя становится обязательным;

– когда данная деятельность перерастает в бизнес, то речь уже идет о стартапе, поскольку появляются взаимоотношения с другими участниками предпринимательской деятельности, которые необходимо закреплять, т.е. о гарантиях, о привлечении инвестиций, о прибыли, об ответственности сторон, а также об ответственности перед конечными потребителями продукта стартапов. Необходимо регистрировать предпринимательскую деятельность в установленном законом порядке, и в таком случае ее участниками становятся юридические лица или индивидуальные предприниматели.

В итоге к основным признакам стартапной деятельности относятся: осуществление деятельности в области технологий и инноваций; наличие инновационной идеи; наличие результатов интеллектуальной деятельности; повышенный риск; привлечение венчурных инвестиций; высокий уровень государственной поддержки.

Список литературы

1. Быкова С. П. Понятие и критерии стартапа как вида малой инновационной предпринимательской деятельности // *Хозяйство и право*. 2022. № 7. С. 21–30.
2. Сырых В. М. История и методология юридической науки. М.: Норма, 2023. 512 с.
3. Алтынбаев Р. Б., Султанов Н. З. Основы инноватики и управления проектами автоматизации производства. Оренбург: ОГУ, 2013. 332 с.
4. Демина Ю. Юридическая поддержка стартапов // *Жилищное право*. 2017. № 7. С. 95–105.
5. Бейгул Е. Н. Приоритеты и модель встраивания высокотехнологичных стартапов в рыночное пространство и их практическая реализация в IT-стартапах // *Реформы в России и проблемы управления* - 2013: материалы 28-й Всероссийской научной конференции молодых ученых. Вып. 1. М.: ГУУ, 2013. С.107.
6. Янковский Р. М. Закон стартапа. М.: Стартап, 2017. 188 с.
7. Бондаренко Т. Г., Исаева Е. А. Стартапы в России: актуальные вопросы развития // *Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ»*. 2015. Т. 7, № 5. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/83EVN515.pdf> (дата обращения: 28.09.2023).
8. Белая О. В., Кицай Ю. А. Гражданско-правовые способы защиты инноваций в стартапах как в бизнес-проектах // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. Т. 162, кн. 2. С. 146–160.
9. Каширин А. И., Семенов А. С. Венчурное инвестирование в России. М.: Вершина, 2007. 330 с.
10. Радзиевская А. А. Принципы разработки многофункциональных веб-приложений, используя No-Code подход // *Компьютерные и информационные науки*. 2023. № 1. С. 158–161.

11. Пономарев Д. А. Понятие и признаки семейного предпринимательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 54–64.
12. Сухоруков А. В. Подходы к определению инновационной предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Образование и право. 2022. № 7. С. 135–140.
13. Быкова С. П. Идея как конкурентное преимущество стартапа: правовые способы защиты // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 3 (41). С. 169–174. https://doi.org/10.58741/23134852_2023_3_18.
14. Рис Э. Бизнес с нуля. Метод Lean Startup для быстрого тестирования идей и выбора бизнес-модели. М.: Альпина Паблишер, 2020. 331 с.
15. Виленский А. В. Макроэкономические институциональные ограничения развития российского малого предпринимательства. М.: Наука и образование, 2017. 236 с.
16. Хан А. А., Оруджов Т. Ф., Костюкевич К. А. Проблемы правового регулирования венчурных инвестиций // Закон и право. 2020. № 8. С. 175–178.
17. Бланк С., Дорф Б. Стартап: настольная книга основателя: [пер. с англ.]. 5-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2021. 616 с.
18. Збанацкий Д. Стартапы: Юридические и практические аспекты. Ознакомительная часть // Независимый аудитор. 2013. № 3. С. 97–98.
19. Самсонов В. С., Скапенко В. В. Основные направления и формы государственной поддержки субъектов малого и среднего бизнеса // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 3 (42). С. 123–130.
20. Резкин П. Е., Галешова Е. И. Стартап как форма ведения бизнеса // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2022. № 12. С. 73–80.

References

1. Bykova S. P. Ponyatie i kriterii startapa kak vida maloj innovacionnoj predprinimatel'skoj deyatel'nosti [The concept and criteria of a startup as a type of small innovative entrepreneurial activity]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2022, no. 7, pp. 21–30.
2. Syryh V. M. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki [History and methodology of legal science]. Moscow, Norma Publ., 2023. 512 p.
3. Altynbaev R. B., Sultanov N. Z. Osnovy innovatiki i upravleniya proektami avtomatizacii proizvodstva [Fundamentals of innovation and project management of production automation]. Orenburg, OGU Publ., 2013. 332 p.
4. Demina Yu. Yuridicheskaya podderzhka startapov [Legal support for startups]. *Zhilishchnoe pravo = Housing Law*, 2017, no. 7, pp. 95–105.
5. Bejgul E. H. [Priorities and model of embedding high-tech startups in the market space and their practical implementation in IT startups]. *Reformy v Rossii i problemy upravleniya – 2013. Materialy 28-j Vserossijskoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh* [Reforms in Russia and management problems – 2013. Materials of the 28th All-Russian Scientific Conference of Young Scientists]. Is. 1. Moscow, GUU Publ., 2013. P. 107. (In Russ.)
6. Yankovskij R. M. Zakon startapa [Startup Law]. Moscow, Startap Publ., 2017. 188 p.
7. Bondarenko T. G., Isaeva E. A. Startapy v Rossii: aktual'nye voprosy razvitiya [Startups in Russia: current development issues]. *Internet-zhurnal "NAUKOVEDENIE" = Online magazine "SCIENCE STUDIES"*, vol. 7, no. 5. 2015. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/83EVN515.pdf> (accessed 28.09.2023).
8. Belaya O. V., Kicaj Yu. A. Grazhdansko-pravovye sposoby zashchity innovacij v startapah kak v biznes-proektah [Civil law ways to protect innovations in startups as in business projects]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = Scientific notes of Kazan University. The Humanities Series*, 2020, vol. 162, kn. 2, pp. 146–160.
9. Kashirin A. I., Semenov A. S. Venchurnoe investirovanie v Rossii [Venture capital investment in Russia]. Moscow, Vershina Publ., 2007. 330 p.

10. Radzievskaya A. A. Principy razrabotki mnogofunkcional'nyh veb-prilozhenij, ispol'zuya No-Code podhod [Principles of developing multifunctional web applications using the No-Code approach]. *Komp'yuternye i informacionnye nauki = Computer and Information Sciences*, 2023, no. 1, pp. 158–161.
11. Ponomarev D. A. Ponyatie i priznaki semejnogo predprinimatel'stva [The concept and signs of family entrepreneurship]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 54–64.
12. Suhorukov A. V. Podhody k opredeleniyu innovacionnoj predprinimatel'skoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii [Approaches to the definition of innovative entrepreneurial activity in the Russian Federation]. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2022, no. 7, pp. 135–140.
13. Bykova S. P. Ideya kak konkurentnoe preimushchestvo startapa: pravovye sposoby zashchity [The idea as a competitive advantage of a startup: legal ways of protection]. *Zhurnal Suda po intelektual'nym pravam = Journal of the Court of Intellectual Rights*, 2023, is. 3 (41), pp. 169–174. https://doi.org/10.58741/23134852_2023_3_18
14. Ris E. Biznes s nulya. Metod Lean Startup dlya bystrogo testirovaniya idej i vybora biznes-modeli [Business from scratch. The Lean Startup method for quickly testing ideas and choosing a business model]. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2020. 331 p.
15. Vilenskij A. V. Makroekonomicheskie institucional'nye ograniceniya razvitiya rossijskogo malogo predprinimatel'stva [Macroeconomic institutional constraints on the development of Russian small business]. Moscow, Nauka i obrazovanie Publ., 2017. 236 p.
16. Han A. A., Orudzhov T. F., Kostyukevich K. A. Problemy pravovogo regulirovaniya venchurnykh investicij [Problems of legal regulation of venture investments]. *Zakon i pravo = Law and Law*, 2020, no. 8, pp. 175–178.
17. Blank S., Dorf B. Startup: nastol'naya kniga osnovatelya [Startup: The Founder's Handbook]. Moscow, Al'pina Publisher, 2021. 616 p.
18. Zbanackij D. Startapy: Yuridicheskie i prakticheskie aspekty. Oznakomitel'naya chast' [Startups: Legal and practical aspects. Introductory part]. *Nezavisimyj auditor = Independent Auditor*, 2013, no. 3, pp. 97–98.
19. Samsonov V. S., Skapenko V. V. Osnovnye napravleniya i formy gosudarstvennoj podderzhki sub"ektov malogo i srednego biznesa [The main directions and forms of state support for small and medium-sized businesses]. *RSEU = PRUE*, 2018, no. 3 (42), pp. 123–130.
20. Rezkina P. E., Galeshova E. I. Startup kak forma vedeniya biznesa [Startup as a form of doing business]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Vestnik of Polotsk State University. Part D. Economic and Legal Sciences*, 2022, no. 12, pp. 73–80.

Информация об авторе / Information about the Author

Быкова Светлана Петровна, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: bykova.urist@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1688-933X

Svetlana P. Bykova, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: bykova.urist@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1688-933X

УДК 342.7

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-65-79>

Судимость как персональные данные и основание общеправовых ограничений

И. С. Алихаджиева¹ ✉

¹Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой
г. Москва 117624, Российская Федерация

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Рассматриваются вопросы, связанные с феноменом судимости как специальных персональных данных гражданина, доступности сведений об осуждении лица и обеспечении их безопасности. Анализируются позиции Конституционного и Верховного судов РФ, судов общей юрисдикции в части отражения судимости в справках об отсутствии судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования МВД РФ при ее погашении или снятии.

Цель исследования состоит в дополнении теоретических положений, направленных на углубление научного знания о судимости как негативном последствии, выражаемом в создании не основанных на законе общеправовых ограничений для осужденного Административным регламентом МВД РФ по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о судимости от 27.09.2019 № 660.

Задачи: проанализировать постановления Конституционного и решения Верховного Суда Российской Федерации, обзоры судебной практики, решения судов по делам об оспаривании положений Административного регламента МВД РФ, выявить и подвергнуть осмыслению ограничения, создаваемые им для лиц, судимость которых снята или погашена.

Методология. В статье активно применяются методы теоретического исследования (анализ, синтез, индукция и дедукция), а также формально-юридический, системно-аналитический методы, документальный, а также метод обобщения судебной практики.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер и содержат предложения по решению проблем, связанных с судимостью гражданина, при ее погашении или снятии, когда общеправовые ограничения в том числе являются следствием пробелов Административного регламента МВД РФ. Аргументируется необходимость изменения его редакции.

Вывод. Государством и правоприменителем не осмыслены социально опасные последствия решений о соответствии ведомственных актов, создающих искусственные препятствия для реализации экосужденным трудовых, избирательных, социальных и других прав, Конституции РФ и федеральному законодательству.

Ключевые слова: судимость; персональные данные; судебная практика; погашение и снятие судимости; общеправовые ограничения.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Алихаджиева И. С. Судимость как персональные данные и основание общеправовых ограничений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 65–79. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-65-79>.

Поступила в редакцию 26.12.2023

Принята к публикации 25.01.2024

Опубликована 28.02.2024

Criminal Record as Personal Data and the Basis of General Legal Restrictions

Inna S. Alikhadzhiyeva¹ ✉

¹Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova
Moscow 117624, Russian Federation

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Abstract

Relevance. The issues related to the phenomenon of criminal record as special personal data of a citizen, the availability of information about the conviction of a person and ensuring their safety are considered. The article analyzes the positions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, courts of general jurisdiction regarding the reflection of a criminal record in certificates of absence of a criminal record and (or) the fact of criminal prosecution or on the termination of criminal prosecution by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation upon its repayment or withdrawal.

The purpose of the study is to supplement theoretical provisions aimed at deepening scientific knowledge about criminal record as a negative consequence, expressed in the creation of general legal restrictions not based on law for a convicted person by the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the provision of public services for the issuance of criminal record certificates dated 09/27/2019 No. 660.

Objectives: to analyze the decisions of the Constitutional and Supreme Court of the Russian Federation, reviews of judicial practice, court decisions on cases challenging the provisions of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, to identify and comprehend the restrictions created by it for persons whose criminal record has been removed or extinguished.

Methodology. The article actively uses the methods of theoretical research (analysis, synthesis, induction and deduction), as well as formal legal, system-analytical methods, documentary, as well as the method of generalization of judicial practice.

The results of the study are theoretical and applied in nature and contain proposals for solving problems related to a citizen's criminal record, when it is repaid or withdrawn, when general legal restrictions, among other things, are the result of gaps in the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The necessity of changing its wording is argued.

Conclusion. The state and the law enforcement officer have not comprehended the socially dangerous consequences of decisions on the compliance of departmental acts that create artificial obstacles to the exercise of labor, electoral, social and other rights by ex-convicts to the Constitution of the Russian Federation and federal legislation.

Keywords: criminal record; personal data; judicial practice; repayment and removal of criminal record; general legal restrictions.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Alikhadzhiyeva I. S. Criminal Record as Personal Data and the Basis of General Legal Restrictions to Understanding the Legal Nature of Legal Relations in the XIX – early XX Centuries: Historical and Legal Aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(1): 65–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-65-79>

Received 26.12.2023

Accepted 25.01.2024

Published 28.04.2024

Введение

Как негативное последствие осуждения за совершение уголовно наказуемого деяния судимость имеет не только уголовно-правовую, но и социально-нрав-

ственную природу. Во втором значении судимость человека, когда-либо объявленного судом преступником, стереотипно воспринимается социумом пятном на репутации. В качестве неотвратимой репрессии она влечет и общеправовые

ограничения лица и тем самым умаляет его социальную значимость¹. Согласно сводным статистическим сведениям о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей (Форма 1. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания), за 2021 г. в России по первой инстанции осудили 565 523 человек, из которых 212 645 имели неснятую или непогашенную судимость, в 2022 г. – соответственно 578 751 и 214 142 человек, а в I полугодии 2023 г. – 268 921 и 101 876 человек².

Говоря о судимости как уголовно-правовой категории, криминалисты традиционно пишут о ее последствиях с точки зрения норм уголовного закона [1, с. 104]. В разные годы тема этого института являлась объектом изучения в трудах Ф. В. Габдрахманова [2, с. 88], А. Я. Гришко [3, с. 123], М. Д. Давитадзе [4, с. 83], В. В. Ераксина, Г. Ю. Зинина [5, с. 155], С. И. Зельдова [6, с. 66], В. И. Зубковой [7, с. 106], В. М. Малкова [8, с. 26], Б. С. Никифорова [9, с. 104], А. А. Новицкого [10, с. 91], Л. Ф. Помчалова [11, с. 17], Т. Г. Понятовской [12, с. 59], Р. А. Сабитова [13, с. 12], Ю. М. Ткачевского [14, с. 38], В. Д. Филимонова [15, с. 105], Т. Г. Черненко [16, с. 128] и др. Думается, продолжением уголовной репрессии является постоянное расширение количества запретов и ограничений для лиц с судимостью, носящих общеправовой характер. Их круг не поддается какой-либо четкой систематизации в силу множественности и разбросанности по нормативным правовым и локальным актам. По подсчетам Н. В. Артеменко и

Н. Г. Шимбаревой, больше 100 федеральных законов содержат ограничения, связанные в том числе с погашенной или снятой судимостью либо фактом привлечения к уголовной ответственности в прошлом [17, с. 147]. В этой связи исследовательский интерес автора вызывает судимость как персональные данные человека и судебная практика по вопросам, связанным с общеправовыми последствиями судимости.

Методология

Тематика работы послужила основанием для применения общепринятой методологии. Для формулирования выводов и предложений использовались методы анализа, синтеза, индукции и дедукции. Документальный и системно-аналитический методы стали основными при изучении научных источников и открытых статистических данных. Посредством формально-юридического метода и метода анализа судебной практики обобщены и изучены постановления и решения Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции, размещенные в том числе в базах справочных правовых систем.

Результаты и их обсуждение

Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Страсбург, 28 января 1981 г.) в ст. 6 к специальным (или чувствительным)³ [18, с. 5]) относит персональные данные о расовом или национальном происхождении, политических взглядах, религиозных и других убеждениях, а также данные, касающиеся

¹ Архенгольц И. А. Судимость и ее общеправовые последствия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 256 с.

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за I полугодие 2023 года // Судебный департамент Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7900> (дата обращения: 14.11.2023).

³ Специальные данные получили второе название чувствительных по принципу, применяемому в судебной практике стран общего права, согласно которому распространение персональных данных признается посягательством на частную жизнь, если оно «высокопредосудительно для любого благонамеренного человека, наделенного обычной чувствительностью».

здоровья, половой жизни и судимости. По Конвенции, они не могут подвергаться автоматизированной обработке, если внутреннее законодательство не устанавливает соответствующих гарантий¹. Судимость как следствие совершения преступления, а также сведения о привлечении к уголовной ответственности в зарубежном праве относятся к специальным персональным данным, не подлежащим обработке. К примеру, в Швейцарии п. «с» ст. 3 Закона «О защите данных» относит к так называемым «чувствительным» данным сведения об уголовном и административном преследовании и наличии судимости. Конституционный суд Португалии по делу 355/97 в постановлении от 7 мая 1997 г. признал, что к категории сведений о частной жизни относится не только информация о семейной жизни, о половых отношениях, но и о судимостях граждан.

В отличие от зарубежного и международного права российский законодатель прямо не именуется судимость специальными персональными данными, о которых речь идет в п. 1 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ № 152)². Ими он считает расовую, национальную принадлежность, политические взгляды, религиозные или философские убеждения, состояние здоровья, интим-

ную жизнь и не разрешает какую-либо их обработку. По персональным данным о судимости, которая упомянута в ч. 3 ст. 10 ФЗ № 152, такого запрета нет. В ней содержится оговорка о праве государственных органов и уполномоченных лиц обрабатывать эту категорию данных. Редакция этой нормы о судимости служит основанием для оспаривания заявителями ее конституционности. Так, в своей жалобе гражданин А. Н. Батура просил признать ч. 3 ст. 10 ФЗ № 152 нарушающей его право на защиту частной жизни, а потому не соответствующей Конституции РФ. Отказывая в принятии к рассмотрению жалобы, Конституционный Суд РФ отметил: «Данное законоположение закрепляет правила обработки данных о судимости лица, в силу которых круг лиц, имеющих право осуществлять такую обработку, и ее порядок устанавливаются только в соответствии с федеральными законами. Названная норма направлена на дополнительную защиту такого вида персональных данных, как сведения о судимости, и также не может нарушать права заявителя в указанном им аспекте»³.

Говоря об обеспечении сохранности данных об имеющейся (имевшейся) у человека судимости, следует признать их низкую степень защищенности. И речь здесь идет не об официальных источниках, могущих подтвердить факт судимости (ГАС РФ «Правосудие», сайты судов, приговоры, в которых обязательно выматываются личные сведения об осужденном). Персональные данные об уголовном преследовании и судимости с описа-

¹ Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных: [заключена в г. Страсбурге 28.01.1981: вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ № 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом министров в Страсбурге 15.06.1999] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/ (дата обращения: 14.11.2023).

² О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: [с изм. и доп. от 06.02.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 14.11.2023).

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Батуры Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 2 статьи 17 Федерального закона «О полиции», а также частью 3 статьи 10 Федерального закона «О персональных данных»: определение Конституционного Суда РФ от 21 нояб. 2022 г. № 3204-О // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/405955451/> (дата обращения: 14.11.2023).

нием подозреваемых, обвиняемых и осужденных и их примет свободно продаются на киберрынке [19, с. 93]. К примеру, с помощью бота по поиску и «пробиву» информации о человеке «Himera Search», находящегося в открытом доступе, можно найти данные о человеке по его фамилии, имени и отчеству (адрес, номер телефона и дата рождения, доходы, имущество, задолженности, а также «о негативе и правонарушениях»). Услуга по поиску персональных данных платная и оказывается при условии регистрации на сайте. Как указано на его странице, конфиденциальные данные о человеке предоставляются заказчику в удобном формате. По запросу личная информация формируется в одном отчете, а в качестве его примера предлагаются подробные данные об экс-министре экономики России Алексее Улюкаеве. В нем раскрываются персональные данные о фигуранте дела по взятке с 1999 года (биография, реквизиты паспорта, СНИЛС, ИНН, телефоны, автомобили, адреса квартир с регистрацией и находящихся в его собственности, места работы, должность и доходы, авиаперелеты, суммы уплаченных налогов и др.). В отдельном разделе отчета содержатся сведения об уголовном преследовании А. В. Улюкаева, и в том числе фабула обвинения, квалификация, данные об исправительном учреждении (ФКУ ИК-1 УФСИН России по Тверской области) и доходах, полученных бывшим министром за время отбывания наказания в колонии¹.

Обещает проверить на благонадежность граждан по тридцати источникам и сервис «Проверка.онлайн»². Сайт Checkperson, как заявлено, также осуществляет помощь в идентификации человека по

фамилии, имени, отчеству, паспорту, военному билету, включая сведения о судимости и его нахождение в розыске по базе МВД РФ, за пять минут³. По поисковому запросу автора Яндекс только по г. Москве выдал 43 организации, оказывающие за плату услуги по так называемому «пробиву» судимости. Стоимость проверки человека на судимость по базам спецучета и его причастность к уголовным делам (в том числе и архивным) в столице составляет от 2 тыс. 500 руб. до 5 тыс. руб.⁴ В этой связи возникает вопрос, откуда и как персональные данные о судимости, которые обрабатываются ограниченным кругом операторов по ФЗ № 152 и не находятся в открытом доступе (утвержден порядок получения справок о судимости, лично или по доверенности согласно Административному регламенту МФД РФ по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, приказ МВД России от 27 сентября 2019 г. № 660⁵), попадают к третьим лицам как предмет купли-продажи.

Факт осуждения (несудимости) лица подтверждается справкой об отсутствии

³ Проверка физических лиц // Checkperson: сайт. URL: <https://checkperson.ru/?ysclid=lqf5skfpzb680529193> (дата обращения: 14.11.2023).

⁴ Проверка судимости: сайт. URL: <https://uslugi.yandex.ru/213-moscow/category?p=1&text=проверка++судимости> (дата обращения: 14.11.2023).

⁵ Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования: приказ МВД России от 27 сент. 2019 г. № 660 // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1056910> (дата обращения: 14.11.2023).

¹ Himera-search: сайт. URL: <https://himera-search.net/report/a70ddf2e-9ebf-480d-8811-c981200b8907>(дата обращения: 14.11.2023).

² База данных о судимости // Проверка.онлайн: сайт. URL: <https://проверка.онлайн/база-данных-о-судимости/?ysclid=lqf4znvr5468175992> (дата обращения: 14.11.2023).

судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования (далее справка о судимости). Полномочия по выдаче возложены на МВД России в соответствии с п. 3 «Об утверждении перечня государственных услуг, предоставляемых федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов на основании комплексного запроса» (распоряжение Правительства РФ от 19 февраля 2018 г. № 260-р). О том, что вопрос о содержании этих справок является актуальным для россиян, свидетельствуют многочисленные иски в суды. Обращаются заявители с административным иском к территориальному управлению МВД России об обязанности выдать справку с указанием даты ее погашения. К примеру, как следует из заявления в Центральный районный суд г. Омска, Информационный центр регионального управления МВД России выдал справку о наличии судимости с указанием сведений о ней. В суде заявитель поставил вопрос о выдаче административным ответчиком новой справки с отметкой о дате погашения судимости, а также просил признать незаконным отказ исправить сведения в базе данных. Суд не усмотрел оснований для возложения на полицию новой обязанности указывать в справке о наличии судимости сведения о ее погашении, обосновав свою позицию тем, что данные централизованного учета содержат исчерпывающую информацию о судимости. В мотивировочной части решения он указал: «Для поиска информации о наличии (отсутствии) неснятых или непогашенных судимостей по учетам МВД России необходим полный комплекс установочных данных, позволяющих в том числе достоверно установить как факт наличия (отсутствия) неснятых или непогашенных судимостей, так и факт того, что эти сведения относятся именно к конкретному

лицу»¹. После жалобы на это решение Омский областной суд оставил его без изменений.

Аналогичную позицию подтвердил и Верховный Суд РФ при рассмотрении административного искового заявления в 2017 г. Заявители просили суд признать Административный регламент МВД РФ недействительным в части выдачи справки без сведений о погашении судимости. Суд отказал в удовлетворении иска об оспаривании регламента, признав законным порядок предоставления услуги по выдаче справок о наличии либо отсутствии судимости, в соответствии с которым сотрудники МВД РФ не анализируют сведения из баз данных на предмет погашения судимости². Между тем обращение заявителей в Верховный Суд РФ было вызвано тем, что организациями, для которых запрашивались справки о погашенной судимости в соответствии с федеральными законами «Об оценочной деятельности» и «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», они приняты не были. В действующей редакции Административный регламент МВД РФ при выдаче справок не обязывает ведомство осуществлять анализ сведений о судимости граждан, в том числе о ее погашении. Согласно же доводам иска, полученные

¹ Погашение без разглашения // Коммерсантъ. 2023. 11 янв. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5760051> (дата обращения: 14.11.2023).

² Об отказе в признании частично не действующим приказа Министерства внутренних дел РФ от 7 нояб. 2011 г. № 1121 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования: решение Верховного Суда РФ от 4 июля 2017 г. № АКПИ17-287 // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/71751952/> (дата обращения: 14.11.2023).

из ИАЦ МВД РФ документы были необходимы для реализации своих гражданских прав и законных интересов (право на получение информации, на выезд, оценочную деятельность, для процедуры медиации), однако их выдача без указания на то, погашена судимость или нет, повлекла отказ истцам организациям, для которых сведения запрашивались.

Примечательно, что тот же Верховный Суд РФ разрешил привлекать к отправлению правосудия присяжных заседателей с погашенной судимостью, а отсутствие обязанности у ИЦ МВД РФ удостоверять юридический факт несудимости бывших осужденных при снятии или погашении судимости он отказался признать дискриминационным. Так, в 2005 г. известный в криминальных кругах авторитет В. К. Иванов («Япончик») был оправдан Московским горсудом по п. «з» ст. 102, ч. 2 ст. 15, п. «з» ст. 102 УК РСФСР. Он обвинялся в причинении тяжкого вреда здоровью одному гражданину Турции и в убийстве двух турок. Оправдательный вердикт был постановлен с участием коллегии присяжных заседателей на основании пп. 2, 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ ввиду непричастности Иванова к инкриминируемым деяниям. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор был оставлен без изменения, а кассационное представление – без удовлетворения. И тогда в порядке надзора в своем представлении заместитель Генерального прокурора РФ поставил вопрос о незаконности приговора и его отмене. По мнению представителя прокуратуры, вердикт был вынесен незаконным составом коллегии присяжных заседателей. Восемь из них скрыли сведения о своей или своих родственников судимости и других проблемах с законом, что позволило сформировать тенденциозную и необъективную коллегию. Президиум Верховного Суда РФ оставил надзорное представление без удовлетворения, указав, что «никто из присяжных заседа-

лей и их родственников не имел неснятую или непогашенную судимость, что свидетельствовало бы о незаконном составе суда. Судом установлено, что некоторые из присяжных заседателей и их родственников привлекались к административной или уголовной ответственности, однако их судимости погашены. Согласно требованиям ч. 3 ст. 328 УПК РФ кандидаты в присяжные заседатели должны отвечать правдиво на вопросы о себе и родственниках. Из протокола судебного заседания следует, что им предлагалось сообщить, кто имеет ранее судимых близких родственников либо сам был судим или привлекался к уголовной ответственности. Ответы на вопросы в той форме, в какой они были сформулированы, были правдивыми. Лицо, имеющее погашенную судимость, на основании ст. 86 УК РФ может отвечать, что оно не судимо»¹. На основании изложенного высшая судебная инстанция пришла к выводу о несоответствии требованиям закона утверждения прокуратуры о сокрытии кандидатами в присяжные заседатели погашенной судимости и их обязанности об этом сообщить суду.

С теми же требованиями, но уже в Конституционный Суд РФ обратился А. Н. Батура. По его мнению, положения федеральных законов «О полиции» и «О персональных данных» не соответствуют ч. 1 ст. 23 и 46 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. В частности, автор жалобы ссылаясь на отсутствие механизма уточнения данных о судимости лица, что не позволяет уполномоченным органам вносить дату

¹ Суд оставил без изменения кассационное определение, поскольку в связи с опровержением доводов надзорного представления о незаконном составе суда по настоящему делу отсутствуют какие-либо фундаментальные основания к отмене судебного решения, ухудшающие положение оправданного. См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 10 апр. 2006 г. № 59-П06ПР. // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2006. № 9.

погашения судимости в ведомственные информационные базы и в справки о ее наличии (отсутствии). Заявитель считает, что в установленном образце справки должны быть указаны сроки, когда лицо считается несудимым. Судьи, мотивируя отказ в принятии жалобы, обратились к Административному регламенту МВД РФ. «В соответствующих графах справки, – говорится в постановлении суда, – делается отметка “не имеется” только при отсутствии сведений об осуждении, о факте уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования (пункт 76.1); при наличии же сведений об имеющейся и имевшейся ранее судимости в соответствующей графе справки указывается дата осуждения, наименования суда, вынесшего приговор, пункт, часть, статья уголовного закона, по которым лицо было осуждено, срок и вид наказания, сведения о переквалификации деяния, дата и основание освобождения, дата и основание снятия судимости (пункт 76.3)»¹. Свою правовую позицию Конституционный Суд РФ интерпретировал с учетом того, что гражданин, которому выдана справка о наличии (отсутствии) судимости, не лишен возможности представить по месту требования и другие документы, позволяющие сделать вывод о погашении судимости. Иными словами, Конституционный и Верховный суды РФ признали, что оспариваемый регламент не противоречит другим нормативно-правовым актам, а порядок предоставления услуги не ущемляет права граждан.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Батуры Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 2 статьи 17 Федерального закона «О полиции», а также частью 3 статьи 10 Федерального закона «О персональных данных»: определение Конституционного Суда РФ от 21 нояб. 2022 г. № 3204-О // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/405955451/> (дата обращения: 14.11.2023).

Возражая против такого подхода, укажем, *во-первых*, что судьи так и не решили главную проблему тех, кто неоднократно обращался в Конституционный Суд РФ с аналогичными жалобами. Подзаконный нормативно-правовой акт, коим является Административный регламент МВД РФ, не учитывает положения ч. 1 и 6 ст. 86 УК РФ об аннулировании всех правовых последствий судимости. В справке у нарушившего уголовный закон человека всю жизнь будут указаны сведения о том, когда и за что он был осужден. Информация же о том, что судимость погашена и человек «чист перед обществом», отражения не находит, что противоречит понятию судимости как временному правовому состоянию осужденного. Речь идет о репутационных рисках, невозможности реабилитироваться и избавиться от клейма судимого лица. По мнению федерального судьи в отставке С. А. Пашина, «хотя фактически человек считается несудимым, но в документах он остается таковым, а это значит, что и в жизни тоже. Несмотря на цифровизацию и крупные госрасходы на внедрение достижений научно-технического прогресса, чиновники продолжают обходиться с людьми по-гулаговски, прекрасно зная, что судимость с человека снята, но продолжая штамповать обратное»².

Во-вторых, позиция Конституционного Суда РФ основана на формальном толковании положений Административного регламента МВД РФ, когда и без его разъяснений понятны полномочия МВД РФ по предоставлению из баз данных сведений о судимости без фиксации факта ее погашения. Судьи не стали рассматривать жалобу, ограничившись разъяснением гражданину, как себя вести, если требуется такая справка. Между тем такой подход не учитывает практического

² МВД не обязано анализировать данные о судимостях при выдаче справок // РАПСИ: сайт. URL: https://rapsi-pravo.ru/judicial_news/20170704/279204074.html (дата обращения: 14.11.2023).

(социального) значения этого обстоятельства. Справка о погашенной судимости необходима во многих случаях: получение вида на жительство, усыновление, преподавание в вузе, трудоустройство в госорганах, участие в избирательной кампании и др. Наличие в справке сведений о судимости, которой юридически нет, влечет неблагоприятные последствия. Гражданин с судимостью по формальным признакам не может реализовать гражданские права (избирательные, трудовые, социальные) ввиду их пожизненного ограничения, что не отвечает требованиям справедливости и фундаментальным принципам правового статуса личности. Об этом и говорится в жалобах в Конституционный и Верховный Суды РФ¹, которые и после состоявшихся

¹ По делу о проверке конституционности положения пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А. М. Асельдерева, К. Г. Рабаданова, Г. К. Сулейманова и Е. В. Тарышкина»: постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2014 № 7-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160804/ (дата обращения: 14.11.2023); По жалобе гражданина Барсукова А. В. на нарушение его конституционных прав подпунктом 58 статьи 2 и пунктом 2.1 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 450-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196260/ (дата обращения: 14.11.2023); По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 5 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н. Г. Малышевой: постановление Конституционного Суда РФ от 13 февр. 2020 г. № 8-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345516/ (дата обращения: 14.11.2023);

решений будут направляться гражданам. И это несмотря на то, что согласно ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

В-третьих, высшие судебные инстанции предлагают заинтересованным лицам, руководствуясь нормами уголовного закона, самостоятельно определить, погашена ли судимость. По ст. 86 УК РФ она погашается через установленный срок после отбытия наказания и зависит от тяжести преступления. Остается не ясным, как гражданин должен доказать организации (или работодателю), что полученная им справка подтверждает погашенную судимость без отметки о том государственным органом, а его расчеты сроков погашения судимости правильны? Сложность представляет установление зависимость от тяжести статьи УК РФ срока, по истечении которого после отбытия наказания судимость автоматически считается погашенной. Здесь возникает ряд вопросов. А если гражданин ошибся в исчислении, к примеру, когда он отбывал наказание, связанное с лишением свободы, а после него и дополнительное? Или назначено условное нака-

Об оставлении без изменения решения об отказе в удовлетворении заявленных требований по делу о признании частично не действующими пунктов 17.1, 74 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, утвержденного приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от ноября 2011 г. № 1121: определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11 сент. 2014 г. № АПЛ14-365 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_168978/ (дата обращения: 14.11.2023).

знание с испытательным сроком, принят акт об амнистии Государственной Думой РФ? В подобных случаях не всегда и сам правоприменитель может осуществить точный подсчет: ему требуются специальные познания, обращение к разъяснениям высших судебных органов и трудам теоретиков, консультации с вышестоящими ведомствами.

Понятно и то, что организации-работодатели, обязанные допускать к работе лиц, не имеющих судимости, будут учитывать не субъективное мнение бывшего осужденного о том, что он юридически не судим, а документ государственного органа (и образца). Проверяемая организация или учреждение, доказывая, что лицо с погашенной судимостью может выполнять тот или иной вид работы, будет предоставлять только официальную справку. К примеру, в электронном журнале «Главбух» (издается с 2008 г.) даются такие рекомендации по приему на работу лиц, не обязанных предоставлять справки о наличии (отсутствии) судимости: «Требовать у кандидата справку об отсутствии судимости вы не вправе, но попросить ее никто не запрещает. Советуем делать это устно, чтобы у кандидата не осталось доказательств такой просьбы. В этом случае, если откажете кандидату, он не сможет утверждать, что причина вашего решения в том, что он не принес справку. Если кандидат откажется, ни в коем случае не используйте это для формулировки отказа в приеме на работу»¹. А далее следуют другие советы, как выяснить, судим ли кандидат (поручите проверку службе безопасности, проверьте сайты судов и приставов, открытые источники и т. д.). А если предположить, что в отдел кадров

будет предоставлена справка с отметкой о судимости? Ответ очевиден: заключить трудовой договор давно не судимому, но осужденному или попадавшему в орбиту уголовного судопроизводства претенденту будет невозможно, однако Конституционный Суд РФ не истолковал подобные ограничения как нарушение права человека на свободное распоряжение своими способностями к труду. Очевидно, что следует «осовременить» справки и включать в них актуальные на момент выдачи данные, тем более что для выполнения этой обязанности ИАЦ МВД РФ обладает современными техническими средствами.

В-четвертых, очевидно, что суды, не находя противоречий текста Административного регламента МВД РФ законодательству, полагают, что в каждом спорном случае обладатель справки, где нет сведений о погашении судимости, получив отказ в ее принятии по месту требования, вправе обжаловать действия организации (учреждения). Однако, к примеру, если речь идет о приеме на работу гражданина с погашенной судимостью, то иск к организации о дискриминации осужденного лица вряд ли будет способствовать положительному решению о его трудоустройстве и (или) продолжительной профессиональной деятельности (отсюда и его социализации). Процитирую все тот же онлайн-журнал «Главбух»: «Судебные споры из-за отказов работодателей возникают редко, так как доказать, что человека не приняли на работу именно по причине судимости, достаточно проблематично». К тому же объективно возрастет нагрузка на суды: увеличатся количественные показатели исков и снизится оперативность правосудия. Рост числа споров, связанных со справками о судимости, приведет к «удорожанию» судопроизводства (расходы на отправление правосудия). Готово ли государство и судебная система к таким изменениям с точки зрения их разумности и целесообразности, ведь любое усо-

¹ Как узнать о судимости кандидата и что с ним делать, если судимость есть // Главбух. 2021. 7 сент. URL: <https://www.glavbuh.ru/art/102029-kak-uznat-o-sudimosti-kandidata-i-cto-s-nim-delat-esli-sudimost-est?ysclid=lqc1xd0xfc594453962> (дата обращения: 14.11.2023).

вершенствование правосудной деятельности призвано повысить или хотя бы не ухудшить ее эффективность? Дополним свои аргументы и статистическими показателями предоставления МВД РФ государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости). К сожалению, на официальном сайте МВД России в разделе «Сведения о результатах мониторингов предоставления государственных услуг» за 2022 г. данные по этим справкам приводятся вместе со справками по административному наказанию за употребление наркотических средств. За прошлый год гражданами через МФЦ подано 3,12 млн заявлений на предоставление государственных услуг по линии информационно-справочной работы¹.

В-пятых, судьи Конституционного Суда РФ постановили: гражданин со справкой о наличии судимости может доказать, что он юридически не судим, другими документами, свидетельствующими о ее отсутствии. Какие документы имел в виду суд, он не разъяснил (не рассмотрел жалобу по существу, а значит и не устранил неопределенность). Может это копия приговора или справка с выдержкой из УК РФ, заверенные судом или Минюстом РФ? Какой «иной документ» подтвердит погашение судимости для запрашивающего органа? Понятно, что если механизм получения документов, связанных с судимостью, и их перечень, на который ссылается Конституционный Суд РФ, не установлен законом или ведомственным нормативным актом, ни один государственный орган выдавать их не будет. А ведь суд мог указать на необходимость внесения дополнений в регламент для того, чтобы избавить граждан от волокиты (собирать непонятно какие «иные доку-

менты» для подтверждения позиции о том, что судимость была, но погашена) и хождения по ведомствам («походи по инстанциям, постой в очередях, подожди, где-то поклоняйся» [21]). Гражданин с судимостью может обратиться за квалифицированной юридической помощью, однако она не является бесплатной у специалиста, практикующего в области уголовного права, и не разрешает вопроса о легальности такого подсчета. Конституционный Суд РФ не ответил, будет ли иметь юридическую силу заключение адвоката с разъяснением нормы закона. Для устранения указанных препятствий нужно системно модернизировать локальные акты по вопросам судимости и совершенствовать информационный обмен между судебными и правоохранительными органами.

В-шестых, разрешение Конституционным Судом РФ жалобы по существу путем модернизации регламента упростило бы жизнь осужденных, вставших на путь исправления (тем, кто ищет достойную работу) и ускорило их социализацию. Вместо этого, как справедливо подмечает С. А. Пашин, «государству выгоднее, чтобы люди были обязательно стигматизированы. Судимость – это такое пятно на репутации, которое не позволяет занять хорошую позицию в системе и общественных отношений, и особенно трудовых. И когда ведутся разговоры о социализации ранее осужденных, то на самом деле система probation также выглядит скорее средством надзора за определенными людьми, дополнительного над ними контроля. А контроль что предполагает? Что человек должен быть чем-то опорочен. И если это отражено на бумаге, то можно и ограничивать гражданина в правах» [21]. Моделирование ситуаций показывает, что соискателю должности со справкой о наличии судимости при приеме на работу придется доказывать свою юридическую «благонадежность» в случаях, когда: а) уголовное

¹ Сведения о результатах мониторингов предоставления государственных услуг // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/сведения-о-результатах-мониторингов> (дата обращения: 14.11.2023).

преследование было прекращено и по реабилитирующим основаниям в частности; б) судимость погашена или снята; в) судимость является следствием совершения неосторожного преступления небольшой степени тяжести, что юридически не ограничивает трудовые права; г) преступление, за которое имеется судимость, декриминализировано; д) имеет место освобождение от наказания за совершение преступления, указанного в справке, в связи с чем он «считается несудимым» и др. Всякий раз потенциальный кандидат, сменив работу, будет проходить унижительную процедуру убеждения работодателя в том, что он имеет право на трудоустройство. Нельзя исключать и дискриминацию как использование уязвимого положения работника с запятнанной репутацией, вынужденного соглашаться на дополнительную (сверхурочную), низкооплачиваемую и неквалифицированную работу, чтобы не потерять ее.

В-седьмых, ситуация с указанием данных о погашении судимости требует однозначного разрешения и потому, что при снятии судимости по решению суда информация об этом заносится в ведомственную базу данных и отражается в справке. Тогда почему не упростить гражданам получение справок о погашении судимости? В этой связи предлагается наиболее простое решение – внести изменения в Административный регламент МВД РФ и наделить сотрудников информационных центров обязанностью указывать сведения о погашении судимости (подсчет сроков) лиц, запросивших справку (только по заявлению осужденного).

Выводы

Бессрочное ограничение многих социальных, трудовых, избирательных прав человека, за исключением специальных случаев (совершение тяжких преступле-

ний против личности, детей, общественной безопасности и др.), недопустимо. Оно является нарушением принципов справедливости и не отвечает фундаментальному правовому статусу личности в демократическом государстве. Общеправовые ограничения в связи с судимостью должны быть предусмотрены в специальном акте федерального уровня, поскольку связаны с поражением в правах. В нем четко должны быть прописаны запреты и процедуры (например, допуск ранее осужденного лица к запрещенной для него деятельности или занятию должности, персонифицированный характер принятия решения об этом). Изменения в Административном регламенте МВД РФ в части наделения ИАЦ МВД РФ обязанностью отражать в справках о судимости факт ее погашения или снятия позволит освободить граждан от унижительной процедуры доказывания юридической несудимости. Такое решение соответствует в том числе социально-политической обстановке в стране, когда в вооруженном конфликте на территории соседнего государства принимают участие ранее судимые, а затем помилованные Президентом РФ граждане.

После погашения или снятия судимости любая публикуемая информация о ней должна быть отнесена к категории специальных персональных данных и не подлежать разглашению, распространению или обработке, за исключением установленных законом случаев. Факт судимости, когда она погашена или снята, утрачивает свое уголовно-правовое значение и безусловную публичную значимость, что порождает у осужденного лица право на забвение и сохранение сведений об имевшейся судимости как личной тайны. В этой связи следует исключать и публичный доступ к базам данных судов и информационным судебным системам.

Список литературы

1. Алихаджиева И. С. О соотношении категорий «судимость» и «лицо, впервые совершившее преступление»: теория и судебная практика (на примере ст. 240–241 УК РФ) // Современное право. 2010. № 2. С. 103–106.
2. Габдрахманов Ф. В. Прекращение судимости: понятие и его виды // Марийский юридический вестник. 2015. № 1 (12). С. 87–89.
3. Гришко А. Я., Потапов А. М. Амнистия. Помилование. Судимость. М.: Университетская книга, 2010. 288 с.
4. Давитадзе М. Д. Уголовно-правовые последствия судимости // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 82–84.
5. Зинин Г. Ю. Особенности института судимости в определении правового статуса личности // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 153–157.
6. Зельдов С. И. О понятии судимости // Правоведение. 1972. № 1. С. 61–69.
7. Зубкова В. И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М.: Норма, 2002. 304 с.
8. Малков В. М. Освобождение от наказания как основание аннулирования судимости // Уголовное право. 2001. № 3. С. 25–28.
9. Никифоров Б. С. О рецидиве и судимости // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 100–105.
10. Новицкий А. А. Институт судимости в уголовном праве Российской Федерации // Вопросы студенческой науки. 2019. № 12–2 (40). С. 90–92.
11. Ераксин В. В., Помчалов Л. Ф. Погашение и снятие судимости в советском уголовном праве. М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. 48 с.
12. Понятовская Т. Г. Порядок исчисления срока погашения судимости – неясность законодательной позиции // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 57–64.
13. Сабитов Р. А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия) / под ред. Р. Р. Галиакбарова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 8–22.
14. Ткачевский Ю. М. Судимость // Уголовное право. 2000. № 3. С. 36–39.
15. Филимонов В. Д. Судимость и ее погашение по советскому уголовному праву // Труды Томского ун-та. 1957. Т. 137. С. 99–112.
16. Черненко Т. Г. Некоторые проблемные вопросы исчисления сроков судимости // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 126–135.
17. Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Как работает судимость? // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 145–153.
18. Минбалеев А. В. Проблемные вопросы понятия и сущности персональных данных // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2012. № 2 (4). С. 4–9.
19. Алихаджиева И. С. Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 13(3). С. 90–101.
20. Трифонова Е. Цифровизация государства не касается экс-заключенных. Конституционный суд отправил сотни тысяч граждан за справками о прекращении судимости // Независимая газета. 2023. 12 янв.

References

1. Alikhadzhiyeva I. S. O sootnoshenii kategorij "sudimost'" i "lico, vpervye sovershivshee prestuplenie": teoriya i sudebnaya praktika (na primere st. 240–241 UK RF) [On the ratio of the categories "criminal record" and "a person who committed a crime for the first time": theory and judicial prac-

tice (on the example of Articles 240-241 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2010, no. 2, pp. 103–106.

2. Gabdrahmanov F. V. Prekrashchenie sudimosti: ponyatie i ego vidy [Termination of criminal record: the concept and its types]. *Marijskij yuridicheskij vestnik = Mari Legal Bulletin*, 2015, no. 1 (12), pp. 87–89.

3. Grishko A. Ya., Potapov A. M. Amnistiya. Pomilovanie. Sudimost' [Amnesty. A pardon. Criminal record]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2010. 288 p.

4. Davitadze M. D. Uголовно-правовые последствия судимости [Criminal and legal consequences of a criminal record]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4, pp. 82–84.

5. Zinin G. Yu. Osobennosti instituta sudimosti v opredelenii pravovogo statusa lichnosti [Features of the institute of criminal record in determining the legal status of a person]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya = Applied legal Psychology*, 2012, no. 2, pp. 153–157.

6. Zeldov S. I. O ponyatii sudimosti [On the concept of criminal record]. *Pravovedenie = Law studies*, 1972, no. 1, pp. 61–69.

7. Zubkova V. I. Uголовное наказание i ego social'naya rol': teoriya i praktika [Criminal punishment and its social role: theory and practice]. Moscow, Norma Publ., 2002, 304 p.

8. Malkov V. M. Osvobozhdenie ot nakazaniya kak osnovanie annulirovaniya sudimosti [Release from punishment as a basis for annulment of a criminal record]. *Uголовное pravo = Criminal law*, 2001, no. 3, pp. 25–28.

9. Nikiforov B. S. O recidive i sudimosti [On recidivism and criminal record]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet State and law*, 1957, no. 5, pp. 104–105.

10. Novitsky A. A. Institut sudimosti v uголовном prave Rossijskoj Federacii [Institute of criminal record in the criminal law of the Russian Federation]. *Voprosy studencheskoj nauki = Questions of student science*, 2019, no. 12–2 (40), pp. 90–92.

11. Yeraksin V.V., Pomchalov L.F. Pogashenie i snyatie sudimosti v sovetskom uголовном prave [Repayment and removal of criminal record in Soviet criminal law]. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1963. 48 p.

12. Poniatovskaya T. G. Poryadok ischisleniya sroka pogasheniya sudimosti – neyasnost' zakonodatel'noj pozicii [The procedure for calculating the repayment period of a criminal record – the ambiguity of the legislative position]. *Nauchnyj portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 57–64.

13. Sabitov R. A. Postkriminal'noe povedenie: Ponyatie, regulirovanie, posledstviya [Post-criminal behavior: concept, regulation, consequences]; ed. by R. R. Galiakbarova. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 1985. 193 p.

14. Tkachevsky Yu. M. Sudimost' [Criminal record]. *Uголовное pravo = Criminal law*, 2000, no. 3, pp. 36–39.

15. Filimonov V. D. Sudimost' i ee pogashenie po sovetskomu uголовному pravu [Criminal record and its repayment under Soviet criminal law]. *Trudy Tomskogo universiteta = Proceedings of the Tomsk University*, 1957, vol. 137, pp. 99–112.

16. Chernenko T. G. Nekotorye problemnye voprosy ischisleniya srokov sudimosti [Some problematic issues of calculating the terms of criminal record]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right*, 2020, no. 36, pp. 126–135.

17. Artemenko N. V., Shimbareva N. G. Kak rabotaet sudimost'? [How does a criminal record work?]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*, 2021, no. 4, pp. 145–153.

18. Minbaleev A. V. Problemnye voprosy ponyatiya i sushchnosti personal'nyh dannyh [Problematic issues of the concept and essence of personal data]. *Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informacionnoj sfere = Bulletin of the Ural Federal District. Information security*, 2012, no. 2 (4), pp. 4–9.

19. Alikhadzhiyeva I. S. Kriminologicheskie riski personal'nyh dannyh: osnovnye tendencii i prognozy [Criminological Risks of Personal Data: Main Trends and Forecasts]. *Izvestiya Yugo-*

Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law, 2023, no. 13(3), pp. 90–101.

20. Trifonova E. Cifrovizaciya gosudarstva ne kasaetsya eks-zaklyuchennyh. Konstitucionnyj sud otpravil sotni tysyach grazhdan za spravkami o prekrashchenii sudimosti [Digitalization of the state does not concern ex-prisoners. The Constitutional Court has sent hundreds of thousands of citizens for certificates of termination of criminal record]. *Nezavisimaya gazeta = An independent newspaper*, 2023, January 12.

Информация об авторе / Information about the Authors

Алихаджиева Инна Саламовна, доктор юридических наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: Alins1@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6998-930X

Inna S. Alikhadzhiyeva, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova, Moscow, Russian Federation, e-mail: Alins1@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6998-930X

УДК 343/14

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-80-92>

Адвокат, прокурор и суд – субъекты доказывания или участники доказывания в уголовном судопроизводстве?

В. В. Конин¹ ✉

¹Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
Александровский парк, д. 5, г. Санкт-Петербург 197046, Российская Федерация

✉ e-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В статье рассматриваются вопросы участия адвоката, прокурора и суда в доказывании в современных условиях состязательного судопроизводства, в рамках непрекращающейся правовой реформы. Автор приходит к выводу о том, что субъектами доказывания в современном российском уголовном процессе являются только дознаватель и следователь, поскольку на них лежит бремя доказывания. В то же время адвокат, прокурор и суд являются участниками доказывания, главной задачей которых является исследование доказательств, собранных сторонами. При этом суд, будучи беспристрастным участником уголовного судопроизводства, не должен проявлять инициативу в собирании доказательств и обосновании обвинительного тезиса, выдвинутого и сформулированного стороной обвинения на досудебной стадии.

Цель: продолжить рассмотрение возникающих на современном этапе вопросов в теории доказывания в уголовном судопроизводстве и предложить новую градацию субъектов доказывания и участников доказывания в продолжение ведущейся научной дискуссии о современном развитии теории доказывания в уголовном судопроизводстве.

Задача исследования состоит в выявлении и обсуждении проблемных вопросов реализации механизма уголовно-правового доказывания и предложения нового перечня субъектов доказывания и участников доказывания в уголовном судопроизводстве.

Методология. Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования (анализ и синтез, дедукция и индукция, системно-структурный и другие). Кроме того, использовались частнонаучные методы познания – логико-формальный и системного анализа.

Результаты исследования отличают как теоретический, так и прикладной характер с элементами научной новизны. Автор рассмотрены возникающие сложности, связанные с практической имплементацией положений вопросов доказывания в уголовном судопроизводстве, предложен новый перечень субъектов доказывания и участников доказывания, а также возможное изменение устоявшейся традиционной научной теории доказывания.

Выводы. Обсуждение выявленных проблем позволит обратить внимание научной общественности и законодателя на разработку решений по устранению выявленных пробелов в уголовно-процессуальном доказывании, более детальном определении роли суда, прокурора и адвоката в уголовном судопроизводстве. Одновременно с этим высказывается предположение о том, что использование предложенного автором подхода, в том числе внедрение соответствующих положений в уголовно-процессуальное законодательство, позволит исправить существующий на современном этапе дисбаланс в теории доказывания.

Ключевые слова: адвокат; прокурор; суд; следователь; доказывание; субъекты доказывания; исследование доказательств; обвинительный тезис.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Конин В. В. Адвокат, прокурор и суд – субъекты доказывания или участники доказывания в уголовном судопроизводстве? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 80–92. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-80-92>.

Поступила в редакцию 26.12.2023

Принята к публикации 29.01.2024

Опубликована 28.02.2024

Are the Lawyer, the Prosecutor and the Court Subjects of Evidence or Participants in Evidence in Criminal Proceedings?

Vladimir V. Konin¹ ✉

¹Northwest Branch of the Russian State University of Justice
5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg 197046, Russian Federation

✉ e-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article examines the issues of participation of a lawyer, prosecutor and court in proving in modern conditions of adversarial proceedings, within the framework of ongoing legal reform. The author comes to the conclusion that the subjects of proof in modern Russian criminal proceedings are only the investigator and the investigator, since they bear the burden of proof. At the same time, the lawyer, the prosecutor and the court are participants in the evidence, whose main task is to examine the evidence collected by the parties. At the same time, the court, being an impartial participant in criminal proceedings, should not take the initiative in collecting evidence and substantiating the accusatory thesis put forward and formulated by the prosecution at the pre-trial stage.

Objectives: to continue the consideration of issues arising at the present stage in the theory of evidence in criminal proceedings, and to propose a new gradation of subjects of evidence and participants in evidence, in continuation of the ongoing scientific discussion on the modern development of the theory of evidence in criminal proceedings.

The purpose of the study is to identify and discuss problematic issues of the implementation of the mechanism of criminal evidence and propose a new list of subjects of evidence and participants in evidence in criminal proceedings.

Methodology. The methodological basis of the research was the universal dialectical method of cognition of socio-legal phenomena, general scientific research methods (analysis and synthesis, deduction and induction, system-structural and others). In addition, private scientific methods of cognition were used - logical-formal and system analysis.

The results of the study are distinguished by both theoretical and applied nature with elements of scientific novelty. The author considers the emerging difficulties associated with the practical implementation of the provisions of the issues of evidence in criminal proceedings, proposes a new list of subjects of evidence and participants in evidence, as well as a possible change in the established traditional scientific theory of evidence.

Conclusions. The discussion of the identified problems will allow drawing the attention of the scientific community and the legislator to the development of solutions to eliminate the identified gaps in criminal procedural evidence, a more detailed definition of the role of the court, prosecutor and lawyer in criminal proceedings. At the same time, it is suggested that the use of the approach proposed by the author, including the introduction of relevant provisions in criminal procedure legislation, will correct the imbalance in the theory of evidence that exists at the present stage.

Keywords: lawyer; prosecutor; court; investigator; proof; subjects of proof; investigation of evidence; accusatory thesis.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Konin V. V. Are the Lawyer, the Prosecutor and the Court Subjects of Evidence or Participants in Evidence in Criminal Proceedings? *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(1): 80–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-80-92>

Received 26.12.2023

Accepted 29.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

Вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве всегда являлись наиболее актуальными, поскольку допущен-

ные в процессе собирания, проверки и оценки доказательств ошибки влекут за собой существенные следственные и су-

дебные ошибки¹, что противоречит требованиям законности, обоснованности и справедливости решений, принятых субъектами с властными полномочиями на досудебной стадии и стадии судебного разбирательства и как итог ставится под сомнение законность, обоснованность и справедливость приговора суда, если он базируется на допущенных следственных и судебных ошибках. Именно существенные ошибки, допущенные следствием и судами в процессе доказывания виновности подсудимого, приводили к непоправимым ошибкам, результаты которых самым существенным образом повлияли на авторитет судебной власти [1]. Можно согласиться с мнением С. Б. Россинского, который абсолютно обоснованно заметил, что «одним из наиболее концептуальных вопросов теории уголовно-процессуального права традиционно был и остается вопрос о целях доказывания в уголовном судопроизводстве. Дискуссии по этому поводу ведутся на протяжении многих лет» [2, с. 31].

Значение процесса доказывания трудно переоценить. Именно в процессе доказывания устанавливаются все обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ (мы не берем во внимание дознание в сокращенной форме, где доказывание практически отсутствует). Посредством доказывания дознаватель и следователь обязаны с максимальной степенью достоверности установить все обстоятельства совершенного преступления и собрать доказательства, подтверждающие выдвинутый тезис о виновности лица в совершенном преступлении.

Методология

Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы ис-

следования (анализ и синтез, дедукция и индукция, системно-структурный и др.). Кроме того, использовались частнонаучные методы познания – логико-формальный и системного анализа.

Результаты и их обсуждение

Традиционно доказывание в уголовном судопроизводстве рассматривается как особый, наиболее важный и вместе с тем достаточно специфический вид деятельности, имеющий свой предмет, свои пределы и своих субъектов. Именно вокруг деятельности субъектов доказывания, действующих в системе координат – предмет доказывания и пределы доказывания, осуществляется вся уголовно-процессуальная деятельность. Именно доказанность виновности лица в инкриминируемом ему преступлении позволяет дознавателю и следователю сформировать и выдвинуть законный и обоснованный обвинительный тезис, а суду вынести законный, обоснованный и мотивированный обвинительный приговор.

По мнению С. Б. Россинского, «...под уголовно-процессуальным доказыванием предлагается понимать практическую деятельность различных участников уголовного судопроизводства, включающую совокупность познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов и различных аргументационно-логических операций, позволяющих устанавливать необходимый круг имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и на их основе выносить законные, обоснованные и разумные (справедливые) правоприменительные решения» [3, с. 17].

Традиционно субъекты доказывания были связаны с возложенным на них бременем (обязанностью) доказывания, и соответственно, к ним относились государственные органы, которые вправе были принимать решения о возбуждении уголовного дела, производстве следственных и процессуальных действий, а также принятия решений, направляющих

¹ Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. 388 с.

уголовный процесс, в том числе и итоговых, к которым относились орган дознания (дознатель), следователь, прокурор и суд [4, с. 122; 5, с. 99].

Вместе с тем высказывались и другие мнения. Так, авторы двухтомника «Теория доказательств в советском уголовном процессе» к субъектам доказывания отнесли «лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд, обвиняемый и подозреваемый, законный представитель, потерпевший и его представитель, защитник, общественный обвинитель и защитник, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители» [6, с. 462]. Такое, слишком широкое толкование в отношении участников, участвующих в доказывании, т. е. субъектов доказывания, объясняется тем, что авторы разделили на две группы всех субъектов, участвующих в установлении обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Так, например, в первую группу были включены «лица, производящие расследование, осуществляющие судебное разбирательство и прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве...» [6, с. 462]. Во вторую группу были включены обвиняемый, потерпевший, законные представители и другие лица, которые «участвуют в доказывании для защиты своих или представляемых законных интересов» [6, с. 462].

Схожую позицию также занимали и другие авторы, например Л. Д. Кокорев и Н. П. Кузнецов, которые считали, что в уголовном процессе существуют следующие группы субъектов, участвующих в доказывании: «1) субъекты, на которых лежит обязанность осуществлять уголовно-процессуальное доказывание; 2) субъекты, имеющие право участвовать в уголовно-процессуальном доказывании (обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик); 3) субъекты, обязанные принимать участие в процессе доказывания (защитник обвиняемого, представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчи-

ка)...» [7, с. 230]. Таким образом, было обозначено мнение о трех группах субъектов доказывания в уголовном судопроизводстве. На наш взгляд, указанное мнение является спорным, поскольку усложняет систему доказывания посредством включения субъектов, не связанных с деятельностью по собиранию, проверке и оценке доказательств.

Иного мнения придерживался М. С. Строгович, который использовал термин «субъекты уголовно-процессуальной деятельности» вместо термина «субъекты доказывания», указав, что «к субъектам уголовно-процессуальной деятельности относятся: 1) суд; 2) прокурор; 3) общественный обвинитель; 4) следователь и орган дознания; 5) обвиняемый; 6) подозреваемый; 7) защитник; 8) общественный защитник; 9) потерпевший и гражданский истец и их представители; 10) гражданский ответчик и его представитель» [8, с. 203]. При этом М. С. Строгович не разделил субъектов доказывания и субъектов уголовно-процессуальной деятельности (несмотря на то, что это абсолютно разные участники в соответствии с возложенными на них функциями), но при этом разделял субъектов уголовно-процессуальной деятельности на три группы, отмечая следующее: «Среди субъектов уголовно-процессуальной деятельности прежде всего выделяются государственные органы, осуществляющие борьбу с преступностью и наделенные законом определенными полномочиями, включая применение государственного принуждения. Затем следуют представители общественных организаций, которым законом предоставляется выполнение процессуальных функций. Третью группу субъектов уголовно-процессуальной деятельности составляют граждане, отдельные лица, участвующие в уголовном судопроизводстве» [8, с. 203].

Таким образом, можно отметить, что в советский период участвующий в уголовном судопроизводстве адвокат-защитник включался в перечень лиц,

принимающих участие в доказывании либо как субъект доказывания, либо как субъект уголовно-процессуальной деятельности, несмотря на минимум прав, предоставляемых адвокату ст. 51 УПК РСФСР. Полагаем необходимым отметить, что право защитника представлять доказательства появилось в результате изменений, внесенных в ст. 51 УПК РСФСР Законом Российской Федерации от 23 мая 1992 г.¹

В то же время перечень субъектов, на которых возлагалась обязанность доказывания виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, был перечислен в ч. 1 и ч. 2 ст. 20 УПК РСФСР. Законодатель к ним относил суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание².

После принятия УПК РФ и начала его действия в связи с изменением идеологии уголовного судопроизводства было предложено новое видение алгоритма доказывания [9, с. 31–45; 10, с. 25], а также стали высказываться предложения о необходимости определиться с понятием «субъект доказывания» [11, с. 25–28; 12, с. 156].

В рамках современного уголовно-процессуального законодательства, несмотря на наделение адвоката-защитника значительным объемом прав, в том числе и правом собирать и представлять доказательства, обращаться за помощью к специалистам, тем не менее ч. 1 ст. 86 УПК РФ, развивая изложенное в ст. 85 УПК РФ понятие «доказывание», устанавливает, что субъектами собирания до-

казательств являются дознаватель, следователь, прокурор и суд. Проверка доказательств (ст. 87 УПК РФ) и оценка доказательств (ст. 88 УПК РФ) также осуществляются этими же участниками. Одновременно с этим ст. 86 УПК РФ устанавливает, что «собираание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом»³. Но, как известно, прокурор и адвокат действующим в современной редакции УПК РФ не наделены правом производства следственных и каких-либо процессуальных действий, хотя первая редакция УПК РФ 2001 г. наделяла прокурора такими полномочиями, о чем будет сказано ниже.

Соответственно, можно сделать вывод, что законодатель в данном случае допустил достаточно значительную ошибку, фактически наделив адвоката правом собирать не доказательства, как указано в законе, а информацию, возможно имеющую доказательственное значение, которая впоследствии может быть преобразована в доказательство субъектом доказывания на досудебной стадии (следователем либо дознавателем) либо может быть отклонена, что не лишает адвоката возможности вновь представить указанную информацию в суде в качестве доказательства.

Рассматривая вопрос участия в доказывании прокурора, полагаем необходимым отметить следующее: в процессе разработки и принятия УПК РФ 2001 г. законодатель достаточно незначительно пересмотрел роль прокурора в уголовном судопроизводстве, лишив его некоторых полномочий (в том числе право избрания строгих мер пресечения в отношении по-

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Закон РФ от 23 мая 1992 г. N 2825-1 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15525/ (дата обращения: 18.10.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: [утв. ВС РСФСР 27.10.1960; ред. от 29.12.2001] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 14.11.2023).

³ Уголовно-процессуальный кодекс: федер. закон от 18 дек 2001 г.: [ред. от 25.12.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.12.2023).

дозреваемых и обвиняемых¹), которыми он был наделен УПК РСФСР 1960 г., но в то же время оставив его в числе активных участников уголовного судопроизводства, как это предусматривалось ранее действовавшим УПК РСФСР.

Так, например, в соответствии с ч. 1 ст. 70 УПК РСФСР, прокурор был наделен правом производить все следственные действия в рамках уголовного судопроизводства. И более того, ч. 3 ст. 96 УПК РСФСР устанавливала, что «при решении вопроса о санкции на арест прокурор обязан тщательно ознакомиться со всеми материалами дела, содержащими основания для заключения под стражу, и в необходимых случаях лично допросить подозреваемого или обвиняемого, а несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого – во всех случаях»². При этом дознаватели, следователи и суд указанные протоколы допросов принимали в качестве доказательства без каких-либо возражений, несмотря на то, что проку-

рор не был участником следственной группы и формально не возглавлял, не руководил расследованием и не участвовал в нем. Тем самым можно отметить уникальное положение прокурора в советском уголовном процессе.

Часть 1 ст. 71 УПК РСФСР устанавливала, что прокурор является субъектом оценки доказательств (оценка доказательств нами понимается как мыслительная деятельность, осуществляемая субъектом производства предварительного расследования на предмет относимости, допустимости, достоверности, и в своей совокупности достаточности для обоснования сформированного и выдвинутого обвинительного тезиса). Таким образом, прокурор, в соответствии с УПК РСФСР 1960 г., являлся полноценным субъектом доказывания.

Первая редакция УПК РФ 2001 г. вновь наделила прокурора правом возбуждать уголовные дела и принимать их к своему производству, участвовать в производстве предварительного расследования и в необходимых случаях лично производить отдельные следственные действия. Тем самым прокурор продолжал оставаться субъектом доказывания.

Но в результате непрерывного реформирования уголовного судопроизводства законодатель по не вполне понятным причинам фактически исключил прокурора из числа субъектов, которые вправе собирать, проверять и оценивать доказательства, о чем ранее нами уже отмечалось [13, с. 81–85]. Примерно схожей точки зрения придерживается и Л. Е. Чистова, отмечая: «В соответствии с законом он может давать указания о направлении расследования преступлений и производстве процессуальных следственных действий; давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения. Но эти указания он дает не

¹ Вместе с тем ч. 4 ст. 126 УПК Республики Беларусь устанавливает, что право давать санкцию на заключение под стражу принадлежит Генеральному прокурору Республики Беларусь, прокурорам областей, города Минска, районов, районов в городах, городов, межрайонным и приравненным к ним транспортным прокурорам и их заместителям. Заключение под стражу может быть применено также по постановлению Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности. Эти же субъекты, в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РБ, санкционируют и избрание меры пресечения в виде домашнего ареста. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. URL: https://kodeksy-bel.com/ugolovno-protse-s-sualnyj_kodeks_rb/126.htm (дата обращения: 25.12.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс: федер. закон от 18 дек. 2001 г.: [ред. от 25.12.2003] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.12.2023).

как руководитель расследования, не как субъект доказывания, а как надзирающий за тем, чтобы расследование производилось в соответствующие сроки, соблюдались всесторонность, полнота и объективность исследования всех обстоятельств дела, чтобы к уголовной ответственности привлекались только виновные лица. Таким образом, в процессе расследования уголовного дела прокурор реализует одну из своих функций – функцию обеспечения законности в процессе расследования уголовных дел. Субъектом доказывания в этих случаях остается следователь, лицо, производящее дознание, но не прокурор» [14, с. 193]. Такую же позицию занимают также С. В. Черников [15, с. 190] и А. А. Захарян [16, с. 27–30]. Все это позволяет сделать вывод о том, что прокурор, потеряв право возбуждать уголовные дела и право производства следственных действий, фактически перестал быть субъектом доказывания.

Одновременно с этим вызывает сомнение и включение в число субъектов доказывания такого участника, как суд. В чем выражаются эти сомнения?

Как известно, доказывание в уголовном судопроизводстве как вид деятельности имеет своим назначением подтверждение сформированного и выдвинутого в отношении лица, привлеченного к уголовной ответственности, обвинительного тезиса о виновности в инкриминируемом ему преступлении либо опровержение обвинительного тезиса и установление невиновности. Доказывание, как и доказательства, нейтральным не бывает. Вместе с тем ч. 3 ст. 15 УПК РФ устанавливает, что «суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав». Эта норма устанавливает, что суд является независимым от сторон субъектом, фактически нейтральным. Но участие су-

да в доказывании каких-либо обстоятельств исключает его нейтральность по отношению к сторонам процесса, что не соответствует требованиям УПК РФ. Включение суда в число субъектов доказывания, как нам представляется, является пережитком тех времен, когда прокурор был вправе не принимать участие в рассмотрении уголовного дела в суде, и на суд возлагалась обязанность доказывать виновность подсудимого. Так, например, УПК РСФСР 1923 г., регламентируя судебное следствие, предусматривал возможность неучастия прокурора в судебном разбирательстве¹. Сменивший его УПК РСФСР 1960 г. также предусматривал возможность неучастия государственного обвинителя в судебном следствии. Так, например, п. 3 ч. 1 ст. 228 УПК РСФСР устанавливал, что суд в подготовительном заседании разрешал вопрос об участии или неучастии в деле государственного обвинителя и защитника; ч. 1 ст. 251 УПК РСФСР устанавливала «В случае неявки прокурора в судебное заседание суд разрешает вопрос о возможности слушания дела в его отсутствие или об его отложении. Если суд признает участие прокурора необходимым, разбирательство дела откладывается».

В то же время, как показывает анализ архивных уголовных дел, рассмотренных районными судами в период 70-х, 80-х и начала 90-х годов прошлого века, нередко государственный обвинитель не принимал участие в судебном разбирательстве, и, тем не менее, судами выносились обвинительные приговоры. Таким образом, на суд возлагалась не свойственная природе суда функция поддержания обвинения в случае, если государственный

¹ Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.»: Постановление ВЦИК от 15 февр. 1923 г. [ред. от 31.01.1958] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 18.10.2023).

обвинитель не принимал участия в процессе.

Считаем необходимым обратить особое внимание на требование, которое было закреплено в ч. 1 ст. 20 УПК РСФСР о том, что «суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства». Тем самым законодатель обязывал суд быть активным участником процесса, занимаясь в том числе и изобличением подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления.

Принятие УПК Российской Федерации 2001 г. самым кардинальным образом изменило всю парадигму судебной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Анализируя нормы УПК РФ, можно предположить, что суд, по мнению разработчиков УПК РФ, должен был перестать быть активным участником процесса и осуществлять лишь только направляющую роль. Это следует из анализа ч. 2 ст. 273, ч. 3 и ч. 4 ст. 275, ч. 2, 3, 4, 5 и 6 ст. 278, ст. 278.1, ч. 2 ст. 279 УПК РФ.

Но в то же время буквально в противовес этому ряд статей УПК РФ, регламентирующих судебное следствие, наделяет суд правами, свойственными именно активному субъекту доказывания, которому не свойственна беспристрастность. Так, например, ч. 1 ст. 86, ч. 2 ст. 281, ч. 1 ст. 282, ч. 1 и ч. 4 ст. 283, ст. 287, ст. 288, ст. 289, ст. 290 УПК РФ наделяет суд практически теми же правами, что и следователя (дознателя) на стадии предварительного расследования при обосновании сформированного и выдвинутого обвинительного тезиса.

Представляется, что, наделяя суд правом и обязанностью производства следственных действий, законодатель

предполагал, что качество предварительного расследования и поддержания государственного обвинения не всегда будут на высоком уровне, и поэтому суд будет вынужден устранять недостатки предварительного следствия, а также законодатель предвидел и пассивность государственного обвинителя в судебном следствии.

Можно ли назвать активность суда в доказывании позитивным явлением? Полагаем, что нельзя. Представляется, что, участвуя в доказывании тех или иных обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, суд неизбежно утрачивает беспристрастность и начинает выступать на стороне одного из участников процесса и, как правило, на стороне обвинения. Полагаем необходимым согласиться с мнением В. Горобца о том, что «суд вправе оценить лишь то, что представлено сторонами обвинения и защиты. Если же всемогущий стереотип не позволяет смириться с этим, то надо восстановить принципы прежнего, как принято говорить, "инквизиционного" судопроизводства. Иного пути нет» [17 с. 37–41].

Иную позицию занимает С. В. Тетюев, который полагает, что «суд как орган судебной власти при рассмотрении гражданских и уголовных дел не вправе занимать пассивную позицию в доказывании, устраняться от участия в этом процессе и должен проявлять инициативу в собирании доказательств, при этом право суда на собирание и проверку доказательств может быть ограничено лишь рамками предъявленного обвинения или предъявленными исковыми требованиями, в противном случае задачи судопроизводства могут остаться нерешенными, а лица, чьи права и законные интересы нарушены, – незащищенными» [18, с. 36–39].

Как показывает анализ практики, активное участие суда в доказывании возникает, как правило, в случае, если на стадии предварительного расследования следователем не были выдвинуты и проверены все версии произошедшего собы-

тия, т. е. предварительное следствие было проведено на низком профессиональном уровне.

И в случае, если в ходе судебного разбирательства возникает новая версия о невиновности либо меньшей виновности подсудимого по сравнению с предъявленным ему обвинением, которая не была своевременно выдвинута и проверена следователем, а государственный обвинитель по тем или иным причинам не предпринимает никаких действий по проверке и опровержению выдвинутой версии со стороны защиты, суд, в соответствии со сложившейся парадигмой, устанавливающей обязанность суда проверить и установить все обстоятельства, имеющие значение по делу, начинает проводить активные действия по доказыванию правильности выдвинутого обвинительного тезиса, о чем мы уже отмечали ранее [19, с. 81–87].

Таким образом, в современных условиях суд, несмотря на закрепленные в УПК РФ требования беспристрастности, фактически выступает в роли субъекта, подтверждающего обоснованность выдвинутого следователем обвинительного тезиса, даже в том случае, если указанный тезис не подтверждается [20, с. 99]. И тем самым суды в своей практической деятельности фактически подтверждают утверждение А. Ю. Корчагина о том, что «реализация положений судебной реформы в Российской Федерации существенно повышает роль суда в системе органов, осуществляющих борьбу с преступностью»¹. Но указанное утверждение является глубоко ошибочным, поскольку суд не является правоохранительным органом и не осуществляет борьбу с преступностью. Задача суда заключается в

одном: рассмотреть уголовное дело, беспристрастно оценив совокупность собранных сторонами доказательств, и принять решение о признании подсудимого виновным – при достаточном наличии доказательств, подтверждающих обвинительный тезис, либо принять решение об оправдании подсудимого при недостаточности доказательств о его виновности.

Представляется, что в настоящее время субъектами доказывания можно назвать исключительно только двух субъектов уголовно-процессуального доказывания – дознавателя и следователя. Именно они в полной мере отвечают всем предъявляемым требованиям к субъекту доказывания – собирают доказательства по находящемуся в их производстве уголовному делу, проверяют их и оценивают, формируют доказательственную базу, выдвигают и обосновывают в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности, обвинительный тезис. При этом ими собираются не только доказательства, подтверждающие выдвинутый обвинительный тезис, но и доказательства, оправдывающие лицо, привлеченное к уголовной ответственности. Необходимо отметить, что оправдательные доказательства не всегда свидетельствуют о невиновности лица, в отношении которого выдвинут обвинительный тезис. Чаще всего они говорят о том, что одна из выдвинутых версий не нашла своего подтверждения и необходимо выдвижение новых версий и их проверка [21, с. 132–136].

На современном этапе прокурор и адвокат выступают в качестве участников процесса доказывания, которые вправе собирать информацию и документы, имеющие доказательственное значение, и которые впоследствии могут быть признаны доказательствами и принять участие в доказывании тех или иных обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ.

¹ Корчагин А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 44 с.

Но при этом ни прокурор, ни адвокат не имеют полномочий по формированию доказательственной базы путем производства следственных и иных процессуальных действий, соответственно, в их функциональных полномочиях отсутствует возможность признания той или иной информации в качестве доказательства и приобщения к материалам уголовного дела с целью последующего использования в доказывании либо в опровержении выдвинутого обвинительного тезиса.

Но участвуя в судебном разбирательстве по уголовному делу, они являются участниками по исследованию доказательств, собранных дознавателем и следователем, и представленных прокурором суду в материалах уголовного дела, а также той информации, которая была самостоятельно получена этими участниками для предоставления и исследования в ходе судебного разбирательства.

Одновременно с ними участником исследования доказательств выступает и суд. Именно об исследовании судом и сторонами в процессе судебного следствия и постановления судом приговора доказательств говорит УПК РФ в ст. 240, 246, 248, 259, 274, 291, 294, 302, 321 и т. д.

Выводы

Подводя итог, считаем необходимым сделать вывод о том, что в современном состязательном уголовном процессе существуют субъекты доказывания и участники доказывания.

Субъектами доказывания являются участники уголовного судопроизводства, на которых лежит бремя доказывания, т. е. обязанность по собиранию, проверке и оценке доказательств, какими в настоящее время являются исключительно дознаватель и следователь. Именно эти субъекты выдвигают обвинительный тезис и обосновывают его достоверность собранными доказательствами, которые получают посредством производства

следственных и процессуальных действий, и на основании собранных доказательств формируют доказательственную базу, которая обосновывает выдвинутый обвинительный тезис о виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности.

Участниками доказывания в уголовном судопроизводстве являются адвокат и прокурор, поскольку их деятельность в уголовном судопроизводстве заключается в реализации данного им законодателем праве собирать и представлять информацию, имеющую доказательственное значение, и которая впоследствии может быть признана доказательством и включена в процесс доказывания. Также оба участника лишены права производства следственных действий, посредством которых собираются доказательства, а также права производства процессуальных действий, посредством которых формируется доказательственная база по уголовному делу. Но в то же время они, наряду с судом, являются основными участниками именно исследования доказательств в стадии судебного разбирательства, собранных на стадии предварительного расследования, а также судебного следствия, и представленных суду.

Суд, если исходить из формального толкования современной уголовно-процессуальной доктрины, также не является субъектом доказывания и может быть включен в число участников процесса доказывания, главной задачей которого является именно исследование собранных сторонами и представленных суду доказательств в обоснование своей позиции для принятия законного и обоснованного итогового решения по рассмотренному уголовному делу.

Но вместе с тем для того, чтобы суд исключить из числа субъектов доказывания, необходимо окончательно избавиться от последствий инквизиционного процесса, которые еще фрагментарно остаются в стадии судебного разбирательства, с тем чтобы суд окончательно стал

независимым и беспристрастным участником уголовного судопроизводства, выносящим свое решение, основываясь исключительно на проверенных судом доказательствах и доводах, которые были представлены сторонами, исследованы в процессе судебного следствия, прошли проверку на соответствие требованиям

относимости, допустимости, достоверности и достаточности для того, чтобы суд смог сделать вывод о доказанности либо недоказанности выдвинутого стороной обвинения тезиса о виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности.

Список литературы

1. Китаев Н. Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: Системный анализ допущенных ошибок. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 390 с.
2. Россинский С. Б. Несколько слов о цели доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 31–34.
3. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальное доказывание – совокупность познавательнo-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 16–23.
4. Советский уголовный процесс / ред.: Л. М. Карнеева, П. А. Лупинская, И. В. Тыричев. М.: Юрид. лит., 1980. 568 с.
5. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: авторский курс. М.: Эксмо, 2022. 368 с.
6. Теория доказательств в советском уголовном процессе: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Н. В. Жодин. М.: Юрид. лит., 1966. 584 с.
7. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание: монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. 272 с.
8. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 468 с.
9. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: Юрлитинформ, 2009. 246 с.
10. Григорьев В. Н., Победкин А. В. Некоторые положения теории доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2012. № 2. С. 24–29.
11. Кудрявцева А. В. Является ли эксперт субъектом доказывания // Российский судья. 2005. № 6. С. 25–28.
12. Кудрявцева А. В., Великосельский Ю. И. Бремя доказывания как самостоятельная правовая категория в уголовном процессе России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2004. Вып. 5, № 11 (40). С. 156.
13. Конин В. В., Корсаков К. А. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 6(2). С. 81–85.
14. Чистова Л. Е. Субъект в познании и доказывании // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 189–193.
15. Черников С. В. О праве и средствах отдельных участников уголовного процесса собирать доказательства // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 2(105). С. 188–193.
16. Захарян А. А. К вопросу о прокуроре как субъекте доказывания в досудебных стадиях отечественного уголовного процесса // Российский следователь. 2020. № 12. С. 27–30.
17. Горобец В. Законность, обоснованность и справедливость приговора в условиях состязательности процесса // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 37–41.
18. Тетюев С. В. О роли суда в доказывании в состязательном судопроизводстве // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 36–39.
19. Конин В. В., Ялышев С. А. Оценка судом версий сторон при рассмотрении уголовного дела по существу как фактор вынесения законного и обоснованного решения // Российское правосудие. 2020. № 7. С. 81–87.

20. Козявин А. А., Рябина Т. К., Снегирева Д. Е. Дифференциация уголовно-процессуальной формы: сущность, история и перспективы развития, проблемы процессуального осмысления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 5. С. 92–104.

21. Конин А. В., Конин В. В. К вопросу о выдвижении следственных версий (тезисы) // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: материалы Всероссийской научно-практической конференции / сост.: А. В. Бачиева, Э. В. Лантух, О. С. Лейнова. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2020. С. 132–136.

References

1. Kitaev N. N. *Nepravosudnye prigovory k smertnoj kazni: Sistemnyj analiz do-pushchennyh oshibok* [Wrongful death sentences: A systematic analysis of the mistakes made]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2004. 390 p.

2. Rossinskij S. B. *Neskol'ko slov o celi dokazyvaniya v sostyazatel'nom ugolovnom sudoproizvodstve* [A few words about the purpose of proof in adversarial criminal proceedings]. *Rossijskaya yusticiya* = *Russian Justice*, 2015, no. 10, pp. 31–34.

3. Rossinskij S. B. *Ugolovno-processual'noe dokazyvanie – sovokupnost' poznavatel'no-udostoveritel'nyh priemov i argumentacionno-logicheskikh operacij* [Criminal procedural proof - a set of cognitive and certifying techniques and argumentative and logical operations]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* = *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (65), pp. 16–23.

4. *Sovetskij ugolovnyj process* [The Soviet criminal trial]; ed. by L. M. Karneeva, P. A. Lupinskaya, I. V. Tyrichev. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1980. 568 p.

5. Smirnov A. V., Kalinovskij K. B. *Ugolovnyj process: avtorskij kurs* [Criminal procedure: author's course]. Moscow, Eksmo Publ., 2022. 368 p.

6. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe* [The theory of evidence in the Soviet criminal trial in two volumes]; ed. by N. V. Zhodin. Moscow, Yurid. lit., Publ., Vol. 1. 1966. 584 p.

7. Kokorev L. D., Kuznecov N. P. *Ugolovnyj process: dokazatel'stva i dokazyvanie* [Criminal procedure: evidence and proof]. Voronezh, Voronezh Univ. Publ., 1995. 272 p.

8. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. T. 1. Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogo processa* [Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal process. Vol. 1. Basic principles of the science of the Soviet criminal process]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 468 p.

9. Pobedkin A. V. *Ugolovno-processual'noe dokazyvanie* [Criminal procedural proof]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 246 p.

10. Grigor'ev V. N., Pobedkin A. V. *Nekotorye polozheniya teorii dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Some provisions of the theory of evidence in criminal proceedings]. *Vestnik MGOU. Seriya: Yurisprudenciya* = *Bulletin of the Moscow State University. Series: Jurisprudence*, 2012, no. 2, pp. 24–29.

11. Kudryavceva A. V. *Yavlyaetsya li ekspert sub"ektom dokazyvaniya* [Is the expert a subject of proof]. *Rossijskij sud'ya* = *Russian judge*, 2005, no. 6, pp. 25–28.

12. Kudryavceva A. V., Velikosel'skij Yu. I. *Bremya dokazyvaniya kak samostoyatel'naya pravovaya kategoriya v ugolovnom processe Rossii* [The burden of proof as an independent legal category in the criminal process of Russia]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* = *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2004, is. 5, no. 11 (40), pp. 156.

13. Konin V. V., Korsakov K. A. *Dokazyvanie i sub"ekty dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: pereocenka slozhivshihsya vzglyadov* [Proving and subjects of proof in criminal proceedings: a reassessment of prevailing views]. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta* = *Legal Bulletin of Samara University*, 2020, no. 6(2), pp. 81–85.

14. Chistova L. E. *Sub"ekt v poznanii i dokazyvanii* [The subject in cognition and proof]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 3, pp. 189–193.

15. Chernikov S. V. O prave i sredstvakh ot del'nykh uchastnikov ugovolnogo processa sobirat' dokazatel'stva [On the right and means of individual participants in the criminal process to collect evidence]. *"Yurist-Pravoved" = Jurist-Pravoved*, 2023, no. 2(105), pp. 188–193.
16. Zaharyan A. A. K voprosu o prokurore kak sub"ekte dokazyvaniya v dosudebnykh stadiyakh otechestvennogo ugovolnogo processa [On the question of the prosecutor as a subject of evidence in the pre-trial stages of the domestic criminal process]. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2020, no. 12, pp. 27–30.
17. Gorobec V. Zakonnost', obosnovannost' i spravedlivost' prigovora v usloviyakh sostyazatel'nosti processa [Legality, validity and fairness of the verdict in the conditions of adversarial proceedings]. *Rossiiskaya yusticiya = Russian Justice*, 2003, no. 8, pp. 37–41.
18. Tetuyev S. V. O roli suda v dokazyvanii v sostyazatel'nom sudoproizvodstve [On the role of the court in proving in adversarial proceedings]. *Rossiiskaya yusticiya = Russian Justice*, 2020, no. 5, pp. 36–39.
19. Konin V. V., Yalyshev S. A. Ocenka sudom versij storon pri rassmotrenii ugovolnogo dela po sushchestvu kak faktor vyneseniya zakonno i obosnovannogo resheniya. *Rossiiskoe pravosudie = Russian justice*, 2020, no. 7, pp. 81–87.
20. Kozyavin A. A., Ryabinina T. K., Snegireva D. E. Differenciatsiya ugovolno-processual'noy formy: sushchnost', istoriya i perspektivy razvitiya, problemy processual'nogo osmysleniya [Differentiation of the criminal procedure form: the essence, history and prospects of development, problems of procedural understanding]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 5, pp. 92–104.
21. Konin A. V., Konin V. V. [On the issue of putting forward investigative versions (theses)]. *Kriminalistika – nauka bez granic: tradicii i novacii. Materialy Vserossiiskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Criminalistics – science without borders: traditions and innovations. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]; ed. by A. V. Bachieva, E. V. Lantuh, O. S. Lejnova. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. of the Russian Interior Ministry Publ., 2020, pp. 132–136. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Конин Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: vkonin.kld@yandex.ru, SPIN-код: 8437-9459, AuthorID: 349511

Vladimir V. Konin, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: vkonin.kld@yandex.ru, SPIN-код: 8437-9459, AuthorID: 349511

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.2/.7

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-93-103>**Вопросы криминализации деяний в отношении персональных данных в контексте законопроекта № 502113-8****Е. В. Хохлова¹** ✉

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

✉ e-mail: khokhlova1975@bk.ru

Резюме

Актуальность исследования продиктована существующими противоречиями между необходимостью непосредственной уголовно-правовой охраны персональных данных и проблемами криминализации соответствующих деяний, что находит отражение в свете направленного на рассмотрение Государственной Думы РФ 4 декабря 2023 года законопроекта № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

Цель – разрешение указанных противоречий посредством критической оценки проектных составов на предмет их соответствия социальным и правовым потребностям в криминализации деяний в отношении персональных данных.

Задачи: изучение указанного законопроекта, определение качества проектных уголовно-правовых запретов (их конструктивных и дифференцирующих признаков), разрешение выявленных проблем криминализации деяний.

Методология. При написании работы автор опирался на всеобщий диалектический метод познания, применялись также логические методы (анализ, синтез), кроме того, документальный, формально-юридический, догматический, системный методы.

Результаты. Критическому осмыслению подвергнут законопроект № 502113-8, предлагающий к криминализации незаконные действия с персональными данными в рамках главы 28 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере компьютерной информации». Доказано отсутствие оснований определения соответствующих деяний в качестве компьютерных преступлений. Выявлены иные противоречия и недостатки проектных составов.

Выводы. По итогам исследования сделан вывод о том, что указанный законопроект не отвечает современным потребностям в уголовно-правовой охране персональных данных. Проектная норма противоречит принципу формальной определенности и доктринальным представлениям о криминализации деяний, дифференциации ответственности, а также технико-юридическим правилам конструирования уголовно-правовых норм. Автор разделяет убежденность в необходимости установления уголовной ответственности за незаконные действия в отношении персональных данных в самостоятельной норме, но полагает, что она должна быть помещена в главу 19 Уголовного кодекса Российской Федерации. Предложена авторская концепция уголовно-правового запрета незаконных действий с персональными данными.

Ключевые слова: криминализация; персональные данные; компьютерные преступления; конституционные права и свободы.

Финансирование: Работа подготовлена под научным руководством кандидата юридических наук доцента М.Н. Урда в рамках выполнения государственного задания на 2024 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Хохлова Е. В. Вопросы криминализации деяний в отношении персональных данных в контексте законопроекта № 502113-8 // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 93–103. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-93-103>.

Поступила в редакцию 16.12.2023

Принята к публикации 11.01.2024

Опубликована 28.02.2024

Issues of Criminalization of Acts in Relation to Personal Data in the Context of Draft Law No. 502113-8

Elena V. Khokhlova¹ ✉

¹Belgorod State National Research University
85 Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation

✉ e-mail: khokhlova1975@bk.ru

Abstract

Relevance. The relevance of the study is dictated by the existing contradictions between the need for direct criminal protection of personal data and the problems of criminalization of relevant acts, which is reflected in the light of Draft law No. 502113-8 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" submitted to the State Duma of the Russian Federation on 04.12.2023.

The purpose. Resolution of these contradictions through a critical assessment of design structures for their compliance with social and legal needs in criminalizing illegal actions with personal data.

The objectives. The study of this draft law, the determination of the quality of draft criminal law prohibitions (their constructive and differentiating features), the resolution of the identified problems of criminalization of acts.

Methodology. When writing the work, the author relied on the universal dialectical method of cognition, logical methods (analysis, synthesis) were also used, in addition, documentary, formal-legal, dogmatic, systematic methods.

Results. Draft law No. 502113-8, which proposes criminalization of illegal actions with personal data within the framework of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation "Crimes in the field of computer information", has been subjected to critical reflection. The absence of grounds for defining the relevant acts as computer crimes has been proved. Other contradictions and shortcomings of the design structures have been identified.

Conclusions. According to the results of the study, it was concluded that the specified draft law does not meet modern needs in the criminal law protection of personal data, contradicts the principle of formal certainty and doctrinal ideas about criminalization of acts, differentiation of responsibility, as well as technical and legal rules for the construction of criminal law norms. The author shares the conviction that it is necessary to establish criminal liability for illegal actions with respect to personal data in an independent norm, but believes that it should be placed in Chapter 19 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author's concept of the criminal law prohibition of illegal actions with personal data is proposed.

Keywords: criminalization; personal data; computer crimes; constitutional rights and freedoms.

Funding: The work was prepared under the scientific supervision of Ph.D., Associate Professor M.N. Urda as part of the implementation of the state task for 2024. "Transformation of private and public law in an evolving society and state" (No. 0851-2020-0033).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Khokhlova E. V. Issues of Criminalization of Acts in Relation to Personal Data in the Context of Draft Law No. 502113-8. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(1): 93–103. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-93-103>

Received 16.12.2023

Accepted 11.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

В настоящее время проблеме охраны персональных данных, в том числе и уголовно-правовыми средствами, на государственном уровне уделяется повышенное внимание. В декабре 2022 г. Президентом Российской Федерации дано по-

ручение рассмотреть вопрос об усилении ответственности за незаконный оборот персональных данных и иные нарушения законодательства в этой сфере¹. В Госу-

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 7 де-

дарственную Думу РФ в декабре 2023 г. направлен законопроект №502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым предлагается криминализировать незаконные действия с персональными данными в рамках главы 28 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) «Преступления в сфере компьютерной информации»¹.

Причиной такого внимания к проблеме обеспечения сохранности персональных данных стало резкое увеличение случаев незаконного сбора и распространения информации, содержащей персональные данные, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных средств.

По некоторым данным, с января по август 2022 г. в России произошли утечки 197 млн записей персональных данных и платежной информации. Черный рынок персональных данных постоянно растет, а основными источниками утечек являются сторонние злоумышленники или сами сотрудники компаний, которые продают или отдают бесплатно конфиденциальные данные своих клиентов. По отдельным оценкам, в 2020 г. общий ущерб от утечек личных данных превысил 3 млрд рублей, а в 2022 г. указанный ущерб уже превысил 8 млрд рублей.

Разработчики законопроекта справедливо отмечают, что в настоящее время наказание, предусмотренное уголовным законодательством за преступления, связанные с незаконным использованием персональных данных, нарушением тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообще-

ний, несопоставимо их общественно опасным последствиям. В то же время предложенная ими концепция новой нормы вызывает принципиальные возражения, поскольку не соответствует современным потребностям в уголовно-правовой охране персональных данных.

Представляется, что это обстоятельство вызвано отсутствием в настоящее время достаточных научных знаний относительно потребностей в уголовно-правовой охране персональных данных, форм и способов криминализации соответствующих деяний. С сожалением приходится констатировать недостаточный научный интерес к указанной проблеме. К настоящему времени защищена единственная диссертация, имеющая непосредственное отношение к теме исследования. Это работа С. И. Гутника «Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных»². По информационному праву была также защищена диссертация М. В. Бундина «Персональные данные в системе информации ограниченного доступа»³. Фрагментарно и (или) опосредованно через связь со смежными понятиями (неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны информационная безопасность и др.) проблема уголовно-правовой охраны персональных данных рассматривалась в трудах Л. А. Букаловой, А. В. Остроушко [1], Н. И. Пикуровой [2], Е. А. Русскевича [3], В. С. Соловьева [4; 5; 6], А. С. Унуковича [7], М. А. Филатовой [8], Э. Т. Халиулиной, А. С. Журавлевой [9], А. С. Озеровой [10], И. С. Алихаджиевой [11], М. А. Радовой [12; 13] и некоторых других авторов, что явно недостаточно.

кабря 2022 года // Консультант Плюс: сайт. URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/202301/13/Informacia_fCx.pdf (дата обращения: 04.12.2023).

¹ Законопроект № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Государственная Дума Российской Федерации: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 04.12.2023).

² Гутник С. И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2017. 241 с.

³ Бундин М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 218 с.

Данные обстоятельства в совокупности обуславливают актуальность темы настоящего исследования.

Методология

В основе исследования лежит диалектический метод познания. Документальный метод использовался для раскрытия информации, содержащейся в сопроводительных документах изучаемого законопроекта (пояснительная записка, официальные отзывы на проект, заключения). Анализ, синтез, системный, формально-юридический и догматический методы применялись в целях выявления проблем криминализации незаконных действий с персональными данными, а также для формулирования авторского подхода в разрешении указанной проблемы.

Результаты и их обсуждение

Осознавая насущную необходимость установления самостоятельной уголовной ответственности за незаконные действия с персональными данными, 4 декабря 2023 г. группа депутатов внесла на рассмотрение Государственной Думы РФ законопроект № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Они выступили с инициативой криминализации соответствующего деяния в рамках гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» и предложили включить в неё ст. 272¹ об ответственности, по сути, за два самостоятельных преступления: незаконное использование и (или) передача (распространение, предоставление, доступ), сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование, либо иным незаконным путем (ч. 1 проектной статьи) и создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов (сайта в сети Интернет и (или)

страницы сайта в сети Интернет, информационной системы, программы для электронных вычислительных машин), заведомо предназначенных для незаконного хранения, передачи (распространения, предоставления, доступа) компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения (ч. 6).

Признаками, отягчающими (особо отягчающими) ответственность за совершение действий, перечисленных в первой части проектной статьи, называются: их совершение в отношении компьютерной информации, содержащей специальные категории персональных данных и (или) биометрические персональные данные (ч. 2); из корыстной заинтересованности; повлекшее причинение крупного ущерба; группой лиц по предварительному сговору; с использованием своего служебного положения (ч. 3); сопряженное с трансграничной передачей компьютерной информации, содержащей персональные данные, и (или) трансграничным перемещением носителей, содержащих такие данные (ч. 4); повлекшее тяжкие последствия, либо организованной группой (ч. 5).

Статья снабжена тремя примечаниями. В первом особо оговаривается, что её действие не распространяется на случаи обработки персональных данных физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд; во втором и третьем раскрываются понятия «трансграничное перемещение носителей» и «тяжкие последствия» соответственно.

В законопроекте также предложено дополнить ч. 1 ст. 137 и ч. 1 ст. 272 УК РФ указанием на то, что они не распространяются на случаи, предусмотренные проектной уголовно-правовой нормой¹.

¹ Законопроект № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Государственная Дума Рос-

Соглашаясь с позицией нормотворцев в части криминализации незаконных действий в отношении персональных данных, принципиальные возражения вызывает концепция предложенного ими законопроекта. Его существенными *недостатками* являются:

1. *Нивелирование интересов личности.* Для злоумышленников важна не сама по себе информация, содержащая персональные данные (в том числе и компьютерная), а те потенциальные возможности, которые она таит в себе (идентификация личности) и которые могут быть использованы и обычно используются для совершения самых разнообразных преступлений, причем не только в Сети, но и (или) в объективной действительности (например, так называемая кража личности, убийства, телефонное мошенничество, фальсификация избирательных документов и др.). Как некий специфический товар информация, содержащая персональные данные, может быть продана и продается независимо от её носителя (бумажный или электронный документ).

2. *Игнорирование регулятивного законодательства,* определяющего порядок обработки персональных данных, который не ограничивает осуществление соответствующей деятельности использованием средств автоматизации, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях (ст. 1 Федерального закона № 152-ФЗ)¹. Зачастую первичные сбор, хранение и обработка информации, содержащей персональные данные, осуществляется без применения специального оборудования и возможностей Сети и

только в процессе вторичной обработки переводится в «цифру».

3. *Искусственное создание объекта уголовно-правовой охраны.* По мнению разработчиков, специальный объект предлагаемого ими к криминализации посягательства – «компьютерная информация, содержащая персональные данные, полученная путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование, либо иным незаконным путем»². Во-первых, такой подход противоречит уголовно-правовой доктрине, поскольку смешиваются различные уголовно-правовые категории – «предмет» и «объект» преступления. Во-вторых, осуществляется подмена понятий – «персональные данные» и «компьютерная информация». Они имеют самостоятельное правовое значение и являются пересекающимися по объему и содержанию. По этим причинам компьютерная информация не может выступать родовым по отношению к персональным данным понятием. Не случайно законодательные правовые акты зарубежных стран не определяют незаконные действия с персональными данными в качестве компьютерных преступлений. Как правило, они относят их к преступлениям против личности или против конституционных прав и свобод человека. Такой подход избрали законодатели бывших союзных республик. Например, ст. 147 УК Республики Казахстан, предусматривающая ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни и законодательства Республики Казахстан о персональных данных и их защите, находится в гл. 3 «Уголовные правонарушения против конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина». Глава 23 «Преступле-

сийской Федерации: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 04.12.2023).

¹ О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ [ред. от 06.02.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 14.12.2023).

² Пояснительная записка к законопроекту № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Государственная Дума Российской Федерации: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 04.02.2023).

ния против конституционных прав и свобод человека и гражданина» УК Беларуси содержит ст. 203¹ об ответственности за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных.

4. *Неверное определение границ криминализации.* Если в КоАП РФ установлена ответственность за незаконные действия в отношении персональных данных независимо от формы их фиксации и способа совершения нарушений (ст. 13.11), то предлагаемые к криминализации деяния ограничены исключительно компьютерной сферой. Вместе с тем четких критериев разграничения с аналогичными административными деяниями предлагаемая редакция ч. 1 ст. 272¹ УК РФ не содержит, на что вполне справедливо обратил внимание Верховный Суд РФ в своём заключении на законопроект, отметив отсутствие каких-либо дополнительных признаков, повышающих общественную опасность деяния. Это вполне «может привести к конкуренции данного уголовно-правового запрета со статьей 13.11 КоАП РФ и существенно усложнить применение проектной нормы на практике»¹.

5. *Технико-юридические недостатки.* Обращает на себя внимание громоздкость и сложная архитектура проектной статьи. Как отмечалось ранее, она состоит из 6 частей, объединяет два самостоятельных состава преступления, 6 квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков одного из них, три примечания. Формулирование основных составов в полной мере не соотносится с регулятивным и охранительным законодательством, призванными обеспечивать безопасность операций с персональными

данными, кроме того, избылует оценочными признаками: «обработка персональных данных для личных и семейных нужд», «нарушение целостности информационной системы персональных данных», «обеспечение функционирования информационных ресурсов» и др. Это препятствует формированию четкого представления об уголовно-правовых запретах нарушающего поведения и его границах.

6. *Проблемы дифференциации ответственности.* Некоторые из признаков, отягчающих ответственность за совершение деяний, перечисленных в ч. 1 проектной статьи, вызывают вопросы. Например, повышенную ответственность предлагается установить в случае, если такие деяния сопряжены с трансграничной передачей компьютерной информации, содержащей персональные данные, и (или) трансграничным перемещением носителей, содержащих такие данные (ч. 4 проектной статьи). Вместе с тем данных об их распространенности (обязательного условия установления повышенной ответственности) разработчиками законопроекта не приводится. При подготовке настоящего исследования мы не встречали подобные случаи ни в судебной практике, ни в аналитических материалах. В пояснительной записке не обоснована необходимость усиления ответственности за совершение соответствующих деяний в отношении компьютерной информации, содержащей специальные категории персональных данных (ч. 2 проектной статьи), к которым Федеральный закон № 152-ФЗ относит сведения, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни¹. И доктрина, и судебная практика в настоящее время исходят из того, что такие деяния получают юридическую оценку в рамках ст. 137 УК РФ. Критериев разграничения проектная норма не содержит.

¹ Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: [исх. №4-ВС-79/23 от 11 января 2023 г.] // Государственная Дума Российской Федерации: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 04.12.2023).

Полагаем, что видовым объектом уголовно-правовой охраны при совершении преступных посягательств в отношении персональных данных являются не информационная (компьютерная) безопасность, а конституционные права и свободы человека и гражданина. Не противоречит этому предложению довод теоретиков уголовного права, что персональные данные как специальный объект защиты в Конституции РФ не упоминаются [14, с. 77]. Об этом пишут и специалисты по конституционному праву, комментируя этот пробел Основного закона как нехватку юридических гарантий по защите персональных данных [15, с. 33].

Верную интерпретацию учеными положений Конституции РФ подтверждает и практика Конституционного Суда РФ. В своих определениях от 29 сентября 2011 г. № 1063-О-О и от 29 января 2009 г. № 3-О-О, признав, что Конституция РФ допускает возможность установления режима ограничения свободного доступа к информации со стороны граждан, суд констатирует: «Исключение информации, относящейся к персональным данным, из режима свободного доступа полностью соответствует предписаниям ч. 2 ст. 24 Конституции. В противном случае под угрозой оказалось бы гарантированное ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции право на неприкосновенность частной жизни»¹.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Багадурова Магомеда Магомедовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статьей 10 Федерального закона «О персональных данных» и частью второй статьи 57 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 сент. 2011 г. № 1063-О-О // Консультант Плюс: сайт. URL: http://con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_120555/ (дата обращения: 14.12.2023); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Глушкова Николая Петрови-

Исходя из доказанного в работах большинства ученых конституционалистов и не вызывающего дискуссии положения о том, что право на неприкосновенность персональных данных как информации ограниченного доступа имеет конституционную природу, предлагается осуществлять его уголовно-правовую защиту в рамках главы 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Месторасположение проектируемой нормы будет являться показателем первостепенности защиты уголовным законом прав и свобод человека и гражданина, его приоритетной задачей.

Разрешая вопрос о том, какие именно деяния в отношении персональных данных следует признать уголовно наказуемыми, представителями уголовно-правовой науки предлагаются разные варианты, и в том числе их изготовление, фальсификация, хранение, уничтожение [16, с. 116; 17, с. 123]. Полагаем, что понятия «собираение» и «распространение» охватывают все незаконные действия в отношении персональных данных, за исключением их использования, и в целом соответствует концепции Федерального закона №152, употребляющего для этих целей понятие «обработка персональных данных» (п. 3 ст. 3). К тому же такой подход исключит перегруженность соответствующей уголовной нормы.

При этом соби́рание персональных данных само по себе не представляет той общественной опасности, степень которой обуславливает установление за него уголовной ответственности. По нашему мнению, если поиск (как первоначальный

ча на нарушение его конституционных прав статьями 3, 5, 6 и 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьями 8 и 9 Федерального закона «О персональных данных»: определение Конституционного Суда РФ от 29 янв. 2009 г. № 3-О-О. // Консультант Плюс: сайт. URL: <http://consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 14.12.2023).

этап) и сбор персональных данных завершились получением искомых сведений, то уголовно-правовое значение имеет не сам факт незаконного собирания чужой персональной информации, а ее использование именно в преступных целях. Иными словами, для квалификации незаконных действий с персональными данными имеет значение не сам результат незаконного сбора охраняемых персональных данных с их систематизацией и накоплением, а цель их собирания, создающая опасность нарушения других прав человека (право на жизнь, здоровье, собственность, честь, достоинство и т. д.). Ведь незаконное собирание персональных данных, ограниченных в свободном доступе, не может причинить вред их обладателю, если они не используются для совершения преступления. Именно такая формулировка конструктивного признака повысит предупредительный потенциал новой нормы.

В качестве альтернативного признака, характеризующего наказуемость рассматриваемого деяния, также следует считать существенный вред – традиционный для уголовного права признак, характеризующий общественно опасные последствия. Он может быть выражен в причинении физического, морального вреда, в материальном ущербе (имущественном вреде), организационном вреде и в нарушении конституционных прав и законных интересов граждан и организаций [18, с. 69].

Предлагаемый в качестве конструктивного признак существенности вреда должен быть применен, на наш взгляд, в его традиционной для уголовного закона редакции, ведь в случае совершения преступлений с персональными данными многочисленные риски существуют и для прав и законных интересов организаций, охраняемых законом интересов общества или государства. Прирост доли инцидентов с личными данными в 2022 г. наблюдался в крупных транспортных компаниях, медицинских организациях, государ-

ственных учреждениях, службах доставки, банках и ритейлах с последующим неправомерным доступом к инфраструктуре клиентов и нарушением бизнес-процессов из-за сбоев в работе сервисов¹.

Таким образом, признаки наказуемости предлагаемого к криминализации деяния: «в целях совершения преступления», «повлекшие причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства» – отражают адекватную современным потребностям общественную опасность деяния, кроме того, будут служить надежным критерием отграничения от аналогичного административного правонарушения, предусмотренного ст. 13.11 КоАП РФ.

Выводы

Соглашаясь с необходимостью криминализации собственно незаконных действий в отношении персональных данных, принципиальные возражения вызывает подход, нашедший отражение в законопроекте № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». На наш взгляд, проектная норма не отвечает современным потребностям в уголовно-правовой охране персональных данных, противоречит принципу формальной определенности, доктринальным представлениям о криминализации деяния, дифференциации ответственности и технико-юридическим правилам конструирования уголовно-правовых норм.

Оптимальной, на наш взгляд, является следующая редакция проектируемой нормы:

«Статья 137¹. Нарушение неприкосновенности персональных данных:

¹ Актуальные киберугрозы: итоги 2022 года // Ptsecurity: сайт. URL: <https://www.ptsecurity.com/ruru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2022/> (дата обращения: 05.12.2023).

1. Незаконные собирание и (или) распространение персональных данных в целях совершения преступления, либо повлекшие причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций, либо охраняемым законом интересам общества или государства, – наказываются...».

Совершение указанного деяния «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет», учитывая широкую его распространенность в Сети, целесообразно определить в качестве квалифицирующего признака.

Список литературы

1. Букалерева Л. А., Остроушко А. В. Информация, содержащая фотографии (изображения) человека, нуждается в уголовно-правовой защите // Правовые вопросы связи. 2007. № 1. С. 42–44.
2. Пикуров Н. И. Проблемы квалификации преступных посягательств на частную жизнь: теория и судебная практика // Уголовное право. 2019. № 2. С. 51–58.
3. Русскевич Е. А. Персональные данные в механизме уголовно-правовой охраны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 75–86.
4. Соловьев В. С. Порноместь: сущность явления и проблемы его уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2017. № 6. С. 60–64.
5. Соловьев В. С. Проблемы применения законодательства, ограничивающего оборот криминальной информации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3 (17). С. 66–71.
6. Соловьев В. С. Криминологические риски цифросексуализма // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 3. С. 47–56.
7. Унукович А. С. Меры предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в отношении граждан // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2 (89). С. 98–102.
8. Филатова М. А. Персональные данные как предмет преступного посягательства // Уголовное право. 2021. № 11. С. 35–43.
9. Халиулина Э. Т., Журавлева А. С. Преступления, совершаемые с использованием персональных данных: характеристика состояния // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 289–294.
10. Озерова А. С. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны персональных данных: опыт некоторых зарубежных стран // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1. С. 163–168.
11. Алихаджиева И. С. Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 90–101.
12. Радова М. А. Профессиональная тайна в системе уголовно-процессуальных гарантий защиты сведений о частной жизни лица // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2 (26). С. 141–150.
13. Радова М. А. Соотношение сведений о частной жизни человека и его персональных данных в уголовном процессе России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 157–165.
14. Войниканис Е. А., Машукова Е. О., Степанов-Египянц В. Г. Неприкосновенность частной жизни, персональные данные и ответственность за незаконные сбор и распространение сведений о частной жизни и персональных данных: проблемы совершенствования законодательства // Законодательство: право для бизнеса. 2014. № 12. С. 74–80.
15. Давыдова М. Л. Средства юридической техники и проблема ограничения прав и свобод человека // Юриспруденция. 2010. № 2. С. 29–36.

16. Чукреев В. А. Персональные данные, в том числе биометрические данные, как предметы уголовно-правовой охраны // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 3 (91). С. 107–116.
17. Рязанова Е. Н. Ответственность за распространение персональных данных как способ противодействия правонарушениям в сфере информационно-коммуникационных технологий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 118–123.
18. Крылова А. В. Понятие существенного вреда правам и законным интересам граждан и организаций в составе «Управленческого» злоупотребления // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 6. С. 67–73.

References

1. Bukalerova L. A., Ostroushko A. V. Informaciya, sodержashchaya fotografii (izobrazheniya) cheloveka, nuzhdaetsya v ugovno-pravovoj zashchite [Information containing photographs (images) of a person in need of criminal law protection]. *Pravovye voprosy svyazi = Legal issues of communication*, 2007, no. 1, pp. 42–44.
2. Pikurov N. I. Problemy kvalifikacii prestupnyh posyagatel'stv na chastnyu zhizn': teoriya i sudebnaya praktika [Problems of qualification of criminal encroachments on privacy: theory and judicial practice]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2019, no. 2, pp. 51–58.
3. Russkevich E. A. Personal'nye dannye v mekhanizme ugovno-pravovoj ohrany [Personal data in the mechanism of criminal law protection]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 75–86.
4. Solov'ev V. S. Pornomest': sushchnost' yavleniya i problemy ego ugovno-pravovoj ocenki [Revenge porn: the essence of the phenomenon and the problems of its criminal legal assessment]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2017, no. 6, pp. 60–64.
5. Solov'ev V. S. Problemy primeneniya zakonodatel'stva, ogranichivayushchego oborot kriminogennoj informacii [Problems of the application of legislation restricting the circulation of criminogenic information]. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2018, no. 3 (17), pp. 66–71.
6. Solov'ev V. S. Kriminologicheskie riski cifrosexualizma [Criminological risks of digital sexuality]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2020, no. 3, pp. 47–56.
7. Unukovich A. S. Mery preduprezhdeniya prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem informacii i telekommunikacionnyh tekhnologij v otnoshenii grazhdan [Measures to prevent crimes committed using information and telecommunication technologies against citizens]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, vol. 29, no. 2 (89), pp. 98–102.
8. Filatova M. A. Personal'nye dannye kak predmet prestupnogo posyagatel'stva [Personal data as a subject of criminal encroachment]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2021, no. 11, pp. 35–43.
9. Haliulina E. T., Zhuravleva A. S. Prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem personal'nyh dannyh: harakteristika sostoyaniya [Crimes committed using personal data: characteristics of the state]. *Voennoe pravo = Military law*, 2021, no. 2 (66), pp. 289–294.
10. Ozerova A. S. Social'naya obuslovlennost' ugovno-pravovoj ohrany personal'nyh dannyh: opyt nekotoryh zarubezhnyh stran [Social conditionality of criminal law protection of personal data: the experience of some foreign countries]. *Pravoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule of law: theory and practice*, 2022, no. 1, pp. 163–168.
11. Alihadzhieva I. S. Kriminologicheskie riski personal'nyh dannyh: osnovnye tendencii i prognozy [Criminological risks of personal data: main trends and forecasts]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 90–101.

12. Radova M.A. Professional'naya tajna v sisteme ugolovno-processual'nyh garantij zashchity svedenij o chastnoj zhizni lica [Professional secrecy in the system of criminal procedural guarantees for the protection of information about a person's private life]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*, 2023, no. 2 (26), pp. 141–150.

13. Radova M. A. Sootnoshenie svedenij o chastnoj zhizni cheloveka i ego personal'nyh dannyh v ugolovnom processe Rossii [The ratio of information about a person's private life and his personal data in the criminal process of Russia]. *Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova = Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov*, 2022, no. 4 (93), pp. 157–165.

14. Vojnikanis E. A., Mashukova E. O., Stepanov-Egiyanc V. G. Neprikosновенность частной жизни, персональные данные и ответственность за незаконные сбор и распространение сведений о частной жизни и персональные данные: проблемы совершенствования законодательства [Privacy, personal data and responsibility for the illegal collection and dissemination of information about private life and personal data: problems of improving legislation]. *Zakonodatel'stvo: pravo dlya biznesa = Legislation: law for business*, 2014, no. 12, pp. 74–80.

15. Davydova M. L. Sredstva yuridicheskoy tekhniki i problema ogranicheniya prav i svobod cheloveka [Means of legal technique and the problem of restriction of human rights and freedoms]. *Yurisprudenciya = Jurisprudence*, 2010, no. 2, pp. 29–36.

16. Chukreev V. A. Personal'nye dannye, v tom chisle biometricheskie dannye, kak predmety ugolovno-pravovoj ohrany [Personal data, including biometric data, as subjects of criminal law protection]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)*, 2022, no. 3 (91), pp. 107–116.

17. Ryazanova E. N. Otvetstvennost' za rasprostraneniye personal'nyh dannyh kak sposob protivodeystviya pravonarusheniyam v sfere informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij [Responsibility for the dissemination of personal data as a way to counteract offenses in the field of information and communication technologies]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 3 (95), pp. 118–123.

18. Krylova A. V. Ponyatie sushchestvennogo vreda pravam i zakonnyim interesam grazhdan i organizacij v sostave "Upravlencheskogo" zloupotrebleniya [The concept of significant harm to the rights and legitimate interests of citizens and organizations as part of "Managerial" abuse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of the Moscow University. Episode 11: Law*, 2014, no. 6, pp. 67–73.

Информация об авторе / Information about the Author

Хохлова Елена Васильевна, аспирант кафедры уголовного права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: khokhlova1975@bk.ru,
ORCID: 0000-0002-0743-4667

Elena V. Khokhlova, Post-Graduate Student of the Department of Criminal Law and Procedure, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: khokhlova1975@bk.ru,
ORCID: 0000-0002-0743-4667

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.979

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-104-112>

Проявления криминального профессионализма в деятельности разбойных шайек дореволюционной России

К. А. Зарубина¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kris1996z@mail.ru

Резюме

Актуальность. Профессиональная преступность – это один из опаснейших, относительно самостоятельных видов преступности, представляющих серьёзную угрозу для современного общества и государства. В настоящее время не выработано единого подхода к оценке состояния, динамики и тенденций развития этого опасного криминального явления. Не определены адекватные уровню опасности этой разновидности преступной деятельности механизмы борьбы с ней. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования профессиональной преступности во всей ее сложности и многозначности, в том числе затрагивающие отдельные вопросы эволюции рассматриваемого опасного криминального явления во времени и пространстве.

Цель исследования – теоретический анализ и определение социально-правовой сущности профессиональной преступности в дореволюционной России (на примере анализа общественно опасной деятельности разбойных шайек).

Задачи: проанализировать отечественное законодательство дореволюционного периода, предусматривающее привлечение к ответственности за систематическое совершение разбойных нападений; определить особенности совершения преступлений на профессиональной основе разбойными шайками в дореволюционной России; выявить элементы криминальной субкультуры, поддерживаемой сообществом профессиональных разбойников в исследуемый период в России.

Методология. Для достижения поставленной цели использовались такие общенаучные и частнонаучные методы исследования, как метод анализа, синтеза, обобщения, сравнительно-правовой и хронологический.

Результаты. Определено, что многие разбойники, промышлявшие на «больших дорогах» в изучаемый период, обладали всеми признаками криминального профессионализма: наличие преступной специализации, квалификации, восприятия криминальной деятельности как источника дохода, связей с преступным миром, в том числе выражаемых в восприятии и преумножении ценностей и норм криминальной субкультуры.

Вывод. К концу XIX – началу XX века в России сформировался монолитный, хорошо структурированный и консолидированный уголовный мир, особую роль в котором играло профессиональное преступное «ядро». Не последнее место в криминальной иерархии занимали профессиональные разбойники, наносящие существенный вред экономическим отношениям в обществе и национальной безопасности страны.

Ключевые слова: разбойники; преступление; разбойная шайка; профессиональная преступность; криминальный профессионализм; преступная квалификация.

Финансирование: НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Зарубина К. А. Проявления криминального профессионализма в деятельности разбойных шайек дореволюционной России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 104–112. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-104-112>.

Поступила в редакцию 21.12.2023

Принята к публикации 29.01.2024

Опубликована 28.02.2024

© Зарубина К. А. 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024; 14(1): 104–112

Manifestations of Criminal Professionalism in the Activities of Robber Gangs of Pre-Revolutionary Russia

Kristina A. Zarubina¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kris1996z@mail.ru

Abstract

Relevance. Professional crime is one of the most dangerous, relatively independent types of crime, which poses a serious threat to modern society and the state. Currently, there is no unified approach to assessing the state, dynamics and trends of this dangerous criminal phenomenon. Mechanisms to combat this type of criminal activity that are adequate to the level of danger have not been identified. In this regard, special studies of professional crime in all its complexity and ambiguity are becoming particularly relevant, including those affecting certain issues of the evolution of this dangerous criminal phenomenon in time and space.

The purpose. The purpose of the study is a theoretical analysis and definition of the socio-legal essence of professional crime in pre-revolutionary Russia (using the example of the analysis of socially dangerous activities of robber gangs).

Objectives: to analyze the domestic legislation of the pre-revolutionary period, providing for accountability for repeated robbery; to determine the specifics of committing crimes on a professional basis by robber gangs in pre-revolutionary Russia; to identify elements of the criminal subculture supported by the community of professional robbers in the period under study in Russia.

Methodology. To achieve this goal, such general scientific and private scientific research methods as the method of analysis, synthesis, generalization, comparative legal and chronological methods were used.

Results. It was determined that many robbers who traded on the "high roads" during the studied period possessed all the signs of criminal professionalism: the presence of criminal specialization, qualifications, perception of criminal activity as a source of income, connections with the criminal world, including those expressed in the perception and multiplication of values and norms of the emerging criminal subculture.

Conclusion. By the end of the nineteenth and early twentieth centuries, a monolithic, well-structured consolidated and criminal world had formed in Russia, in which the professional criminal «core» played a special role. Professional robbers occupied not the least place in the criminal hierarchy, causing significant harm to economic relations in society and the national security of the country.

Keywords: robbers; crime; robber gang; professional crime; criminal professionalism; criminal qualification.

Funding: The research was prepared within the framework of the state task for 2024 "Transformation of private and public law in conditions of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zarubina K. A. Manifestations of Criminal Professionalism in the Activities of Robber Gangs of Pre-Revolutionary Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(1): 104–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-104-112>

Received 21.12.2023

Accepted 29.01.2024

Published 28.01.2024

Введение

К неотъемлемым признакам криминального профессионализма современные криминологи относят наличие преступной специализации, квалификации, связей с преступным миром, нередко вы-

ражающихся в приобщении к ценностям криминальной субкультуры, а также восприятие общественно опасной деятельности как источника дохода (чаще всего значительного, единственного и постоянного). Эти признаки обнаруживаются не только в деятельности современных пре-

ступников-профессионалов, но и в промысле криминальных группировок дореволюционной России, поскольку именно в этот период в российском государстве формируется монолитный, консолидированный и хорошо структурированный профессиональный преступный мир.

Цель настоящего исследования – теоретический анализ и определение социально-правовой сущности профессиональной преступности в дореволюционной России (на примере анализа общественно опасной деятельности разбойных шаек).

Методология

Для достижения поставленной цели в работе использовались принципы научной достоверности и объективности, позволившие комплексно проанализировать социально-правовую сущность преступной деятельности разбойных шаек в дореволюционной России как проявление профессиональной преступности. В работе использовались такие общенаучные и частнонаучные методы, как метод анализа, синтеза, обобщения, сравнительно-правовой и хронологический. Методы анализа, синтеза и обобщения применялись для разработки теоретической базы исследования. Сравнительно-правовой метод позволил проанализировать и сравнить отечественное законодательство дореволюционного периода, предусматривающее привлечение к ответственности за повторный разбой на разных этапах развития российского государства. Хронологический метод применялся с целью определения особенностей совершения преступлений на профессиональной основе разбойными шайками в дореволюционной России, выявления элементов криминальной субкультуры, поддерживаемой сообществом профессиональных разбойников в разные периоды.

Результаты и их обсуждение

Огромные территориальные пространства, слабая заселённость страны,

отдалённость городских и сельских поселений друг от друга в исследуемый период способствовали активизации преступных шаек¹, промысляющих на «больших дорогах» [1, с. 17]. Детерминирующим фактором роста преступной активности разбойников также выступали миграционные процессы, связанные с непрекращающимся бегством крепостных крестьян на окраинные территории государства (крепостные крестьяне, как правило, бежали от помещиков в поисках «лучшей жизни»). В связи с этим криминогенная обстановка в стране обострялась.

На ключевых транспортных путях сообщений преступники отбивали товары, обозы, разграбляли рынки. Особо «прибыльным» был пригород Москвы [2, с. 53–58], где «кормились» многие преступники. По справедливому замечанию исследователя С. Я. Лебедева, «центром», где в рассматриваемый период сходились преступные силы и откуда они отправлялись для осуществления своих преступных планов, были кружечные дворы, «где разбойники собирались для того, чтобы «отпраздновать» свои успехи в преступном ремесле за «кружечкой хмельного» и «почерпнуть» отвагу и мужество для новых смелых «предприятий». Кроме того, эти дворы были пунктами вербовки молодого поколения в криминальную среду. Местами сбора преступников также были дремучие леса, расположенные возле «больших дорог» [3, с. 91]. Дело в том, что власти старались вытеснить разбойников из сёл и посадков, однако это не решало проблему, вследствие чего они перемещались в «леса и глухие углы» [4, с. 690].

Тяжёлое материальное положение большей части населения (преимущественно крестьянства) заставляло людей

¹ В контексте данного исследования под понятием «шайка» подразумевается особая форма соучастия, предполагающая соглашение лиц на совершение нескольких определенных или неопределенных, однородных, разнородных преступных деяний (по Н. С. Таганцеву).

разбойничать и примыкать к подобным шайкам [5, с. 54]. Особо стоит подчеркнуть, что такого рода криминальный промысел имел не разовый характер. Однажды примкнув к одной из подобных шаек разбойников, лицо, как правило, оставалось там навсегда. Причём криминальная деятельность этих шаек со временем становилась всё более и более «профессионализированной», на что указывает ряд фактов.

Во-первых, разбойные шайки в дореволюционный период совершали преступления на постоянной основе, что свидетельствовало о наличии у членов этих шаек криминальной специализации. Вот что об этом пишет известный правовед-криминолог XIX в. Л. С. Белогриц-Котляревский: «...Разбойники воплощали в себе образ свободной жизни русского простолюдина <...> Разбойник, скитающийся по степям и проводивший свою жизнь в разбоях и грабежах, вообще в преступлениях, вдруг становится идеалом, разгорячающий фантазию простолюдина <...> Воровство и разбой редко совершались единолично, чаще злоумышленники составляли преступные ассоциации, шайки, чуть ли не среди благого дня шатавшихся по улицам в санях и ходили толпами...» [6, с. 4, 15–16]. Проанализировав данный отрывок, обратим внимание на следующее обстоятельство. В выражении «проводивший свою жизнь в разбоях и грабежах, вообще в преступлениях» Л. С. Белогриц-Котляревский фактически указывает на то, что преступления в данном случае совершались не от случая к случаю, а постоянно, на протяжении всей жизни, следовательно, у преступника-разбойника отмечается устойчивый «интерес» к криминальной жизни, другими словами, появляется преступная специализация.

Известный русский историк начала XVIII в. И. Т. Посошков в «Книге о скудности и богатстве», в свою очередь, замечал: «Во всех государствах христианских и бусурманских разбоев нет таких

<...> везде у нас разбои чинятся, деревни разбивают и сжигают...» [7, с. 151].

На повторность и особую распространённость этого вида преступности указывает и действующее в этот период законодательство [8]. Впервые на повторность разбоя как наотягчающее обстоятельство указывало Соборное Уложение 1649 г. (ст. 17, гл. XXI)¹. Указ от 11 мая 1663 г. предусматривал в отношении татей и разбойников, приговоренных к смертной казни за два или три разбоя, ее замену отсечением обеих ног и левой руки, которые после прибывали на деревнях, расположенных по «большим дорогам», с целью устрашения населения [9, с. 566–567]. Полагаем, что выбор места для «вывешивания» на всеобщее обозрение частей тела преступников был не случаен, поскольку именно на «большой дороге» орудовали шайки разбойников. Скорее всего, данная «акция» проводилась в назидание другим преступникам.

Позднее институт разбоя находит более подробное правовое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение 1845 г.). В рассматриваемом нормативном правовом акте – по сути, первом уголовном кодексе Российской империи, разбой был отнесен к хищениям чужого имущества [10, с. 15–21]. В полном объеме в данном нормативном правовом акте было устранено и смешение понятий «разбой» и «грабеж» [11, с. 34–37]. Особо примечательно, что ст. 2132 Уложения 1845 г. устанавливала наказание за разбой, совершённый на улице какого-либо города или местечка, селения, или же на большой или иной проезжей, «хотя бы и проселочной» дороге [12, с. 843]. Наказание за совершение упомянутых действий назначалось более суровое. Данный признак указывал на сплочённость преступных группировок, что было свойственно

¹ Соборное Уложение от 29 января 1649 года // Гарант: сайт. URL: <http://base.garant.ru/57791500/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe/> (дата обращения: 22.10.2023).

профессиональным преступникам. Дополнительно устанавливалось, что в том случае, если человек «быв уже наказан за разбой, окажется виновным снова в том же преступлении», то наказание ужесточалось (ст. 2137 Уложения 1845 г.) [12, с. 845].

В ст. 589 Уголовного уложения 1903 г. также учреждалось, что учинение разбоя шайкой, лицом, отбывшим не менее 3 раз наказания за воровство, мошенничество, вымогательство или разбой, до истечения 5 лет со дня отбытия наказания за одно из данных преступлений наказывалось более сурово, нежели совершение разбойного нападения единожды [13, с. 119].

Как видим, в действующем в дореволюционный период отечественном законодательстве также присутствовало указание на повторность разбоя. Причём это обстоятельство определялось законом какотягчающее. Исходя из этого, можно заключить, что разбойные шайки в дореволюционный период в России действительно существовали за счёт постоянного извлечения прибыли от совершения преступлений, что, в свою очередь, указывало на формирующийся криминальный профессионализм.

В подтверждение этому рассмотрим нашумевшее в отечественной истории дело стольника П. Кропотова. Согласно сохранившимся сведениям, Прохор Кропотов и его сообщники в Московской губернии в XVII в. организовали преступную шайку и несколько лет грабили и сжигали сёла и деревни в Подмосковье. На протяжении продолжительного времени они извлекали значительную прибыль от совершения преступных деяний, причём делали это регулярно. По мнению историка П. Л. Седова, денежные средства нужны были разбойникам для того, чтобы удовлетворить свои растущие потребности, обеспечить себе роскошную жизнь. Это прямо указывает на признак криминального профессионализма – восприятие и использование преступной деятельности как источника

средства существования. Разбойная шайка Прохора Кропотова долгое время скрывалась от уголовного преследования, однако после поимки в июле 1679 г. главаря и его сообщников казнили на Красной площади. По оценкам исследователей, по степени значимости для власти и российского общества расправу над этой группировкой сравнивали с казнью одного из главных государственных преступников XVII в. Степана Разина [14, с. 328–331].

Так, в преступной деятельности разбойников в исследуемый период чётко обнаруживались такие признаки криминального профессионализма, как наличие криминальной специализации, квалификации, получение дохода от преступной деятельности (значительного и постоянного).

И наконец, особо скажем о том, что дореволюционные преступники-разбойники тесно поддерживали связи с иными представителями преступного мира. Вследствие этого в среде разбойников в дореволюционный период активно формировалась и развивалась криминальная субкультура. Голландский мемуарист И. Масса ещё в начале XVII в. писал о том, что у лиц, «гуляющих» на свободе и промышляющих разбоем, существовал свой тайный язык – отверница [15, с. 66–70]. Иногда его относят к ранним формам воровского арго [16, с. 72]. Кроме того, в преступной среде разбойников в дореволюционный период начал формироваться уголовный фольклор (например, появились мифы, легенды, насаждающие образ «смелого вора» или особо «удачливого разбойника») [17, с. 113–116]. Профессиональные разбойники имели в дореволюционный период собственные криминальные традиции, обычаи, признаваемые всеми членами преступного круга, клички (свидетельства этого мы находим в некоторых жизнеописаниях известных профессиональных преступников дореволюционной России – например, в жизнеописании судьбы выдающегося крими-

нального элемента XVIII в. Ваньки Каина, промышлявшего воровством и разбоем). Особо подчеркнём, что отдельные исследователи, давая характеристику криминальным профессиям, распространённым в России в XIX в., даже стали выделять самостоятельную «категорию» профессиональных преступников – «забирах» или «громил» – лиц, совершающих разбойные нападения и грабежи, отмечая, что эти криминальные элементы более солидарны между собой, чем иные «категории» профессиональных преступников [3, с. 93, 97]. Интересно, что в этот период преступники даже слагали свои собственные криминальные песни – «предвестники» блатной музыки [18, с. 77–83]. Всё это указывает на то, что криминальная среда разбойников в дореволюционной России всё более и более «напоминала» профессиональное преступное сообщество, члены которого обладали всеми признаками криминального профессионализма. Однако говорить абсолютно точно о том, что все разбойники, промышлявшие на «больших дорогах» в России в это время, были «настоящими» профессиональными преступниками, не совсем верно, поскольку многие разбойные шайки совершали преступления примитивно, вследствие чего быстро обнаруживались сотрудниками правоохранительных органов и осуждались к высшей мере наказания.

Так, например, в соответствии с донесением Ярославского обер-коменданта преступники в начале XVIII в. часто нападали на вотчины. Голландский резидент, прибывавший в России в это время, отмечал: «За один день в Петербурге колесовали, повесили и подняли за рёбра 24 разбойника, 85 получили кнут и батоги, 15 – сослали на каторжные работы и били кнутом» [19]. При этом подчеркнём, что столь высокая результативность борьбы с разбойным «движением» в России отмечалась в условиях недостаточной эффективности работы правоохранительных органов в деле противодействия преступ-

ности и отсутствия специализированных отделений по борьбе с формирующейся и активно развивающейся профессиональной преступностью. Так, по справедливому утверждению известного русского историка В. О. Ключевского: «В России долгое время не было учреждения, которое бы вело организованную, постоянную борьбу с лихими людьми, рецидивистами, профессиональными разбойниками и татями <...> Между тем страшное развитие разбойничества, о котором говорят памятники тех веков, требовало особых органов управления для ограждения общественной безопасности и предупреждения преступлений...» [20, с. 472].

Из этого всего можно заключить, что деятельность многих разбойных шаек в России в дореволюционный период всё-таки не отличалась высоким уровнем развития криминального профессионализма, хотя это и не исключает значительного совершенствования криминальных умений и навыков этой «категории» преступников, указывающего на трансформацию общественно опасной деятельности разбойников из «традиционной» общеуголовной в «профессиональную».

Выводы

Таким образом, в дореволюционный период в России, начиная с образования единого централизованного государства, постепенно формировался монолитный и консолидированный уголовный мир, особую роль в котором играло профессиональное преступное «ядро». Не последнее место в нём занимали профессиональные разбойники, чаще всего промышлявшие на «больших дорогах». Существенная территориальная разобщённость городских и сельских поселений, значительная удалённость их друг от друга, сопряжённая с отсутствием эффективно разработанной системы противодействия органов государственной власти разбойным нападениям, способствовали

развитию промысла разбойных шаек. На это указывают как многочисленные свидетельства современников событий, так и действующее в этот период законодательство. Вследствие этого к концу XIX – началу XX в. в российском криминальном мире чётко стала определяться «категория» профессиональных разбойников. Хотя деятельность абсолютно всех преступников, промышлявших разбоем,

под данную «категорию» не подпадала. Профессиональными разбойниками были наиболее «успешные», ловкие и «талантливые» преступники, обладающие особыми криминальными знаниями, умениями, навыками, что позволяло им продолжительное время вести общественно опасную деятельность, «зарабатывать» себе на жизнь противоправным способом и оставаться «незамеченными».

Список литературы

1. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Книга первая, вып. 3: Учение о преступлении. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. 174 с.
2. Камедина Л. В. Культурная картина Смуты 1605–1612 гг. глазами русских писателей // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2013. № 4 (36). С. 53–58.
3. Лебедев С. Я. Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа. М.: Межрегиональный центр коммерческой безопасности, 1995. 167 с.
4. Соколов К. Б., Черносвитов П. Ю. Европа и Россия: ментальность и художественная культура: сравнительно-исторический анализ. Т. 1. М.: Нестор-История, 2007. 718 с.
5. Стрижова И. М. Великая Русская Смута. Причины возникновения и выход из государственного кризиса в XVI–XVII вв. М.: Дарь, 2007. 209 с.
6. Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве и краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование. Вып. 1. Киев: Унив. тип. (И. Завадзкого), 1880. С. 4–16.
7. Посошков И. Т. Книга о скудности и богатстве и другие сочинения / ред. и коммент. д-ра ист. наук Б. Б. Кафенгауза. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 411 с.
8. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
9. История суда и правосудия в России. Т. 2: Законодательство и правосудие в Московском государстве (конец XV – 70-е годы XVII века): монография / отв. ред. Н. М. Золотухина, В. М. Сырых. М.: Норма, 2017. 688 с.
10. Вьюнов В. М. Становление состава разбоя в российском уголовном праве // Сибирский юридический вестник. 2002. № 3. С. 15–21.
11. Андреева О. А., Шкурко В. В. История формирования уголовной ответственности за разбой в российском уголовном праве // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2020. №1 (31). С. 34–37.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1845. 922 с.
13. Уголовное уложение 1903 г. СПб.: Изд. Сенат. тип., 1903. 144 с.
14. Седов П. Л. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 603 с.
15. Хаджаева Н. Х. Лингвокультурологический аспект возникновения в языке социальной лексики // *Lingua mobilis*. 2011. №6 (32). С. 66–70.
16. Приемышева М. А. Тайные и условные языки в России XIX в. Часть I. СПб.: Нестор-История, 2009. 986 с.
17. Уваров А. И. Юридическая дефиниция криминальной субкультуры // Юрист-правовед. 2012. №4 (53). С. 113–116.

18. Зарубина К. А. О развитии криминальной субкультуры в России в дореволюционный период // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 77–83.
19. Евреинов Н. Н. История телесных наказаний в России – пытки и казни при Петре. М.: Альма-Матер, 2023. 334 с.
20. Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: Яуза, 2018. 1154 с.

References

1. Tagancev N. S. Kurs russkogo uголовного prava. Chast' obshhaya. Kniga pervaya. Uchenie o prestuplenii [Course of Russian criminal law. The general part. The first book. The doctrine of crime]. St. Petersburg, Tip. M. Stasulevicha, 1880. 174 p.
2. Kamedina L. V. Kul'turnaya kartina Smuty 1605–1612 gg. glazami russkikh pisatelej [Cultural picture of the Troubles of 1605–1612 through the eyes of Russian writers]. *Gumanitarnyj vektor. Seriya: Filologiya, vostokovedenie = Humanitarian vector. Series: Philology, Oriental Studies*, 2013, no. 4 (36), p. 53–58.
3. Lebedev S. Ya. Tradicii, obychai i prestupnost'. Teoriya, metodologiya, opyt kriminologicheskogo analiza [Traditions, customs and crime. Theory, methodology, experience of criminological analysis]. Moscow, Mezhhregional'nyj centr kommercheskoj bezopasnosti, 1995. 167 p.
4. Sokolov K. B., Chernosvitov P. Yu. Evropa i Rossiya: mental'nost' i hudozhestvennaya kul'tura: sravnitel'no-istoricheskij analiz [Europe and Russia mentality and artistic culture: comparative historical analysis]. Moscow, Nestor-Istoriya Publ., 2007, vol. 1. 718 p.
5. Strizhova I. M. Velikaya Russkaya Smuta. Prichiny vzniknoveniya i vyhod iz gosudarstvennogo krizisa v XVI–XVII vv. [The Great Russian Turmoil. The causes of the emergence and the way out of the state crisis in the XVI–XVII centuries]. Moscow, Dar' Publ., 2007. 209 p.
6. Belogric-Kotlyarevskij L. S. O vorovstve i krazhe po russkomu pravu. Istoriko-dogmaticeskoe issledovanie [On theft and theft under Russian law. Historical and dogmatic research]. Is. 1. Kiev, Univ. tip. (I. Zavadzko), 1880, p. 4–16.
7. Pososhkov I. T. Kniga o skudnosti i bogatstve i drugie sochineniya [A book about poverty and wealth and other writings]; ed. by B. B. Kafengauz. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1951. 411 p.
8. Tikhomirov M. N., Epifanov P. P. Sobornoe Ulozhenie 1649 goda [The Cathedral Code of 1649]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. 444 p.
9. Istoriya suda i pravosudiya v Rossii. T. 2. Zakonodatel'stvo i pravosudie v Moskovskom gosudarstve (konets XV – 70-e gody XVII veka) [History of the court and justice in Russia. Vol. 2. Legislation and justice in the Moscow state (late XV — 70s of the XVII century)]; ed. by N. M. Zolotuhina, V. M. Syryh. Moscow, Norma Publ., 2017. 688 p.
10. V'junov V. M. Stanovlenie sostava razboya v rossijskom uголовnom prave [Formation of the composition of robbery in Russian criminal law]. *Sibirskij juridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2002, no. 3, pp. 15–21.
11. Andreeva O. A., Shkurko V. V. Istoriya formirovaniya uголовnoy otvetstvennosti za razboj v rossijskom uголовnom prave [The history of the formation of criminal responsibility for robbery in Russian criminal law]. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki = Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 2020, no. 1 (31), p. 34–37.
12. Ulozhenie o nakazaniyah uголовnyh i ispravitel'nyh 1845 goda [The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845]. Sankt-Peterburg, Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj Ego imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1845. 922 p.
13. Uголовnoe ulozhenie 1903 g. [Criminal Code of 1903]. St. Petersburg, Izd. Senat. Tip., 1903. 144 p.
14. Sedov P. L. Zakat moskovskogo carstva: carskij dvor konca XVII veka [The decline of the Moscow Kingdom: the royal court of the end of the XVII century]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 603 p.
15. Hadzhaeva N. H. Lingvokul'turologicheskij aspekt vzniknoveniya v yazyke social'noj leksiki [Linguoculturological aspect of the emergence of social vocabulary in the language]. *Lingua mobilis*, 2011, no. 6 (32), p. 66–70.

16. Priemysheva M. A. Tajnye i uslovnye yazyki v Rossii XIX v. [Secret and conditional languages in Russia of the XIX century]. Is. I. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009. 986 p.
17. Uvarov A. I. Yuridicheskaya definiciya kriminal'noj subkul'tury [Legal definition of criminal subculture]. *Jurist"-pravoved" = Lawyer-jurist*, 2012, no. 4 (53), p. 113–116.
18. Zarubina K.A. O razvitii kriminal'noj subkul'tury v Rossii v dorevolucionnyj period [On the development of criminal subculture in Russia in the pre-revolutionary period]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Labochevskogo = Vestnik of Labochevsky University of Nizhny Novgorod*, 2022, no. 6, p. 77–83.
19. Evreinov N. N. Istoriya telesnyh nakazanij v Rossii – pytki i kazni pri Petre [The history of corporal punishment in Russia – torture and executions under Peter]. Moscow, Alma-Mater Publ., 2023. 334 p.
20. Ključevskij V. O. Kurs russkoj istorii [Course of Russian history]. Moscow, Yauza Publ., 2018. 1154 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Зарубина Кристина Александровна, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kris1996z@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2725-6906

Kristina A. Zarubina, Lecturer of Departments of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kris1996z@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2725-6906

Оригинальная статья / Original article

УДК 341.64

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-113-122>

Доктрина живого инструмента и эволютивное толкование в практике Европейского суда по правам человека

Т. Д. Оганесян¹ ✉

¹ Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации
ул. Остоженка, д. 53/2 стр. 1, г. Москва 119021, Российская Федерация

✉ e-mail: t.oganesian@mail.ru

Резюме

Актуальность. Разработав одну из самых сложных и продвинутых практик защиты прав человека в мире, Европейский суд по правам человека усложнил свой механизм принятия решений, внедрив несколько доктрин, в том числе доктрину живого инструмента. Развитие доктрины живого инструмента и эволютивного метода толкования в практике Суда можно проследить по некоторым важным делам и проблемам, которые стали ключевыми и определили развитие самого Суда.

Цель статьи состоит в анализе доктрины живого инструмента, особенностей применения эволютивного толкования в практике ЕСПЧ.

Задачи: провести анализ различных подходов к изучению природы доктрины живого инструмента, определить тенденции развития эволютивного толкования, а также мнений различных ученых по данному вопросу.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались системный, сравнительно-правовой, историко-правовой методы, а также методы толкования, логического и структурного анализа.

Результаты. Отмечается, что следует различать понятия «динамическое толкование» и «эволютивное толкование», «доктрину межвременности» и доктрину живого инструмента. При этом есть риск того, что доктрина живого инструмента может нарушить суверенитет государств-членов, если будет использована ненадлежащим образом. В качестве недостатка также выделено, что данная доктрина может нанести ущерб правовой определенности практики ЕСПЧ и создать ситуацию, когда государства-члены не понимают объема обязательств, на которые они соглашаются при присоединении к Конвенции. Исходя из природы, предлагается разделение эволютивных постановлений ЕСПЧ на 2 категории: постановления эволютивного характера и эволютивные постановления.

Вывод. Автор приходит к выводу, что для выполнения своих функций Суд не может не применять эволютивное толкование, однако должен делать это разумно и последовательно. Доктрина живого инструмента и эволютивное толкование как инструмент ее претворения являются отражением поколения и тех моральных ценностей, которые в тот или иной момент господствуют в обществе.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; защита прав человека; доктрина живого инструмента; эволютивное толкование.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Оганесян Т. Д. Доктрина живого инструмента и эволютивное толкование в практике Европейского суда по правам человека // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 113–122. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-113-122>.

Поступила в редакцию 16.12.2023

Принята к публикации 23.01.2024

Опубликована 28.02.2024

The Doctrine of the Living Instrument and Evolutionary Interpretation in the Case-Law of the European Court of Human Rights

Tigran D. Oganessian¹ ✉

¹ Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
53/2 Ostozhenka Str., building 1, Moscow 119021, Russian Federation

✉ e-mail: t.oganesian@mail.ru

Abstract

Relevance. Having developed one of the most complex and advanced human rights protection practices in the world, the European Court of Human Rights has complicated its decision-making mechanism by introducing several doctrines, including the doctrine of the living instrument. The development of the doctrine of a living instrument and an evolutionary method of interpretation in the practice of the Court can be traced to some important cases and problems that have become key and determined the development of the future of the Court itself.

The purpose of the article is to analyze the doctrine of the living instrument, the specifics of its application in the practice of the ECHR.

Objectives: to analyze various approaches to the study of the nature of the doctrine of the living instrument, to identify trends in the development of evolutionary interpretation, as well as the opinions of various scientists on this issue.

Methodology. In the process of working on the study, systematic, comparative legal, historical and legal methods, as well as methods of interpretation, logical and structural analysis were used.

Results. It is noted that the concepts of "dynamic interpretation" and "evolutionary interpretation", "the doctrine of intertemporality" and the doctrine of a living instrument should be distinguished. At the same time, there is a risk that the doctrine of the living instrument may violate the sovereignty of Member States if it is used improperly. As a disadvantage, it is also highlighted that this doctrine may damage the legal certainty of the ECHR practice and create a situation where member States do not understand the scope of obligations to which they agree upon accession to the Convention. Based on the nature, it is proposed to divide the evolutionary rulings of the ECHR into 2 categories: rulings of an evolutionary nature and evolutionary rulings.

Conclusion. The author concludes that in performing its functions, the Court cannot but apply an evolutionary interpretation, but it must do so reasonably and consistently. The doctrine of the living instrument and the evolutionary interpretation as an instrument of its implementation are a reflection of the generation and those moral values that prevail in society at one time or another.

Keywords: European Court of Human Rights; protection of human rights; doctrine of a living instrument; evolutionary interpretation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Oganessian T. D. The Doctrine of the Living Instrument and Evolutionary Interpretation in the Case-Law of the European Court of Human Rights. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(1): 113–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-113-122>

Received 16.12.2023

Accepted 23.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

Европейский суд по правам человека (далее – Суд, ЕСПЧ), принимая каждый год решения и постановления по тысячам дел, основывается на своем понимании прав человека. Идея о «живом» характере Европейской конвенции о защите прав

человека (далее – Конвенция) была центральной частью прецедентной практики ЕСПЧ с самых первых дней его существования и деятельности. Разработав одну из самых сложных и продвинутых практик защиты прав человека в мире, Суд тем самым усложнил свой механизм

принятия решений, внедрив несколько доктрин, в том числе доктрину живого инструмента. Развитие доктрины живого инструмента и эволютивного метода толкования в практике Суда можно проследить по некоторым важным делам и проблемам, которые стали ключевыми и определили развитие самого Суда.

Как отмечает Джордж Летсас, эволютивное толкование Конвенции требуется для лучшего понимания природы прав человека и порождает обязательство среди договаривающихся государств уважать результаты такого толкования, даже если она «несовершенна с точки зрения идеальной морали» [1, р. 139]. Однако это вовсе не означает, что Суд пользуется безграничной властью при эволютивном толковании. Суд должен быть последовательным в своей практике, насколько это возможно быть осторожным при расширении объема конвенционных прав, тщательно аргументируя свое толкование и соблюдая баланс между эволютивным толкованием, свободой усмотрения и консенсусом.

Методология

Методологической базой исследования послужили общенаучные методы познания: системный метод, методы логического и структурного анализа и др. Кроме того, были использованы методы, присущие науке международного права: системно-юридический, сравнительно-правовой и метод толкования права. Последний был особенно востребован при рассмотрении вопросов юридической природы и специфики выносимых эволютивных постановлений Европейского суда по правам человека. Особое значение принадлежит методу юридического анализа, позволяющему выявить закономерности и тенденции развития доктрины живого инструмента в практике ЕСПЧ и его правовых позиций.

Историко-правовой метод определяет последовательность прецедентной практики ЕСПЧ в контексте применения

эволютивного метода толкования. Метод толкования позволяет проанализировать сущность и содержание эволютивного толкования. С помощью сравнительно-правового метода рассмотрена специфика выносимых эволютивных постановлений Европейского суда по правам человека, а также доктринальных позиций ведущих исследователей по данному вопросу.

В целом системность методологии связывается с тем, что проводимые исследования тесно увязываются с практикой, что позволяет познать реальные процессы и явления.

Результаты и их обсуждение

Европейский суд по правам человека рассматривает конвенционные права как подлежащие эволюции и изменению в их понимании с течением времени. То, что составляет частную жизнь, право на жизнь, свободу выражения мнения, иные права, должно эволюционировать вместе с технологическим и социальным развитием¹. Такой подход к обновлению, по мнению ЕСПЧ, является не отменой, а скорее логическим выводом из объекта и цели Конвенции: обеспечить эффективную и значимую защиту прав личности.

Ещё в деле *Wemhoff v. Germany* в 1968 г. Суд заявил, что «объект и цель Конвенции как инструмента защиты отдельных людей требуют, чтобы ее положения толковались и применялись таким образом, чтобы сделать ее гарантии практичными и эффективными»². Кроме того, в деле *Soering v. United Kingdom* (1989) Суд также отметил, что любое толкование гарантированных прав и свобод должно соответствовать «общему духу

¹ См: *Mamatkulov and Askaraov v Turkey*, no. 46827/99, 46951/99 (Grand Chamber), Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 4.02.2005; *Tyrer v. UK*, no. 5856/72, Judgment (Merits) of 25 April 1978; *Marckx v. Belgium*, no. 6833/74, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 13.06.1979.

² *Wemhoff v. Germany*, no. 2122/64. Judgment (Merits) of 27 June 1968, para. 8.

Конвенции»¹. В этом смысле можно предположить, что эволютивное толкование хотя и не было изначально упомянуто в тексте Конвенции, но рассматривалось судьями ЕСПЧ как инструмент для расширения конвенционных прав со временем. Например, Ангелика Нуссбергер при характеристике эволютивного толкования отмечала следующее: «Суд отличается скромностью. Он не претендует на разработку всеобъемлющей доктрины. ...Как интерпретировать Конвенцию – это скорее история, рассказанная многими авторами, рассказанная и развиваемая на протяжении многих лет и столкнувшаяся с различными проблемами. Это, однако, не случайно. Его основа общепризнанна и никогда не подвергалась сомнению – эффективность защиты прав человека» [2, р. 108]. Профессор Стивен Грир предложил похожий комментарий к пониманию сущности эволютивного толкования Конвенции: «Принцип эволютивного, или динамического, толкования, который Суд разработал для себя, способствует отказу от устаревших толкований Конвенции, когда произошли значительные, долговременные и общевропейские изменения в области общественного мнения» [3, р. 96].

При этом следует различать понятия «динамическое толкование» и «эволютивное толкование». Российский учёный Алексей Исполинов расценивает термины «динамическое» и «эволютивное» как тождественные для именованного толкования «в свете условий сегодняшнего дня» [4, с. 86]. Ян Эрик Хельгесен, первый вице-президент Венецианской комиссии и профессор Университета Осло, отмечает, что «предпочёл бы использовать термин “эволютивное” как охватывающее ситуацию, когда Суд реагирует на новые факты, даёт ответы на вопросы, возникающие в результате социальных изменений, и вопросы, которые никогда ранее не

рассматривались судом; тогда как “динамическое” толкование относится прежде всего к ситуации, когда Суд даёт новые ответы на старые вопросы» [5, р. 22].

Сондре Торп Хельмерсен, в свою очередь, проводит различие между так называемой «доктриной межвременности» (*doctrine of Intertemporality*) и доктриной живого инструмента [6, р. 144]. Доктрина межвременности была сформулирована в арбитражном разбирательстве по делу *Island of Palmas* (The Netherlands v. United States) в 1928 г. как «принцип», призванный ответить «на вопрос, какая из различных правовых систем, преобладавших в последовательные периоды, должна применяться в конкретном случае»². В данном деле было также отмечено, что «существование права, другими словами, его постоянное проявление должно соответствовать условиям, требуемым эволюцией права»³. Доктрина межвременности отличается от доктрины живого инструмента, хотя и может взаимодействовать с последней на практическом уровне.

Суд посредством эволютивного толкования изменяет значение терминов в Конвенции без прямого и явного вмешательства государств-членов в соответствии со своей методологией «живого инструмента». Дэвид Джон Харрис, Майкл О'Бойл и Колин Уорбрик следуют аналогичной логике, отмечая, что «при рассмотрении дела со ссылкой на динамический характер Конвенции Суд должен вынести решение относительно того, в какой момент изменение содержания права получило достаточно широкое признание в европейских государствах, чтобы повлиять на смысл Конвенции. При этом Суд, как правило, проявлял осторожность, предпочитая следовать практике государств, а не форсировать новый подход» [7, р. 17]. Ангелика Нуссбергер в

¹ *Soering v. United Kingdom*, no. 14038/88. Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 7 July 1989, para. 87.

² *Island of Palmas* (The Netherlands v. United States), 2 Reports of International Arbitral Awards (1928), para. 829.

³ *Ibid.*, para. 845.

отношении доктрины «живого инструмента» подчеркивает, что «такие концепции Суда, как живой инструмент и пределы усмотрения, не только оказывают влияние на судебную практику других международных региональных органов по контролю за соблюдением прав человека и судов, но и вдохновляют на развитие правовой доктрины в целом» [2, p. 108].

Права человека не являются чем-то каменным или «программой оптимизации», для которой нет ограничений, поскольку это нарушило бы регулирующую функцию закона и пределы судебного правотворчества. В этой связи Стефани Шмаль, профессор Вюрцбургского университета, отмечает, что применяя такой далеко идущий динамичный метод толкования, который в конечном счете приводит к установлению новых прав, предусмотренных Конвенцией, Суд выходит за рамки фактически предназначенной для него роли, считая себя «главным блюстителем международного права в области прав человека, определяя масштабы и скорость правового развития в Европе» [8, p. 199].

Джон Мерриллс, профессор международного публичного права в Университете Шеффилда, в своей книге «Развитие международного права Европейским судом по правам человека» (*The Development of International Law by the European Court of Human Rights*) анализирует вклад, внесенный ЕСПЧ в развитие принципов международного права путем детального изучения его судебной практики, а также методов толкования. Он отмечает, что вклад Суда в «изменения в внутреннее законодательство и практику» предоставляет наиболее существенное доказательство его воздействия [9, p. 12]. Когда Джон Мерриллс проводил свой анализ роли Суда в развитии международного права, он, *inter alia*, обнаружил, что толкование Конвенции преследовало три цели: усиление роли Конвенции, для указаний на

ее упущения и для соответствия Конвенции современным реалиям.

До постановления Суда по делу *Тайрера* обсуждение природы доктрины живого инструмента Конвенции было проведено в учебнике Фрэнсиса Джейкобса, опубликованном в 1975 г., и международной коллоквиальной речи, произнесенной в 1975 г. по Конвенции Максом Соренсоном. Фрэнсис Джейкобс, на тот момент член секретариата Комиссии по правам человека, опубликовал в 1975 г. книгу, посвященную Конвенции. В этой связи его идеи представляют особый интерес, учитывая то обстоятельство, что книга была опубликована до вынесения постановления по делу *Тайрера*. Он отметил, что толкование Конвенции должно быть «динамичным» в том смысле, что оно должно толковаться в свете социальных и политических изменений [10, p. 282]. Доктрина живого инструмента также упоминалась в рамках международного коллоквиума, состоявшегося в Риме 5-8 ноября 1975 г.¹ На этой конференции Макс Соренсон, судья Суда ЕС, который позже стал судьей ЕСПЧ, представил доклад об эволютивном толковании Конвенции [11]. Прибегнув к примерам Международного суда ООН, он подчеркнул, что стандарты защиты, предоставляемые Конвенцией, способны эволюционировать с течением времени и что есть признаки того, что это уже произошло.

Доктрина «живого инструмента» широко признается в качестве уникального инструмента толкования Конвенции. Она занимает видное место в дискуссиях о том, подрывает ли практика толкования Судом его легитимности, когда он изменяет или расширяет сферу основных прав, закрепленных в Конвенции. Доктрина живого инструмента потенциально рассматривается как активная доктрина Суда [12, p. 309]. Как таковая она

¹ Fourth International Colloquy About the European Convention on Human Rights, Rome, November, 1975.

рискует нарушить суверенитет государств-членов, если будет использована ненадлежащим образом. В принципе данная доктрина может нанести ущерб правовой определенности практики Суда и создать ситуацию, когда государства-члены не понимают объема обязательств, на которые они соглашаются при присоединении к Конвенции, или испытывают неопределенность в отношении своих обязательств по Конвенции в будущем. Данная ситуация ярко выражена на примере Великобритании в связи с постановлением ЕСПЧ по делу о голосовании заключенных.

Фан Ювен предлагает следующую логику суждений: «быть истолкованным в свете современных условий» – это необходимость, а «живой инструмент» – интерпретирующая цель [13]. Профессор Джон Мерриллс предположил, что существуют два различных подхода к толкованию положений Конвенции: принятие предполагаемого значения Конвенции как неизменного по сравнению со значением, которое она имела бы в 1950-х гг., и признание того, что составители намеренно оставили Конвенцию открытой для толкования в свете меняющихся условий, тем самым предоставив Суду право толковать этот вопрос так, как он сочтет уместным в данный момент. Европейский суд в конечном счете одобрил последний подход с помощью доктрины живого инструмента, которая может предложить нечто похожее на «конституционную роль» Конвенции [9, р. 48]. Таким образом, чем больше Конвенция воспринимается как «развивающаяся конституция для Европы» [14], тем более разумно ожидать от Суда творческого толкования или, по крайней мере, подхода, который жестко применяет именно то, что было задумано в 1950 г. Британский исследователь Джордж Летсас характеризует «доктрину живого инструмента», применяемую Судом, следующим образом: а) основное внимание ЕСПЧ уделяет «современным стандартам толкования

Конвенции»; б) «современные стандарты», которые играют важную роль при толковании Конвенции и рассматриваются Судом как «общие или разделяемые» среди государств-участников [1, р. 107].

Обсуждая доктрину «живого инструмента», профессор Шеффилдского университета Джон Мерриллс предположил, что при толковании Конвенции Суд мог бы оставаться строго приверженным стандартам защиты прав человека, существовавшим в сознании составителей в 1950-х гг. В качестве альтернативы он утверждает, что «Суд мог бы выйти за рамки конкретных концепций 1950 года и принять во внимание современные идеи» [9, р. 48]. Именно этот последний подход Джон Мерриллс в конечном счете предлагает Суду. Этот подход во многом соответствует пониманию Комитета экспертов Совета Европы по реформированию Суда: «В соответствии с прецедентной практикой Суда Конвенция рассматривается как живой инструмент, подлежащий толкованию в свете современных условий. Таким образом, гарантированные права были признаны применимыми к ситуациям, которые не были предсказуемы, когда Конвенция была впервые принята, как, например, использование новых информационных технологий или искусственное оплодотворение, и к ситуациям, которые были фактически предсказуемы, но в которых произошли социальные изменения после принятия Конвенции»¹. Гвидо Раймонди, бывший председатель ЕСПЧ, напротив, отметил, что, реализуя динамичный подход, Суд

¹ Steering Committee for Human Rights, Committee of Experts on the Reform of the Court, 'Consolidated draft CDDH final report on the longer-term future of the Convention System', Council of Europe GT-GDR- F(2015)010, para 23. URL: http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/CDDH/REFORMECHR/GT-GDR-F/GT-GDR-F%282015%29010_Consolidated%20draft%20CDDH%20final%20report.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

превратил Конвенцию в живой инструмент, предоставив ей возможность идти в ногу с событиями, происходящими в национальном и европейском обществе [15, с. 17].

Исходя из природы, эволютивные постановления Суда можно разделить на 2 категории: 1) постановления эволютивного характера, которые дают дополнительные разъяснения, как конвенционная норма должна быть впредь интерпретирована, и 2) эволютивные постановления, которые расширяют конвенционную норму предметно к новым вопросам. Например, дело Тайрера является хорошей иллюстрацией эволютивного постановления, поскольку Суд не только установил новый применимый критерий, но и расширил сферу действия статьи 3 Конвенции, признав телесные наказания формой унижающего достоинство обращения. Постановление по делу *Gürbüz v. Turkey* является примером постановления эволютивного характера, поскольку Суд лишь развил конвенционную норму, придя к выводу, что повторное заключение тяжелобольного заключенного, который объявил длительную голодовку, будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции¹.

М. Анденас и Е. Бьорге отмечают, что развивающееся (также описываемое как «динамическое» или «эволютивное») толкование права является общей чертой международных договоров: «разработчики международных договоров хотели, чтобы они были способны применяться к новым ситуациям, и поэтому формулировали объект и цель договоров в “общих чертах”» [16]. Аналогичным образом Л. Арден описала эволюционирующую природу права европейского правосудия, которая «может расширяться и совершенствоваться, чтобы приспособиться к изменениям» [17]. Ю. А. Гаврилова при использовании результатов эволютивно-

го толкования ЕСПЧ в отечественной правовой системе подчёркивает важность соблюдения «преемственности развития отечественной юридической науки и национальных правовых традиций» [18, с. 52]. В. Д. Зорькин, Председатель Конституционного Суда РФ, подчеркивает, что «так называемое эволютивное толкование Конвенции Европейским судом, по сути дела, направлено на создание нового унифицированного европейского правового порядка» [19]. Джон Финнис обобщает суть критики о демократической легитимности: эволютивное толкование сводится к тому, чтобы поставить на первое место «современные взгляды и/или мнения» [20, р. 83].

Подход, принятый Страсбургским судом, является подходом, серьезно учитывающим намерение договаривающихся государств, изложенное в преамбуле Конвенции, что не только «признание», но и «дальнейшая реализация» прав человека и основных свобод возлагается на государства-члены, а следовательно, и на ЕСПЧ. В этой связи более убедительно принять моральные определения, сделанные ЕСПЧ, и признать, что (исторические) намерения составителей Конвенции в целом имеют и должны иметь лишь второстепенное отношение к нынешнему толкованию после установления соответствующих моральных принципов, лежащих в основе Конвенции.

Выводы

Для выполнения своих функций Суд не может не применять эволютивное толкование, однако должен делать это разумно и последовательно. Более того, эволютивное толкование является законным, а его использование становится «необходимым для легитимности Суда», поскольку оно помогает добиться согласованности в вынесении судебных решений. Однако несмотря на это обстоятельство право на моральное прочтение Конвенции в отношении всех 46 государств-членов Совета Европы принадлежит

¹ *Gürbüz v. Turkey*, no. 26050/04, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 10 November 2005, para. 71.

лишь Суду. В этом и особенность Суда, состоящего из судей из 46 государств, развивать и толковать Конвенцию, основываясь на предыдущей прецедентной практике ЕСПЧ и консенсусе.

Права человека, их понимание и содержание сами по себе динамичны и находятся в зависимости от социальных, моральных и научных изменений и нов-

шеств. Доктрина живого инструмента и эволютивное толкование как инструмент ее претворения являются отражением поколения и тех моральных ценностей, которые в тот или иной момент господствуют в обществе. Результаты эволютивного толкования отражают также взгляды и уровень правосознания соответствующего поколения судей ЕСПЧ.

Список литературы

1. Letsas G. The ECHR as a living instrument: its meaning and legitimacy // *Constituting Europe: the European Court of human rights in a national, european, and global context* / A. Føllesdal, B. Peters, G. Ulfstein (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 106–141.
2. Nussberger A. *The European Court of human rights*. Oxford: Oxford University Press, 2022. 256 p.
3. Greer S. *The European Convention on Human Rights: achievements, problems and prospects*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. 388 p.
4. Исполинов А. С. Вопросы взаимодействия международного и внутреннего права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // *Российский юридический журнал*. 2017. № 1. С. 73–93.
5. Helgesen J. E. What are the limits to the evolutive interpretation of the Convention? Dialogue between judges, European Court of human rights // *Council of Europe*. 2011. P. 22.
6. Helsen S. T. Evolutive treaty interpretation: legality, semantics and distinctions // *European Journal of Legal Studies*. 2013. Vol. 6, is. 1. P. 127–148.
7. Harris D. J., O'Boyle M., Warbrick C. *Law of the European Convention on human rights*. 2th ed. Oxford: Oxford University Press, 2009. 902 p.
8. Schmahl S. The European Court of human rights – can there be too much success? A Comment // *Journal of human rights practice*. 2022. Vol. 14, is. 1. P. 191–203.
9. Merrills J. *The development of international law by the European Court of human Rights*. Manchester: Manchester University Press, 1993. 235 p.
10. Jacobs F. G. *The European Convention on human rights*. Oxford: Oxford University Press, 1975. 469 p.
11. Sorenson M. Do the rights set forth in the European Convention on human rights in 1950. Have the Same Significance in 1975 // *Fourth International Colloquy About the European Convention on Human Rights*. Rome, 1975.
12. Dzehtsiarou K., O'Mahony C. Evolutive interpretation of rights provisions: a comparison of the European Court of human rights and the U.S. Supreme Court // *Columbus Human Rights Law Review*. 2013. Vol. 44. P. 309–365.
13. Fan Y. Revisiting ECtHR interpretation of the ECHR: living up to a living instrument // *FISCAL Policy Brief Series*. 2016. No. 65. URL: https://eprints.soton.ac.uk/413852/1/17._Final_submission_of_thesis.pdf (дата обращения: 10.12.2023).
14. Webber T. *The European Convention on human rights and the living instrument doctrine: an investigation into the Convention's Constitutional Nature and Evolutive Interpretation*. Southampton: University of Southampton, 2016. URL: https://eprints.soton.ac.uk/413852/1/17._Final_submission_of_thesis.pdf (дата обращения: 10.12.2023).
15. *Энциклопедия Европейского суда по правам человека*. Т. 1 / гл. ред. В. Портнов. М.: Ипра 5, 2018. 470 с.
16. Andenas M., Bjorge E. National implementation of ECHR rights: kant's categorical imperative and the convention (April 22, 2011) / *University of Oslo Faculty of Law Research*. Paper No. 2011-15. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1818845 (дата обращения: 12.12.2023).

17. Arden M. An English judge in Europe (Neill Lecture: 28 February 2014). URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/JCO/Documents/Speeches/lj-arden-an-english-judge-in-europe.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).
18. Гаврилова Ю. А. Об эволютивном толковании в российском праве // *Legal Concept = Правовая парадигма*. 2021. Т. 20, № 1. С. 50–55.
19. Зорькин В. Д. Недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями // *Российская газета*. 2018. №226(7689). URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniyami.html> (дата обращения: 12.12.2023).
20. Finnis J. Judicial law-making and the living instrumentalisation of the ECHR // *Lord Sumption and the Limits of the law* / ed. by N. Barber, R. Ekins, P. Yowell. Oxford; Portland, Oregon: Hart Publishing Ltd, 2016. 232 p.

References

1. Letsas G. The ECHR as a living instrument: its meaning and legitimacy. *Constituting Europe: The European Court of Human Rights in a National, European, and Global Context*; ed. by A. Føllesdal, B. Peters, G. Ulfstein. Cambridge, Cambridge University Press, 2013, pp. 106–141.
2. Nussberger A. The European Court of Human Rights. Oxford, Oxford University Press, 2022. 256 p.
3. Greer S. The European Convention on Human Rights: achievements, problems and prospects. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2006. 388 p.
4. Ispolinov A. S. Voprosy vzaimodeistviya mezhdunarodnogo i vnutrennego prava v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda RF [Issues of interaction between international and domestic law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal = Russian Law Journal*, 2017, no. 1, pp. 73–93.
5. Helgesen J. E. What are the limits to the evolutive interpretation of the Convention? Dialogue between judges, European Court of Human Rights. Council of Europe, 2011, p. 22. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Dialogue_2011_ENG.pdf. (accessed 10.12.2023)
6. Helmersen S. T. Evolutive treaty interpretation: legality, semantics and distinctions. *European Journal of Legal Studies*, 2013, vol. 6, is. 1, pp. 127–148.
7. Harris D. J., O'Boyle M., Warbrick C. Law of the European Convention on Human Rights. 2th ed. Oxford, Oxford University Press, 2009. 902 p.
8. Schmahl S. The European Court of Human Rights – Can there be too much Success? A Comment. *Journal of Human Rights Practice*, 2022, vol. 14, is. 1, pp. 191–203.
9. Merrills J. The development of international law by the European Court of Human Rights. Manchester, Manchester University Press, 1993. 235 p.
10. Jacobs F. G. The European Convention on Human Rights. Oxford, Oxford University Press, 1975. 469 p.
11. Sorenson M. Do the rights set forth in the European Convention on Human Rights in 1950. Have the same significance in 1975. *Fourth International Colloquy About the European Convention on Human Rights*. Rome, 1975.
12. Dzehtsiarou K., O'Mahony C. Evolutive interpretation of rights provisions: a comparison of the European Court of Human Rights and the U.S. Supreme Court. *Columbus Human Rights Law Review*, 2013, vol. 44, pp. 309–365.
13. Fan Y. Revisiting ECtHR interpretation of the ECHR: living up to a living instrument. *FISCAL Policy Brief Series*, 2016, no. 65. URL: https://eprints.soton.ac.uk/413852/1/17_Final_submission_of_thesis.pdf. (accessed 10.12.2023)
14. Webber T. The European Convention on Human Rights and the living instrument doctrine: An Investigation Into the Convention's Constitutional Nature and Evolutive Interpretation. Southampton, University of Southampton, 2016. URL: https://eprints.soton.ac.uk/413852/1/17_Final_submission_of_thesis.pdf. (accessed 10.12.2023)
15. Enciklopediya Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka [Encyclopedia of the European Court of Human Rights]; ed. by V. Portnov. Moscow, Irga 5 Publ., 2018, vol. 1. 470 p.

16. Andenas M., Bjorge E. National implementation of ECHR rights: kant's categorical imperative and the Convention (April 22, 2011). University of Oslo Faculty of Law Research. Paper No. 2011-15. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1818845. (accessed 12.12.2023)
17. Arden M. An English Judge in Europe (Neill Lecture: 28 February 2014). URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/JCO/Documents/Speeches/lj-arden-an-english-judge-in-europe.pdf>. (accessed 12.12.2023)
18. Gavrilova Y. A. Ob evolutivnom tolkovanii v rosiyskom prave [On the evolutionary interpretation in Russian law]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1.
19. Zorkin V. D. Nedostatki Konstitucii mozžno ustranit tochechnymi izmeneniyami [Shortcomings in the Constitution can be eliminated by point-by-point changes]. *Rossiyskaya Gazeta = Russian newspaper*, 2018, no. 226(7689). Available at: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniyami.html>. (accessed 12.12.2023)
20. Finnis J. Judicial law-making and the living instrumentalisation of the ECHR. Lord Sumption and the Limits of the law; ed. by N. Barber, R. Ekins, P. Yowell. Oxford, Portland, Oregon, Hart Publishing Ltd, 2016. 232 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Оганесян Тигран Давидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: t.oganesian@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8239-694X

Tigran D. Oganessian, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: t.oganesian@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8239-694X

УДК 93/94

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-123-134>

Сельскохозяйственное винокурение в период действия акцизной системы в России (1863–1894 годы)

Н. Е. Горюшкина¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Несмотря на широкое освещение в печати процесса хозяйственной эволюции винокурения в акцизной России, основания для деления заводов на сельскохозяйственные и промышленные, причины государственной опеки винокурения в сельской местности систематического научного анализа не получили. Однако тема эта весьма важна для понимания сущности акциза. В этой связи представленная статья обладает безусловной актуальностью и значимостью.

Цель – оценить состояние сельскохозяйственного винокурения в период действия акцизной системы взимания налога с алкоголя в России.

Задачи статьи вытекают из поставленной цели и состоят в том, чтобы: определить тенденции развития винокуренного производства в условиях акциза; обосновать деление заводов на сельскохозяйственные и промышленные; объяснить государственные шаги в поддержку сельскохозяйственных винокурен.

Методология. В качестве методологического инструментария применялись принципы историзма и объективности, дополненные историко-генетическим, историко-сравнительным, историко-описательным методами исследования.

Результаты. Винной реформой 1863 года были установлены акцизные правила винокурения. С каждым годом они становились все более жесткими. Винокурни, расположенные в помещичьих усадьбах, куриявшие вино из продуктов своего хозяйства, использовавшие отходы производства на корм скоту и для удобрения полей, не справлялись с нормами и закрывались. Заводы, производившие спирт в коммерческих целях, интенсифицировали производственный процесс и росли количественно. В Министерство финансов поступали обращения о поддержке заводов сельскохозяйственного типа. Закон 4 июня 1890 года определил юридический статус сельскохозяйственных винокурен и представил им льготное налогообложение.

Вывод. Винокуренное производство под действием жестких акцизных норм совершенствовалось. Винокурни сельских хозяев не выдержали конкуренции промышленных предприятий. Правительство проявило патерналистскую заботу о сельскохозяйственном винокурении, что шло вразрез с финансовыми интересами государства.

Ключевые слова: винная реформа; акцизная система; акциз; сельскохозяйственное винокурение; промышленное винокурение.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. Сельскохозяйственное винокурение в период действия акцизной системы в России (1863–1894 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 123–134. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-123-134>.

Поступила в редакцию 06.12.2023

Принята к публикации 10.01.2024

Опубликована 28.02.2024

Agricultural Distilling During the Period of the Excise System in Russia (1863–1894)

Natalia E. Goryushkina¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. Despite the wide coverage in the press of the process of economic evolution of distillery in excise Russia, the grounds for dividing factories into agricultural and industrial, the reasons for state guardianship of distilleries in rural areas have not received systematic scientific analysis. However, this topic is very important for understanding the essence of the excise tax. In this regard, the presented article has absolute relevance and significance.

The purpose is to assess the state of agricultural distillery during the period of the excise tax system on alcohol in Russia.

The objectives of the article follow from the set goal and are to: identify trends in the development of distillery production under excise duty; justify the division of factories into agricultural and industrial; explain government steps to support agricultural distilleries.

Methodology. The principles of historicism and objectivity were used as methodological tools, supplemented by historical-genetic, historical-comparative, historical-descriptive research methods.

Results. The wine reform of 1863 established excise rules for distilling. They were getting tougher every year. Distilleries located in landlords' estates, which smoked wine from the products of their farms, used production waste for livestock feed and for fertilizing fields, could not cope with the norms and were closed. Factories that produced alcohol for commercial purposes intensified the production process and grew quantitatively. The Ministry of Finance received requests to support agricultural-type plants. Act of June 4, 1890 He determined the legal status of agricultural distilleries and provided them with preferential taxation.

Conclusion. Distillery production was improved under the influence of strict excise regulations. Distilleries of rural owners could not withstand the competition of industrial enterprises. The government showed paternalistic concern for agricultural distillery, which went against the financial interests of the state.

Keywords: wine reform; excise system; excise duty; agricultural distilling; industrial distilling.

Funding: The publication was completed within the framework of the state task for 2024 "The transformation of private and public law in the context of an evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Goryushkina N. E. Agricultural Distilling During the Period of the Excise System in Russia (1863–1894). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(1): 123–134. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-123-134>

Received 06.12.2023

Accepted 10.01.2023

Published 28.02.2024

Введение

В первой половине XIX в. характер и размер винокурения в различных частях России коренным образом отличались друг от друга. Разнообразие это было определено плодородностью почв, климатическими условиями, используемыми винокуреными материалами, но более всего разностью законодательства, дей-

ствовавшего в разных губерниях и областях страны, в отношении винокуренного промысла.

Наибольшее число винокуренных заводов располагалось в восточных, черноземных и северо-восточных губерниях России. Но если заводы черноземных и северо-восточных губерний покрывали в основном местную потребность в вине,

то выкурка заводов в привилегированных губерниях в значительной мере превышала внутренние потребности, и готовый продукт оттуда поставлялся в другие районы страны и даже за границу. Заводы прибалтийских губерний и Царства Польского были тесно связаны с сельским хозяйством и пускали в производство только винокуренные припасы с собственных полей. Землевладельцы этих губерний с успехом пользовались пропанационным правом (монополия на изготовление спиртных напитков), которое предоставляло им возможность сбывать вино по высокой цене без какой-либо конкуренции. Все невыгоды мелкого производства заводчики покрывали за счет высокой цены на готовый продукт. В местностях, где действовала откупная система, а это были великороссийские губернии, вино у заводчиков подряжала казна. Размер подряда напрямую зависел от величины и силы завода. Винокуры, желая получить больший подряд, возводили в своих усадьбах заводы-громадины. В условиях крепостного права они мало заботились о материалах, оборудовании и, тем более, стоимости используемой на винокуренных заводах рабочей силы. Перегонные аппараты здешних заводов обновлялись редко, потому винокурни имели в основном первобытное устройство. Дрова сжигались без счета, спирт гнался без добавления солода, барда (отход от производства) сливалась в реки и овраги. На выходы готового продукта внимания никто не обращал.

Кардинальные перемены в ход винокуренного дела внесла винная реформа. Она была осуществлена в соответствии с высочайше утвержденным 4 июля 1861 г. «Положением о питейном сборе» [1].

Жесткие и однообразные для всех районов страны правила курения вина направили производственный процесс на путь интенсификации, которая, в свою очередь, разделила винокуренные заводы на два типа – промышленные и сельскохозяйственные.

Оценке состояния сельскохозяйственного винокурения в период действия акцизной системы взимания налога с алкоголя в России посвящена представленная статья.

Методология

Статья написана с опорой на широкий круг исторических источников, хранящих сведения о выделке вина (донесения акцизных управлений, распоряжения Департамента неокладных сборов, письма винозаводчиков и т.д.). Они были извлечены из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Источниковую базу дополнили «Положение о питейном деле» и законодательные акты, принятые в его развитие, которые приведены в Полном собрании законов Российской империи. Описание разных типов винокурения и статистика по ним сохранились в «Отчетах Департамента неокладных сборов», наиболее характерные данные были использованы при подготовке статьи.

Основополагающими методологическими принципами исследования стали историзм и объективность. Принцип историзма указал на необходимость оценки состояния сельскохозяйственного винокурения, исходя не из абстрактных представлений о его продуктивности или рациональности, а из конкретных условий акцизного времени. Принцип объективности требовал беспристрастного рассмотрения сельскохозяйственных винокурен с учетом их позитивной (поддержка земледелия) и негативной (отказ от модернизации) сторон. Применение в работе нашли также историко-генетический, историко-сравнительный, историко-описательный методы. Историко-генетический метод помог указать на причины упадка винокурения в дворянских усадьбах, историко-сравнительный метод – определить общее и особенное в развитии заводов разных типов. Историко-описательный метод применялся при из-

ложении правительственных шагов, предпринятых в поддержку винокурения сельских хозяев.

Все названные выше источники, принципы и методы в совокупности своей «работали» на достижение поставленной цели.

Результаты и их обсуждение

Вскоре после вступления в силу «Положения о питейном сборе» свет обрела книга инженера-технолога С. А. Пахомова «Взгляд на прошедшее и настоящее состояние винокурения в России». Автор, «основываясь на верных данных, личных наблюдениях и опытах», одним из первых обратил внимание на то, что винокуренные нормы, установленные акцизной системой, поставили в более выгодное положение заводы, владевшие оборотным капиталом и получавшие высокий доход от перекура (произведенного сверх нормы вина). Заводы же сельскохозяйственные, «дурно устроенные», перекура не получали, средства их были ограниченными, они курили вино с большим трудом [2, с. 10–11].

На роль перекура в качестве фактора интенсификации производства алкоголя указал историк и публицист А. К. Корсак в очерке «О винокурении». Он высказал опасение, что винокурни, расположенные в сельской местности, не смогут выдержать конкуренции заводов, построенных в городах или близ железнодорожных станций в коммерческих целях, поскольку последние пользовались лучшими винокуреными материалами, производили спирт лучшего качества, быстрее находили рынки сбыта для готовой продукции [3, с. 462].

Разбор темы у этих двух авторов подробный, обстоятельный, но, поскольку они написаны в 1865–1866 гг., он ограничен первыми годами акциза.

Весьма ценным историческим источником о винокурении является книга князя К. С. Кропоткина «Исторический очерк производства охмеляющих напит-

ков. Винокурение по новейшим способам». Особо стоит отметить разбор автором процесса механизации производственных операций, который обусловил разделение заводов на сельскохозяйственные и промышленные [4, с. 361–371].

Состояние винокурного производства с момента введения акцизной системы до 1889 г. получило оценку Н. С. Терского. Согласимся с мнением ревизора Департамента неокладных сборов Министерства финансов, что для одних заводов курение вина носило характер случайного промысла, «самое существование и размер которого в каждое данное время зависели от наличности благоприятных обстоятельств», для других заводов это было коммерческое занятие, обещавшее хорошую прибыль. Отсюда и разница в производственных результатах [5, с. 193].

Ценно мнение чиновника особых поручений Л. Н. Шишкова о сельскохозяйственном винокурении, отразившееся в книге с таким же названием. Автор доказывал острую потребность в правительственной поддержке сельских хозяев, осуществляющих выпуск алкоголя из продуктов собственного производства [6, с. 5].

В 1893 г. свет обрела книга Я. Я. Никитинского «Винокурение и торговля спиртом», где профессор Московского технического училища высказался в поддержку заводчиков, которые курили вино в коммерческих целях, следили за технологическими новшествами и постоянно совершенствовали производственный процесс в интересах всей России [7, с. 4–5].

Труд начальника Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей М. И. Фридмана «Винная монополия» исключительно важен для оценки состояния сельскохозяйственного винокурения в период действия акцизной системы взимания налога с алкоголя. «Из того факта, что изменения в строе винокурения, отрывавшие его в известной мере от сельского хозяйства, произошли в

эпоху применения акцизной системы обложения спиртных напитков, нельзя, конечно, делать вывода о том, что причиной перемены была именно акцизная система, – писал Фридман. – Но нельзя отрицать того, что акцизная система, в том виде как она применялась у нас до 1891 г., поощряла и усиливала естественный процесс хозяйственной эволюции в области винокурения» [8, с. 95–96].

В советское время специальных работ об акцизном винокурении не было, тема освещалась только попутно в работах общего характера по истории промышленности, финансов, помещичьего землевладения. Так, советские историки И. Д. Ковальченко, Н. Б. Селунская, Б. М. Литваков в совместном труде об устройстве помещичьего хозяйства обратили внимание на то, что правительственные акты в поддержку дворянского винокурения были произведены в ущерб казенному интересу и в ущерб магистральной линии развития промышленности. Но ни причины, ни следствия данного факта авторами не были раскрыты [9].

В последние годы появились научные исследования, посвященные винокурению при акцизе. Серьезного внимания заслуживают исследования историков А. М. Мариупольского [10], С. В. Богданова [11], а также работа Н. Е. Горюшкиной «Винокурение производство в акцизной России (1863–1894 гг.)» [12].

Несмотря на наличие исследований, затрагивающих тему сельскохозяйственного и промышленного винокурения, четкое представление о разных типах производства пока не сформировано.

Заметим, что с 1 января 1863 г. действие акцизной системы распространилось на губернии и области Европейской России и Сибири. Во второй половине 1866 г. акцизная система установилась в Царстве Польском, в 1869 г. – в Туркестанском крае, в 1873 г. – в Закавказском крае, в 1887 г. – в Карской, Батумской

областях, части Бессарабии, Закаспийском крае [13].

В соответствии с акцизными правилами с каждого градуса спирта, произведенного на винокуренном заводе, взимался акцизный сбор. Питейное законодательство двигалось в сторону повышения акциза – в период с 1863 г. по 1892 г. акцизная пошлина поднялась с 4 коп. до 10 коп. Вместе с этим ужесточались нормы выходов спирта, ограничивалась продолжительность брожения, сокращались отчисления за произведенное сверх нормы вино. Заводчики были поставлены в столь тесные рамки по отношению ко времени для производства, когда работа должна быть окончена, непрерывности операций только в продолжении объявленного срока и разных других, более или менее стеснительных условий. За всякое отступление от установленных правил заводчик отвечал штрафом, а за злоупотребления, которые могли бы произойти на заводе, даже помимо воли заводчика и без его ведома, он отвечал имущественно и притом с огромными денежными потерями. Обеспечить себя от всех этих случайностей можно было только при личном, бдительном и умелом собственном руководстве, или же обставив заводское дело надежными мастерами и администрацией.

Большой доход нес только перекур. Но бывало, что вместо ожидаемых барышей заводчик получал и разорительные убытки. Если по каким-либо причинам случался недокур (выход вина ниже нормы), акцизом оплачивался не только произведенный, но и непроизведенный объем спирта. Винокурение становилось рискованным занятием. Слова Л. Н. Шишкова здесь вполне справедливы: «Винокурение можно поистине назвать Дамокловым мечом, постоянно занесенным над заводчиком; ни минуты, пока длится винокурение, он не может быть спокоен за свое состояние. Нужно, право, удивляться энергии тех немногих мелких заводчиков, сельских хозяев, которые еще

решаются, при таких условиях, вести винокуренное дело» [6, с. 13].

Под влиянием акцизных правил численность действовавших винокуренных заводов сокращалась, устройство заводов становилось более совершенным, общая выкурка вина неуклонно поднималась вверх. Средняя производительность заводов по России в 1869/1870 г. выросла до 41 тыс. ведер с 15,5 тыс. ведер на один завод в 1863/1864 г. Но в Европейской России действовало только 1681 производство [6, с. 9–10].

В течение 1860–70-х гг. винокуренные заводы в сельской местности закрывались. Новая волна закрытия винокурен имела место в начале 1880-х гг. [14]

При сравнении выгод сельскохозяйственного и промышленного винокурения выяснялось, что заводы сельскохозяйственные пользовались продуктами производства собственных имений, могли привлечь местных рабочих по низкой цене, топливо и материал для хранения готового продукта также находились поблизости; заводы промышленного типа приобретали винокуренные припасы по рыночным ценам, немалые суммы платили за доставку их к месту переработки, дорого платили за топливо, городские рабочие, привлекаемые на завод, требовали более высокой заработной платы.

Главным фактором, вызвавшим разномысленные тенденции (закрытие одних заводов и рост производительности других), стало чувствительное для кошелька заводчика удешевление стоимости производства спирта на крупном предприятии сравнительно с малым. Расходы по администрированию винокурения, по продаже вина, по содержанию рабочих, по ремонту оборудования – все это падало на цену ведра вина на крупном заводе в несравненно меньшей степени, чем на малом производстве. В условиях «оскудения» дворянства многие винокурни, ориентированные на материальные, сырьевые и трудовые ресурсы своего поместья, при значительном росте

цен на сырье, подорожании рабочей силы и отсутствии капиталов для усовершенствования производства, были вынуждены закрыться [15, с. 187].

Факт «вымирания» мелких заводов и замены их более крупными был налицо. Заводчики, перерабатывавшие в своих цехах продукцию собственных поместий, жаловались в Министерство финансов на то, что акцизные нормы стесняют предпринимательство, заведомо предоставляют преимущество крупным заводам коммерческого типа, устроенным в городской черте и (или) непосредственной близости от железных дорог. За сельских хозяев вступился редактор газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков: «Одним из крупных зол действующей у нас <...> питейной системы был разрыв этой естественной связи между винокурением и сельским хозяйством, которое лишилось той существенной подмоги, какою должно быть для него винокурение» [16, с. 183].

Просьбы о поддержке винокурен в сельской местности шли в Министерство финансов со всех концов страны, «целая комната была завалена протестами и проектами, которые не могли быть даже прочитаны» [17, с. 246].

В общественной среде, и как следствие в бюрократических кругах, росла тревога по поводу дворянского винокурения. Правительство стало воспринимать проблему как неотложную, требующую скорейшего решения. Однако задача поддержать сельскохозяйственное винокурение и не навредить заводам коммерческой направленности виделась неразрешимой. Для поиска программы действий при Министерстве финансов было устроено 11 съездов. Журналы съездов, как и поступившие в Министерство финансов заявления, отзывы, предложения винокуренных заводчиков и сельских хозяев, послужили основанием для разработки и высочайшего утверждения Закона 4 июня 1890 г. [18]

Он разделил винокуренные заводы на три типа – сельскохозяйственные, промышленные и смешанные. Сельскохозяйственной признавалась выкурка, производимая в течение 200 заторных дней, заключавшихся между 1 сентября и 1 июня и в общей сложности не превышавших 75 ведер вина в 40° на каждую десятину пахотной земли, имевшейся в имении, при котором располагался винокуренный завод. Земли имения могли находиться на одном или нескольких участках с совокупным размером не менее 60 десятин земли. Промышленными стали считать заводы, не находившиеся в имениях и не связанные с сельским хозяйством, или, если и расположенные в имениях, то не утилизирувавшие барду, не вывозившие навоз на поля. Промышленным было названо и винокурение, производимое на дрожжево-винокуренных заводах, а также винокурение из свеклосахарных остатков и на заводах, взятых в аренду. Промежуточное положение между ними заняли заводы смешанного типа (сельскохозяйственно-промышленные). Они располагались в имениях, утилизировали барду и вывозили навоз на поля, но по своим размерам и (или) по продолжительности винокурения превышали установленные нормы соответствия с размерами и потребностями данного хозяйства. Закон запретил строить винокуренные заводы с совокупной емкостью квасильных чанов, превышающей 9 тыс. ведер, увеличивать на существующих заводах емкость более этого размера, устраивать винокуренные заводы в городах, ввел запрет на их содержание и приобретение акционерными компаниями [19].

Для поддержки сельскохозяйственного винокурения устанавливались *две категории* безакцизных отчислений: одно – всех заводов всякой выкурки, за исключением производимой на дрожжево-винокуренных заводах и в летнее время (летним считалось винокурение в течение 120 летних дней). Согласно установлен-

ной шкале отчисление уменьшалось пропорционально увеличению выкурки, т. к. рассчитывалось, что мелкие заводы терпели большую потерю от усушки, чем крупные. Отчисление это производилось в размере известного процента со всего выхода спирта, а в случае недокура – с количества спирта, подлежавшего оплате акцизом. Пользоваться этим отчислением заводчик мог не ранее того, когда он оплатит «нормальное» вино акцизом или обеспечит этот акциз залогами [20].

Таким образом, на первый выкуренный в период 1 млн° отчислялось 2%; на выкурку свыше 1 млн° до 3 млн° – 1½%; на выкурку свыше 3 млн° и до 12 млн° – ½%. На выкурку, превышавшую 12 млн°, отчислений не полагалось, и заводчику причиталось только то отчисление, которое ему следовало получить за предыдущую выкурку. Чем более была производительность винокуренного завода, тем менее становился процент отчислений. Заводы, удовлетворявшие условиям сельскохозяйственного винокурения, пользовались, кроме общего для всех заводов безакцизного отчисления, особыми дополнительными льготами. Со спирта, произведенного на сельскохозяйственном заводе, акциз слагался в следующем размере:

- за первые выкуренные в период 500 тыс.° – 4%;
- за выкурку свыше 500 тыс.° до 1 млн° – 2%;
- за выкурку свыше 1 млн° до 3 млн° – 1½%;
- за выкурку от 3 млн° до 6 млн° – ½%;
- за выкурку свыше 6 млн° дополнительные отчисления более не полагались.

Замена безакцизного перекура безакцизным отчислением спирта, представлявшимся заводчику не в награду за успешное производство винокурения и за получение высоких выходов спирта, а в вознаграждение действительно понесенных им потерь в виде естественной усушки и утечки спирта, составляла суть

Закона 4 июня 1890 г. В более выгодное положение были поставлены заводы, производившие до 1 млн° спирта; заводы, выпускавшие 1 – 3 млн°, остались на прежних условиях, крупное производство, напротив, было поставлено в худшие условия [21, с. 237].

Можно сказать, что Закон 4 июня 1890 г. противоречил стратегии «естественного развития» винокурения. Многие заводы, прекратившие производство, попытались возобновить курение вина, произошло изменение численных пропорций винокуренных заводов (рис. 1).

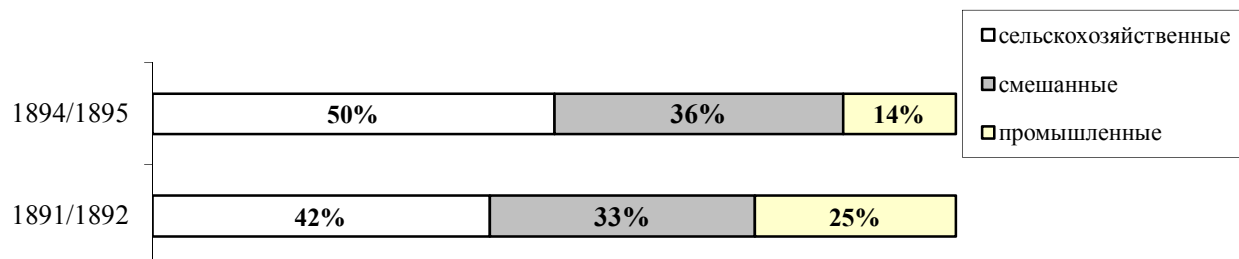

Рис. 1. Изменения относительных величин винокуренных заводов великороссийских губерний, %

Fig. 1. Changes in the relative values of distilleries in the Great Russian provinces, %

Как видно из рисунка 1, в 1891/1892 г. в великороссийских губерниях к категории «сельскохозяйственные» относилось 193 завода (42% от общей численности), 87 заводов (25%) считались промышленными, категории «смешанные» соответствовало 145 заводов (33%) [22, с. 38, 40].

Благоприятствующее сельскохозяйственному винокурению законодательство подтолкнуло рост количества сельскохозяйственных заводов в абсолютных и относительных величинах. Уже в 1894/1895 гг. в категорию «сельскохозяйственные» входило 236 заводов, что составляло 50% от общей численности. Выросло число смешанных заводов 168 (36%), численность промышленных заводов сократилась до 66 (14%). Доля сельскохозяйственных заводов в общей выкурке поднялась с 21,3% в 1891/1892 гг. до 28,5% в 1894/1895 гг. [23, с. 131–132]

Протекционная политика государства в отношении сельскохозяйственных винокурен возвращала заводы, расположенные в дворянских имениях. Но некоторые из них не действовали уже много лет и пришли в совершенную негодность. Возвратить их «к жизни» не могли никакие льготы. Не менее $\frac{2}{3}$ сельскохозяйственных заводов были построены задолго до 1863 г. В категории «винокуренные

заводы смешанного типа» преобладали предприятия, которые были устроены в период действия акцизной системы. «Промышленного типа» винокуренные предприятия в $\frac{2}{3}$ случаев были новыми, только $\frac{1}{3}$ таких заводов была открыта в дворянских поместьях до винной реформы 1863 г. С течением времени они порвали связь с сельским хозяйством и курили вино тогда, когда по состоянию хлебного или спиртового рынка находили это дело выгодным. По совокупной емкости квасильных чанов и количеству используемых в производстве припасов промышленные заводы более чем в 3 раза превосходили сельскохозяйственные, в 1,5 раза – смешанные заводы. Они могли курить вино продолжительное время и, следовательно, могли получить больший объем продукции (73,2 тыс. ведер у промышленных заводов против 24,9 тыс. – у сельскохозяйственных и 51,7 тыс. – у смешанных) [24].

Поддержка сельскохозяйственного винокурения шла вразрез с интересами промышленности и государственного бюджета. Предоставляя льготы заводам сельскохозяйственного типа, Министерство финансов сознательно замедляло развитие промышленного винокурения, отказываясь от возможных поступлений

в казну, осознавая, что показатели производства промышленных предприятий превосходили показатели сельскохоз-

яйственных при промежуточном положении смешанных заводов (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика производства разных типов заводов в 1890-е гг.

Table 1. Comparative characteristics of the production of different types of factories in the 1890s.

Заводы	Совокупная емкость, вед.	Количество затираемых припасов, пуд.	Средняя продолжительность винокурения, дней	Средний размер выкурки, ведер
Сельскохозяйственные	2195	122	177	24954
Смешанные	4137	230	194	51720
Промышленные	6641	369	209	73190

Таблица 1 наглядно демонстрирует, что производительность заводов промышленного типа была значительно выше производительности сельскохозяйственных заводов. Средний размер выкурки в первом случае составлял 73 190 ведер, а во втором – только 24 954 ведра [24].

Опека сельскохозяйственного винокурения со стороны государства противоречила интересами и промышленности, и казны. Выгодные для сельскохозяйственных заводов винокурённые нормы являлись результатом настойчивых просьб, поступавших в Министерство финансов из разных губерний России. Несмотря на способности адаптации к новым экономическим условиям, обеспечить потребности растущего спиртового рынка сельскохозяйственные заводы были не в состоянии. Лучшие годы сельскохозяйственного винокурения, без сомнения, остались в прошлом.

Выводы

Исходя из сказанного выше, заключаем, что винокурение в различных районах России в доакцизный период разви-

валось по-разному. «Положение о питейном сборе» установило жесткие производственные нормы и поставило всех заводчиков в равные условия. Обеспеченные капиталами заводы справлялись с ними и даже получали перекур. Винокурни в дворянских усадьбах выполняли требования с большим трудом, не редкостью был недокур, за который приходилось платить налог. Весь акцизный период нормы становились все более жесткими, винокурённые заводы, расположенные в сельской местности и перерабатывавшие продукцию собственных хозяйств, прекращали производство, заводы промышленного типа, выпускавшие продукцию высокого качества с коммерческими целями, крепили. Правительство, желая поддержать сельских хозяев, выпустило Закон 4 июня 1890 г. Он поставил сельскохозяйственное винокурение в более выгодные условия в отношении уплаты акциза. Поддержка правительства позволила упрочить связь винокурения с сельским хозяйством, но шла вразрез с интересами промышленности и казны.

Список литературы

1. Высочайше утвержденное Положение о питейном сборе // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36, ч. 2, № 37197.
2. Пахомов С. А. Взгляд на прошедшее и настоящее состояние винокурения в России. Одесса: Тип. П. Францова, 1866. 52 с.

3. Корсак А. К. О винокурении // Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России: в 3-х т. СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865. Т. 3. С. 215–515.
4. Кропоткин К. С. Исторический очерк производства охмеляющих напитков: Винокурение по новейшим способам. СПб.: Т-во пар. скоропеч. Яблонского и Перотт, 1889. 575 с.
5. Терский Н. С. Питейные сборы и акцизная система в России: Исторический очерк и настоящее положение: Опыт сравнительного исследования главнейших результатов акцизной системы и ее значения для государства, казны и населения. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1890. 252 с.
6. Шишков Л. Н. Сельскохозяйственное винокурение. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1891. 38 с.
7. Никитинский Я. Я. Винокурение и торговля спиртом: технические успехи винокурения, выкурка спирта и положение торговли спиртом в России и главнейших государствах. СПб.: Тип. Киршбаума, 1893. 145 с.
8. Фридман М. И. Винная монополия: в 2-х т. СПб.: Тип. «Правда», 1916. Т. 2. 627 с.
9. Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М.: Наука, 1982. 264 с.
10. Мариупольский А. М. Частное и казенное винокурение в Западной Сибири во второй половине XIX в.: отдельные аспекты проблемы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. № 4. С. 59–62.
11. Богданов С. В. Винокуренное производство как одно из направлений предпринимательства помещиков Тверской губернии (1860-е – конец 1880-х годов) // Из архива тверских историков: сборник научных трудов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 93–109.
12. Горюшкина Н. Е. Винокуренное производство в акцизной России (1863–1894 гг.) / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2022. 127 с.
13. РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 436. Л. 1–15.
14. РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 575. Л. 13.
15. Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М.: Наука, 1978. 295 с.
16. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1883 год. М.: Изд. С. П. Катковой, 1898. 627 с.
17. Рейнбот А. Е. К вопросу о сельскохозяйственном винокурении // Труды Императорского Вольного Экономического Общества. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1889. Т. 2. С. 243–269.
18. О мерах к поощрению сельскохозяйственного винокурения // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 10, ч. 1, № 6888.
19. РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 325. Л. 232 об.
20. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 126. Л. 1-2 об., 46.
21. Фабрично-заводская промышленность и торговля в России. СПб.: И. А. Ефрон, 1896. 636 с.
22. Отчет бывшего Департамента неокладных сборов, а ныне Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1895 год. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1897. 418, 131 с.
23. Отчет Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1897 год. СПб., 1899. 263 с.
24. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 126. Л. 48.

References

1. Vysochajshe utverzhdennoe Polozhenie o pitejnom sbore [The most highly approved Regulations on the drinking collection]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii = The Complete Collection of laws of the Russian Empire*, coll. 2, vol. 36, pt. 2, no. 37197.

2. Pahomov S. A. Vzglyad na proshedshee i nastoyashchee sostoyanie vinokurenija v Rossii [A look at the past and present state of distilling in Russia]. Odessa, Tip. P. Francova, 1866. 52 p.
3. Korsak A. K. O vinokurenii [About distilling]. Obzor razlichnyh otraslej manufakturnoj promyshlennosti Rossii [Overview of various branches of the Russian manufacturing industry]. St. Petersburg, Tip. V. N. Majkova, 1865, vol. 3, pp. 215–515.
4. Kropotkin K. S. Istoricheskij ocherk proizvodstva ohmelyayushchih napitkov: Vinokurenije po novejsim sposobam [A historical sketch of the production of intoxicating drinks: Distilling according to the latest methods]. St. Petersburg, T-vo par. skoropech. Yablonskogo i Perott, 1889. 575 p.
5. Terskij N. S. Pitejnye sbory i akciznaya sistema v Rossii: Istoricheskij ocherk i nastoyashchee polozhenie: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya glavnejshih rezul'tatov akciznoj sistemy i ee znacheniya dlya gosudarstva, kazny i naseleniya [Drinking fees and the excise system in Russia: A historical sketch and the present situation: The experience of comparative research of the main results of the excise system and its significance for the state, treasury and population]. St. Petersburg, Tip. V. Kirshbauma, 1890. 252 p.
6. Shishkov L. N. Sel'skohozyajstvennoe vinokurenije [Agricultural distillery]. St. Petersburg, Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za", 1891. 38 p.
7. Nikitinskij Ya. Ya. Vinokurenije i trgovlya spirtom: tekhnicheskie uspekhi vinokurenija, vykurka spirta i polozhenie trgovli spirtom v Rossii i glavnejshih gosudarstvah [Distilling and alcohol trade: technical successes of distilling, alcohol smoking and the situation of alcohol trade in Russia and the main states]. St. Petersburg, Tip. Kirshbauma, 1893. 145 p.
8. Fridman M. I. Vinnaya monopoliya [Wine Monopoly]. St. Petersburg, Tip. "Pravda", 1916, vol. 2. 627 p.
9. Koval'chenko I. D., Selunskaya N. B., Litvakov B. M. Social'no-ekonomicheskij stroj pomeshchich'ego hozyajstva Evropejskoj Rossii v epohu kapitalizma [The socio-economic structure of the landlord economy of European Russia in the era of capitalism]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 264 p.
10. Mariupol'skij A. M. Chastnoe i kazennoe vinokurenije v Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX v.: otdel'nye aspekty problemy [Private and state-owned distilling in Western Siberia in the second half of the 19th century: selected aspects of the problem]. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava* = *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2012, no. 4, pp. 59–62.
11. Bogdanov S. V. [Distillery production as one of the directions of entrepreneurship of the landowners of the Tver province (1860s – late 1880s)]. *Iz arhiva tverskih istorikov. Sbornik nauchnyh trudov* [From the archive of Tver historians. Collection of scientific papers]. Tver', Tver. St. Univ. Publ., 2002, pp. 93–109. (In Russ.)
12. Goryushkina N. E. Vinokurennoe proizvodstvo v akciznoj Rossii (1863–1894 gg.) [Distillery production in excise Russia (1863–1894)]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2022. 127 p.
13. RGIA, f. 574, op. 1, d. 436, l. 1–15.
14. RGIA, f. 574, op. 1, d. 575, l. 13.
15. Ryndzyunskij P. G. Utverzhdenie kapitalizma v Rossii. 1850–1880 gg [The establishment of capitalism in Russia. 1850–1880]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 295 p.
16. Katkov M. N. Sobranie peredovyh statej Moskovskih vedomostej. 1883 god [Collection of leading articles of the Moscow Gazette. The year is 1883.]. Moscow, Izd. S. P. Katkovej Publ., 1898. 627 p.
17. Rejnbot A. E. K voprosu o sel'skohozyajstvennom vinokurenii [On the issue of agricultural distilling]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva* = *Proceedings of the Imperial Free Economic Society*. St. Petersburg, Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za", 1889, vol. 2, pp. 243–269.
18. O merah k pooshchreniyu sel'skohozyajstvennogo vinokurenija [On measures to encourage agricultural distilling]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii* = *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, coll. 3, vol. 10, pt. 1, no. 6888.
19. RGIA, f. 574, op. 2, d. 325, l. 232 ob.
20. GARF, f. 102, op. 76, b. d. 126, l. 1-2 ob., 46.

21. *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya v Rossii* [Factory industry and trade in Russia]. St. Petersburg, I. A. Efron Publ., 1896. 636 p.
22. *Otchet byvshego Departamenta neokladnyh sborov, a nyne Glavnogo upravleniya neokladnyh sborov i kazennoj prodazhi pitej za 1895 god* [Report of the former Department of non-payment fees, and now the Main Department of non-payment fees and government sale of drinks for 1895]. St. Petersburg, Tip. E. Evdokimova Publ., 1897. 418, 131 p.
23. *Otchet Glavnogo upravleniya neokladnyh sborov i kazennoj prodazhi pitej za 1897 god* [Report of the General Directorate of Non-payment fees and government sale of drinks for 1897]. St. Petersburg, 1899. 263 p.
24. GARF, f. 102, op. 76, b. d. 126, l. 48.

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gor046@ya.ru,
ORCID: 0000-0003-4042-3529

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Sciences (Historical), Associate Professor, Head of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gor046@ya.ru,
ORCID: 0000-0003-4042-3529

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(470.324).084.3-053.2

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-135-145>**Основные направления социализации воспитанников детских учреждений Воронежской области в 1930-е годы****Т. В. Филоненко¹, В. А. Менжулин¹** ✉

¹ Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, д. 86, г. Воронеж 394043, Российская Федерация

✉ e-mail: 10051982@mail.ru

Резюме

Актуальность. Вниманию читателей предлагается сюжет, посвященный различным аспектам и направлениям социализации детдомовцев в 1930-х годах. Социализация подразумевала привитие воспитанникам трудовых навыков, обучение в объеме средней школы, а также их воспитание в рамках господствовавшей в то время в стране коммунистической идеологии. Подобный сюжет ранее не находился в поле зрения ученых-историков, в силу чего требует изучения и всестороннего анализа. Использованный в статье многочисленный архивный материал вводится в научный оборот впервые.

Цель – изучить опыт совместной работы государства и детских учреждений для последующей интеграции детдомовцев в советское общество.

Задачи: выявить и проанализировать основные направления социализации воспитанников детских домов.

Методология. В основу проведенного исследования были положены принципы объективности, историзма и системности, а также общенаучные методы анализа и синтеза.

Результаты. В ходе проведенного исследования удалось выяснить, что приступить вплотную к воспитанию государственных детей удалось лишь к началу 1930-х годов. Выбранные направления социализации хорошо вписывались в исторический контекст эпохи. Привитие трудовых навыков в ходе профессионального обучения должно было способствовать востребованности бывших детдомовцев на возводимых в ходе индустриализации предприятиях, создаваемых во время коллективизации колхозах и совхозах. Учебная, внешкольная и культурно-массовая деятельность отвечала задачам культурной революции и подлинного коммунистического воспитания. Более того, социализация должна была выступить в качестве последующего социального и профессионального лифта бывшего детдомовца.

Выводы. Предпринятые государством усилия позволили части лишенных родительской опеки детей вытянуть путёвку в жизнь и занять достойное место в советском обществе.

Ключевые слова: беспризорность; детские дома; трудовое воспитание; социализация; Воронежская область.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Филоненко Т. В., Менжулин В. А. Основные направления социализации воспитанников детских учреждений Воронежской области в 1930-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 135–145. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-135-145>.

Поступила в редакцию 19.12.2023

Принята к публикации 19.01.2024

Опубликована 28.02.2024

The Main Directions of Socialization Pupils of Children's Institutions Voronezh Region in the 1930s

Tatiana V. Filonenko¹, Viktor A. Menzhulin¹ ✉

¹ Voronezh State Pedagogical University
86 Lenin Str., Voronezh 394043, Russian Federation

✉ e-mail: 10051982@mail.ru

Abstract

Relevance. The readers are offered a plot dedicated to various aspects and directions of the socialization of orphanages in the 1930s. Socialization meant instilling work skills in pupils, training in the scope of secondary school, as well as their upbringing within the framework of the communist ideology that prevailed in the country at that time. Such a plot has not previously been in the field of view of historians, which is why it requires study and comprehensive analysis. The numerous archival materials used in the article is being introduced into scientific circulation for the first time.

Purpose – to study the experience of the joint work of the state and children's institutions for the subsequent integration of orphanages into Soviet society.

Objectives. To identify and analyze the main directions of socialization of children in orphanages.

Methodology. The research was based on the principles of objectivity, historicism and consistency, as well as general scientific methods of analysis and synthesis.

Results. In the course of the conducted research, it was found out that it was possible to come to grips with the upbringing of state children only by the beginning of the 1930s. The chosen directions of socialization fit well into the historical context of the era. Instilling labor skills during vocational training was supposed to contribute to the demand for former orphanages at enterprises erected during industrialization, collective farms and state farms created during collectivization. Educational, extracurricular and cultural activities met the objectives of the cultural revolution and genuine communist education. Moreover, socialization was supposed to act as a subsequent social and professional elevator of the former orphanage resident.

Conclusion. The efforts made by the state allowed some of the children deprived of parental care to get a start in life and take a worthy place in Soviet society.

Keywords: homelessness; orphanages; labor education; socialization; Voronezh region.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Filonenko T. V., Menzhulin V. A. The Main Directions of Socialization Pupils of Children's Institutions Voronezh Region in the 1930s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(1): 135–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-135-145>

Received 19.12.2023

Accepted 19.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

Изучение деятельности советского государства и общества в довоенное десятилетие по обеспечению условий социализации детей, оставшихся без попечения родителей и проживавших вне семей, является важной задачей исторической и педагогической науки. В работах современных исследователей с использованием обновленной и существенно расширенной источниковой основы освещение данной проблемы дается в контексте ис-

следования борьбы по преодолению детской беспризорности и безнадзорности [1–3].

К началу 1930-х гг. в проводимой властями политике по отношению к государственным детям изменились ориентиры: покончив на бумаге с уличной беспризорностью, отныне ставка стала делаться на социализацию уже находившихся в детских учреждениях воспитанников [4; 5]. Эта миссия была возложена

на детские дома¹. Социализация детдомовцев включала профессиональное обучение в подсобных хозяйствах и производственных мастерских, учебную и внешкольную работу, а также культурно-массовую деятельность. Применительно к Воронежской области 1930-х гг. данные вопросы в литературе не рассматривались и требуют специального изучения.

Методология

В основу проведенного исследования были положены принципы объективности, историзма и системности. Принципы историзма и объективности позволили беспристрастно проанализировать имеющиеся в историографии оценки проводимой властью и обществом политики по ликвидации и профилактике детской беспризорности. Общенаучные методы анализа и синтеза способствовали отбору, накоплению и обобщению исторического материала.

Результаты и их обсуждение

Важной составляющей в деятельности любого детского учреждения было привитие ребёнку трудовых навыков. В 1927 г., принимая трёхлетний план борьбы с беспризорностью, по-прежнему продолжавшей носить в Воронежской губернии «острый характер», власти предлагали уделить «исключительное внимание» практическим мероприятиям по её предотвращению. Среди них значилось в том числе «улучшение дела обеспечения выпускников из детдомов необходимыми трудовыми навыками и устройством их на соответствующие отрасли работ» [6, л. 2 об.]. Таким образом, уже во второй половине 1920-х гг. сложилось понимание профессионального образования как ключевого фактора последующей социализации воспитанников детских учреждений.

Учитывая природно-климатические особенности средней полосы Русской равнины, а также издавна присущий Воронежской губернии аграрный характер, регион как нельзя лучше подходил для обучения сельскохозяйственному делу. В 1920-е гг. известно о существовании сельскохозяйственных детских трудовых колоний в Чертовицах, Россоши, Новохопёрском уезде (позднее – районе), Колыбельке Лискинского района, Солотях Валуйского района. В них направляли подростков, «по своему возрасту и развитию не могущих проходить нормальную школу» [7, л. 11 об.]. Подобные колонии предназначались для трудновоспитуемых детей и подростков, имевших, как правило, за плечами солидный стаж беспризорности и совершивших неоднократные правонарушения. Размещение подобного контингента в детдомах обычного типа деморализовало обстановку в них, в свете чего правильным оказалось создание специализированных детских учреждений трудового характера.

В осенне-зимний период воспитанники детских учреждений, высвобождаясь от сельскохозяйственных работ, могли заниматься в производственных мастерских, будучи, тем самым, всегда заняты делом и получая универсальные трудовые навыки. Так, по данным на 1929 г., при Солотянской колонии имелась оборудованная корзиночная мастерская с оплачиваемым мастером при ней.

В апреле 1932 г. Облсполком обязал областную Деткомиссию (ОблДТК) «всемерно помочь организовать при каждом детдоме подсобное хозяйство, выделив на это дело из доходов ДТК 45 тыс. руб.» [8, л. 49]. Однако претворить благое начинание в жизнь не удалось. В скором времени «чрезвычайно тяжёлое положение» значительной части детдомов Центрально-Чернозёмной области было вскрыто в ходе их проверки правительственной комиссией. Её результаты привлекли внимание ВЦИК, президиум которого в мае 1934 г. постановил «в течение текущей посевной кампании обеспе-

¹ Карасёва А. А. История функционирования и развития системы детских домов РСФСР в 1919–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 30 с.

чить каждый детский дом земельным участком с семенами, в первую очередь таких огородных культур, как картофель, огурцы, лук, свёкла, капуста» [9, л. 52]. Отдельно оговаривалась ситуация с городскими детдомами. Там, где не было возможности выделить земельный участок для каждого дома, предлагалось «отвести объединённый участок для ряда детских домов на тех же основаниях, как и для сельских детских домов» [9, л. 52]. Учитывая, что в апреле с мест поступали тревожные сведения о «крайне неудовлетворительной подготовке детдомов к весеннему севу», ВЦИК предложил председателю Облисполкома Рябинину «установить личную ответственность председателей райкомов, горсоветов и сельсоветов за развитие и укрепление подсобных хозяйств детских домов (выделение и отвод земли, снабжение семенами, тягловой силой, сельскохозяйственным инвентарём и т. д.)» [9, л. 52, 77].

Выборочная проверка детдомов, осуществлённая в первых числах августа 1934 г., показала расширение их подсобной базы по сравнению с 1933 г., в частности: по земельным участкам – с 1255,6 до 1706,14 га, рабочего скота – со 131 до 155 голов, рогатого скота – с 176 до 365 голов, свиней – со 162 до 313 голов, овец – с 357 до 520 голов. Также отмечалось, что по ряду детдомов «хозяйства поставлены вполне удовлетворительно» (Инжавино, Пичаево, Добринка, Острогжск) [10, л. 36]. К числу недостатков было отнесено отсутствие в большинстве районов помощи со стороны МТС в обработке земельных участков [11, л. 37].

Основные огородные культуры (картофель, капуста, свёкла) в большинстве детдомов были успешно освоены. Состояние посевов, как показала проверка, «вполне удовлетворительное» [10, л. 75]. Развёртывание подсобной сельскохозяйственной базы при детдомах требовало значительных финансовых вливаний. Поскольку собственными средствами воронежские власти справиться с этой задачей не могли, им пришлось запросить дота-

цию соцстраха на предстоящий 1935 г. в размере 190 тыс. руб. На эти деньги предполагалось закупить 40 коров, 50 лошадей, 100 овец, 40 свиноматок [10, л. 72].

«Вопросу развёртывания при детских домах подсобной сельскохозяйственной базы в течение последних 3-х лет уделялось большое внимание», – говорилось в одном из отчётов воронежского ОблОНО в 1935 г. [11, л. 62 об.]. Отмечалось, что за небольшим исключением «все детские дома области имеют подсобную сельскохозяйственную базу, начиная с 3-х и [заканчивая] 300 га. Дальнейшее расширение земельных участков не требуется. До настоящего времени подсобная сельскохозяйственная база при детских домах служила целям материального укрепления их и привития детям трудовых навыков» [11, л. 62 об.].

Следует отметить, что сами подростки были склонны к труду, проявляя неподдельный интерес к приобретению профессии. В апреле 1928 г. 14-летний ученик Уваровской школы Михаил Рачук¹ написал письмо в Борисоглебский УНО: «Очень давно я лишился отца и матери. Ни родных, ни близких никого не осталось. Я рос безродным круглым сиротой. Чужие люди дали мне приют, и я последнюю зиму учусь в школе. Школа дала мне только грамоту, а больше я ничему в ней не научился, нас больше не учили ничему. <...> А я хочу ещё поучиться и выучиться что-нибудь делать... машины какие-нибудь или строить что-нибудь. Без дела мне скучно. Я прошу выучить меня работать» [12, л. 171–172].

Вопрос трудовой подготовки воспитанников детдомов был открытым на протяжении всего изучаемого периода.

¹ Сын белорусских беженцев из Гродненской губернии Миша Рачук был мальчиком крепкого сложения, здоровым, проявлявшим большую склонность к ремеслу. Отец подростка был плотником-столяром и умер в Уварово в Гражданскую войну в 1919 г., здесь же умерла его мать в голод 1921 г., когда мальчику было семь лет.

Его разрешение напрямую увязывалось с работой по преодолению беспризорности и являлось неотъемлемой частью по её профилактике. Однако отсутствие необходимых финансовых средств в местных бюджетах в 1920-е и первой половине 1930-х гг. не позволило приступить к его полноценной реализации. Трудовая подготовка воспитанников проводилась эпизодически и то лишь в некоторых детских учреждениях. Например, в Острогожском округе ЦЧО в 1929 г. только ставилась задача организации «трудовых комнат при детдомах», наряду с предоставлением «каждому детдому хотя бы небольшого земельного участка» [13, л. 19]. Между тем, в ходе обследования ряда детдомов отрядами «лёгкой кавалерии» отмечалось, что дети имеют влечение к ремеслу (Уразово), где-то имеется кружок рукоделия (Валуйки).

Создание мастерских при детских домах относится к периоду 1928–1929 гг., совпавшего с началом осуществления в стране форсированной индустриализации. Темпы создания мастерских, а также профиль их деятельности явно не соответствовали запросам времени. Ликвидация безработицы и растущая потребность промышленности в кадрах квалифицированных рабочих, особенно остро вставшая в 1930 г., заставила смотреть на детдомовцев как на потенциал решения кадрового вопроса в промышленности и сельском хозяйстве.

Весной 1934 г. президиум ВЦИК признал «совершенно неудовлетворительной» работу ОблОНО по организации мастерских при детдомах для подростков. Местным чиновникам отдела образования было предложено «разработать не позднее 10 июня 1934 г. и провести в жизнь план организации в каждом детдоме мастерских и добиться того, чтобы каждый подросток, выходящий из детского дома, имел определённую профессиональную выучку» [9, л. 52].

По сведениям региональных властей, «мастерские учебно-производственного характера» были развёрнуты только в

учреждениях для трудновоспитуемых. Например, воспитанниками слесарной мастерской в Тамбове «освоен выпуск шестисильных двигателей внутреннего сгорания, имеющих большой сбыт в колхозах» [10, л. 75]. В ряде других детдомов «по внедрению трудовых навыков детям помимо сельского хозяйства» имелись лишь примитивные мастерские по самообслуживанию.

Летом 1935 г. воронежский Облисполком, отчитываясь перед СНК РСФСР о ходе выполнения постановления «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»¹ в нашем регионе, утверждал, что «для организации трудовой подготовки воспитанников детдомов по каждому детдому определены виды труда и профессий, к которым должны готовиться воспитанники» [14, л. 71 об.]. Планом предусматривалась организация 25 мастерских (15 столярных, 3 слесарных, 5 пошивочных, 2 сапожных) с общим охватом 692 человека и 5 рабочих комнат на 134 человека. Ни много ни мало на эти цели требовалась внушительная сумма 298 079 руб. Кроме того, ещё в шести детдомах профессиональное обучение предполагалось вести по линии сельского хозяйства. Однако «ввиду отсутствия денежных средств к организации мастерских не преступлено», – резюмировали местные чиновники [14, л. 71 об.]. К концу года из-за недостаточного финансирования удалось открыть лишь 12 мастерских с охватом 400 беспризорников. В ряде детдомов (Тамбов, Добринка) воспитанники успешно освоили программу по столярному и слесарному производству, научившись выпускать хорошую мебель, двигатели и моторы [15, л. 12–13].

В 1936 г. ситуация значительно улучшилась, вследствие чего в 23 школьных детдомах открылись мастерские, позволившие начать трудовое воспитание

¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 31 мая 1935 г. было продублировано на республиканском уровне – 14 июня вышло аналогичное постановление СНК РСФСР.

664 человек. Вместе с тем отмечалось, что значительной части мастерских требуется дополнительное оборудование и механизация. При наличии к этому материальных возможностей «недостаточную практическую помощь в развёртывании мастерских» оказывает ОблОНО [16, л. 3].

Тем не менее в 1936 г. председатель ОблДТК М. Н. Тюрин сетовал на «слишком слабо» развёрнутое трудовое обучение воспитанников детдомов: мастерскими охвачены лишь 68% подростков. В большинстве случаев мастерские недостаточно оборудованы, не механизированы, испытывают дефицит сырья, выделяемые же ОблДТК дотационные средства на дополнительное оборудование мастерских отдельные дома (Раненбург) не осваивают (10 тыс. руб.), в некоторых (Новохопёрск) мастерские отсутствуют вовсе [17, л. 3–4].

В 1935 г. Наркомат просвещения разработал типовую программу для производственных мастерских при детдомах и выпустил к ней объяснительную записку. На её основе каждому детскому учреждению предстояло разработать свою программу, учитывая утверждённые для детдома профессии и экономические особенности района его расположения. Весь курс производственного обучения был рассчитан на два года, включая ученический и производственный этапы, а также практику на каком-либо предприятии. В течение этого времени воспитанники в возрасте 12–14 лет должны были овладеть определённой профессией.

В конце 1930-х гг. констатировалось плохое состояние трудового обучения в детдомах. «Трудовое обучение детей – особо отстающий участок в работе детдомов и должного внимания ему со стороны ОблОНО не было уделено», – сетовали власти в феврале 1938 г. Отдел пионеров [18, л. 22] на основании проведённой проверки заявлял, что утверждённая Наркомпросом программа не выполняется, «учёта получаемых детьми знаний в большинстве детдомов не ведётся, ква-

лификационные комиссии не созданы, инструкторы по труду в большинстве своём не имеют технического образования и почти не имеют педагогических навыков. В ряде детдомов мастерские не оборудованы, материалов недостаёт, а ассигнованные средства лежат неиспользованными» [18, л. 51]. Неудивительно, что ряд воронежских заводов, несмотря на утверждённый облисполкомом план, отказывался от приёма детдомовцев, «в связи с чем трудоустройство проходило по отдельной договорённости с предприятием» [18, л. 22].

В 1930-е гг. в детдомах стали уделять большее внимание политическому воспитанию. Особо подчёркивалось, что «детские дома являются государственными учреждениями, на которые партией и правительством возложена задача воспитания детей, не имеющих семьи, в коммунистическом духе» [18, л. 222]. Коммунистическое воспитание предполагало проведение бесед о жизни и борьбе рабочего класса и трудящихся за рубежом, о социалистическом строительстве в СССР, о героизме советских людей, о партии большевиков и её вождях, о Красной армии и военно-морском флоте¹. Для проведения бесед с детьми следовало привлекать участников Гражданской войны, старых большевиков, стахановцев, орденосцев и командиров Красной армии [18, л. 103].

Для усиления политического воспитания в детучреждениях была введена должность заместителя заведующего по воспитательной части. Также вести рабо-

¹ Элементы взяты из постановления бюро Воронежского обкома ВКП (б) от 9 мая 1938 г. «О проведении оздоровительной и культурно-массовой работы с детьми в летний период 1938 г.». Предполагалось, что в пионерских лагерях оздоровительная работа будет сочетаться с коммунистическим воспитанием. Осмелимся предположить, что с высокой долей вероятности эти же элементы или схожие с ними закладывались в основу политического воспитания в детских домах региона.

ту по политическому воспитанию детей предстояло пионерской организации. В документах часто отмечалось, мягко говоря, невысокое качество работы пионервожатых. Обращаясь в 1938 г. к руководящему составу детдомов и школ, ОблОНО придавало важнейшее значение вопросу «о воспитании патриотизма у детей, любви к нашей родине, любви и преданности к партии большевиков и т. Сталину. Этой задаче должна быть подчинена вся учебно-воспитательная работа. С этой целью необходимо использовать такие события, как подвиг папанинцев, лётчиков Чкалова, Громова и других героев Советского Союза» [18, л. 231]. Вместе с тем следовало «держат детей в курсе текущих событий, разъясняя им вопросы международного положения, о шпионской и вредительской деятельности троцкистско-бухаринской банды, воспитывая у детей ненависть к врагам народа и готовность любой ценой защищать свою родину», беспощадно бороться со всеми её врагами.

Однако подобная «программа» требовала соответствующей подготовки, которой у педагогического персонала воронежских детдомов не оказалось. Дефицит кадров заставлял смотреть сквозь пальцы не только на низкую квалификацию педагогов и воспитателей, но и на их политическое лицо. К примеру, в середине 1930-х гг. воспитательный персонал детских домов Воронежской области состоял из 240 человек. Более половины из них (161) являлись беспартийными, в рядах ВЛКСМ состояли 72 человека и только 7 были членами ВКП(б). По социальному происхождению преобладали выходцы из крестьян (96), другие относились к рабочим (67) и служащим (77). Высшее образование имелось только у 8 человек, у остальных оно было средним или незаконченным средним либо низшим [11, л. 13–13 об.].

В 1938 г. отмечалось, что в целом ряде детских домов области «недостаточно проводились беседы на политические темы и в планах воспитателей со-

вершенно отсутствуют элементы коммунистического воспитания, вследствие чего среди воспитанников имеются нездоровые политические настроения: рассказывание антисоветских анекдотов, неправильное отношение к портретам вождей, рисование врагов народа» [19, л. 59]. Особенно «нездоровое настроение» отмечалось среди детей репрессированных родителей.

Неудовлетворительно в детских учреждениях региона была организована учебная работа. Во второй половине 1920-х гг. в детдомах области повсеместно отмечалась нехватка учебников, учебных пособий, письменных принадлежностей, что негативно отражалось на учёбе, приводя к отставанию детей и развитию среди них второгодничества; ветхость хранящихся в библиотеке книг, а где-то и отсутствие библиотек как таковых. В Острогожском ОкрОНО сетовали в конце 1920-х гг., что «на учебную часть на воспитанника в год отпускается 2 рубля, что, конечно, недостаточно» [7, л. 14]. Во многих детских домах отсутствовали комнаты для приготовления детьми домашних заданий. Остро ощущался дефицит педагогических кадров, из-за чего к занятиям в учебном году зачастую приходилось приступать с опозданием.

В 1930-е гг. ситуация коренным образом не изменилась. Так, к сентябрю 1938 г. школа Писаревского детдома по-прежнему не была укомплектована руководящими и педагогическими кадрами, в здании продолжался ремонт, отсутствовали парты и учебно-наглядные пособия. В совокупности это приводило к срыву занятий. В других детдомах некоторые воспитанники проявляли недисциплинированность или вовсе не посещали уроки, отмечались случаи недостаточной обеспеченности школ учебными пособиями, отсутствие индивидуального подхода к детям при подготовке уроков со стороны воспитателей, а также связи воспитателей

детдомов с педагогами школ¹ [18, л. 60]. В исследуемый период времени возобладала тенденция, когда школы и детские дома разграничивали «сферы влияния» на детей, исходя из того, что «школа только обучает, а детский дом только воспитывает», что, конечно, было извращённым толкованием сути педагогического процесса, в котором обучение и воспитание представляли собой единое и неразрывное целое. Отсюда проистекала слабость воспитательной работы в школах, с одной стороны, и непонимание многими детдомами огромного воспитательного значения школы и школьного обучения – с другой.

Если детдом не располагал собственной школой, его воспитанники проходили обучение в обычной школе, располагавшейся поблизости. В ряде школ классы комплектовались исключительно детдомовцами. Мотивировалось это их меньшей дисциплинированностью по сравнению с детьми из семей. Подобная практика сегрегации встречала резкую критику со стороны ОблОНО, который призывал директоров школ «бороться с такими нездоровыми настроениями среди учителей, иногда проникающими и в среду родителей», поскольку «выделение детей детских домов в особые классы способствует ещё большей их замкнутости, суживает интересы и кругозор детей, ставит их в искусственные условия воспитания» [18, л. 225]. Вместо этого «школа и детский дом должны стимулировать возникновение дружеских отношений» между детдомовцами и детьми из семей.

Как правило, для детдомовцев была характерна невысокая, даже низкая, успеваемость, вызванная существенными пробелами знаний и перерывами в заня-

тиях, «которые обычно предшествуют приёму детей в детдом» [18, л. 226]. Также отмечались «недостаточные навыки к систематической и усидчивой работе». Нередко за школьные парты садились переростки, испытывавшие в окружении младших детей естественную неловкость. Всё это в совокупности требовало определённой гибкости и «особого внимательного отношения» от педагогов. Однако на практике всё было с точностью до наоборот. «При огульном подходе к этим детям» без учёта их особенностей, «а тем более допущении бестактности со стороны учителей у некоторых детей возникает неприязненное отношение к школе, у других падает уверенность в себе» [18, л. 226].

Серьёзно отставая в учёбе, будучи зачастую изгоями в школе, а также столкнувшись с халатностью детдомовских воспитателей по отношению к процессу обучения и в отсутствии условий для успешной учебной деятельности, детям оказалось невозможно рассчитывать на дальнейшее поступление в учебные заведения выше среднего уровня.

В то же время органы власти в своих официальных отчётах пытались завуалировать имевшиеся проблемы. В 1936 г. ОблДТК отмечала улучшение учебно-воспитательной работы среди детей: «Ряд детдомов дают успеваемость не ниже 95% (Богучар, Усмань, Бутурлиновка и др.). По 26 школьным домам работают 80 кружков. Пионерорганизацией охвачено 65,5% детей. На летнее каникулярное время Облдеткомиссия совместно с ОблОНО организует смотр детской художественной самодеятельности среди воспитанников детдомов» [16, л. 4].

В 1930-е гг. большое значение стало придаваться физкультурно-оздоровительным мероприятиям. Тем более давно уже было подмечено, что наступление весны и приносимая ею перемена настроения среди воспитанников требовали отступления от привычного уклада повседневной жизни детдомов. Необходимо было

¹ Сами власти нередко встречавшиеся на практике случаи пропуска занятий воспитанниками детдомов объясняли такими «объективными» причинами, как отсутствие обуви и одежды. Часто опоздания происходили по вине детдома.

дать выход естественному стремлению детей погреться на солнце и вообще как можно больше времени проводить на свежем воздухе. Вследствие этого возникла острая необходимость в организации летнего оздоровительного отдыха, прогулок-экскурсий и т. д. Однако приступить к реализации этой идеи смогли лишь в 1930-е гг.

Например, летняя оздоровительная кампания среди воспитанников детдомов, план которой президиум Облисполкома утвердил в июне 1934 г., включала курортно-санаторную помощь 164 детям (преимущественно на территории ЦЧО; 4 человека отправились на южный берег Крыма), пребывание 310 детей в областных пионерлагерях и 950 детей в местных школьных. Расходы по проведению всех этих мероприятий ложились на плечи областных организаций: здравоотдела, ОДД, профсовета, Деткомиссии, составив в общей сложности 51 400 руб. В дополнение областной отдел народного образования, а также райисполкомы и горсоветы обязали организовать при всех детдомах летние оздоровительные площадки, обеспечив их необходимым спортивным оборудованием [19, л. 28].

Вопросы организации и проведения детского досуга в летнее время обсуждались на общегосударственном уровне. Особое внимание детским оздоровительным учреждениям и мероприятиям уделил проходивший в январе 1935 г. XVI Всероссийский съезд советов. «Ни одного детского учреждения (школы, детсада, детдома) не должно остаться без оздоровительной площадки» [20, л. 33], – ввели его делегатам в народном комиссариате здравоохранения РСФСР в марте 1935 г. В сельских районах предполагалось снабдить все детдома благоустроенным земельным участком, на котором разместились бы навес, душ, солярий, цветники, площадки для игр и многое другое.

В июле 1938 г. намечалось проведение областной детской спартакиады, в

рамках которой 300 юным спортсменам предстояло выявить сильнейшего в соревнованиях по футболу, лёгкой атлетике, шахматам и шашкам [19, л. 69].

Выводы

Таким образом, в ходе проведённого изучения удалось выяснить, что приступить вплотную к воспитанию государственных детей удалось лишь к началу 1930-х гг. Выбранные направления социализации хорошо вписывались в исторический контекст эпохи. Привитие трудовых навыков в ходе профессионального обучения должно было способствовать востребованности бывших детдомовцев на возводимых в ходе индустриализации предприятиях, создаваемых во время коллективизации колхозах и совхозах, тем более что уже в 1933 г. власти Громогласно заявляли о преодолении «дьявольского отставания» в развитии промышленности от передовых капиталистических стран.

Учебная, внешкольная и культурно-массовая деятельность отвечала задачам культурной революции и подлинного коммунистического воспитания. Нуждалось государство также в крепких, физически развитых людях, которые смогли бы продолжить дело партии и правительства в построении социализма. Более того, социализация должна была выступить в качестве последующего социального и профессионального лифта бывшего детдомовца.

В конце 1930-х гг. воронежскими властями отмечалось, что детские дома имеют все условия для того, чтобы дети в них могли нормально развиваться, жить всеми радостями счастливого детства, обеспеченного победой социализма, а также для того, чтобы воспитать физически здоровых, всесторонне развитых и преданных делу коммунизма людей.

Однако низкая квалификация воспитательно-педагогического персонала детских учреждений, общая засорённость кадров вследствие высокой текучки и ре-

гулярных чисток не позволили реализовать эту задачу на практике. Не оправдались надежды на помощь со стороны комсомола, несмотря на в целом достаточно широкий к концу 1930-х гг. охват детдомов пионерскими организациями. Успешной социализации мешала также слабая материальная база детдомов.

Обучение детдомовцев трудовым навыкам в изучаемый период прошло эволюционный путь. Начинаясь как необходимое условие для улучшения продовольственного обеспечения и в качестве профилактической меры беспризорности, в дальнейшем оно переросло в неотъемлемую часть профессиональной подготовки воспитанников к выпуску в самостоятельную жизнь. Функционирование мастерских при детдомах – тема

весьма противоречивая. Хорошая по своей сути идея в силу разных причин не получила в реальной жизни достойного воплощения. Отсутствие квалифицированных педагогов и постоянная нехватка сырья привели лишь к имитации обучения и, как следствие, неудовлетворительным результатам. Из-за этого часто возникали проблемы с трудоустройством.

Тем не менее, несмотря на выше сказанное, ряд благодарственных писем бывших детдомовцев в адрес областной Детской комиссии по случаю 15-летнего юбилея её деятельности свидетельствовали о не пропавших даром усилиях государства, позволивших части лишённых родительской опеки детей вытянуть счастливую путёвку в жизнь.

Список литературы

1. Нечаева А. М. Охрана детей-сирот в России: (История и современность). М.: Дом, 1994. 169 с.
2. Королёва В. М. Социально-правовая охрана несовершеннолетних (20–30-е годы). Ростов н/Д: РВИШ МВД РФ, 1996. 56 с.
3. Гладыш С. Дети большой беды. М.: Звонница-МГ, 2004. 432 с.
4. Славко А. А. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Советской России 1917–1952 годов: монография. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2009. 419 с.
5. Славко А. А. История беспризорного и безнадзорного детства в России (конец 1920-х – начало 1950-х годов). Чебоксары: Перфектум, 2012. 400 с.
6. ГАОПИ ВО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области). Ф. 6. Оп. 1. Д. 598.
7. ГА ВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. Р–831. Оп. 1. Д. 196.
8. ГА ВО. Ф. Р–1417. Оп. 1. Д. 24.
9. ГА ВО. Ф. Р–1417. Оп. 1. Д. 78.
10. ГА ВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 2.
11. ГА ВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 24.
12. ГА ВО. Ф. Р–577. Оп. 1. Д. 528.
13. ГА ВО. Ф. Р–831. Оп. 1. Д. 75.
14. ГА ВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 15.
15. ГА ВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 39.
16. ГА ВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 67а.
17. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1532.
18. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447.
19. ГА ВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 4.
20. ГА ВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 30.

References

1. Nechaeva A. M. Okhrana detei-sirot v Rossii (istoriya i sovremennost') [Protection of orphans in Russia (history and modernity)]. Moscow, Dom Publ., 1994. 176 p.
2. Koroleva V. M. Sotsial'no-pravovaya okhrana nesovershennoletnikh (20–30-e gg.) [Social and legal protection of minors (20–30s)]. Rostov-on-Don, RVSH MVD RF Publ., 1996. 56 p.
3. Gladyshev S. Deti bol'shoi bedy [Children of great trouble]. Moscow, Zvonitsa-MG Publ., 2004. 432 p.
4. Slavko A. A. Bor'ba s detskoi besprizornost'yu i beznadzornost'yu v Sovetskoj Rossii 1917–1952 gg. [The fight against child homelessness and neglect in Soviet Russia, 1917–1952]. Syktyvkar, KRAG-SiU Publ., 2009. 419 p.
5. Slavko A. A. Istoriya besprizornogo i beznadzornogo detstva v Rossii: konets 1920-kh – nachalo 1950-kh godov [History of homeless and neglected childhood in Russia: late 1920s – early 1950s]. Chelboksary, Perfektum Publ., 2012. 400 p.
6. GAOPI VO (Gosudarstvennyj arhiv obshhestvenno-politicheskoy istorii Voronezhskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Voronezh Region], f. 6, op. 1, d. 598.
7. GA VO (Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti) [State Archive of the Voronezh Region], f. R-831, op. 1, d. 196.
8. GA VO, f. R-1417, op. 1, d. 24.
9. GA VO, f. R-1417, op. 1, d. 78.
10. GA VO, f. R-1418, op. 1, d. 2.
11. GA VO, f. R-1418, op. 1, d. 24.
12. GA VO, f. R-577, op. 1, d. 528.
13. GA VO, f. R-831, op. 1, d. 75.
14. GA VO, f. R-1418, op. 1, d. 15.
15. GA VO, f. R-1418, op. 1, d. 39.
16. GA VO, f. R-1418, op. 1, d. 67a.
17. GAOPI VO, f. 3, op. 1, d. 1532.
18. GAOPI VO, f. 3, op. 1, d. 2447.
19. GA VO, f. R-1418, op. 1, d. 4.
20. GA VO, f. R-1418, op. 1, d. 30.

Информация об авторах / Information about the Authors

Филоненко Татьяна Владимировна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: filonenkotv@gmail.com

Tatiana V. Filonenko, Doctor of Sciences (Historical), Professor, Professor of the Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation
e-mail: filonenkotv@gmail.com

Менжулин Виктор Алексеевич, аспирант кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: 10051982@mail.ru

Viktor A. Menzhulin, Post-Graduate Student of the Department of History of Russia, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: 10051982@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-146-158>

Подвиг артиллеристов 3-й истребительной бригады в оборонительных боях на северном фасе Курской дуги

А. Д. Немцев¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: aleksn3@yandex.ru

Резюме

Актуальность заключается в необходимости сохранения исторической правды о событиях Великой Отечественной войны и одного из важнейших сражений – битвы на Курской дуге. Несмотря на значительный историографический задел, обобщение опыта ведения боев в полосе обороны войск Центрального фронта продолжает оставаться в стадии активной разработки. Требуется дальнейшего уточнения ретроспективная фактография участия в боях отдельных частей и соединений, исследователям следует обратить внимание на восстановление судеб и имен героев летних боев 1943 года, чей пример продолжает вдохновлять на подвиги современных защитников Отечества.

Цель – на основе документальных источников Центрального архива Министерства обороны России раскрыть специфику организации оборонительных боев на Тепловских высотах силами артиллеристов 3-й истребительной бригады.

Задачи: выявить и изучить архивные материалы об оборонительных боях 3-й истребительной бригады на северном фасе Курской дуги; отметить роль артиллеристов в сдерживании наступления немецких войск 5-12 июля 1943 года; определить особенности поведения отдельных военнослужащих, отличившихся в ходе летних боев, охарактеризовать проблемы установления их судеб.

Методология. При проведении исследования автор придерживался принципов объективности и историзма. Выявленная в источниках информация систематизировалась и анализировалась, позволяя раскрыть проблемы применения артиллерии в оборонительных боях в ходе Курской битвы.

Результаты. Обобщение опыта боевых действий 3-й истребительной бригады в ходе оборонительных боев на северном фасе Курской дуги свидетельствует о четко продуманной и успешно реализованной тактике использования отдельных артиллерийских частей в организации противотанковой обороны.

Выводы. Пример мужества и отваги воинов 3-й истребительной бригады в ходе боев на Тепловских высотах свидетельствует об их высоких морально-волевых качествах, а также рациональной расстановке сил и средств на занимаемых рубежах обороны, что обеспечило успешное выполнение поставленных перед артиллеристами боевых задач.

Ключевые слова: Курская битва; истребительная бригада; артиллерия; огневые позиции; оборонительные рубежи.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Немцев А. Д. Подвиг артиллеристов 3-й истребительной бригады в оборонительных боях на северном фасе Курской дуги // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 146–158. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-146-158>.

Поступила в редакцию 20.12.2023

Принята к публикации 19.01.2024

Опубликована 28.02.2024

The Feat of the Gunners of the 3rd Fighter Brigade in Defensive Battles on the Northern Face of the Kursk Bulge

Alexander D. Nemtsev¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: aleksn3@yandex.ru

Abstract

Relevance lies in the need to preserve the historical truth about the events of the Great Patriotic War and one of its most important battles – the Battle of Kursk. Despite the significant historiographical groundwork, the generalization of the experience of fighting in the defense zone of the Central Front troops continues to be actively developed. The retrospective factography of participation in the battles of individual units and formations requires further clarification, researchers should pay attention to the restoration of the destinies and names of the heroes of the summer battles of 1943. Whose example continues to inspire the exploits of modern defenders of the Fatherland.

Purpose. On the basis of documentary sources from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, to reveal the specifics of the organization of defensive battles at Teplov heights by the forces of the gunners of the 3rd fighter brigade.

Objectives: to identify and study archival materials about the defensive battles of the 3rd Fighter Brigade on the northern face of the Kursk Bulge; to note the role of gunners in deterring the offensive of German troops on July 5-12, 1943; to determine the behavior of individual servicemen who distinguished themselves during the summer battles, to characterize the problems of establishing their destinies.

Methodology. During the research, the author adhered to the principles of objectivity and historicism. The information revealed in the sources was systematized and analyzed, allowing to reveal the problems of using artillery in defensive battles during the Battle of Kursk.

Results. The generalization of the experience of combat operations of the 3rd Fighter Brigade during defensive battles on the northern face of the Kursk Bulge indicates a well-thought-out and successfully implemented tactics of using individual artillery units in the organization of anti-tank defense.

Conclusion. An example of the courage and bravery of the soldiers of the 3rd fighter Brigade during the battles at Teplovsky Heights testifies to their high moral and volitional qualities, as well as the rational alignment of forces and means at the occupied defense lines, which ensured the successful fulfillment of the combat tasks assigned to the gunners.

Keywords: Battle of Kursk; fighter brigade; artillery; firing positions; defensive lines.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Nemtsev A. D. The Feat of the Gunners of the 3rd Fighter Brigade in Defensive Battles on the Northern Face of the Kursk Bulge. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(1): 146–158. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-146-158>

Received 20.12.2023

Accepted 19.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

Интерес к военной истории нашей страны в современных условиях усиливается. Специальная военная операция (СВО), в которой принимают участие российские военнослужащие, все больше доказывает необходимость тщательного

изучения и обобщения опыта боевого применения различных видов и родов войск, а также организации их взаимодействия. События 2023 года, происходившие в зоне СВО, невольно побуждали многих экспертов проводить исторические параллели с ходом Курской битвы. Неоднократно подчеркивалась роль ар-

тиллерии в обеспечении оборонительных и наступательных операций.

И если уроки СВО еще предстоит извлечь в обозримой перспективе, то истории Курской битвы в отечественной научной литературе уделено серьезное внимание. Достаточно упомянуть, что ее первое фундаментальное исследование было проведено еще в годы Великой Отечественной войны, а затем опубликовано в 1945 г. и переиздано в 2006 г. [1; 2]. На основе этого труда впоследствии были подготовлены новые обобщающие труды, ставшие классикой отечественной историографии Курской битвы [3; 4]. Вместе с тем настоящий прорыв в исследовании военной истории произошел после открытия доступа исследователям к документам Центрального архива Министерства обороны РФ. Наиболее полно и достоверно современные достижения в исследовании Курской битвы отражены в публикациях ведущих российских историков В. Н. Замулина и А. В. Исаева [5–8]. При значительном перегибе исследовательского интереса в сторону событий на южном фланге Курской дуги и конкретно под Прохоровкой, имевшем место в силу ряда субъективных и объективных причин, в последние годы появляется все больше публикаций, отражающих отдельные аспекты боев на поныровско-ольховатском направлении [9–12]. В последние годы исследователи стали больше внимания уделять вопросам использования различных видов артиллерии в ходе Курской битвы [13–17] и сохранения исторической памяти о подвигах ее героев [18–22]. Перспективным направлением продолжения исследования истории Курской битвы необходимо признать обобщение опыта участия в ней отдельных частей и соединений, позволяющее раскрыть рассматриваемую проблему на микроуровне и персонифицировать ее.

Методология

В основу исследования были положены принципы объективности и исто-

ризма, предполагающие беспристрастный анализ разностороннего комплекса источников, выявление как позитивных, так и негативных аспектов рассматриваемого в развитии явления. Для решения поставленных задач автором использовались методы: историко-генетический, который позволил последовательно выявить изменения в организации боевых действий артиллеристов 3-й истребительной бригады; историко-системный, представляющий исследуемую проблему как часть исторического процесса, взаимосвязанную с другими явлениями и тенденциями военного времени; историко-сравнительный, способствующий сопоставлению различных аспектов изучаемого явления во времени и в пространстве; типологический, позволяющий классифицировать характерные черты системы управления войсками; ретроспективный, предполагающий восстановление картины военной повседневности.

Результаты и их обсуждение

Курская битва в общественном сознании уже давно воспринимается как величайшее танковое сражение Великой Отечественной войны. Вместе с тем такой упрощенный взгляд на одно из решающих событий военной истории несколько принижает вклад представителей других родов войск в достижение победы на Курской дуге. В то же время отечественные исследователи давно отмечают особую роль артиллерии в организации противотанковой обороны. Так, по справедливой оценке доктора исторических наук В. В. Иконова, боевая работа артиллерии на оборонительном этапе Курской битвы была связана с ее массированным применением на основных направлениях наступления противника противотанкового огня высокой плотности, ставшей впоследствии важным ориентиром использования артиллерийских частей при проведении подобных операций [17, с. 64].

Одним из самых легендарных артиллерийских соединений, принимавших участие в оборонительных боях на северном фланге Курской дуги, стала 3-я истребительная бригада (ибр) под командованием полковника В. Н. Рукоусева, входившая в состав 2-й истребительной дивизии. Не случайно именно в честь подвигов бойцов и командиров этой бригады еще в период Курской битвы было принято решение соорудить величественный памятник. Как удалось установить профессору В. В. Коровину, командующий артиллерией Центрального фронта генерал В. И. Казаков 30 июля 1943 г. подписал директиву № 0277/оп, адресованную командующим артиллерией 13-й и 70-й армий, командирам отдельных корпусов, дивизий и бригад. В ней предлагалось для увековечения памяти героев-артиллеристов, погибших в боях за Родину, командирам частей и соединений на могилах героев воздвигнуть памятники с мемориальными досками. Командир 3-й истребительной бригады В. Н. Рукоусев обязывался установить памятник воинам своей части, погибшим в районе села Теплое, с представлением его проекта до 3 августа 1943 г. [21, с. 46]

В июле 1943 г. в состав 3-й истребительной бригады входили: противотанковый артиллерийский полк, два противотанковых батальона, минометный дивизион, инженерно-минный батальон и рота автоматчиков. Противотанковый артиллерийский полк включал 4 батареи 76-мм пушек (16 орудий), 3 батареи 45-мм пушек (12 орудий), 1 батарею 37-мм зенитных пушек (4 орудия), т. е. в каждой батарее бригады в боях под Курском было по четыре противотанковых орудия¹.

В первый день Курской битвы, 5 июля 1943 г., 3-я истребительная бригада (ибр) получила боевое распоряжение

№ 017 штаба артиллерии 70-й армии о выходе с занимаемого ранее оборонительного рубежа (высота 250,2 – Тросна – Верхний Любаж – высота 248,3 – Чермошное). В 18.30 части бригады выдвинулись для занятия нового рубежа (юго-западная окраина хут. Погореловцы – высота 238,1 – Самодуровка – высота 240,0). Перед соединением ставилась задача не допустить прорыва танков противника с направлений: Снова – Кашара, Подольня – Соборовка, Бутырки – Подсоборовка, Гнилец – Соборовка [23, л. 12].

В течение всего дня авиация противника группами по 60–70 самолетов непрерывно бомбила передний край и вторые эшелоны обороняющихся войск Центрального фронта. Основной удар с воздуха приходился на район населенных пунктов Кашара, Подсоборовка, Соборовка, Самодуровка. В 19.00 во время очередного налета немецкой авиации расчетами 5-й роты 2-го противотанкового батальона 3 ибр были сбиты два бомбардировщика «Ю-88» [24, л. 70]. В результате авианалетов ранение получил командир батареи истребительного противотанкового полка (иптап) ст. лейтенант В. И. Бондаренко.

К 4.00 6 июля 3 ибр заняла противотанковую оборону двумя узлами сопротивления. В состав первого из них вошли: 2-й противотанковый батальон (птб), две артиллерийские батареи 76-мм орудий и батарея 45-мм орудий, 82-мм минометная батарея, рота отдельного инженерно-минного батальона. Перед подразделениями ставилась задача не допустить прорыва танков противника с направлений: Снова – Кашара и Бутырки – Подсоборовка. Начальником узла был назначен командир 2 птб капитан М. А. Самохин [24, л. 72 об.].

Второй узел сопротивления составляли 1 птб (без одной роты), две 76-мм и одна 45-мм артиллерийские батареи, 82-мм минометная батарея и 2 взвода инженерно-минного батальона. Их задача заключалась в недопущении прорыва

¹ Рукоусев Вениамин Николаевич // Память народа: сайт. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander20512/?ysclid=lr53nfxv6n24651873> (дата обращения: 08.12.2023).

танков противника с направлений: Подольня – Соборовка и Гнилец – Соборовка. Начальником узла являлся командир иптап подполковник Н. И. Железников [24, л. 72 об.].

В резерве находилась 45-мм артиллерийская и 120-мм минометная батареи, рота ПТР 1 птб, взвод ПТР 2 птб, рота автоматчиков, рота инженерно-минного батальона, которые дислоцировались в районе КП бригады, который разместился в овраге, расположенном в 400 м юго-западнее села Молотычи [24, л. 72 об.].

Оборона частями бригады была занята по принципу огневого взаимодействия. К 16.00 6 июля в районе южной окраины деревни Самодуровка были сосредоточены до 170 немецких танков, в районе западной окраины Соборовки и севернее Самодуровки – до 70 танков. В 16.00 после мощной авиаподготовки и артобстрела противник 150 танками, выстроившимися буквой «Т», перешел в наступление в направлении 1-й батареи под командованием капитана Г. И. Игешева. Артиллеристы 1-й батареи 76-мм орудий с дистанции 1,5 км открыли фланговый огонь по группе вражеских танков, в результате чего было уничтожено 6 тяжелых танков. Встретив сопротивление и понеся потери, противник отошел на прежний рубеж.

В 19.20 6 июля около 60–75 немецких танков и до двух батальонов пехоты из района северо-восточной окраины Самодуровки вторично предприняли атаку в направлении высоты 238,1. Подпустив танки на дистанцию 1000–1500 м, 4-я батарея капитана Андреева вступила в бой, в ходе которого уничтожила 11 танков и до роты пехоты.

Противник, видя стойкость нашей обороны, вновь отошел назад, произведя перегруппировку, разделившись на две группы по 60–70 танков с целью нанести удар в направлении юго-восточной окраины Самодуровки и Кашары. 8 раз вражеские танки с пехотой атаковали 4-ю, 1-ю, 2-ю и 3-ю батареи 3 ибр. Замысел

неприятеля был разгадан. Натиск железной лавины по всему фронту стойко встретили наши артиллеристы, которые в этом сражении уничтожили 5 танков, до роты пехоты и заставили противника отказаться от наступления и отойти в исходное положение.

В 21.00 6 июля ожесточенные бои прекратились. Батареями 3 ибр было уничтожено 22 танка, из которых 14 тяжелых танков «Тигр» и 8 средних танков «Т-4». В бой артиллеристы вступали по мере приближения танков к расположению орудий. Так, в 18.00 вступила в бой 1-я батарея, в 19.30 – 4-я, в 19.40 – 3-я батарея и в 20.10 – 2-я батарея. Остальные батареи огня не вели.

3-я батарея 82-мм минометов, прикрывая действия 4-й и 1-й батарей, уничтожила до роты пехоты противника, обеспечив свободную работу расчетов и орудий по уничтожению вражеских танков.

В ночь с 6 на 7 июля противник перегруппировал свои силы. Части 3 ибр произвели перегруппировку своих сил и к утру заняли боевой порядок: 1 птб, 1-я батарея (два 76-мм орудия), 3-я батарея 82-мм минометов и взвод автоматчиков на рубеже: высота 240,0 – северная окраина Самодуровки – высота 226,5, улучшив свое положение в инженерном отношении. 4-я батарея за неимением материальной части и автотранспорта была выведена в Теплое [24, л. 72 об.].

Днем 7 июля противник активных действий не вел, но подтягивал резервы ближе к фронту, периодически производя налеты по 50–60 самолетов на боевые порядки оборонявшихся частей Красной армии. Вместе с тем подразделения отдельного минометного дивизиона вели огонь по выявляемым вражеским позициям и целям. Так, в течение дня 1-я батарея (120-мм минометов) уничтожила до роты пехоты, 3 пулеметных точки и минометную батарею противника на восточной окраине Самодуровки. 2-я и 3-я батареи (82-мм минометов) истребили до

двух взводов пехоты и автоматчиков в районе южных скатов высоты 220,5 и юго-западной окраины деревни Самодуровка [23, л. 12 об.].

В 6.30 8 июля 1943 г. противник произвел массированный авиационный и артиллерийский налеты по боевым порядкам 3-й истребительной бригады. До 300 немецких танков с мотопехотой вышли на рубеж Самодуровка – северная окраина хутора Кашара. Разбившись на 3 группы, они нанесли мощный удар в направлении высоты 238,1 на батарею капитана Г. И. Игишева, артиллеристы которой подпустили их на расстояние 500–600 метров и уничтожили 4 танка, заставив остальных повернуть обратно. Таким образом, первая атака была отбита [23, л. 13].

Вскоре противник предпринял вторую атаку в направлении высоты 238,1 с выходом на Теплое. Батарея капитана Игишева, второй раз встретив натиск вражеских танков, героически отразила его, уничтожив еще 4 танка. После этого оставшиеся в строю два 76-мм орудия этой батареи были уничтожены и раздавлены. Личный состав батареи героически погиб на боевом посту, не отступив ни на шаг [23, л. 13].

Противник, разбив батарею капитана Игишева, танковым огнем и бомбежкой произвел налет на 7-ю батарею (45-мм орудий) и роту ПТР старшего лейтенанта Н. Е. Черных из 1 птб.

7-я батарея и 1-я рота ПТР ст. лейтенанта Черных, встретив мощную атаку танков и мотопехоты противника, героически боролась с танками и пехотой противника, уничтожив в этом бою: 7-я батарея – 12 танков и 1-я рота ПТР – 5 танков. Их личный состав героически погиб, подавленный превосходящими силами танков и мотопехоты противника.

Закончив ликвидацию 7-й батареи, противник третий раз предпринял атаку на подразделения 3 ибр. До 50 танков с мотопехотой атаковали батарею ст. лейтенанта Н. Н. Грипася, личный состав ко-

торой не спасовал, а мгновенно на руках вытаскивал орудия, ставил их и косоприводным огнем сжигал вражеские танки. В этом ожесточенном бою воины батареи ст. лейтенанта Грипася сожгли 14 вражеских танков, отстояли свой оборонительный рубеж и заставили повернуть вспять атакующие танки противника.

1-я 120-мм минометная батарея, поддерживавшая 1-ю 76-мм батарею, вела огонь по артиллерийской батарее противника, которую подавила. В 12.00, поддерживая 7-ю батарею, уничтожила 1 танк и подбила 2 танка противника, истребив до одной роты пехоты противника. 2-я 82-мм минометная батарея вела огонь по просочившимся автоматчикам на высоте 238,1, где уничтожила и рассеяла до двух взводов пехоты.

В этом бою отличился и пал смертью храбрых командир 1-й батареи Г. И. Игишев. В бою под Самодуровкой артиллеристы под его командованием три дня мужественно отражали натиск фашистских танков, уничтожив 19 танков «Тигр», рассеяли и уничтожили до двух батальонов пехоты. Капитан Игишев умело и хладнокровно руководил боем. С подходом танков он обошел свои расчеты, предупредив, чтобы они подпустили врага поближе, поднял боевой дух и уверенность подчиненных. Во время боя был контужен, однако продолжал сражаться. Когда танки противника с автоматчиками приблизились к батарее, командир, воодушевляя бойцов, крикнул: «Будем стоять насмерть». В этот момент вражеская пуля прервала его жизнь. Посмертно Г. И. Игишев был удостоен звания Героя Советского Союза [25, л. 282].

В отчетных документах 3 ибр значится погибшим и временно исполняющий должность командира 7-й батареи лейтенант В. И. Бурчак [23, л. 13]. 8 июля 19-летний офицер, являвшийся командиром огневого взвода, заменил раненого командира батареи и принял неравный бой против 40 немецких танков. 12 вражеских машин было уничтожено. В

наградных документах отмечалось, что «...батарея дралась до последнего снаряда, не покидая своего боевого порядка». Посмертно лейтенант Бурчак был награжден орденом Отечественной войны I степени [26, л. 2 об.]. Согласно именному списку, уточняющему безвозвратные потери бригады, составленному в октябре 1943 г., В. И. Бурчак отмечен оставшимся в живых. Дополнительная информация, размещенная на электронном ресурсе «Память народа» и других открытых источниках, указывает на то, что В. И. Бурчак 8 июля 1943 г. получил тяжелое ранение, в марте – июне 1944 г. воевал в партизанском отряде имени Фурманова Минской партизанской бригады. В 1952 г. он был награжден медалью «За боевые заслуги», а к 50-летию Победы – еще раз орденом Отечественной войны I степени. В 1985 г. проживал в Приморском крае¹.

Возвращаясь к реконструкции событий 8 июля 1943 г., отметим, что к 12.30 противник, выйдя в тыл 6-й батареи 3 ибр, произвел перегруппировку. Не считаясь с понесенными потерями в танках, решил четвертый раз предпринять мощный удар в направлении высоты 234,0 на 3-ю батарею ст. лейтенанта Ю. И. Любарского, боевые порядки 2 птб, 2-ю батарею капитана Г. П. Быкова. Создалась реальная угроза для оставшихся частей бригады, батареи оказались отрезаны от основных сил. В связи с создавшейся тяжелой обстановкой штабом бригады были введены в бой противотанковый резерв в составе 5-й батареи трех 45-мм орудий и взвода автоматчиков, который занял оборону на безымянных высотах, что юго-восточнее высоты 244,9, тем самым предотвратил обход танков во фланг 6-й батареи [23, л. 13].

Одновременно была подана радиogramма в штаб дивизии, штаб артиллерии

70-й армии, штаб артиллерии 28 СК: «Противник подтянул до 200 танков и мотопехоту, готовится к атаке. 1-я и 7-я батареи мужественно и храбро погибли, не отступив ни на шаг, уничтожив 40 танков. 2-я и 3-я батареи и противотанковые ружья приготовились к встрече противника. Связь с ними имею. Буду драться. Или выстою, или погибну. Нуждаюсь в боеприпасах: 76-мм – 200 штук, 45-мм – 200 штук. Резерв в бой ввел. Связь с соседями имею» [23, л. 13 об.].

В 13.20 8 июля, предварительно произведя бомбардировку 100 самолетовылетами боевых порядков 3-й и 2-й батарей 76-мм орудий, а также 2 птб, до 100 немецких танков с автоматчиками предприняли попытку выйти в тыл этим подразделениям, окружить и уничтожить. Но попав под мощный огонь артиллеристов и противотанковых ружей, потеряв 64 танка, враг повернул обратно. Противотанковый рубеж был удержан.

В 19.00, отбив все атаки танков противника, по устному приказу командующего 70-й армии генерала И. В. Галанина, части 3-й истребительной бригады произвели перегруппировку сил, выведя из боя 2-ю батарею, роту ПТР 1 птб, взвод автоматчиков переместили на высоту 233,1.

К 5.00 9 июля 1943 г. 3-я истребительная бригада заняла оборону двумя противотанковыми опорными пунктами (ПТОП). Первый из них разместился в 1,5 км западнее хут. Погореловцы. ПТОП № 1 составили взвод 76-мм орудий, 2 птб и взвод автоматчиков. ПТОП №2 занимал высоту 233,1 в составе двух 45-мм батарей (5 орудий), роты ПТР 1 птб (24 ружья), взвода автоматчиков, роты инженерно-минного батальона [23, л. 13 об.].

В течение 9 июля 1943 г. на участке обороны бригады противник активных действий не осуществлял, ведя редкую артиллерийскую стрельбу и производя периодически воздушные налеты группами по 10–15 самолетов. В ночь с 9 на 10 июля части и подразделения бригады

¹ Бурчак Виктор Иванович // Память народа: сайт. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero101674127/> (дата обращения: 08.12.2023).

приводили себя в порядок и улучшали свое положение в инженерном отношении.

10 июля с 7.30 силой до двух батальонов пехоты и 110 танков, при поддержке авиации, после сильной авиационной и артиллерийской обработки, противник потеснил обороняющиеся стрелковые части и приблизился вплотную к занимаемым 3 ибр рубежам, пытаясь проделать брешь в их обороне в районе 8-й батареи по направлению к хутору Погореловцы и высоте 274,5 [23, л. 13 об.].

Находившиеся на передовых позициях воины 258-го стрелкового полка 140-й стрелковой дивизии и рота автоматчиков 15-й мотострелковой бригады во взаимодействии с автоматчиками 3 ибр продолжали отражать натиск немецкой пехоты. Бойцы 3-й батареи и роты ПТР 2 птб, сдерживая вражеское наступление, отстояли рубеж обороны, который противник пытался окружить несколько раз, но все его попытки оказались сорваны артиллеристами 3 ибр. В этих боях они подбили 8 танков силами 3-й батареи, 8 танков – 1-й роты птб, 9 танков – 2-й роты птб, 19 танков – 3-й роты 2 птб. Кроме этого, было уничтожено до двух рот пехоты, одно самоходное орудие, четыре автомашины, 5 самолетов. 2-я 82-мм минометная батарея вела огонь по немецкой пехоте, следовавшей за атакующими танками, сумев уничтожить до двух рот пехоты и двух взводов автоматчиков. Воины бригады в рукопашной схватке втроекратно отразили вражеские атаки и заставили противника отойти на исходный рубеж [23, л. 13 об. – 14].

В 19.00 10 июля все атаки немецко-фашистских войск были отбиты с большими потерями для них. Рубеж обороны стойко и мужественно был удержан. Личный состав узла №1 со своей задачей героически справился [23, л. 14]. В ночь с 10 на 11 июля противник активных действий не производил. С утра 11 июля боевые порядки советских войск подвергались периодической бомбардировке. Под

прикрытием бомбардировки враг подтягивал резервы из глубины обороны к фронту, на северную окраину села Теплое, где сосредоточил до 143 танков. Активных действий в течение дня не велось, но артиллерийский обстрел боевых порядков 70-й армии все же производился. Части 3-й истребительной бригады укреплялись в инженерном отношении и вели наблюдение за противником. В следующую ночь части бригады были выведены из боя по распоряжению штаба 2-й истребительной дивизии.

Таким образом, устойчивость обороны, обеспечивавшая удержание противотанкового рубежа, зависела от правильной расстановки огневых средств в ПТОПах, увязки огневого взаимодействия в них, от мужества и храбрости личного состава и четкого управления боев.

Многие воины 3-й истребительной бригады проявили в ходе оборонительных боев на северном фланге Курской дуги образцы мужества и героизма. Так, замковый 7-й батареи Н. С. Гаврилов в бою у хут. Погореловцы 8 июля 1943 г. вместе с расчетом уничтожил 3 немецких танка. Заменив выбывшего из строя наводчика поврежденного орудия, он смог подбить еще три танка противника. Оставшись единственным способным вести огонь бойцом расчета, сумел обездвижить тяжелый танк «Тигр». После этого его орудие прямым попаданием было уничтожено, а вражеские автоматчики почти вплотную подошли к огневой позиции. Оставляя занимаемую огневую позицию безоружным, Николай Гаврилов вынес с поля боя двух раненых красноармейцев. Награжден орденом Отечественной войны I степени [27, л. 20].

Командир орудия 4-й батареи, старший сержант Г. С. Коваленко в бою под Самодуровкой 7 июля вместе с расчетом принял удар наступающих танков противника. При их приближении к огневой позиции командир орудия, стоя во весь рост, крикнул своему расчету: «Ни один танк врага не должен пройти». Артилле-

ристы уничтожили три «Тигра». Расчет вел огонь до уничтожения орудия прямым попаданием вражеского снаряда, затем перешел в рукопашную схватку с пехотой противника. Все бойцы погибли вместе со своим командиром орудия. По смертно Григорий Коваленко был награжден орденом Отечественной войны I степени [28, л. 39].

Замковый 4-й батареи, красноармеец А. В. Пузиков, сражаясь 7 июля в расчете старшины П. М. Катюшенко, подбил и сжег два танка «Тигр». Когда был ранен наводчик орудия, занял в бою его место. У него осталось три снаряда, он решил уничтожить ими три танка «Тигр», а осколочные снаряды он обрушил на голову наступающих фашистов, уничтожив при этом более 60 гитлеровцев. Больше снарядов не было, снарядом вражеского танка и артиллерийским огнем пушка была выведена из строя вместе с расчетом. Андрей Пузиков был контужен, но в госпиталь ехать отказался. Награжден орденом Отечественной войны I степени. 26 ноября 1943 г. в составе делегации бригады принял участие в открытии памятника Героям-артиллеристам на Тепловских высотах [21, с. 47].

Заряжающий 1-й батареи 120-мм минометов минометного дивизиона 3 ибр красноармеец И. Т. Евтушенко вел непрерывный огонь по наступающим гитлеровцам, выпустив на них 300 мин. Боец стрелял до тех пор, пока работал его докрасна накаленный миномет. От перенапряжения и грохота выпускаемых мин у воина из ушей текла кровь. Ему предложили отдохнуть, он отказался, заявив: «Буду бить гадов до последнего дыхания». Иван Евтушенко был награжден медалью «За отвагу» [29, л. 97].

Второй номер ПТР 1 птб Амин Таджиев в бою под Самодуровкой 8 июля проявил себя бесстрашным и храбрым воином. Вел себя очень стойко, когда по «Тигру» было выпущено 30 снарядов, но немецкий танк продолжал двигаться на окопы подразделения. Тогда Амин бросил противотанковую гранату и подбил

танк. Расстреляв все патроны, отошел по приказу командира, забрав с собой оружие погибшего товарища. Награжден орденом Красной Звезды [29, л. 70].

В целом, командование высоко оценило подвиги героев-артиллеристов 3-й истребительной бригады. 362 военнослужащих были отмечены государственными наградами, в том числе: 4 чел. – орденом Красного Знамени, 125 чел. – орденом Красной звезды, 110 чел. – орденами Отечественной войны I и II степени, 86 чел. – медалью «За отвагу», 37 чел. – медалью «За боевые заслуги».

Неприступность противотанковой обороны на рубежах 3 ибр обеспечивалась не только мужеством оставшихся в живых, но и самопожертвованием павших в боях с врагом воинов. Потери личного состава бригады с 5 по 12 июля 1943 г. исчисляются следующими показателями: 20 чел. среднего командного состава, 70 чел. младшего командного состава, 200 чел. рядового состава [23, л. 15].

Выводы

3-я истребительная бригада в период с 5 по 10 июля 1943 г. смогла выдержать девять танково-пехотных атак противника и до 4000 самолетовылетов, измотала в боях превосходящие силы врага, удержала 5-километровый рубеж обороны на одном из главных участков Орловско-Курского направления. Натиск массированных танковых атак противника и его мотопехоты, поддержанных непрерывной бомбардировкой с воздуха, бригада сумела сдержать и не допустила прорыва танков в глубину обороны. Удержать занимаемый рубеж удалось благодаря: высокой боевой подготовке личного состава и его моральной устойчивости; своевременному занятию оборонительного рубежа, правильной расстановке огневых средств и организации взаимодействия между ПТОПами и отдельными огневыми средствами внутри них; четкой разведке и связи; умелому управлению подразделениями и частями. Препятствием в

своевременном обеспечении бригады боеприпасами и эвакуации раненых стало отсутствие достаточного количества автотранспорта.

Примеры мужества и отваги воинов 3-й истребительной бригады в ходе боев на Тепловских высотах свидетельствуют

об их высоких морально-волевых качествах, а также рациональной расстановке сил и средств на занимаемых рубежах обороны, что обеспечило успешное выполнение поставленных перед артиллеристами боевых задач.

Список литературы

1. Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. М.: Военное изд-во НКО, 1945. 96 с.
2. Битва под Курском: От обороны к наступлению. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 826 с.
3. Курская битва / под ред. И. В. Пароткина. М.: Наука, 1970. 544 с.
4. Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. 397 с.
5. Замулин В. Н. Курская битва. 70 лет мифов и легенд. М.: Вече, 2016. 480 с.
6. Замулин В. Н. Курская битва. Сражение, изменившее ход истории. М.: Вече, 2017. 496 с.
7. Исаев А. В. Курская битва. Первая иллюстрированная энциклопедия. М.: Эксмо: Яуза, 2013. 367 с.
8. Исаев А. В. Курская битва. Все о сражении, решившем судьбу Второй мировой. М.: Эксмо: Яуза, 2018. 368 с.
9. Давыдков В. И. Анализ Курской битвы: историко-документальная эпопея. Курск: Курск, 2005. 703 с.
10. Коровин В. В. Северный фас Курской дуги: «Умрем, но не отойдем!». Документы ЦАМО РФ о ходе оборонительных боев за Тепловские высоты 8–10 июля 1943 г. // Исторический архив. 2018. № 3 (150). С. 42–52.
11. Головин Е. А., Коровин В. В. Оборонительные бои 19-го танкового корпуса на Северном фесе Курской дуги (на основе отчетных документов штаба корпуса) // Курский военно-исторический сборник. Вып. 18. Курск, 2017. С. 10–22.
12. Коровин В. В. Оперативно-служебная деятельность войск НКВД по охране тыла Центрального фронта в ходе подготовки и в период Курской битвы // Курская битва: взгляд из XXI века: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. И. Забаровского; Центральный музей Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 58–66.
13. Коровин В. В. Гвардейские минометные части в оборонительных боях на северном фесе Курской дуги // Мы выстояли и победили. Международная научно-практическая конференция к 80-летию прорыва блокады Ленинграда, Сталинградской и Курской битвы: сборник статей / науч. ред. Р. Р. Хисамутдинова. Оренбург: ОГПУ, 2023. С. 109–113.
14. Головин Е. А., Коровин В. В., Манжосов А. Н. «Мужественные зенитчики защищали небо над Курском» (О подвиге бойцов и командиров 254-го зенитного артиллерийского полка весной-летом 1943 года) // «Над страной грохочет военный ураган...»: Курский военно-исторический сборник. Вып. 21. Курск, 2021. С. 54–72.
15. Ащеулов О. Е. Краткая история развития противотанковой артиллерии Красной армии в годы Великой Отечественной войны // 75-летие Великой Победы: память, уроки, противодействие фальсификациям: сборник статей участников Международной онлайн-конференции, посвященной празднованию 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: МПГУ, 2023. С. 18–28.
16. Ащеулов О. Е. Артиллерия Центрального фронта в ходе отражения наступления немецких войск на Курской дуге 5–11 июля 1943 года // Studia internationalia: материалы VII Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.». Брянск: Брянск. гос. ун-т им. И. Г. Петровского, 2019. С. 147–158.
17. Ионов В. В. Из опыта боевого применения артиллерии в оборонительном сражении на Курской дуге // История Курской битвы: проблемы и перспективы исследования и сохранения памяти: сборник научных статей участников Всероссийской научно-практической конференции с

международным участием, посвященной 80-летию победы в Курской битве. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2023. С. 62–69.

18. Цуканов И. П. Поисковые работы на местах боев на Северном фсе Курской дуги // События и люди в документах курских архивов. Курск, 2010. Вып. 8. С. 130–133.

19. Комаровская Е. В. На северном фсе Курской дуги, в Понырях... // Военно-исторический журнал. 2002. № 2. С. 76–77.

20. Коровин В. В. Увековечение памяти героев и событий Курской битвы средствами монументальной пропаганды // Центр и периферия. 2023. Т. 18, № 2. С. 8-18.

21. Коровин В. В., Кизилова Е. В., Манжосов А. Н. «Теперь мы в граните и бронзе...» (Из опыта монументальной пропаганды событий и героев Курской битвы): монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2020. 296 с.

22. «Жизнью честной и праведной славим время свое...»: (Общественно-политическая активность курского студенчества в 1960–1980-е годы) / В. В. Коровин, А. Н. Манжосов, Е. Л. Леонова, Е. А. Головин / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2018. 300 с.

23. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 9687. Оп. 1. Д. 6.

24. ЦАМО РФ. Ф. 9687. Оп. 1. Д. 4.

25. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 35.

26. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1907.

27. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1409.

28. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1726.

29. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 962.

References

1. Bitva pod Kurskom. Kratkij ocherk. Iz opyta boev Otechestvennoj vojny [The Battle of Kursk. A short essay. From the experience of fighting the Patriotic War]. Moscow, Voennoe izd-vo NKO Publ., 1945. 96 p.

2. Bitva pod Kurskom: Ot oborony k nastupleniyu [The Battle of Kursk: From defense to offensive]. Moscow, AST Publ., Hranitel' Publ., 2006. 826 p.

3. Kurskaya bitva [The Battle of Kursk]; ed. by I. V. Parot'kina. Moscow, Nauka Publ., 1970. 544 p.

4. Koltunov G. A., Solov'ev B. G. Kurskaya bitva [The Battle of Kursk]. Moscow, Voenizdat Publ., 1970. 397 p.

5. Zamulin V. N. Kurskaya bitva. 70 let mifov i legend [The Battle of Kursk. 70 years of myths and legends]. Moscow, Veche Publ., 2016. 480 p.

6. Zamulin V. N. Kurskaya bitva. Srazhenie, izmenivshee hod istorii [The Battle of Kursk. The battle that changed the course of history]. Moscow, Veche Publ., 2017. 496 p.

7. Isaev A. V. Kurskaya bitva. Pervaya illyustrirovannaya enciklopediya [The Battle of Kursk. The first illustrated Encyclopedia]. Moscow, Eksmo Publ., Yauza Publ., 2013. 367 p.

8. Isaev A. V. Kurskaya bitva. Vse o srazhenii, reshivshem sud'bu Vtoroj mirovoj [The Battle of Kursk. All about the battle that decided the fate of World War II]. Moscow, Eksmo Publ., Yauza Publ., 2018. 368 p.

9. Davydkov V. I. Analiz Kurskoj bitvy: istoriko-dokumental'naya epopeya [Analysis of the Battle of Kursk: a historical and documentary epic]. Kursk, Kursk Publ., 2005. 703 p.

10. Korovin V. V. Severnyj fas Kurskoj dugi: "Umrem, no ne otojdem!". Dokumenty CAMO RF o hode oboronitel'nyh boev za Teplovskie vysoty 8-10 iyulya 1943 g. [The northern face of the Kursk Bulge: "We will die, but we will not move away!". Documents of the Central Military District of the Russian Federation on the course of defensive battles for Teplov heights on July 8-10, 1943]. *Istoricheskij arhiv = Historical Archive*, 2018, no. 3 (150), pp. 42–52.

11. Golovin E. A., Korovin V. V. Oboronitel'nye boi 19-go tankovogo korpusa na Severnom fse Kurskoj dugi (na osnove otchetnyh dokumentov shtaba korpusa) [Defensive battles of the 19th Tank Corps on the Northern face of the Kursk Bulge (based on the accounting documents of the corps headquarters)]. *Kurskij voenno-istoricheskij sbornik [Kursk Military Historical Collection]*. Is. 18. Kursk, 2017, pp. 10–22.

12. Korovin V. V. Operativno-sluzhebnyaya deyatelnost' vojsk NKVD po ohrane tyla Central'nogo fronta v hode podgotovki i v period Kurskoj bitvy [Operational and service activities of the NKVD troops to protect the rear of the Central Front during the preparation and during the Battle of Kursk]. *Kurskaya bitva: vzglyad iz XXI veka. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Kursk Battle: a view from the XXI century. A collection of materials of the International scientific and practical conference]; ed. by V. I. Zabarovskii; Moscow, Central'nyj muzej Velikoj Otechestvennoj vojny, 2014, pp. 58–66.

13. Korovin V. V. Gvardejskie minometnye chasti v oboronitel'nyh boyah na severnom faze Kurskoj dugi [Guards mortar units in defensive battles on the northern face of the Kursk Bulge]. *My vystoyali i pobedili. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya k 80-letiyu proryva blokady Leningrada, Stalingradskoj i Kurskoj bitvy. Sbornik statej* [We stood up and won. International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the breakthrough of the Siege of Leningrad, the Battle of Stalingrad and Kursk. Collection of articles]; ed. by R. R. Hisamutdinova. Orenburg, OGPU Publ., 2023, pp. 109–113.

14. Golovin E. A., Korovin V. V., Manzhosov A. N. "Muzhestvennye zenitchiki zashchishchali nebo nad Kurskom" (O podvige bojcov i komandirov 254-go zenitnogo artillerijskogo polka vesnoj-letom 1943 goda) ["Courageous anti-aircraft gunners defended the sky over Kursk" (About the feat of fighters and commanders of the 254th anti-aircraft artillery regiment in the spring-summer of 1943)]. "Nad stranoj grohochet voennyj uragan...". *Kurskij voenno-istoricheskij sbornik* ["A military hurricane rumbles over the country...". Kursk military historical collection]. Is. 21. Kursk, 2021, pp. 54–72.

15. Ashcheulov O. E. Kratkaya istoriya razvitiya protivotankovoj artillerii Krasnoj armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [A brief history of the development of anti-tank artillery of the Red Army during the Great Patriotic War]. *75-letie Velikoj Pobedy: pamyat', uroki, protivodejstvie fal'sifikacijam. Sbornik statej uchastnikov Mezhdunarodnoj onlajn-konferencii, posvyashchennoj prazdnovaniju 75-j godovshchiny Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [75th anniversary of the Great Victory: memory, lessons, countering falsifications. Collection of articles by participants of the International Online Conference dedicated to the celebration of the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War 1941–1945.]. Moscow, MPGU Publ., 2023, pp. 18–28.

16. Ashcheulov O. E. Artilleriya Central'nogo fronta v hode otrazheniya nastupleniya nemeckih vojsk na Kurskoj duge 5-11 iyulya 1943 goda [Artillery of the Central Front during the repulse of the German offensive on the Kursk Bulge on July 5-11, 1943]. *Studia internationalia. Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyh otnosheniyah X-XX vv."* [Studia internationalia. Proceedings of the VII International Scientific Conference "The Western region of Russia in International Relations of the X-XX centuries"]. Bryansk, Bryansk St. Univ. Publ., 2019, pp. 147–158.

17. Izonov V. V. Iz opyta boevogo primeneniya artillerii v oboronitel'nom srazhenii na Kurskoj duge [From the experience of the combat use of artillery in the defensive battle on the Kursk Bulge]. *Istoriya Kurskoj bitvy: problemy i perspektivy issledovaniya i sohraneniya pamyati. Sbornik nauchnykh statej uchastnikov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 80-letiyu pobedy v Kurskoj bitve* [The history of the Battle of Kursk: problems and prospects of research and memory preservation. Collection of scientific articles by participants of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 80th anniversary of the victory in the Battle of Kursk]. Kursk, Universitetskaya kniga, 2023, pp. 62–69.

18. Cukanov I. P. Poiskovye raboty na mestah boev na Severnom faze Kurskoj dugi [Search operations at the battlefields on the Northern face of the Kursk Bulge]. *Sobytiya i lyudi v dokumentah kurskih arhivov* [Events and people in the documents of the Kursk archives]. Kursk, 2010, is. 8, pp. 130–133.

19. Komarovskaya E. V. Na severnom faze Kurskoj dugi, v Ponyryah... [On the northern face of the Kursk Bulge, in Ponyry...]. *Voенно-istoricheskij zhurnal = Military History Magazine*, 2002, no. 2, pp. 76–77.

20. Korovin V. V. Uvekovechenie pamyati geroev i sobytij Kurskoj bitvy sredstvami monumental'noj propagandy [Perpetuation of the memory of the heroes and events of the Battle of Kursk by means of monumental propaganda]. *Centr i periferiya = Center and Periphery*, 2023, vol. 18, no. 2, pp. 8–18.

21. Korovin V. V., Kizilova E. V., Manzhosov A. N. "Teper' my v granite i bronze..." (Iz opyta monumental'noj propagandy sobytij i geroev Kurskoj bitvy) ["Now we are in granite and bronze..." ((From the experience of monumental propaganda of the events and heroes of the Battle of Kursk)]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2020. 296 p.
22. Korovin V. V., Manzhosov A. N., Leonova E. L., Golovin E. A. "Zhizn'yu chestnoj i pravednoj slavim vremya svoe...": (Obshchestvenno-politicheskaya aktivnost' kurskogo studenchestva v 1960–1980-e gody) ["We glorify our time with an honest and righteous life...": (Socio-political activity of the Kursk students in the 1960s and 1980s)]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2018. 300 p.
23. CAMO RF (Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 9687, op. 1, d. 6.
24. CAMO RF, f. 9687, op. 1, d. 4.
25. CAMO RF, f. 33, op. 682525, d. 35.
26. CAMO RF, f. 33, op. 682526, d. 1907.
27. CAMO RF, f. 33, op. 682526, d. 1409.
28. CAMO RF, f. 33, op. 682526, d. 1726.
29. CAMO RF, f. 33, op. 686044, d. 962.

Информация об авторе / Information about the Author

Немцев Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: aleksn3@yandex.ru, ORCID: 0009-0000-2488-2595

Alexander D. Nemtsev, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: aleksn3@yandex.ru, ORCID: 0009-0000-2488-2595

Оригинальная статья / Original article

УДК 94:[37.016:355](470.56)"1941/1945"

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-159-173>

Военное обучение и военно-физическая подготовка учащихся школ Чкаловской (Оренбургской) области в годы Великой Отечественной войны

Р. Р. Хисамутдинова¹✉, А. Х. Аптикиев¹

¹ Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, д. 19, г. Оренбург 460014, Российская Федерация

✉ e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Резюме

Актуальность изучения проблемы военного обучения и военно-физической подготовки школьников Чкаловской (Оренбургской) области в годы Великой Отечественной войны имеет научно-практическое и познавательное значение, поскольку исследование указанной темы раскрывает региональный аспект проблемы.

Цель исследования состоит в изучении военного обучения и военно-физической подготовки учащихся школ Чкаловской (Оренбургской) области в годы войны как научной проблемы.

Задачи заключаются в системном анализе военного обучения и военно-физической подготовки школьников области в военный период, раскрытии трудностей и сложностей решения данной проблемы.

Методология работы базируется на следовании принципам историзма, системности и объективности. Использовались как общенаучные методы познания (анализ, синтез), так и специальные исторические методы: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический.

Результаты. В годы Великой Отечественной войны особую остроту приобрел вопрос об организации в широких государственных масштабах военно-физической подготовки школьников старших классов. Именно благодаря целенаправленной и слаженной работе всех органов власти по решению данной проблемы в школах страны, в том числе Чкаловской области, в войска поступало относительно подготовленное пополнение.

Вывод. С началом войны возникла практическая необходимость прохождения военной подготовки учениками еще на школьной скамье, поскольку многие после окончания учебы попадали в действующую армию. Хотя эта работа была развернута еще в предвоенные годы, но в условиях Великой Отечественной войны она приняла полномасштабный характер. Руководство страны смогло выстроить в экстремальных условиях достаточно эффективную систему подготовки молодежи к военным испытаниям, максимально приближенную к боевой. Однако решение данной проблемы вызвало ряд трудностей в Чкаловской области: неполная укомплектованность школ военруками и преподавателями военного дела; низкая общеобразовательная и педагогическая подготовка некоторых из них; текучесть кадров; недостаточная материальная обеспеченность школ спортивно-гимнастическим и военным инвентарем. Однако эти проблемы постепенно решались по ходу войны.

Ключевые слова: военное обучение; военно-физическая подготовка; военное дело; учащиеся школ; Великая Отечественная война.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Хисамутдинова Р. Р., Аптикиев А. Х. Военное обучение и военно-физическая подготовка учащихся школ Чкаловской (Оренбургской) области в годы Великой Отечественной войны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 159–173. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-159-173>.

Поступила в редакцию 21.12.2023

Принята к публикации 24.01.2024

Опубликована 28.02.2024

© Хисамутдинова Р. Р., Аптикиев А. Х., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024; 14(1): 159–173

Military Education and Military-Physical Training of Schoolchildren in the Chkalovsk (Orenburg) Region During the Great Patriotic War

Ravilya R. Khisamutdinova¹✉, Albert Kh. Aptikiev¹

¹Orenburg State Pedagogical University
19 Sovetskaya Str., Orenburg 460000, Russian Federation

✉ e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Abstract

The relevance of studying the problem of military education and military physical training of schoolchildren of the Chkalovsky (Orenburg) region during the Great Patriotic War has scientific, practical and cognitive significance, since the study of this topic reveals the regional aspect of the problem.

The purpose of the study is to study military education and military physical training of school students of the Chkalov (Orenburg) region during the war as a scientific problem.

The objectives are a systematic analysis of military training and military-physical training of schoolchildren in the region during the war period, revealing the difficulties and complexities of solving this problem.

The methodology of the work is based on following the principles of historicism, consistency and objectivity. Both general scientific methods of cognition (analysis, synthesis) and special historical methods were used: problem-chronological, comparative historical.

Results. During the Great Patriotic War, the issue of organizing military-physical training of high school students on a large state scale became particularly acute. It was thanks to the purposeful and coordinated work of all authorities to solve this problem in the schools of the country, including the Chkalov region, that relatively prepared reinforcements arrived in the troops.

Conclusion. With the outbreak of the war, there was a practical need for students to undergo military training while still at school, since many after graduation entered the active army. Although this work was launched in the pre-war years, but in the conditions of the Great Patriotic War it took on a full-scale character. The country's leadership was able to build in extreme conditions a fairly effective system of training young people for military trials, as close as possible to combat. However, the solution to this problem has caused a number of difficulties in the Chkalov region: incomplete staffing of schools with military instructors and teachers of military affairs; low general education and pedagogical training of some of them; staff turnover; insufficient material provision of schools with sports, gymnastics and military equipment. However, these problems were gradually resolved over the course of the war.

Keywords: military training; military physical training; military affairs; school students; Great Patriotic War.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Khisamutdinova R. R., Aptikiev A. Kh. Military Education and Military-Physical Training of Schoolchildren in the Chkalovsk (Orenburg) Region During the Great Patriotic War. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(1): 159–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-159-173>

Received 21.12.2023

Accepted 24.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

С первых дней Великой Отечественной войны особую остроту приобрел вопрос об организации в широких государственных масштабах военно-физической подготовки школьников старших классов для Красной армии и Военно-морского флота страны, т. к. политическое и военное руководство страны понимало, что

война будет долгой, мучительной и кровопролитной, хотя в предвоенные годы этой проблеме уделялось достаточно пристальное внимание. Так, 1 сентября 1939 г. внеочередной IV сессией Верховного Совета СССР был принят Закон о всеобщей воинской обязанности, который предусматривал введение военной подготовки учащихся в общеобразова-

тельных школах страны, проводимой штатными военными руководителями. Появление нового учебного предмета и специального преподавателя благотворно сказывалось на всем деле обучения и воспитания советских школьников, которых заранее морально и физически готовили к службе и защите страны.

Проблеме военно-физической и допризывной подготовки школьников в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии уделялось небольшое внимание в фундаментальных трудах по истории Великой Отечественной войны [1; 2; 3], но, к сожалению, в 12-томной истории Великой Отечественной войны эта проблема в десятом томе даже не упомянута, хотя рассматривается работа советских школ в условиях войны [4].

Достойное внимание уделяется освещению этой темы в монографии С. А. Черник, посвященной деятельности советской школы в годы Великой Отечественной войны [5], где показываются трудности и сложности в реализации государственной политики по военно-физической и допризывной подготовке школьников к несению военной службы в общесоюзном масштабе.

В региональной историографии исследуемая проблема рассмотрена на материалах разных административно-территориальных единиц [6; 7; 8]. На материалах Чкаловской (Оренбургской) области данной проблеме в определенной мере уделено внимание в книге В. И. Швыдченко [9], в статье Р. Р. Хисамутдиновой [10], в статьях [11; 12; 13] и кандидатской диссертации О. А. Дорошевой¹, в монографии Г. В. Кораблевой, посвященной школьному строительству в Оренбуржье в 1930–1970-е гг. [14], в статье Р. Р. Хисамутдиновой, А. Х. Аптикиева на примере сельских школ области [15]. Однако отсутствие комплексного исследования по данной проблеме делает ак-

туальной и востребованной написание данной статьи.

Методология

Методологическая основа исследования была выбрана исходя из поставленной цели и задачи исследования. Принцип историзма позволил представить динамику развития военно-физической и допризывной подготовки школьников Чкаловской (Оренбургской) области в годы Великой Отечественной войны. Принцип системности дает возможность рассмотреть военно-физическую и допризывную подготовку школьников Чкаловской (Оренбургской) области как составную часть государственной политики, осуществляемой на всей территории СССР. Принцип объективности позволяет осветить материал беспристрастно, указывая на трудности и сложности реализации государственной военной и допризывной подготовки школьников Чкаловской области в военные годы. Общенаучные методы (анализ и синтез) позволили изучить реализацию советской политики, направленной на военное обучение и военно-физическую подготовку учащихся школ Чкаловской (Оренбургской) области в годы Великой Отечественной войны, как в отдельности, так и в совокупности в единстве с общими процессами, происходившими в СССР в целом. Историко-сравнительный и проблемно-хронологический методы позволили сопоставить динамику обеспеченности школ Чкаловской области военными руководителями и преподавателями военного дела по годам, учитывая их образовательный уровень и опыт военного дела, количество имеющегося военно-учебного имущества и оружия некоторых видов по школам.

Результаты и их обсуждение

В условиях начавшейся войны новым в этом направлении явилось уточнение содержания и характера военно-физической подготовки школьников, в которую включались строевые занятия,

¹ Дорошева О. А. Школьное образование на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003. 26 с.

изучение средств и правил противовоздушной и противохимической защиты и санитарного дела. 7 сентября 1941 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О военно-физической подготовке учащихся старших классов средней школы». По постановлению ГКО о Всеобуче (от 17 сентября 1941 г.) в школах начата военндопризывная подготовка учащихся 8–10-х классов. В 1942/43 учебном году введен новый предмет – военное дело [3, с. 794].

Наркомат Просвещения РСФСР по согласованию с Главным управлением Всеобуча НКО СССР издал в ноябре 1941 г. приказ «Об организации военно-допризывной подготовки учащихся 8–10-х классов средних школ». В соответствии с ним, старшеклассники должны были получать военно-физическую подготовку по усиленной (110 часов) программе, кроме этих часов предусмотрено на собственную физическую подготовку дополнительно 15 (в 9-х классах) и 35 (в 10-х классах) часов. Занятия с учащимися – девушками должны были проводиться по программе допризывной военной подготовки, разработанной Наркомпросом РСФСР на 1941/42 учебный год [5, с. 141–142].

Так, в Чкаловской области всего подлежало военному обучению учащихся 8–10-х классов 9814 человек. По данным 44 районов (всего 50 сельских районов), было охвачено в 1941/42 учебном году 6313 человек (67%): юношей – 2467 человек, девушек – 3846 человек.

К концу 1944/45 учебного года всего обучалось в школах 238 501 человек: юношей – 113 029 человек, девушек – 125 472, из них выдержавших испытания по военной подготовке по классам – 236 511 человек (99,16%).

Одной из основных проблем по военному обучению школьников стала проблема кадрового обеспечения. Военными руководителями до конца апреля 1942 г. были укомплектованы 161 из 169 средних школ области. Только в 8 средних школах не было военных руководителей, поэтому обучение в этих школах по 110-

часовой программе проводилось на общегражданских военных учебных пунктах. Отсутствие военных руководителей в ряде школ объясняется тем, что отдельные райвоенкоматы не принимали мер по записи лиц, уходивших в ряды РККА (Кувандыкский, Зианчуринский, Октябрьский, Секретарский, Адамовский, Пономаревский и др.) [16, л. 50].

По данным 35 районов, в школах области работали на первое полугодие 1941/42 учебного года в воинском звании: полковника – 1, капитана – 3, лейтенантов – 8, младших лейтенантов – 15, младших командиров – 36, рядовых – 25, старших политработников – 1, политруков – 2, младших политруков – 4, воентехников и интендантов – 3, всего 98 человек, из них: членов ВКП (б) – 15 (15,3%), членов ВЛКСМ – 19 (19,4%), беспартийных – 64 (65,3%), т. е. больше половины преподавателей были беспартийные. Среди них с высшим образованием – 12 (12,2%), со средним образованием – 41 (41,8%), с низшим образованием – 45 (45,9%), т. е. почти половина военных руководителей были с низшим образованием. Военруками из рядового состава в большинстве были участники Великой Отечественной войны [16, л. 50].

В большом количестве школ военные руководители в течение учебного года менялись несколько раз. По данным 44 районов, на конец 1941/42 учебного года не хватало 17 военруков, причем в Октябрьском районе не было военрука ни в одной из трех средних школ, в Александровском районе – в 2-х школах, в Саракташском – в одной [17, л. 63].

Военруков, уходивших в ряды РККА, в течение 1,5–2 месяцев не заменяли. В результате этого во многих школах начало военных занятий отодвинулось на конец декабря 1941 г. (Донгузская средняя школа Чкаловского района, школы Кваркенского района и др.) [16, л. 50].

О степени укомплектованности школ на конец первого учебного полугодия 1942/43 учебного года свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1. Укомплектованность школ Чкаловской области военруками и преподавателями на конец первого полугодия 1942/43 учебного года [18, л. 28]**Table 1.** Staffing of schools in the Chkalov region with military officers and teachers at the end of the first half of the 1942/43 academic year [18, l. 28]

Школы School	Всего Total	Требуется Required		Имеется Available	
		военруков military leaders	преподавателей военного дела military science teachers	военруков military leaders	преподавателей военного дела military science teachers
Средние Secondary	176	176	70	169 (96%)	53 (75,7%)
Неполные средние Lower secondary	471	471	3	437 (92,7%)	3 (100%)
Начальные школы Beginning schools	1606	1606	-	1271(79,1%)	-

Данные таблицы 1 показывают, что военруками лучше всех были обеспечены средние школы (96%) и меньше всего начальные школы (79,1%), преподавателями военного дела неполные средние школы были укомплектованы на 100% (требовалось всего 3 преподавателя), в то же время средние школы – на 75,7%.

В таблице 2 указано, что средние школы 34 районов Чкаловской области на первое полугодие 1942/43 учебного года были укомплектованы военными руководителями из среднего, младшего, рядового комсостава на 94%, в то время как неполные средние школы – на 91%, а начальные школы – всего на 22,5%, остальные без воинского звания.

Таблица 2. Укомплектованность школ 34 районов Чкаловской области на первое полугодие 1942/43 учебного года военными руководителями [18, л. 28]**Table 2.** Staffing of schools in 34 districts of the Chkalov region for the first half of the 1942-43 academic year with military leaders [18, l. 28]

Школы School	Всего Total	Среднего комсостава Average command staff	Младшего комсостава Jr. command staff	Рядового состава Enlisted personnel	Без воинского звания Without military rank
Средние Secondary	118	61 (51,7%)	45 (38,1%)	5 (4,2%)	7 (6%)
Неполные средние Lower secondary	232	45 (19,4%)	131 (56,5%)	35 (15,1%)	21 (9,05)
Начальные школы Beginning schools	1271	7 (1%)	146 (11,5%)	127 (10%)	982 (77,3%)

На первое полугодие 1942/43 учебного года средние школы были укомплектованы полностью, но часть военных руководителей призвана в Красную ар-

мию. Так, в Шарлыкском районе 30% военруков призваны в ряды РККА [18, л. 28].

Таблица 3. Состав военруков в школах [18, л. 76]

Table 3. Composition of military leaders in the schools [18, l. 76]

Школы Schools	Из учителей From teachers	Из военнослужащих From military personnel
Средние Secondary	18,2%	81,8%
Неполные средние Lower secondary	16,5%	83,5%
Начальные школы Beginning schools	84,7%	15,3%

Как свидетельствуют данные таблицы 3, состав военруков из учителей был выше всего в начальных школах (84,7%), меньше всего – в неполных средних и средних школах (соответственно 16,5 и 18,2%), т. е. военкоматами совместно с рай(гор)оно значительное внимание уделялось тому, чтобы учеников в неполных средних и средних школах обучали бывшие военнослужащие.

В средних и неполных средних школах военруками и преподавателями военного дела, не имеющими военного звания, были физкультурники, прошедшие летом 1942 г. пятнадцатидневный учебно-методический сбор, и лица, окончившие в сентябре-октябре 1942 г. полугодовые курсы военруков. Учебно-методический сбор в августе прослушали 21 физрук и 89 военруков. Курсы военных руководителей женщин окончили 36 человек. Все они работали в школах.

В начальных школах большинство (77,3%) военруков – это учителя или заведующие школ. В начальных классах имелись военруки – совместители на 2-3 школы. Так, в Грачевском районе два военрука имели по две школы, в Домба-

ровском районе один военрук работал в трех школах, которые находились на территории одного аулсовета; в Акбулакском районе – один военрук на три школы.

На 1943/44 учебный год в школах области работало 1857 военруков: в начальных школах – 1274, в неполных средних школах – 401, в средних – 182. Среди военруков женщин было 159 человек (8,6%), которые в большинстве военные занятия проводили в начальных школах, совмещая дело с педагогической работой. 812 военруков (43,7%) являлись участниками Отечественной войны. В целях укомплектования школ подготовленными военруками по договоренности с командованием Южно-Уральского военного округа в Чкаловскую область в декабре-январе командировано демобилизованных из запасного офицерского полка 150 человек [19, л. 16].

Благодаря совместной слаженной работе органов образования с военкоматами в течение войны удавалось решать кадровую проблему, которая оставалась острой в течение всей войны из-за мобилизации военруков и преподавателей военного дела в Красную армию. В 1944/45

учебном году почти все школы области были обеспечены военными руководителями и преподавателями военного дела. Только в начале учебного года были случаи неуккомплектованности школ военными до 20%, особенно в начальных школах. Кадры военруков и преподавателей военного дела подбирались военкоматами совместно с рай(гор)оно.

Как свидетельствуют данные таблицы 4, в конце учебного года недостаток в военных руководителях составлял по всем школам 318 (205) человек, особенно в начальных школах; средние школы военными руководителями были обеспечены полностью, но не хватало преподавателей военного дела – 109 человек.

Таблица 4. Укомплектованность школ Чкаловской области военными руководителями и преподавателями военного дела в конце 1944/45 учебного года [20, л. 12]

Table 4. Staffing of schools in the Chkalov region with military leaders and teachers of military affairs at the end of the 1944/45 academic year [20, л. 12]

Школы Schools	Кол-во менялось Quantity changed	Требуется Required		Имеется Available		Недостаток Flaw	
		военных ру- ководителей military leaders	преподавате- лей военного дела military sci- ence teachers	военных ру- ководителей military leaders	преподава- телей воен- ного дела military science	военных руководи- телей military leaders	препода- вателей военного дела military science teachers
Средние Secondary	174 (182)	174 (182)	174 (182)	174 (182)	65	-	109
Неполные средние Lower secondary	475 (465)	475 (465)	-	449 (460)	-	26 (5)	-
Начальные школы Beginning schools	1736 (1723)	1736 (1723)	-	1444 (1523)	-	292 (200)	-
Итого Total	2385 (2370)	2385 (2370)	174 (182)	2067 (2165)	65	318 (205)	109

Состав военруков был по воинскому званию 1493 (1470) человек, из них офицерский состав – 336 (350), сержантский состав – 652 (812), ефрейторский и рядовой состав – 505 (308) человек. По образованию военруки делились следующим образом: всего с высшим и средним образованием – 534 и 587 человек (соответственно 35,8% и около 40%), с незакон-

ченным средним – 483 и 520 (32,4% и 35,4%), с начальным – 476 и 363 человек (31,9% и 24,7%) [20, л. 12], т. е. образовательный уровень военруков был недостаточно высоким.

Для повышения квалификации военруков и преподавателей военного дела в течение учебного года во всех районах проводились учебно-методические сбо-

ры, семинары и обязательная командирская учеба.

Командирская учеба проводилась во всех районах области, но программный материал по педагогике в некоторых районах полностью не проработали по причине отсутствия в районах хороших преподавателей педагогики. Из всего состава военуков 1510 человек были участниками Великой Отечественной войны [20, л. 13], т. е. 73%.

Второй проблемой по введению военно-допризывной подготовки стало выполнение программы. 7 сентября 1941 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О военно-физической подготовке учащихся старших классов средних школ». Военно-допризывная подготовка учащихся 8-10 классов начата в школах после выхода постановления ГКО от 17 сентября 1941 г. [3, с. 113]. В 110-часовой программе давался конкретный расчет часов по каждому из предметов военной допризывной подготовки, отразивший соотношения между ними. С учетом новых требований и первого опыта в программе предусматривалось усиленное внимание к физической подготовке старшеклассников и включение упражнений преимущественно военно-прикладного характера, в частности ходьбы на значительные расстояния и скорость, походов и маршей, бега на выносливость, кроссов с преодолением препятствий, прыжков через естественные преграды и с грузом, строевой подготовки; военно-физкультурных игр, некоторых видов физических упражнений комплекса ГТО и т. п. [5, с. 142]

Занятия проводились по программе Наркомата просвещения (НКП). Юноши занимались отдельно от девушек и со второй половины ноября юноши, достигшие 16 лет, приступали к изучению

110-часовой программы. В сельских школах сроки начала учебного года были разные. Из-за участия в сельскохозяйственных работах большинство сельских школ начинали заниматься во второй половине ноября, поэтому изучать военное дело начинали с опозданием [17, л. 64]. В отдельных районах (Белозерском, Сакмарском, Кваркенском и Шарлыкском) военные занятия начинались только в декабре [16, л. 50].

Для юношей, достигших 16 лет, во всех школах области были созданы пункты при школах за исключением средних школ: Домбаровской Зианчуринского района, Донгузской Чкаловского района, Асекеевской того же района. Ученики этих школ проходили военное обучение на общегражданских военно-учебных пунктах [17, л. 64].

В организации военно-учебных пунктов были крупные недостатки. Долгое время не было типовых штатов, поэтому подразделения строились произвольно с учениками, не достигшими шестнадцатилетнего возраста и девушками.

Как отмечается в архивных документах, «особо положительным моментом в организации работы с учащимися является их любовное отношение к воинскому делу, прекрасная дисциплина и горячее желание овладеть воинским делом, в результате чего имеются хорошие результаты по испытаниям по программе всеобща. По данным от 54 районов области (50 сельских и 4 городских – ХРР), сдавших испытания из 3119 юношей было 3102» [16, л. 51].

С учениками восьмых классов и девушками девятых-десятых классов занимались в большинстве школ врачи, проходя с ними санитарное дело [17, л. 64].

Для ведения политической работы на военно-учебных пунктах были выделены политруки пунктов, а школьники из числа учащихся комсомольцев выдвигались политруками подразделений. Они активно проводили политинформацию, периодически читали доклады о международном положении. Выпускались боевые листки, было организовано соцсоревнование между отдельными пунктами и учащимися.

По окончании программы всеобщая юности занимались по дополнительной программе Наркомпроса. Кроме изучения программного материала, проводилась большая оборонно-массовая работа с учащимися 5–10-х классов (подготовка значкистов, военные игры, походы, участие в кроссах и т. д.) [16, л. 51 об.].

Внешкольная военная работа в школах области была поставлена не на должную высоту. Несмотря на то, что в большинстве школ существовали кружки (стрелковый, по метанию гранат и др.), они все же занимались нерегулярно [17, л. 64].

В целом ряде районов имелись школы, успешно справившиеся с задачей военной подготовки учащихся, к их числу относилась Тепловская средняя школа. Но также имелись существенные недостатки: слабо была поставлена политмассовая работа на военно-учебных пунктах при школах Грачевского, Павловского, Сакмарского и других районов; не везде была организована командирская учеба с выпускниками школ [16, л. 51 об.].

С начала третьей четверти 1942/43 учебного года в школах, в соответствии с постановлением Правительства (Совнаркома) от 24 октября 1942 г., был введен новый учебный предмет – военное дело: начальная и допризывная подготов-

ка в 5–10-х классах и военно-физическая подготовка в 1–4-х классах. Отныне на военно-физическую подготовку учащихся 1–10-х классов вместо 398 часов отводилось 850.

В соответствии с программой, учитывающей возрастные возможности школьников (на уроках военного дела учащиеся занимались строевой, лыжной, огневой и химической подготовкой, изучали материальную часть стрелкового оружия, технику рукопашного боя и военно-санитарное дело), в 7–10-х классах по военному делу вводились переводные и выпускные испытания для юношей и девушек отдельно [5, с. 143].

Для быстрого доведения постановления Совнаркома от 24 октября 1942 г. до каждой школы был издан приказ Областного отдела народного образования (облоно) от 10 ноября 1942 г. о введении военно-физической начальной и допризывной военной подготовки учащихся и издана брошюра, которая была разослана по школам в начале декабря. Также были проведены совещания военруков [18, л. 27 об.].

На основании новой программы и в соответствии со специальным «Положением о допризывной подготовке школьников в период летних каникул 1943 года» юноши 8–10-х классов прошли пятнадцатидневные лагерные сборы.

В 1943/44 учебном году все школы области, за исключением некоторых, целиком выполнили учебный план. Правда, в Молотовской неполной средней школе (Белозерский район), в Проньковской, Аксаковской и Дмитриевской неполных средних школах учебные планы не выполнены по вине райвоенкоматов, которые снимали военруков для выполнения других работ.

Все школы области имели учебные планы, которые были изучены преподавателями военных дисциплин на семинарах военруков и преподавателей военного дела. В полном соответствии с планами было составлено расписание занятий, которое строго выполнялось.

Специальная подготовка девушек по школам области распределялась таким образом: связисты, радистки, телефонистки готовились в 108 школах и сандружинницы – в 67 школах.

Большое внимание уделялось проведению лыжных, легкоатлетических кроссов. Так, в лыжном кроссе участвовали 50 134 человека, из них 34 441 человек сдали нормы. В весеннем кроссе участвовало 161 069 человек, из них сдали нормы 40 083 человека [21, л. 50, 51].

Военно-физическая подготовка в гражданских учебных заведениях за 1944/45 учебный год значительно улучшилась. С наилучшими показателями закончили военное обучение: Орский, Бугурусланский, Шарлыкский, Кувандыкский районы. Но как указывается в архивных документах, некоторые заведующие районных отделов народного образования и начальники районных военкоматов не придали должного внимания военно-физической подготовке и военному обучению (Дзержинский, Соль-Илецкий, Ново-Орский, Кваркенский районы).

В 1944/45 учебном году тематический план в большинстве школ области был выполнен полностью. Постановка воинского обучения значительно улучшилась. Военные руководители и преподаватели военных дисциплин, приобретая некоторый опыт педагогической работы и повысив свою квалификацию на сборах, командирской учебе, на методических совещаниях и педагогических советах, стали значительно лучше планиро-

вать свою работу, лучше готовиться к занятиям [21, л. 13].

Девушки 8–10-х классов, кроме основных военных дисциплин, проходили специальную подготовку, которой были охвачены 7908 человек, из них: по телефону – 1600; по радиodelу – 1180; по телеграфии – 1590; сандружинницы – 3548 человек.

Всего спецподготовкой было охвачено 149 средних школ. Средняя оценка учащихся по указанным дисциплинам была вполне удовлетворительной [17, л. 65].

Выполнение программы по военно-физической подготовке и военному обучению зависело не только от укомплектованности школ военруками и преподавателями военного дела, но также и от материального обеспечения школ военно-учебным оружием и имуществом. Так на 1941/42 учебный год, по данным 47 районов, материальная база составила: учебных 7.62 мм винтовок – 50 шт., мелкокалиберных винтовок – 252, ручных гранат – 504, ружей деревянных – 1128, лыж – 599, противогазов – 2223, прицельных станков – 112, наборов ОВ – 45, санитарных сумок – 39 [17, л. 65, 66].

Военных кабинетов в школах области было 20. Областной военный комиссариат отпустил школам области для пополнения военных кабинетов 780 учебных винтовок. Программой по военной подготовке все школы были обеспечены. Но наглядных пособий по военно-физической подготовке (плакаты, макеты и др.), учебников военного дела в школах было недостаточно. Часто один учебник приходился на 10 учеников.

В 1942/43 учебном году материальное обеспечение школ военно-учебным имуществом и оружием продолжало оставаться низким. Об этом свидетельствуют данные таблицы 5.

Таблица 5. Количество имеющегося военно-учебного имущества и оружия некоторых видов по школам 42 районов Чкаловской области и г. Чкалова в 1942/43 учебном году [18, л. 29]**Table 5.** The amount of available military training equipment and weapons of some types in schools in 42 districts of the Chkalov region and the city of Chkalov in the 1942/43 academic year [18, l. 29]

Наименование оборудования Name of equipment	Имеется в школах Available in schools	Требуется по табелю для школ области Required by report card for area schools	Меньше от потребности Less than required
1. Учебные 7,62 мм винтовки Training 7.62 mm rifles	160	11082	в 69 раз 69 times
2. 17,62 мм винтовки (разр.) 17.62 mm rifles (res.)	52	1965	в 37,8 раз 37.8 times
3. Винтовки м/к ТОЗ ГВП 9 Rifles m/k TOZ GVP 9	263	6990	в 26,6 раз 26.6 times
4. Винтовки м/к ТОЗ №17 Rifles m/k TOZ No. 17	135	-	
5. Прицельные станки Sighting machines	126	6624	в 52,6 раз 52.6 times
6. Деревянные ружья-макеты Wooden dummy guns	1458	92189	в 63 раза 63 times
7. Учебные гранаты Training grenades	342	9308	в 27 раз 27 times
8. Противогазы ВН VN gas masks	2221	87150	в 39,2 раза 39.2 times
9. Противогазы ДП-1 Gas masks DP-1	3225	146000	в 45,2 раза 45.2 times
10. Турники Horizontal bars	42	312	в 7,4 раза 7.4 times
11. Лыжи Skis	1093	231580	в 212 раз 212 times

Данные таблицы 5 показывают, насколько материальное обеспечение школ военно-учебным имуществом и оружием было слабым. Так, нехватка военно-учебного имущества и оружия колебалась от 7,4 раза и до 212 раз. Все это имущество находилось в средних школах. В неполных средних и начальных школах имущества почти не было. В школах области совершенно не имелось такого оружия, как самозарядные винтовки, пистолеты, пулеметы, станковые и ручные пулеметы, минометы и имущество связи [19, л. 29].

В большинстве районов простейшие военно-учебные пособия (деревянные

ружья, макеты, чучела, деревянные лопаты и т. д.) изготавливались силами учащихся. Так обстояло дело в Троицком, Зианчуринском, Александровском, Бугурусланском, Секретарском, Новосергеевском, Белозерском и других районах.

Военные кабинеты имелись только в сельских средних школах. Оборудованных спортивных площадок почти не было. Для занятий использовалось имущество и оружие райвоенкоматов и военно-учебных пунктов. Так, в Свердловском районе использовалось 70 пар лыж, принадлежащих райвоенкомату [18, л. 29].

Значительно улучшилось дело с оборудованием спортивных площадок и во-

енных кабинетов в 1943/44 учебном году. Состояние хранения оружия в школах находилось в удовлетворительном состоянии. Патроны для мелкокалиберных винтовок поступали в ограниченном количестве и только через организации Осоавиахима. Проводилась значительная работа по снабжению школ области учебно-наглядными пособиями. В течение учебного года было послано в школы: установок и постановлений – 95000 экз.; ключей «Морзе» – 800 шт.; компасов – 1280 шт.; компасов к планшету – 690; артоскопов для винтовок – 980; артоскопов для пулеметов – 200; сумок санитарных – 80; индивидуальных пакетов – 190; рулеток – 120; противогазов – 100; лыж – 70000; литературы – 30000 и многое другое [20, л. 51].

Примерно также обстояло дело и в 1944/45 учебном году. Школы военно-учебным спортивным инвентарем обеспечены были недостаточно, особенно гимнастическим инвентарем, хотя через торгующие организации было приобретено в этом учебном году: ключей «Морзе» в количестве 720 шт., топографических карт – 3000 шт., разных плакатов – 3000 шт., сборников-пособий для военруков – 1000 (650) шт., учебных гранат 3000 шт., санитарных сумок – 75 шт. и т. д. Большое значение уделялось проведению массовой военно-спортивной работы в 1944/45 учебном году. Оборонно-массовая и спортивная работа проводилась по линии усовершенствования лыжной подготовки, работы кружков и коллективов ГТО, БГТО, ПВХО, ГСО и кружков по изучению некоторых видов стрелкового оружия и организации военных игр [20, л. 51].

Выводы

Таким образом, преобразования, проведенные в годы Великой Отечественной войны, практически завершили процесс создания единой структуры военного обучения, которая включала военно-физическую подготовку, начальную

военную подготовку и допризывную военную подготовку. Принятые программы обеспечивали преемственность обучения. Занятия в начальных классах были нацелены на укрепление здоровья, в 5–7-х классах – на развитие простых навыков, а в 8–10-х классах – на решение более сложных задач.

Все это свидетельствовало о значительных по своей широте общеобразовательно-воспитательных возможностях военно-физической подготовки школьников, которая в целом успешно выполняла свое назначение. Кроме того, многие школы с полным основанием отметили, что организованность, четкость и подтянутость, требуемые и воспитываемые на военных занятиях, положительно отражались на общем укреплении дисциплины в школе, на уроках других учителей, на общем физическом и нравственном развитии учащихся.

Вместе с тем обучение военному делу и допризывной подготовке школьников вызвало ряд трудностей. Так, например, текучесть кадров прослеживалась за все годы войны особенно в неполных средних школах и средних школах, где военруки менялись по два-три и даже пять раз.

Недостаточная укомплектованность школ военруками и преподавателями военного дела плохо влияла на состояние военной подготовки и выполнение почасовой программы, т. к. раздельное проведение занятий с юношами и девушками путем объединения параллельных классов, затем с последующим разделением классов на две группы: юношей и девушек – создавало большую трудность. То же можно сказать относительно школ с большим количеством классов, где военрук являлся и преподавателем (во всех средних школах), он не мог проводить одновременно занятия с обеими группами, поэтому с одной из групп ему приходилось проводить занятия во внеурочное время, а часы, отведенные по расписанию в этой группе, оставались свободными.

Низкая общеобразовательная и педагогическая подготовка некоторых военруков и преподавателей военного дела (особенно в начальных классах) отрицательно влияла на качество знания и воспитательную работу учащихся. Недостаточная материальная обеспеченность школ спортивно-гимнастическим инвентарем

(брусья, турники, шведская стенка и др.), а также инвентарем военным (топокарты, разные плакаты и др.) не давала возможности военрукам и преподавателям военного дела хорошо и заинтересованно проводить занятия с учащимися, особенно в сельской местности.

Список литературы

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. М.: Воениздат, 1960–1965.
2. История Коммунистической партии Советского Союза / ред. Б. Н. Пономарев. 7-е изд. доп. М.: Политиздат, 1985. 783 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1985. 832 с.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 10: Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
5. Черник С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны: историко-педагогическое исследование. М.: Педагогика, 1984. 239 с.
6. Бикмеев М. А. Исторический опыт военно-организационной и мобилизационной работы Башкирской АССР периода Второй мировой войны: монография. Уфа: БИРО, 2005. 246 с.
7. Мухаметов П. А. Организация военной подготовки в учебных заведениях Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 1(13). С. 113–119.
8. Вычеров Д. А. Военное обучение школьников в конце 1930-х – 1945 гг. (на материалах города Тюмени) // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 8(1). URL: <https://www.no-journal.ru/vak/2020-1-22/article-0226/> (дата обращения: 05.12.2023).
9. Швыдченко В. И. Оренбургская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 // Ученые записки. Вып. 25. Оренбург: ОГПИ, 1967. 356 с.
10. Хисамутдинова Р. Р. Первый военный учебный год в школах г. Чкалова (1941–1942) // Образование в Оренбуржье. История и современность: материалы научно-практической конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1997. С. 25–27.
11. Дорошева О. А. Военно-патриотическое воспитание в школе в годы Великой Отечественной войны (на материалах Чкаловской области) // Великая Победа. 55 лет. Итоги и уроки: материалы Всероссийской научной конференции. СПб.: [Б. и], 2000. С. 147–150.
12. Дорошева О. А. Школы Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вклад Южного Урала в победу над фашизмом. Оренбург: ОГУ, 2001. С. 136–140.
13. Дорошева О. А. Особенности учебно-воспитательного процесса в школах Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // Патриотизм оренбуржцев в Великой Отечественной войне. Оренбург: ОГУ, 2003. С. 123–140.
14. Кораблева Г. В. Школьное строительство в Оренбуржье: реализация гарантий Конституции СССР 1936 года (1936–1977 гг.). Оренбург: Оренбург. гос. аграр. ун-т, 1998. 132 с.
15. Хисамутдинова Р. Р., Аптикиев А. Х. Выполнение закона о всеобщем обязательном обучении в сельских школах Чкаловской (Оренбургской) области в годы Великой Отечественной войны // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2022. № 1. С. 23–25.
16. ОГАОО (Объединенный государственный архив Оренбургской области). Ф.18 93. Оп. 3. Д. 3523.
17. ОГАОО. Ф. 18 93. Оп. 3. Д.17.
18. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 347.
19. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 136.

20. ОГАОО. Ф.1893. Оп. 3. Д. 25.

21. ГАОО. Ф.1893. Оп. 3. Д. 46.

References

1. Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuz. 1941-1945 [The history of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941-1945]. Moscow, Voenizdat Publ., 1960–1965.
2. Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. 7th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 783 p.
3. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945. Enciklopediya [The Great Patriotic War 1941-1945. An encyclopedia]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1985. 832 p.
4. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. T. 10. Gosudarstvo, obshchestvo i vojna [The Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 10. The State, society and war]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2014. 864 p.
5. Chernik S. A. Sovetskaya obshcheobrazovatel'naya shkola v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriko-pedagogicheskoe issledovanie [The Soviet secondary school during the Great Patriotic War: a historical and pedagogical study]. Moscow, Pedagogika Publ., 1984. 239 p.
6. Bikmeev M. A. Istoricheskij opyt voenno-organizacionnoj i mobilizacionnoj raboty Bashkirskoj ASSR perioda Vtoroj mirovoj vojny [Historical experience of military organizational and mobilization work of the Bashkir ASSR during the Second World War]. Ufa, BIRO Publ., 2005. 246 p.
7. Muhametov P. A. Organizaciya voennoj podgotovki v uchebnyh zavedeniyah Bashkirskoj ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Organization of military training in educational institutions of the Bashkir ASSR during the Great Patriotic War of 1941-1945]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*, 2015, no. 1(13), pp. 113–119.
8. Vycherov D. A. Voennoe obuchenie shkol'nikov v konce 1930-h – 1945 gg. (na materialah goroda Tyumeni) [Military training of schoolchildren in the late 1930s – 1945 (based on the materials of the city of Tyumen)]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*, 2020, no. 8(1). Available at: <https://www.noo-journal.ru/vak/2020-1-22/article-0226/> (accessed 05.12.2023).
9. Shvydchenko V. I. Orenburgskaya oblastnaya partiynaya organizaciya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuz, 1941–1945 [Orenburg regional party organization during the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945]. *Uchenye zapiski = Scientific notes*, is. 25. Orenburg, OGPI Publ., 1967. 356 p.
10. Hisamutdinova R. R. Pervyj voennyj uchebnyj god v shkolah g. Chkalova (1941–1942) [The first military school year in the schools of Chkalov (1941-1942)]. *Obrazovanie v Orenburzh'e. Istoriya i sovremennost'. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Education in Orenburg region. History and modernity. Materials of the scientific and practical conference]. Orenburg, OGPU Publ., 1997, pp. 25–27.
11. Dorosheva O. A. Voennno-patrioticheskoe vospitanie v shkole v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Chkalovskoj oblasti) [Military-patriotic education at school during the Great Patriotic War (based on the materials of the Chkalov region)]. *Velikaya Pobeda. 55 let. Itogi i uroki. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Great Victory. 55 years old. Results and lessons. Materials of the All-Russian Scientific Conference]. St. Petersburg, 2000, pp. 147–150.
12. Dorosheva O. A. Shkoly Yuzhnogo Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) [Schools of the Southern Urals during the Great Patriotic War (1941-1945)]. *Vklad Yuzhnogo Urala v pobedu nad fashizmom* [Contribution of the Southern Urals to the victory over fascism]. Orenburg, OGU Publ., 2001, pp. 136–140.
13. Dorosheva O. A. Osobennosti uchebno-vospitatel'nogo processa v shkolah Yuzhnogo Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Features of the educational process in schools of the Southern Urals during the Great Patriotic War]. *Patriotizm orenburzhcev v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Patriotism of Orenburg residents in the Great Patriotic War]. Orenburg, OGU Publ., 2003, pp. 123–140.
14. Korableva G. V. Shkol'noe stroitel'stvo v Orenburzh'e: realizaciya garantij Konstitucii SSSR 1936 goda (1936–1977 gg.) [School construction in Orenburg region: implementation of guarantees of the USSR Constitution of 1936 (1936-1977)]. Orenburg, Orenburg. gos. agrar. un-t Publ., 1998. 132 p.

15. Hisamutdinova R. R., Aptikiev A. H. Vypolnenie zakona o vseobshchem obyazatel'-nom obuchenii v sel'skikh shkolah Chkalovskoj (Orenburgskoj) oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Implementation of the law on universal compulsory education in rural schools of the Chkalov (Orenburg) region during the Great Patriotic War]. *Gasyrlar avazy = The echo of centuries*, 2022, no. 1, pp. 23–25.

16. OGAOO (Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti) [The United State Archive of the Orenburg Region], f. 18 93, op. 3, d. 3523.

17. OGAOO, f. 1893, op. 3, d. 17.

18. OGAOO, f. 371, op. 7, d. 347.

19. OGAOO, f. 371, op. 8, d. 136.

20. OGAOO, f. 1893, op. 3, d. 25.

21. GAOO, f. 1893, op. 3, d. 46.

Информация об авторах / Information about the Authors

Хисамутдинова Равиля Рахмьяновна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: hisamutdinova@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-3546-0683

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Sciences (Historical), Professor, Head of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Studies, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation, e-mail: hisamutdinova@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-3546-0683

Аптикиев Альберт Хуснутдинович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: albert-aptikiev@mail.ru, ORCID: 0009-0007-1791-9346

Albert K. Aptikiev, Candidate of Sciences (Pedagogical), Associate Professor of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Studies, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation, e-mail: albert-aptikiev@mail.ru, ORCID: 0009-0007-1791-9346

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-174-192>

Курская крепость: к вопросу о границах естественных оборонительных укреплений

А. А. Петров¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: beliyfecity@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Настоящая статья представляет собой попытку сравнительного анализа изменений в центральной части Курска, произошедших в период реализации генерального плана строительства города. Эта тема слабо представлена в научной литературе, а потому актуальна и востребована.

Цель статьи – на основе имеющихся материалов (планов, рисунков, фотографий) определить границы средневекового оборонительного рва города Курска и его влияние на план города.

Задачи вытекают из поставленной цели: найти границы курской средневековой крепости; выяснить, как ров был «вписан» в новый план Курска; установить местоположение оборонительного рва.

Методология. Статья основана на общих принципах историзма, научной объективности и системности. Помимо названных принципов, были использованы метод реконструкции и сравнительно-исторический метод.

Результаты. Благодаря методу наложения городских планов и спутниковых снимков города было установлено местонахождение оборонительного рва Курска, каким он был в конце XVIII в. Установлены возможные границы средневековой крепости и местоположение относительно существующих построек, с учетом многократного изменения рельефа центральной части города. Установлены границы рва с северной и западной стороны крепости.

Вывод. В проделанной работе были установлены вероятные границы средневекового города и расположение оборонительного рва с северной и западной стороны. Также были определены ширина и глубина рва в районе Первомайского парка. Установлены временные рамки по засыпке оборонительного сооружения в связи с реализацией градостроительного плана 1782 года.

Ключевые слова: Курск; древний город; крепость; оборонительный ров; рельеф.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Петров А. А. Курская крепость: к вопросу о границах естественных оборонительных укреплений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 174–192. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-174-192>.

Поступила в редакцию 15.12.2023

Принята к публикации 22.01.2024

Опубликована 28.02.2024

Kursk Fortress: on the Question of the Borders of Natural Defense Fortentions

Aleksander A. Petrov¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: beliyfecity@yandex.ru

Abstract

Relevance. This article is an attempt at a comparative analysis of the changes in the central part of Kursk that occurred during the implementation of the master plan for the construction of the city. This topic is poorly represented in the scientific literature, and therefore is relevant and in demand.

The purpose of the article: on the basis of available materials (plans, drawings, photographs) to determine the boundaries of the medieval defensive ditch of the city of Kursk and its influence on the city plan.

The objectives arise from the set goal: to find the boundaries of the Kursk medieval fortress; find out how the ditch was "fitted" into the new plan of Kursk; establish the location of the defensive ditch.

Methodology. The article is based on the general principles of historicism, scientific objectivity and consistency. In addition to the above principles, the reconstruction method and the comparative historical method were used.

Results. Thanks to the method of superimposing city plans and satellite images of the city, the location of the defensive ditch of Kursk as it was at the end of the 18th century was established. The possible boundaries of the medieval fortress and the location relative to existing buildings have been established, taking into account the repeated changes in the relief of the central part of the city. The boundaries of the moat were established on the northern and western sides of the fortress.

Conclusion. In the work done, the probable boundaries of the medieval city and the location of the defensive moat on the north and west sides were established. The width and depth of the moat in the Pervomaisky Park area were also determined. A time frame has been set for filling in the defensive structure in connection with the implementation of the urban development plan of 1782.

Keywords: Kursk; ancient city; fortress; defensive ditch; relief.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Petrov A. A. Kursk Fortress: on the Question of the Borders of Natural Defense Fortentions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(1): 174–192. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-174-192>

Received 15.12.2023

Accepted 22.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

Курск – один из старейших городов России. Его роль в качестве оборонительного форпоста трудно переоценить. Известно, что после реконструкции крепости в 1597 г. Курск успешно отражал вражеские осады, не допуская прорыва обороны России. Но город за время своего существования многократно перестра-

ивался. От Курской крепости почти не осталось следов.

Тем не менее сохранившиеся исторические документы позволяют детально изучить расположение утраченных оборонительных сооружений, которые существовали до принятия Генерального плана 1782 г.

Целью данной статьи является определение возможного местоположения оборонительных стен и расположения оборонительного рва, а также сопоставление его местоположения с современными постройками центральной части Курска.

Методология

Статья базируется на принципах историзма, научной объективности и системности. С позиции историзма современный облик Курской крепости рассматривается как итог различных исторических процессов, проходивших в курской истории с момента ее возникновения и до начала XIX в. Принцип научной объективности нацелил на проверку и перепроверку имеющихся в данном объекте сведений. Принцип системности позволяет представить курскую крепость как составную часть оборонительной системы Московского государства.

Кроме указанных принципов, в статье использован сравнительно-исторический метод. С его помощью описаны временные изменения в размерах и расположении оборонительных средневековых систем городской защиты. Важную роль в данной статье играет метод реконструкции, с его помощью восстановлен исторический период, когда вступил в силу градостроительный план и Курск начал стремительно застраиваться и развиваться.

Инновационной является примененная в статье технология виртуального 3D-моделирования, с ее помощью утраченные оборонительные сооружения связаны с современным городским ландшафтом.

Результаты и их обсуждение

На протяжении всей средневековой истории Курская крепость была надёжной защитой на юге Московского государства.

Этот факт был отражен в работах курских историков А. В. Зорина и Г. Ю. Стародубцева [1, с. 5]. Значительный интерес в ходе исследования привлекли работы историков Н. Е. Горюшкиной и С. Е. Перетюкиной, посвященные истории Курского края [2; 3], и также исследования крепостей Южной России, а именно книги И. А. Воротниковой и В. М. Неделина [4], Г. И. Булгакова [5]. Примечательно, что эти ученые на основании документов из центральных архивов реконструировали внешний вид курского укрепления.

Опираясь на имеющиеся результаты, мы провели собственное исследование. На первом этапе нами были рассмотрены возможные изменения рельефа центральной части Курска. Для того чтобы понять, насколько был изменен ландшафт исторической части города, мы должны были совместить современный спутниковый снимок Курска с первым из известных планов города, составленным уездным землемером Башиловым ранней осенью 1781 г. [6; 7, с. 115–116].

На приведенном фрагменте подробного плана Курска, составленного уездным землемером Башиловым осенью 1781 г., красными чернилами нами были отмечены каменные строения на плане Башилова. Пронумеровали все эти объекты и нанесли их на план 1781 г. (рис. 1): 4 – Георгиевская церковь; 5 – Преображенская церковь; 6 – Покровская церковь; 7 – Фроловская церковь; 8 – Николаевская церковь; 9 – Ильинская церковь; 10 – Сергиево-Казанский собор; 12 – Троицкая церковь с рядом стоящими постройками; 13 – Ахтырская церковь; 14 – Свято-Троицкий храм. Именно по ним в 1782 г. начали выстраиваться новые, дошедшие до нашего времени границы жилых кварталов [8, с. 39].

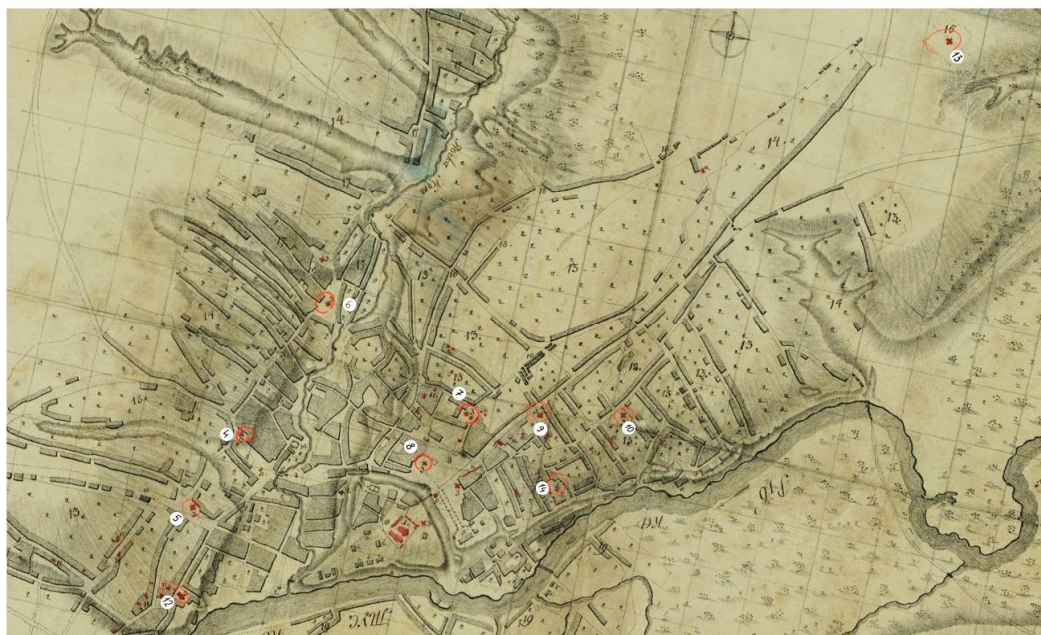

Рис. 1. Фрагмент подробного плана Курска, составленного уездным землемером Башиловым осенью 1781 г.

Fig. 1. Fragment of a detailed plan of Kursk, drawn up by the county surveyor Bashilov in the autumn of 1781

В связи с тем, что до наших дней сохранились далеко не все строения конца XVIII в., для дальнейшей работы исполь-

зован немецкий аэрофотоснимок лета 1943 г., на котором некоторые исчезнувшие строения еще присутствуют (рис. 2) [9].

Рис. 2. Немецкая аэрофотосъемка центральной части Курска, сделанная летом 1943 г.

Fig. 2. German aerial photography of the central part of Kursk taken in the summer of 1943

Совместив современный спутниковый снимок с аэрофотоснимком времен Великой Отечественной войны, установлены реальные границы фасадов утерянных построек и зафиксированы в границах современных зданий и улиц. Для этого на современном снимке и снимке 1943 г. отмечены одни и те же объекты зеленым цветом и совмещены снимки по линиям фасадов этих зданий. Для более точного

совмещения снимков и устранения возможного сползания двух изображений постройки, к которым мы будем привязываться, должны находиться на более дальнем расстоянии друг от друга и не на одной прямой. Из подходящих построек идеально подошли: 1 – Дом советов, 2 – Знаменский собор, 3 – Административное здание (ул. Ломоносова, д. 3) (рис. 3).

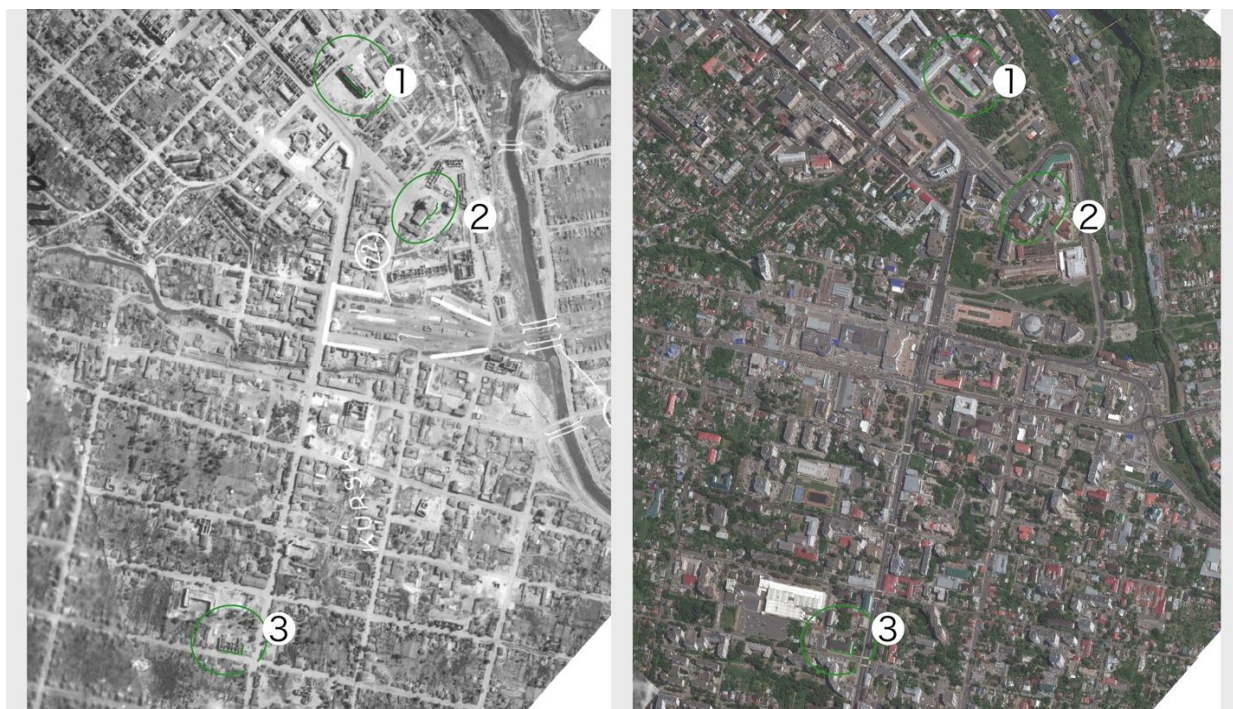

Рис. 3. Спутниковый снимок (справа) и немецкая аэрофотосъёмка г. Курска (слева) лета 1943 г. с сохранившимися приметными объектами

Fig. 3. Satellite image (right) and German aerial photograph of the city of Kursk (left) in the summer of 1943 with preserved noticeable objects

После полного совмещения двух фотоснимков отмечены красным цветом все несохранившиеся в наше время объекты XVIII–XIX вв. на снимке 1943 г. и соответственно проекции их фасадов на современном спутниковом снимке (рис. 4). Красным пунктиром отмечена утраченная линия фасадов улицы Дзержинского, Луначарского и Ленина в историческом центре. Каждому из объектов присвоим свой номер: 1 – плотная застройка по ул. Дзержинского; 2 – плотная застройка по ул. Луначарского; 3 – плотная за-

стройка по ул. Ленина; 4 – пустырь на месте Георгиевской церкви; 5 – руины Преображенской церкви; 6 – пустырь на месте Покровской церкви; 7 – пустырь на месте Фроловской церкви; 8 – пустырь на месте Николаевской церкви. Голубым цветом отмечено русло рек Кур и Тускарь. На современном снимке большая часть реки Кур не видна в связи с тем, что она спрятана под землю во второй половине XX в., а на немецком аэрофотоснимке русло хорошо просматривается.

Рис. 4. Спутниковый снимок (справа) и немецкая аэрофотосъемка г. Курска (слева) лета 1943 г. с сохранившимися приметными объектами XVIII–XIX вв.

Fig. 4. Satellite image (right) and German aerial photography of Kursk (left) in the summer of 1943 with preserved notable objects of the XVIII–XIX centuries

Также стоит обратить внимание на особенности рельефа, зафиксированного на фотографии 1943 г. Улица «Рабочий п.» на плане 1925 г. служила спуском к реке Тускарь и разделяла Первомайский

парк и ул. Сонина (рис. 5) [10]. Она проходила по дну оврага, который остался после частичной засыпки оборонительного рва в 1782 г.

Рис. 5. Фрагмент схематического плана центральной части Курска 1925 г. с отображением улиц

Fig. 5. A fragment of the schematic plan of the central part of Kursk in 1925 with the display of streets

После окончания Великой Отечественной войны улица «Рабочий п.» окончательно была засыпана и ул. Сони-на сравнялась с Первомайским парком. Желтыми пунктирными линиями на рисунке 4 отмечены границы утраченного оврага, а стрелками показаны направления уклона оврага.

Получив линии фасадов искомых объектов на современном спутниковом снимке, отметили также сохранившиеся с

XVIII–XIX вв. объекты: 9 – Ильинская церковь; 10 – Сергиево-Казанский собор; 12 – Троицкая церковь вместе со зданиями музея археологии; 13 – Ахтырская церковь; 14 – Свято-Троицкий храм. Также зеленым цветом отметили низменности в городском ландшафте в районе ул. Красной армии (I), ул. Суворовской (II), ул. Перекальского (III), ул. Красный октябрь (IV) и ул. Мирной (V) (рис. 6).

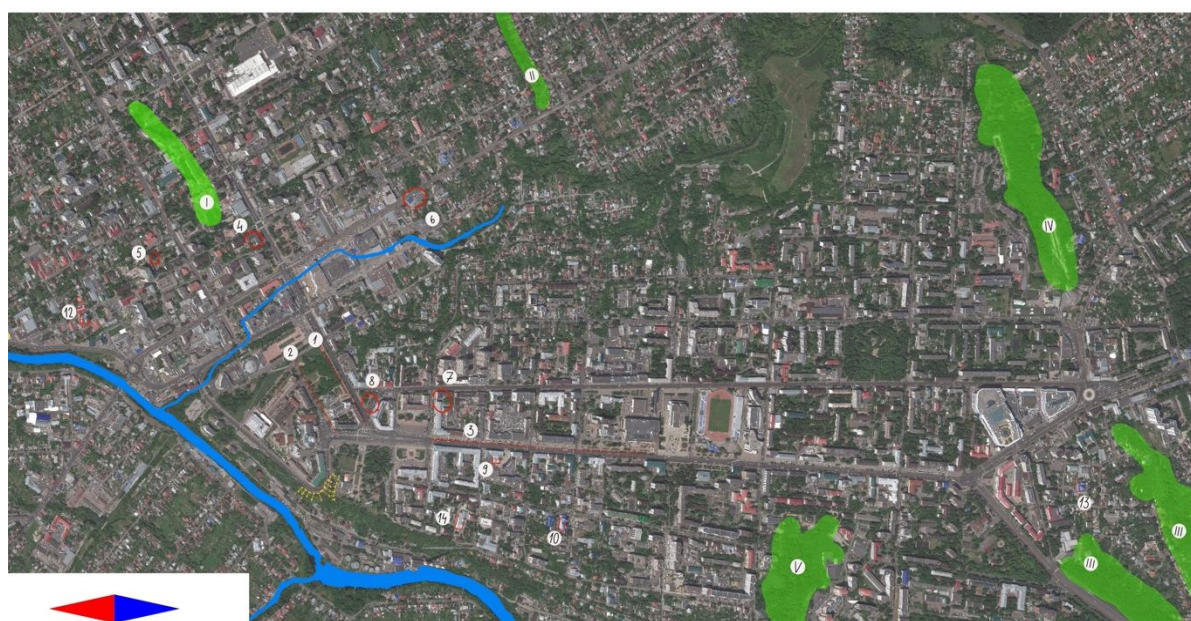

Рис. 6. Спутниковый снимок г. Курска с нанесенными приметными объектами

Fig. 6. Satellite image of the city of Kursk with marked objects

Далее совместили объекты, отмеченные на рисунке 6, с соответствующими объектами на рисунке 1. Таким образом были сопоставлены спутниковый снимок и план 1781 г. с современным снимком. Полученные результаты представлены на рисунке 7.

На рисунке 7 изображены практически точные совпадения нанесенных на план 1781 г. объектов с существующими постройками на спутниковом снимке и нанесенными объектами с аэрофото-

снимка 1943 г. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что план 1781 г., выполнен уездным землемером Башиловым с невероятной точностью, учитывая масштаб и сложность выполняемых работ.

Рис. 7. Наложение современного спутникового снимка и плана 1781 г. с привязкой по отмеченным ранее объектам

Fig. 7. Superimposition of a modern satellite image and a plan of 1781 with reference to previously noted objects

Что касается изменений рельефа в центральной части города. После наложения схематического плана 1781 г. и современного спутникового снимка на рисунке 7, обратим внимание на самую важную часть Курска – место размеще-

ния древней крепости. Для более подробного изучения рельефа этой территории подробно рассмотрим несколько ранее никем не изученных городских схематических планов, датированных XVIII в. (рис. 8) [11; 12].

Рис. 8. Сравнение нескольких схематических планов конца XVIII в.

Fig. 8. Comparison of several schematic plans of the end of the XVIII century

На рисунке 8 изображена центральная часть города Курска на трех городских планах приблизительно одного периода времени: уже использующийся автором ранее план Башилова, датированный осенью 1781 г. (А), план «Вновь располлагаемого губернского города Курска», датированного декабрем 1781 г. (Б), копия неизвестного плана города Курска, но более позднего по своей датировке (В). Позднюю датировку связываем с тем, что расположение улиц на плане (В) соответствует современному, в отличие от плана (Б), где сегодняшняя ул. Большевиков расположена гораздо южнее. Современное расположение улицы отмечено желтым пунктиром

на всех трех планах обведен овраг, граничащий с территорией бывшей крепости с западной стороны. Этот овраг в начале XVIII в., по всей вероятности, был оборонительным рвом из древних описаний Курска. Возможно, ров на западе не был настолько глубоким, как ров с северной стороны, однако его наличие наглядно просматривается.

Для понимания пространства, на котором располагалась крепость Курск, отметим границы оврагов на плане 1781 г. белым цветом и соответственно красным цветом на современном спутниковом снимке границы существующих сегодня оврагов. Сравним границы современных оврагов и границы в 1781 г. (рис. 9).

Рис. 9. Границы изменений рельефа территории бывшей Курской крепости в конце XVIII в. (слева), перенесенные на современный спутниковый снимок (справа)

Fig. 9. The boundaries of the changes in the relief of the territory of the former Kursk fortress at the end of the XVIII century (left), transferred to a modern satellite image (right)

Желтым цветом закрасили участок, который сегодня находится за пределами дороги в глубине оврага. В 1781 г. он являлся частью территории, на которой располагалась крепость. По всей видимости, в связи с началом перепланировки

города участок ул. Сониной был искусственно поднят для предотвращения сползания «Здания присутственных мест», угол которого как раз совпадает с углом здания бывшего завода. Не засыпанная часть оборонительного рва, отме-

ченная желтой линией на рисунке 4, служила водоотводом, предотвращая размывание и сползание грунта. Было ли это спроектировано заранее, сложно сказать, никаких подтверждающих документов

нет, но если не обращать внимания на проезжую часть, то угол спуска от Красной площади сохраняется без перепадов как раз до границ, отмеченных Башиловым в 1781 г. (рис. 10).

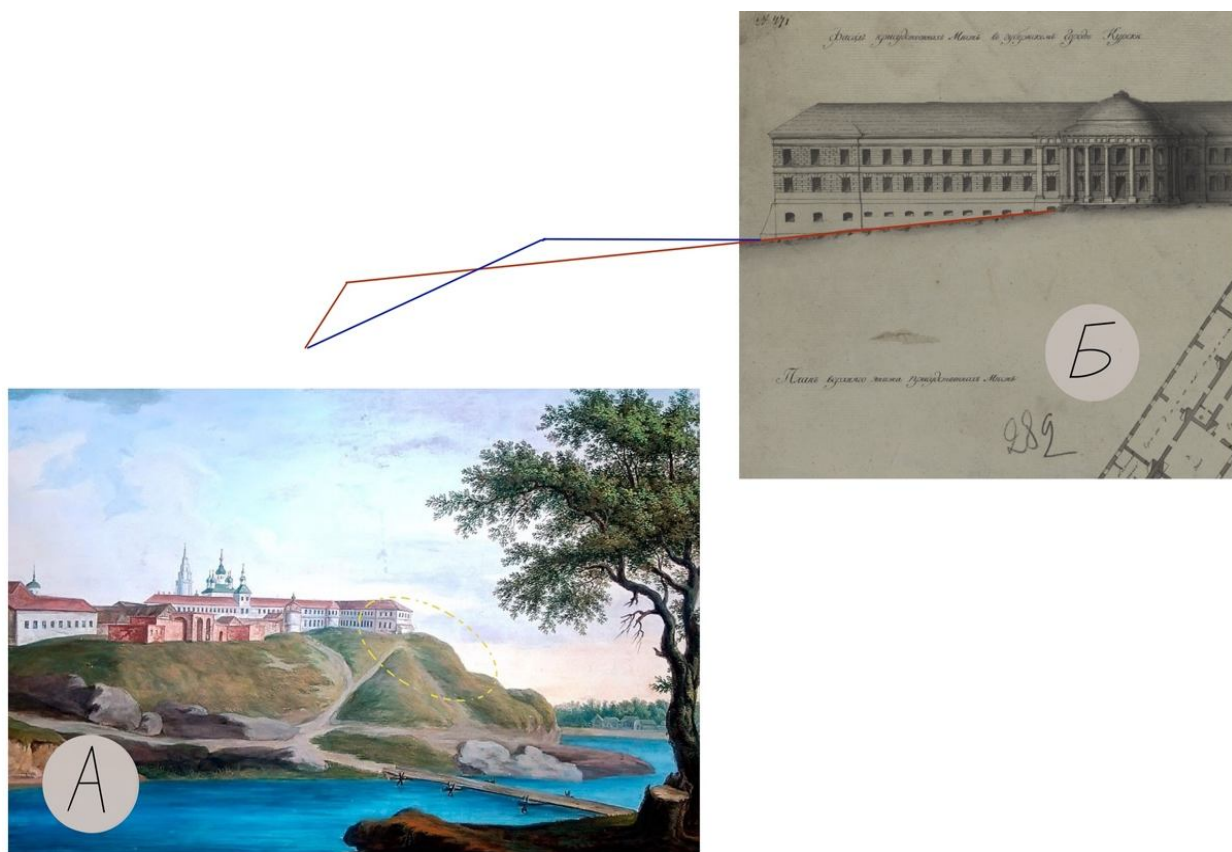

Рис. 10. Акварель Бороздина 1810 г. (А) и часть строительного плана здания «Присутственных мест» с предполагаемым наклоном в сторону оврага (Б)

Fig. 10. Borozdin's watercolor of 1810 (A) and part of the building plan of the building of the "Public Places" with a supposed slope towards the ravine (B)

На рисунке 10 изображена акварель Бороздина с изображением центральной части Курска в 1810 г. (А), на которой предположительно видна часть отсыпанной грунтом части ул. Сони́на и угол здания «Присутственных мест», обведенная желтым пунктиром [13], а также фрагмент строительного плана «Присутственных мест» (Б), на котором красной линией показан предполагаемый уклон улицы в сторону оврага на плане Башилова и синей линией отмечен уровень ул. Сони́на в наше время [14]. Можно предпо-

ложить, что грунт действительно подсыпали, чтобы сделать надежный проезд около вновь построенного здания «Присутственных мест».

Территория, отмеченная на рисунке 9 желтым пунктиром, была сильно видоизменена в связи со строительством железнодорожных путей в середине XIX в. [15]

Рельеф этой части городского центра сегодня не соответствует рельефу на момент перепланировки 1782 г. Однако сохранились схематические документы, со-

хранившие приблизительные перепады высот и размещения предполагаемых к строительству административных зданий Курска в 1798 г., где красным цветом отмечены существующие строения, а темно-серым – планируемые к застройке здания. В реальности этот план не будет реализован, однако запечатлённые автором особенности рельефа местности имеют большую ценность для исследования [16].

Опираясь на отмеченные объекты по рисунку 7, совместили план 1798 г., составленный губернским архитектором Алексеевым с планом 1781 г., составленным Башиловым, линия фасада жилого квартала вдоль ул. Дзержинского (1) и линии фасада жилого квартала вдоль ул. Луначарского (2). Также зеленым пунктиром обведены совпадающие на двух планах границы не изменённого рельефа (рис. 11)

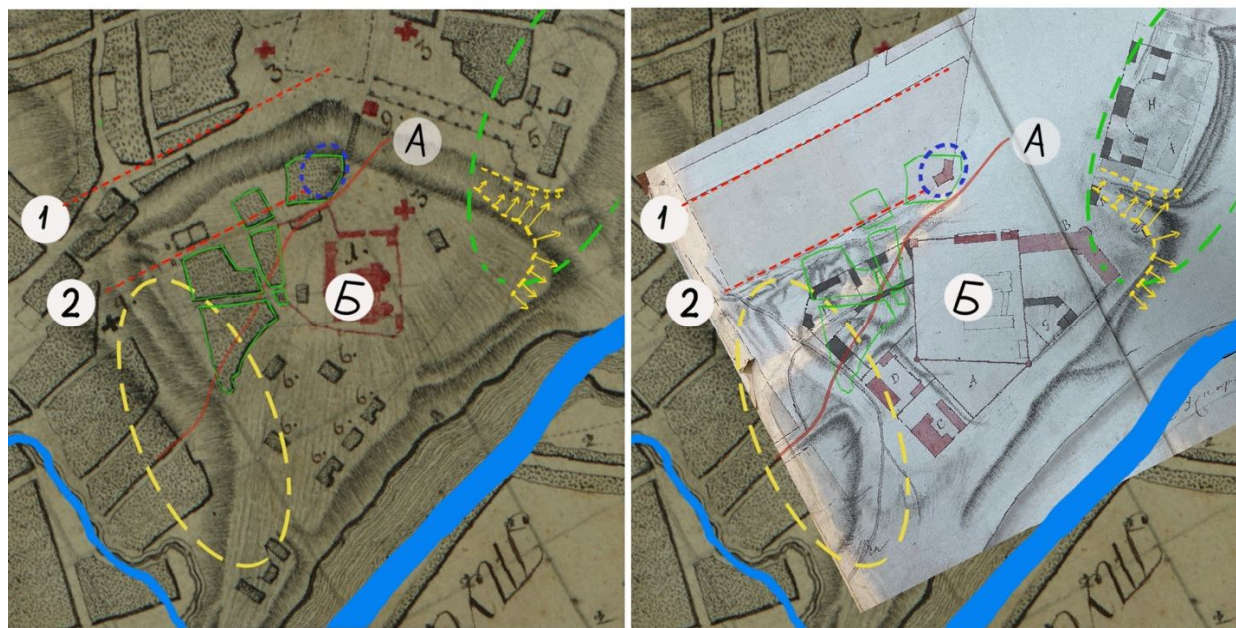

Рис. 11. Совмещение плана Башилова 1781 г. с отмеченными объектами (слева) и плана центральной части Курска 1798 г. (справа)

Fig. 11. The combination of the Bashilov plan of 1781 with the marked objects (left) and the plan of the central part of Kursk in 1798 (right)

На рисунке 11 обведенная желтым пунктиром территория центральной части с западной стороны значительно отличается в 1781 и 1798 гг. Часть оборонительного рва с западной стороны была засыпана и превратилась в дорогу, отмеченную красной линией и выходящую на Красную площадь (А), вдоль территории Знаменского монастыря (Б). Зеленой сплошной линией обведены жилые поса-

ды в 1781 г., уже ликвидированные, как мы можем заметить, в 1798 г. Сплошной желтой линией обозначена граница рва на аэрофотографии 1943 г. Синим пунктиром отмечено уже построенное к 1798 г. угловое жилое здание вновь выстроенного квартала по принятому градостроительному плану 1782 г.

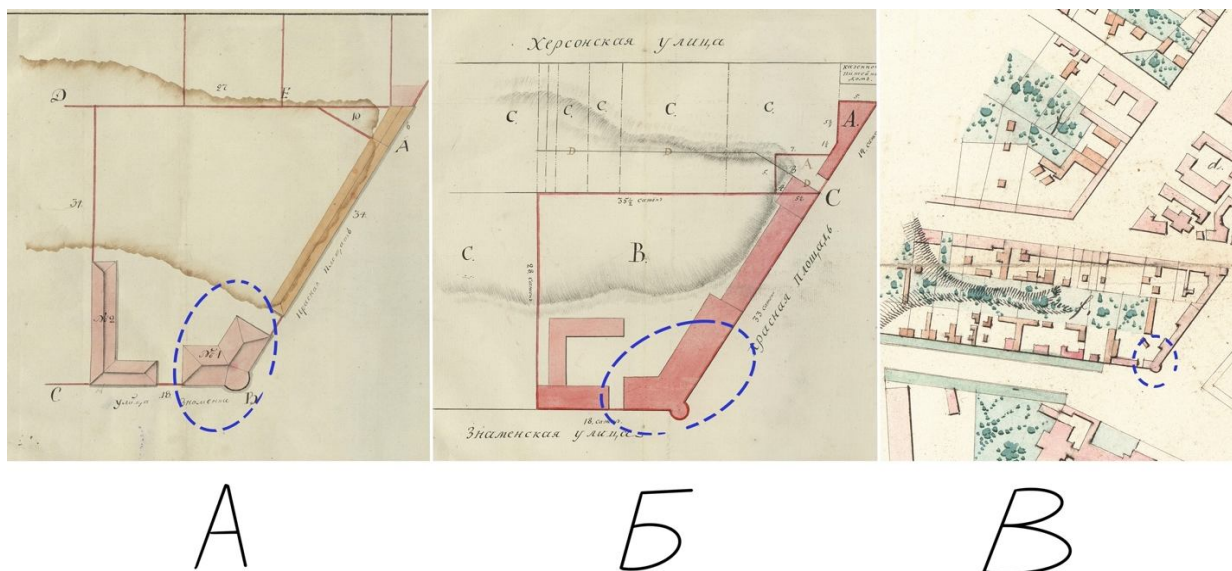

Рис. 12. План квартала № 62 в 1788 г. (А), в 1795 г. (Б), 1852 г. (В)

Fig. 12. Plan neighborhoods N 62 in 1788 (A), in 1795 (Б), 1852 (B)

На рисунке 12 изображены планы усадебного места жилого квартала № 62, находившегося между действительными ул. Дзержинского и ул. Луначарского. Угловой дом, обведенный синим пунктиром на рисунке 14, также отмечен синим пунктиром на рисунке 12. Самый ранний план квартала и усадебного места в 1788 г. (А) имеет более широкое изображение бывшего оборонительного рва, чем на плане 1795 г. (Б) [17; 18]. Бывший ров в 1795 г. уже имеет более пологий спуск, увеличив полезную площадь для усадебных мест и строительства возможных хозяйственных построек. Уменьшение глубины рва связано с появлением самого квартала в предложении губернатора Дебольмена Курскому наместническому правлению от 6 апреля 1788 г. «Ров с незастроенной стороны безобразен и подле того берега бугры, ямы и водороины спланировать стоит немало труда. То чтобы зарыть то безобразие и выровнять дорогу, предписал я здешнему губернскому землемеру, и по другому берегу того рва параллельно застроенной дать

линию» [19]. Из предложения губернатора очевидно, что средневековое оборонительное укрепление никак не вписывалось в градостроительный план, принятый в 1782 г. Благодаря предложению губернатора появилась застроенная ул. Луначарского, сплошная застройка которой полностью скрыла от глаз бывший оборонительный ров. Однако на плане 1852 г. (В), изображенном на рисунке 12, хоть бывший ров и напоминает заросшую канаву, но он все равно сохранялся и не застраивался до середины XIX в. [20]

В конце XVIII в. эту часть рва не засыпали, а попросту спрятали внутри жилого квартала. По всей видимости, он служил в качестве ливневки, для отведения воды от искусственно созданной Красной площади, и его окончательная засыпка в то время могла создать много проблем. На рисунке 13 изображена фотография начала XX в., на которой красной линией обведена канава, проходящая через Красную площадь и ведущая в сторону исследуемого оврага [21, с 123].

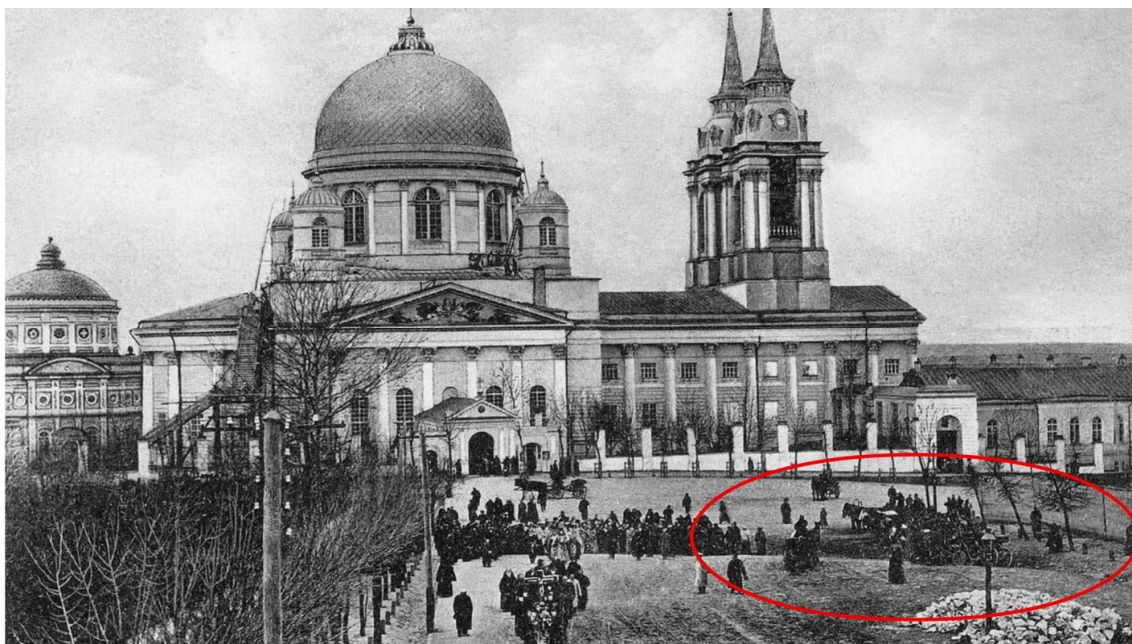

Рис. 13. Фотография центральной части Курска в начале XX в.

Fig. 13. Photograph of the central part of Kursk at the beginning of the XX century

Для уточнения границ оборонительного рва совместили план Башилова 1781 г. с обозначенными границами квартала № 62 и угловым домом, обведенным синим пунктиром, с самым ранним планом этого же квартала в 1788 г. (А), где черной

линией обведена граница бывшего рва, и планом 1852 г. (Б), где граница рва, обведена зеленой линией (рис. 14). Граница квартала – линия жилой застройки по ул. Дзержинского (1) и ул. Луначарского (2)

Рис. 14. Наложение плана 1788 г. (А) и плана 1852 г. (Б) на план Башилова 1781 г.

Fig. 14. Apostille plan 1788 (А) and the plan 1852 (Б) plan Bashilova 1781

Данное совмещение планов с высокой вероятностью установило располо-

жение древнего оборонительного рва в современных границах (рис. 15).

Рис. 15. Расположение границ оборонительного рва XVIII в. на современном спутниковом снимке

Fig. 15. The location of the boundaries of the defensive ditch of the XVIII century on a modern satellite image

Масштаб этого древнего сооружения впечатляет. По спутниковому снимку можно определить только возможную ширину рва. Ров не имел постоянной ширины, в отличие от моста. Опираясь на полученные путем сопоставления планов данные, установили ширину рва в этом месте равной около 39 м.

Однако из описания Курской крепости 1718 г.: «Отъ той провзжей башни чрезъ ровъ – мостъ, по мере 17 саж.» [22, с. 1]. Это значит, что длина моста, соответственно ширина самого рва на этом участке, равна 17 саженьям, т. е. приблизительно 36,21 м.

Погрешность при накладывании планов, разумеется, будет присутствовать, но мы видим, что она не настолько

велика. К тому же границы рва могло попросту размыть за полвека.

Глубину рва определить путем наложения планов невозможно. Однако в описании 1718 г. сказано: «Къ тому острогу изо рву 14 саж. безъ четверти» [22, с. 1]. Расстояние от дна рва до основания стены достигало 29,28 м, учитывая размер сажени в XVIII в. равный 2,13 м. Такая значительная глубина действительно делала Курскую крепость непреступной с северной стороны. Установить опоры моста на такой глубине в средние века было практически невозможно. По всей вероятности, глубина рва под мостом была на порядок меньше, но при разрушении моста в случае осады города все равно сохраняла оборонительную способность укрепления (рис. 16).

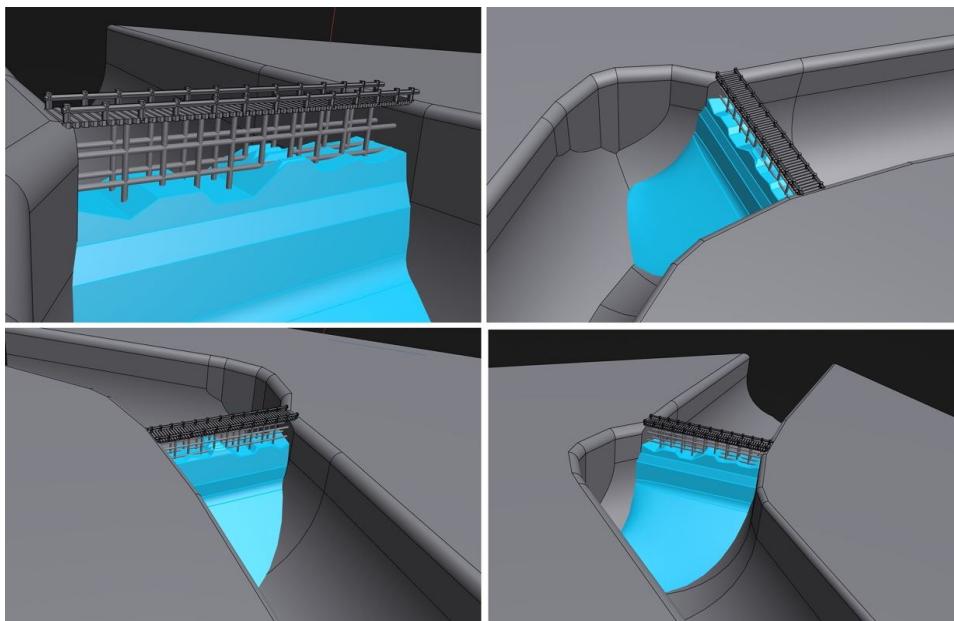

Рис. 16. Трехмерная предполагаемая модель моста, опоры которого стоят на насыпи внутри рва

Fig. 16. A three-dimensional proposed model of the bridge, the supports of which stand on the embankment inside the moat

Эта насыпь под опоры моста, по всей вероятности, послужила восточной границей того самого квартала № 62, потому как засыпать такой огромный овраг в 1782 г., чтобы грунт не размывало по всему дну рва, было бы невозможно. В связи с этим предполагаем, что «Пятницкий мост» не менял своего положения отно-

сительно рва. Находясь на насыпи, он мог менять ширину, устройство опор, но не местоположение. И эта насыпь являлась своего рода «плотиной», разделяющей ливневые потоки в Тускарь и Кур. Еще интересным фактором, который можно отнести к оборонительному рву, являются грунтовые воды (рис. 17).

Рис. 17. Фотография исторического центра Курска в 2023 г.

Fig. 17. Photo of the historical center of Kursk in 2023

Известно, что ров на главной площади города засыпали сразу, что не скажешь о его восточной и западной части. Такому огромному количеству грунта нужно несколько лет и несколько этапов

засыпки. В связи с неправильными земляными работами и ускоренной реализацией градостроительного плана 1782 г. нельзя исключать образование пустот от грунтовых вод (рис. 18).

Рис. 18. Уклон в районе первомайского парка

Fig. 18. The slope in the area of Pervomaisky Park

Сегодня на территории первомайского парка существует уклон, который на рисунке 18 показан красным пунктиром. Является ли этот образованный уклон потомком неправильно засыпанного оврага, сказать трудно. Однако его местоположение идеально попадает на древний оборонительный ров и повторяет его направление.

Выводы

Возникновение Красной площади, а позже появление парка на месте оборонительного укрепления соответствовали требованиям к внешнему облику городов в конце XVIII в. В данном исследовании установлены реальные границы средне-

векового города и действительное расположение его естественных оборонительных сооружений. Подробно рассмотрена последовательная перепланировка и ландшафтные изменения городского центра с принятием генерального градостроительного плана 1782 г. Для визуализации устройства естественного укрепления была применена техника виртуального 3D-моделирования. Разработка 3D-модели возможного расположения стратегически важного объекта на естественных укреплениях дает более полное представление об устройстве крепости и дальнейшей ликвидации естественных оборонительных сооружений после принятия градостроительного плана 1782 г.

Исчезновение рва и планирование территории позволили Курску шагнуть в новую эпоху городского строительства. Однако уничтожить столь масштабное «естественное укрепление» было не так просто. Чтобы спрятать западную часть рва, в Курске возник новый жилой квартал. После масштабного ландшафтного

планирования на протяжении 15 лет центральная часть города остановилась практически незастроенной. Пустыри главенствовали до начала XIX в. Только в новом столетии принятый градостроительный план окончательно стер былое прошлое города-крепости и Курск истинно превратился в столицу губернии.

Список литературы

1. Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю. Структура и развитие оборонительных сооружений Курской крепости // Город Средневековья и раннего Нового времени. Археология. История: материалы V Всероссийского семинара. Тула: Гос. военно-ист. природный музей-заповедник «Куликово поле», 2016. С. 59–66.
2. Горюшкина Н. Е. История Курского края / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013. 196 с.
3. Перетокина С. Е. Проблема воссоздания Курской крепости в конце XVI в. // Вестник научных конференций. 2023. № 11-7 (99). С. 102–103.
4. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Т. 2, кн. 1: Крепости юга России / И. А. Воротникова, В. М. Неделин. М.: Буксмарт, 2016. 555 с.
5. Булгаков Г. И. Внешний вид Курского Знаменского монастыря в прошлом по архивным документам. Курск: Епархиальная тип., 1913. 18 с.
6. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1293. Оп. 168. Д. 5. Л. 1.
7. Петров А. А. «Крепость, ставшая городом»: застройка города Курска в XVI–XVIII вв. как объект показа // Туристический, гостиничный и ресторанный бизнес: инновации и тренды: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2022. С. 115–119.
8. Федоров С. И. Центры городов Орла, Курска и Белгорода – комплексные памятники истории и культуры. Ленинград: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1975. 200 с.
9. Немецкая аэрофотосъемка Курска. Июнь 1943 года. URL: http://www.etomesto.ru/map-kursk_aero-photo/ (дата обращения: 14.12.2023).
10. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-770. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
11. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 6. Л. 1.
12. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 8. Л. 1.
13. Бороздин К. М. Рисунки и чертежи с описанием (24) к путешествию по России. Часть 4. М.: [Б.и.], 1810. Ч. 4. 50 с.
14. РГИА. Ф. 1488. Оп. 2. Д. 394. Л. 5.
15. РГИА. Ф. 446. Оп. 27. Д. 17. Доклад № 131 от 29 июня 1878 г.
16. ГАКО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 5. Л. 63.
17. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 383. Оп. 1. Д. 159. Л. 1.
18. РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 160. Л. 1.
19. ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 87. Л. 725.
20. РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 1206. Л. 351.
21. Донченко Ю. В. Губернский Курск на старой открытке. Курск: [Б.и.], 2008. 384 с.
22. Мышлаевский А. З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году: Извлечение из современного отчета Киевской губернии. СПб.: Воен.-учен. ком. Главного штаба, 1897. 62 с.

References

1. Zorin A. V., Starodubcev G. Yu. [The structure and development of the defensive structures of the Kursk fortress]. *Gorod Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni. Arheologiya. Istoriya. Materialy V Vserossijskogo seminara* [The city of the Middle Ages and early Modern times. Archaeology. History. Materials of the V All-Russian Seminar]. Tula, Gos. voenno-ist. prirodnyj muzej-zapovednik "Kulikovo pole", 2016, pp. 59–66. (In Russ.)
2. Goryushkina N. E. *Istoriya Kurskogo kraja* [The history of the Kursk region]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2013. 196 p.
3. Peretokina S. E. Problema vossozdaniya Kurskoj kreposti v konce XVI v. [The problem of recreating the Kursk fortress at the end of the XVI century]. *Vestnik nauchnyh konferencij = Bulletin of scientific conferences*, 2023, no. 11-7 (99), pp. 102–103.
4. Vorotnikova I. A., Nedelin V. M. *Kremli, kreposti i ukreplennye monastyri Russkogo gosudarstva XV–XVII vekov. T. 2, kn. 1. Kreposti yuga Rossii* [Kremlins, fortresses and fortified monasteries of the Russian state of the XV–XVII centuries. Vol. 2, Book 1. Fortresses of the South of Russia]. Moscow, Buksmart Publ., 2016. 555 p.
5. Bulgakov G. I. Vneshnij vid Kurskogo Znamenskogo monastyrya v proshlom po ar-hivnym dokumentam [The appearance of the Kursk Znamensky Monastery in the past according to archival documents]. Kursk, Eparhial'naya tip., 1913. 18 p.
6. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [The Russian State Historical Archive], f. 1293, op. 168, d. 5, l. 1.
7. Petrov A. A. ["The fortress that became a city": the construction of the city of Kursk in the XVI–XVIII centuries as an object of display]. *Turisticheskij, gostinichnyj i restorannyj biznes: innovacii i trendy. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Tourist, hotel and restaurant business: innovations and trends. Materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2022, pp. 115–119. (In Russ.)
8. Fedorov S. I. Centry gorodov Orla, Kurska i Belgoroda – kompleksnye pamyatniki istorii i kul'tury [The centers of the cities of Orel, Kursk and Belgorod are complex monuments of history and culture]. Leningrad, Strojizdat Publ., Leningr. otd-nie, 1975. 200 p.
9. Nemeckaya aerofotos"yomka Kurska. Iyun' 1943 goda [German aerial photography of Kursk. June 1943]. Available at: http://www.etomesto.ru/map-kursk_aero-photo/ (accessed 14.12.2023).
10. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-770, op. 1, d. 24, l. 1.
11. RGIA, f. 1293, op. 168, d. 6, l. 1.
12. RGIA, f. 1293, op. 168, d. 8, l. 1.
13. Borozdin K. M. *Risunki i chertezhi s opisaniem (24) k puteshestviyu po Rossii. Chast' 4.* [Drawings and drawings with a description (24) for a trip to Russia. Part 4]. Moscow, 1810, pt. 4. 50 p.
14. RGIA, f. 1488, op. 2, d. 394, l. 5.
15. RGIA, f. 446, op. 27, d. 17. Doklad № 131 ot 29 iyunya 1878 g.
16. GAKO, f. 325, op. 1, d. 5, l. 63
17. RGADA (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov) [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 383, op. 1, d. 159, l. 1.
18. RGADA, f. 383, op. 1, d. 160, l. 1.
19. GAKO, f. 26, op. 1, d. 87, l. 725.
20. RGIA, f. 218, op. 4, d. 1206, l. 351.
21. Donchenko Yu. V. *Gubernskij Kursk na staroj otkrytke* [Provincial Kursk on an old postcard]. Kursk, 2008. 384 p.

22. Myshlaevskij A. Z. Kreposti i garnizony Yuzhnoj Rossii v 1718 godu: Izvlechenie. iz sovremennogo otcheta Kievskoj gubernii [Fortresses and garrisons of Southern Russia in 1718: An extract. from the modern report of the Kiev province]. St. Petersburg, Voen.-uchen. kom. Glavnogo shtaba, 1897. 62 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Петров Александр Александрович, аспирант кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: beliyfecity@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9509-9538

Aleksander A. Petrov, Post-Graduate Student of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: beliyfecity@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9509-9538

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(470)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-193-204>

Развитие трамвайного движения в послевоенный восстановительный период (на примере города Липецка)

А. С. Давыдов¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: oi46@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время на территории Российской Федерации большое развитие получает электрический транспорт. Целый комплекс инвестиционных программ со стороны государства направлен как на обновление и реконструкцию трамвайного движения, материальная база которого уже перестала соответствовать требованиям в сфере транспортного обслуживания населения, так и на восстановление коммуникационных систем, пострадавших в результате военных действий, развернувшихся на Донбассе. В этой связи исключительное значение приобретает опыт, достигнутый советской страной в послевоенный восстановительный период, который до сего времени не подвергался в полной мере научно-историческому анализу. Хотя в то время трамвайные предприятия не только восстанавливались, но и создавались в крупных промышленных центрах для осуществления стабильных перевозок.

Цель – охарактеризовать процесс становления трамвайного движения в Липецке – последнем из городов Центрального Черноземья, получивших этот вид электрического транспорта.

Задачи: на основе изучения архивных источников проанализировать проекты организации трамвайного движения в городе Липецке, выяснить роль государственных органов в формировании и развитии трамвайной инфраструктуры.

Методология. При написании работы автор опирался на основополагающие принципы исторической науки (историзма и объективности), а также на ряд конкретно-исторических и общенаучных методов (аналитический, сравнительно-исторический).

Результаты. На основе многоаспектного анализа архивных источников удалось проследить основные этапы и тенденции становления липецкого трамвая в 1945–1950 годах в начальный период его развития, когда трамвай был основным видом городского транспорта.

Вывод. В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что в период послевоенного восстановления народного хозяйства РСФСР трамвай как вид общественного транспорта добился не только восстановления показателей довоенного периода, но и появлялся в новых городах, нуждавшихся в стабильном транспортном обслуживании.

Ключевые слова: трамвай; трамвайная сеть; электротранспорт; пассажиропоток; общественный транспорт; предприятие.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Давыдов А. С. Развитие трамвайного движения в послевоенный восстановительный период (на примере города Липецка) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 193–204. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-193-204>.

Поступила в редакцию 10.12.2023

Принята к публикации 19.01.2024

Опубликована 28.02.2024

Development of Tram Traffic in the Post-War Recovery Period on the Territory of the RSFSR (Using the Example of the City of Lipetsk)

Alexey S. Davydov¹ ✉

¹Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: oi46@mail.ru

Abstract

Relevance. Currently, electric transport is undergoing great development in the Russian Federation. A whole range of investment programs from the state is aimed at both updating and reconstructing tram traffic, the material base of which has no longer met the requirements in the field of transport services for the population, and at restoring communication systems damaged as a result of the hostilities that unfolded in the Donbass. In this regard, the experience achieved by the Soviet country in the post-war recovery period is of exceptional importance. At that time, tram enterprises were not only restored, but also emerged in large industrial centers to provide stable transportation.

Purpose: to characterize the process of establishing tram traffic in Lipetsk, the last of the cities in the Central Black Earth Region to receive this type of electric transport.

Objectives: based on the study of archival sources, analyze projects for organizing tram traffic in the city of Lipetsk, find out the role of government agencies in the formation and development of tram infrastructure.

Methodology. When writing the work, the author relied on the fundamental principles of historical science (historicism and objectivity), as well as on a number of specific historical and general scientific methods (analytical, comparative historical).

Results. Based on a multidimensional analysis of archival sources, it was possible to trace the main stages and trends in the formation of the Lipetsk tram in 1945–1950 in the initial period of its development, when the tram was the main type of urban transport.

Conclusion. As a result of the study, we can conclude that during the post-war restoration of the national economy of the RSFSR, the tram as a type of public transport achieved not only the restoration of the indicators of the pre-war period, but also appeared in new cities that needed stable transport services.

Keywords: tram; tram network; electric transport; passenger flow; public transport; company.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Davydov A. S. Development of Tram Traffic in the Post-War Recovery Period on the Territory of the RSFSR (Using the Example of the City of Lipetsk). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(1): 193–204. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-193-204>

Received 10.12.2023

Accepted 19.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

Проведенный при подготовке данной публикации историографический анализ свидетельствует о том, что в отечественной исторической науке за последнее время изучение городского электрического транспорта и его аспектов все чаще становится предметом исследовательского интереса. В советский период внимание ученых (не обязательно историков)

было сосредоточено в первую очередь на технической стороне вопроса [1] или хронологическом описании развития трамвайной сети [2]. В постсоветский период большое внимание развитию трамвайных хозяйств уделил С. А. Тархов. Так, среди всех городов Центрального Черноземья он проследил историю трамвайных систем Курска [3] и Орла [4]. Особое значение изучению трамвайных хозяйств Российской Федерации прида-

вал В. В. Розалиев [5], написавший очерк по государственному управлению городским электрическим транспортом [6]. На материалах Среднего Поволжья А. В. Горшенин [7] сформулировал факторы развития трамвая в 1941–1950 гг. Развитию электрического трамвая было отведено место в общем труде о коммунальном хозяйстве И. Б. Орлова [8]. Следует отметить, что активно исследуется и кадровый вопрос в трамвайных хозяйствах. Для разработки данной темы было много сделано Ю. Н. Кожушко [9]. Важной же вехой в истории изучения городского электрического транспорта стала обобщающая энциклопедия, в которой представлены пусть и краткие, но от этого не менее ценные характеристики самых разнообразных аспектов отрасли [10]. Однако при всем многообразии работ проблема становления трамвайного движения нашла свое отражение только в работах И. В. Шпакова [11] и А. В. Горшенина [12]. В то же время послевоенный период истории электрического трамвая так и не был детально исследован.

Методология

Комплекс научных методов и принципов, использованных нами при написании настоящей работы, позволил решить все поставленные задачи. Помимо использования традиционных методологических принципов (объективность и принцип историзма) нами активно привлекался как общенаучный (аналитический метод, индуктивно-дедуктивный), так и специально-исторический инструментарий (сравнительно-исторический метод).

Обсуждение и их результаты

Во второй половине 1930-х гг. город Липецк – это активно развивающийся индустриальный центр Воронежской области, в котором проживало 67 тыс. человек (перепись населения 1939 г.) [13, с. 24]. Предполагалось, что к 1942 г. население города будет только увеличи-

ваться и достигнет 117 тыс. человек. Прирост населения и расширение городов обуславливался общим ходом модернизации в городах Советского Союза. Промышленное предприятие становилось узловым звеном, развивающим городское пространство со всем комплексом необходимых коммуникаций для удовлетворения повседневных нужд граждан.

Так, за 1930-е гг. в Липецке был запущен гигант черной металлургии «Новолипецкий металлургический завод», на металлургическом заводе «Свободный Сокол» был открыт цех по производству водопроводных труб, предопределивший дальнейшую специализацию предприятия. Помимо этого были запущены «Карбидный», «Силикатный», «Механический» заводы [14, с. 121]. Таким образом, индустриальному центру необходим был надежный транспорт. Им по определению мог стать трамвай, как основной вид общественного транспорта тех лет, способный обслуживать население, занятое в сфере производительного труда. Следует отметить, что автобусного движения было недостаточно ввиду малого количества машин и неудовлетворительного состояния дорожного полотна.

Первые проекты по организации трамвайного движения в Липецке появились в середине 1930-х гг. Так, в 1935–1936 гг. по заказу Липецкого городского совета депутатов трудящихся первый технический проект был сделан трестом коммунального и дорожно-транспортного строительства (Коммундортрансстрой) Наркомата коммунального хозяйства РСФСР (Наркомхоз РСФСР). 9 декабря 1936 г. Наркомхоз РСФСР его рассмотрел и утвердил.

По проектным планам 3-й пятилетки (1938–1942 гг.) намечалось осуществить строительство 1-й очереди трамвая общей протяженностью 34,4 км в одиночном исчислении и с организацией движения на 4-х основных линиях:

1) Трамвайный парк – завод «Свободный Сокол», протяженностью 9 км

двойного пути (одиночное исчисление); связывала центр города с металлургическим заводом и рабочим поселком на 10–15 тыс. человек;

2) Железнодорожный вокзал – Сталинская улица (позднее ул. Интернациональная), протяженностью 3 км (одиночное исчисление); должна осуществлять связь между центром города и железнодорожным транспортным узлом;

3) Военный городок – улица Горького, протяженностью 1,5 км (одиночное исчисление) с организацией двухпутного движения; должна была соединить в центре Липецка две первые трамвайные линии в их средней части, что по задумке дало бы возможность организовать транспортную связь между вокзалом и заводом «Свободный Сокол», пересекая одновременно весьма оживленный район;

4) Трамвайный парк – «Новолипецкий завод», протяженностью 7,4 км; обязана была стать основной транспортной магистралью города, соединяющей его центральную часть с Левобережным промышленным районом. Значимость и потребность в строительстве обозначенной линии объяснялась тем, что левобережная часть Липецка имела хорошо развитые и крупные промышленные предприятия: Новолипецкий завод, Станкострой (в 1944 г. на его месте появился Липецкий тракторный завод), а в рабочих поселках при предприятиях проживало 25–30 тыс. человек.

Первые две линии планировалось открыть в промежутке 1938–1940 гг. [15, л. 9].

Строительство четвертой линии было сопряжено с рядом трудностей. Так, необходимо было возвести новую дамбу через пойму реки Воронеж протяженностью 2,5 км и построить железобетонный мост через ту же реку в 228 м. Тем не менее осуществление линии, несмотря на высокий объем работы, было запланировано на конец 3-й пятилетки [15, л. 9 об.].

Количество необходимого подвижного состава исчислялось исходя из об-

щего количества населения Липецка в 117 тыс. чел., где 70 поездок в трамвае приходилось на 1 жителя. В ходе разнообразных расчетов показателей возможной работы трамвая было выяснено, что необходимо 30 моторных вагонов, а для организации грузоперевозок требовалось 3 моторных грузовых вагона и 3 грузовых прицепных вагона [15, л. 10].

Для осуществления энергоснабжения было запроектировано строительство трамвайной тяговой подстанции мощностью 1200 кВт, состоящей из двух ртутных выпрямителей типа РВ-10. Её резервная энергетическая мощность была заложена в связи с возможным расширением подвижного состава и на случай аварии или поломки одного из агрегатов. Запланировано было также строительство трамвайного депо с мастерскими для обслуживания не менее 40 вагонов [15, л. 10]. Общая сумма капиталовложений на организацию трамвайного движения в Липецке была значительной и оценивалась в 8931 тыс. руб.

Как мы можем понять, к каким-либо существенным работам по строительству трамвая до начала Великой Отечественной войны приступить не удалось. Данный вывод мы сделали, основываясь в первую очередь на полном отсутствии упоминания Липецкого хозяйства в справках Главного управления трамваев и троллейбусов за 1940 г. [16, л. 1–38], а также в отчете Главка о выполнении плана капитального строительства в трамвайных хозяйствах РСФСР за 1939 год [17, л. 1–29].

Безусловно, осуществление столь масштабного проекта не представлялось возможным без участия Высших органов государственного управления Советского Союза. В этой связи 24 августа 1944 г. вышло постановление Совета Народных Комиссаров СССР за № 1150 «О мерах улучшения коммунального хозяйства и благоустройства г. Липецка» [18, л. 216–218], по которому предусматривалось в 1945 г. провести научно-технические изыскания и строительство трамвайной

линии, связывающей Липецкий тракторный, Новолипецкий металлургический и Ферросплавный заводы с основной частью города, путем сооружения моста и дамбы общей протяженностью 10 км. Исполнение было возложено на Наркомхоз РСФСР и Воронежский областной совет депутатов трудящихся (Воронежский облисполком). Данная ветка закладывалась, в первую очередь, для решения проблем с транспортным обслуживанием рабочих Липецкого тракторного завода. Согласно статистике 3 тыс. работников, чтобы попасть в цеха предприятия, были вынуждены ходить пешком на расстояние 10–14 км, а около 30 тыс. человек, проживавших в микрорайоне завода, не имели возможность попасть в культурно-исторический центр города [19, л. 62].

Проектно-сметные работы были полностью выполнены трестом Дортранспроект и утверждены Наркомхозом РСФСР 4 мая 1945 г. [20, л. 102]

В 1945 г. на осуществление строительных работ был выделен 1 млн рублей. Важно подчеркнуть, что строительство осложнялось недостаточным снабжением оборудования и материалов со стороны ряда Наркоматов. По данным Воронежского облисполкома, в 4-м квартале 1944 г. была получена продукция только по 6 позициям из 34 [20, л. 59].

Однако, несмотря на складывающийся дефицит с материалами, городские власти смогли найти выход из сложившегося положения. Так, под руководством Липецкого городского исполнительного комитета депутатов трудящихся (Липецкий горисполком) к сентябрю 1945 г. были сделаны большие подготовительные работы для дальнейшей прокладки трамвайных путей. Трамвайщикам удалось заготовить 10 тысяч куб. леса (для шпал, опор контактной сети и трамвайного парка), и провести земляные работы. Следует отметить, что к середине 1945 г. снабжение улучшилось. Народным комиссариатом черной металлургии СССР (Наркомчермет) было поставлено: через

управление Юго-Восточной железной дороги 400 тонн рельс и ещё столько же планировалось передать в 4-м квартале 1945 г., 80 тонн подкладок и накладок с Макеевского металлургического завода им. Кирова, 1 вагон путевых костылей и 2,5 тонны болтов с Магнитогорского металлургического завода [21, л. 80].

Отметим, что для проведения масштабных работ по строительству трамвайной инфраструктуры необходима была специализированная организация. Липецкий горисполком был не в состоянии осуществить своевременный ввод трамвайной системы в эксплуатацию, поэтому в докладной записке на имя заместителя Председателя СНК РСФСР А. Н. Косыгина от 17 сентября 1945 г. нарком коммунального хозяйства РСФСР В. И. Макаров просил обязать Наркомат жилищно-гражданского строительства РСФСР включить в план работ на 1946 г. прокладку 10 км трамвайных путей, строительство трамвайного депо и тяговой подстанции с общими затратами объемом 2,6 млн руб. [21, л. 80]

При этом, как считал нарком жилищно-гражданского строительства РСФСР В. И. Иванов, заняться строительством липецкого трамвая было решительно невозможно. В первую очередь из-за отсутствия рабочей силы и строительного оборудования для организации новой строительной конторы. Об этом ещё в августе 1945 г. сообщалось управляющему делами СНК СССР Я. Е. Чадаеву. Наркомгражданстрой РСФСР настаивал на том, что у Липецкого городского коммунального отдела есть строительная контора, способная вести строительство, а значит, запуск трамвая со всеми коммуникациями оставался делом Наркомхоза РСФСР и Липецкого горисполкома [20, л. 99].

Основываясь на имеющихся в Государственном архиве Российской Федерации материалах, можно с уверенностью сказать, что отдельного строительного треста для ввода в эксплуатацию липецкого трамвая в системе Наркомгражданстроя РСФСР создано не было.

Таблица 1. Титульный список строительства в г. Липецке [22, л.1]**Table 1.** Title list of construction in Lipetsk [22, l. 1]

Наименование объектов	Полная сметная стоимость, тыс.руб.	Выполнено работ на 1 января 1946 г., тыс. руб.	План по сметной стоимости на 1946 г., тыс. руб.
Строительство трамвая (всего)	5565	400, 6	1350, 0
Строительство депо	1228,3	-	75,0
Строительство рельсового пути	1224,6	246,4	970,0
Строительство тяговой подстанции	343,8	-	218,0
Содержание дирекции	36,04	-	25,0
Строительство временных зданий	85,9	-	40,0
Проектно-сметные работы	136,26	-	12,0
Приобретение транспорта и механизмов	-	-	10,0

Как следует из данных таблицы 1, для организации трамвайного движения в Липецке была отпущена внушительная сумма в 5,5 млн руб. Она оказалась несколько меньше суммы, заложенной в предвоенный проект. На наш взгляд, это объяснялось просто меньшим масштабом работ, которые пришлось на послевоенный период восстановления советской экономики. И как следствие, дефицит материалов не позволял интенсивно вести строительные работы. Ресурсы осваивались быстрее, чем осуществлялись те или иные поставки по фондам отраслевых ведомств.

Первоначально городскими властями дефицит рабочей силы компенсировался за счет мобилизации гражданского населения. В 1946 г. по ходатайству советских и партийных властных структур Воронежской области работы были переданы Министерству строительства предприятий тяжелой индустрии СССР (Минтяжстрой) в лице подрядной организации ОСМУ-11 (особое строительное-монтажное управление) [23, л. 165].

Данное обстоятельство положительно сказалось на проведении строительных работ. Они стали профессиональнее, нежели при *мобилизационном строительстве*.

Уже к 1 июля 1946 г. на 95% было подготовлено земляное полотно для прокладки рельсового пути. Также было уложено 4 км трамвайных путей, заготовлено 4000 куб. м деловой древесины и начались работы по сооружению здания тяговой распределительной подстанции. Однако в письме Липецкого горкома ВКП(б) на имя депутата Верховного Совета СССР, начальника Генерального штаба Вооружённых сил СССР Маршала Советского Союза А. М. Василевского от 10 июня 1946 г. сообщалось о том, что в июле 1946 г. работы могут быть приостановлены из-за отсутствия у подрядной организации 200 тонн рельс, 6 стрелочных переводов, специального трансформатора мощностью 1000 кВт и ртутного выпрямителя к нему типа РВ-10. Причем обращения в Наркомхоз РСФСР и Совет Министров РСФСР не поспособствовали

поставкам оборудования [23, л. 165]. Здесь следует отметить, что существовавший острый дефицит ртутных выпрямителей в отрасли коммунального хозяйства не позволял удовлетворить просьбу Липецкого горкома ВКП(б), а требовавшиеся рельсы ещё в конце 1945 г. обещал поставить Наркомат черной металлургии СССР.

Маршалом Советского Союза А. М. Василевским было принято во внимание обращение Липецкого горкома ВКП(б) и в письме на имя заместителя Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина от 27 июля 1946 г. он просил выделить для Липецка 5 трамвайных вагонов, 200 тонн рельс и прочих материалов, указывая, что «в этом большом деле ...могли бы безболезненно помочь Моссовет и Министерство путей сообщения» [23, л. 166].

О выделении 400 тонн рельс Совет Министров СССР просил и председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов. На их поставку в 3-м квартале 1946 г. по телефону ответил согласием министр черной металлургии И. Ф. Тевосян [23, л. 163]. Вопрос, рассмотренный на высшем правительственном уровне о материальном обеспечении липецкого трамвая, был успешно решен. Об этом свидетельствует сообщение Воронежского областного отдела коммунального хозяйства от 3 декабря 1946 г. начальнику Главтрамвая К. К. Клопотову [24, л. 54].

Таким образом, к концу 1946 г. в результате активных строительных работ было проложено 8 км трамвайных путей, по которым временно организовали движение железнодорожных вагонов с моторной тягой для перевозки грузов. На 95% было построено здание тяговой распределительной подстанции. Работы по сооружению трамвайного парка находились в начальной стадии, успели вырыть котлован и подвести камень для фундамента. Из предусмотренных планом 1 млн руб. было освоено 960 тыс. руб.

[25, л. 44] Как следствие, под прием трамвайных вагонов было приспособлено небольшое помещение на территории Липецкого паровозного депо, к которому проложили соединительную ветку [25, л. 45].

Трамвайное движение, в котором особо нуждался город, могло быть запущено в самом начале 1947 г. Не хватало только подвижного состава и оборудования для тяговой распределительной подстанции. Необходим был тот самый ртутный выпрямитель типа РВ-10. Министерство сельскохозяйственного машиностроения СССР, в чьем подчинении находился Липецкий тракторный завод, было заинтересовано в скорейшем пуске движения и выделило из своих фондов: инвентарь для ремонтных мастерских, оборудование и бронекабель для тяговой подстанции. О принятом решении министр сельскохозяйственного машиностроения СССР П. Н. Горемыкин уведомил начальника Главтрамвая К. К. Клопотова 6 марта 1947 г. и попросил выделить для Липецка 10 моторных и 10 прицепных вагонов, два комплекта ртутных выпрямителей типа РВ-10 с трансформаторами [19, л. 62].

Министерство коммунального хозяйства РСФСР не имело в наличии нового, а главное свободного подвижного состава. Однако решение было найдено. Липецкому горисполкому предлагалось передать 10 моторных и 4 прицепных двухосных неисправных вагонов, находившихся в Саратовском трамвайном хозяйстве, но при условии их обязательного ремонта на предприятиях Министерства сельскохозяйственного машиностроения. Для подстанции был выделен один ртутный выпрямитель РВ-10 [19, л. 56].

О поставке 5 моторных и прицепных вагонов, одной автовышки и двух грузовых платформ двухосных грузовых моторных платформ с двумя прицепными грузовыми платформами просили Липецкие советские и партийные органы 17 февраля 1947 г. Председателя Совета

Министров РСФСР М. И. Родионова [19, л. 63].

7 ноября 1947 г. к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции трестом № 11 Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии СССР трамвай успешно был введен в эксплуатацию с трассой от Липецкого тракторного завода до дамбы [26, л. 50]. Материально-техническая база включала в себя: 8,5 км трамвайных путей, тяговую подстанцию, контактную сеть и 10 вагонов. Появление в Липецке нового вида общественного транспорта, на наш взгляд, стало закономерным результатом успешной работы местных советских и партийных органов государственной власти, отраслевых министерств республиканского и союзного значения, а также Правительства РСФСР и СССР. Особенно хотелось в запуске трамвайного движения отметить роль Высших органов управления, способствовавших тому, чтобы в кратчайшие сроки объекты линейной инфраструктуры и подвижной состав могли начать необходимую работу.

Следует отметить, что развитие Липецкой трамвайной сети было продолжено. И оно во многом определялось свёрстанным Воронежским областным советом коммунального хозяйства планом на 4-ю пятилетку (1946–1950 гг.). К 1950 г. предполагалось протянуть линию от дамбы через центр города к металлургическому заводу «Свободный Сокол». Материально-техническая база Липецкого трамвайного предприятия должна была включать 30 км рельсового пути, тяговую распределительную подстанцию, депо с вагоноремонтными мастерскими 30 моторных вагонов [27, л. 6].

Для соединения центральных городских кварталов с промышленным Левобережьем, с районами Новолипецкого металлургического и Липецкого тракторного заводов летом 1947 г. встал вопрос о прокладке трамвайной линии от дамбы через реку Воронеж к её правому берегу

длиной 2,5 км. На первое время предполагалось построить временные трамвайные пути по действующей дамбе, до ее перестройки. Указанная трамвайная линия была признана целесообразной. Разработка проектно-сметной документации была возложена на трест «Дортранспроект», представить которую он должен был 1 сентября 1947 г. [19, л. 139] Финансирование оценивалось в 800 тыс. руб., которые Воронежский облисполком просил у Совета Министров РСФСР [28, л. 63].

15 ноября 1947 г. на заседании бюро экспертизы Министерства коммунального хозяйства РСФСР был рассмотрен технический проект устройства трамвайной линии по дамбе, разработанный трестом «Дортранспроект». В связи с тем, что проект не содержал расчётные данные о фундаментах под опоры, не имел данных о старых мостах, комиссией было решено его отклонить и отправить на доработку. Также у комиссии возникло много вопросов по финансовым расчетам будущей трамвайной линии [29, л. 74–75].

Следует отметить, что для трамвайного предприятия г. Липецка не менее значимой оставалась проблема, связанная с отсутствием трамвайного парка. Вагоны размещались, как и прежде, в небольшом помещении на территории паровозного депо. Основной трудностью, мешавшей в кратчайшие сроки построить новое депо, было недостаточное финансирование. Министерство коммунального хозяйства РСФСР в 1948 г. могло выделить только 500 тыс. рублей [30, л. 79]. В январе 1948 г. Минкомхоз РСФСР обратился к министру черной металлургии СССР И. Ф. Тевосяну [30, л. 25] и к министру автомобильной и тракторной промышленности СССР С. А. Акопову [30, л. 26] с предложением принять участие в долевым строительстве трамвая, выделив для этого 1200 тыс. руб.

Указанные отраслевые министерства дали свое согласие на участие в строи-

тельстве как трамвайного депо, так и трамвайных путей длиной 3 км от дамбы через реку Воронеж до правобережной части города. Это объяснялось тем, что

преимущественно рабочие заводов их подчинения будут обслуживаться трамваем.

Таблица 2. Долевое участие в строительстве трамвайного депо и 3 км трамвайных путей в Липецке [30, л. 122]

Table 2. Equity participation in the construction of a tram depot and 3 km of tram tracks in Lipetsk [30, l. 122]

Министерство	Долевое участие, тыс. руб.
Автомобильной и тракторной промышленности СССР	1000
Черной металлургии СССР	1000
Коммунального хозяйства РСФСР	500

Как следует из данных предварительного распределения средств (табл. 2), наибольшую нагрузку на себя взяли министерства союзного значения. В 4-м квартале 1948 г. дополнительно были выделены 300 тыс. руб. на сооружение линии по дамбе [30, л. 301].

Отметим, что строительство трамвайного депо в Липецке затягивалось, и если вопросы с финансированием работ были успешно разрешены, то в 1949 г. появилась новая проблема. Строительная организация «Липецкстрой» Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии была загружена заказами по строительству предприятий металлургии, вследствие чего не представлялось возможным заняться работой по сооружению трамвайного парка [31, л. 3]. Однако министром строительства предприятий тяжелой индустрии П. А. Юдиным было предложено сократить «Липецкстрою» объем работ на указанных выше объектах. На данное предложение был получен по-

ложительный ответ от Министерства металлургической промышленности, согласившегося с выполнением работ по строительству трамвайного депо в объеме 500 тыс. руб. за счет программы строительства Новолипецкого металлургического завода [31, л. 4].

Важно подчеркнуть, что несмотря на указанные обстоятельства в 1950 г. трамвайное депо частично было введено в эксплуатацию, и по состоянию на 1951 г. липецкое трамвайное хозяйство в своем наличии имело 10,8 км одиночного эксплуатационного пути и 23 пассажирских вагона [32, л. 18].

Для характеристики результатов функционирования липецкого трамвая, который полноценно начал осуществлять транспортировку горожан с 1948 г., важно определить динамику таких показателей, как «перевозка пассажиров» и «пробег вагонов», данные которых отражены в таблице 3.

Таблица 3. Показатели работы липецкого трамвая в 1948-1950 гг. [32, л. 18; 33, л. 13; 34, л. 137-139]

Table 3. Performance indicators of the Lipetsk tram in 1948-1950 [32, l. 18; 33, l. 13; 34, l. 137-139]

Показатель	1948		1949		1950	
	план	отчет	план	отчет	план	отчет
Пробег вагонов, тыс. ваг./км	470,0	488,8	790,0	767,8	900,0	1205,0
Перевезено пассажиров, тыс. чел.	4200,0	1889,1	4200,0	4024,0	4300,0	5497,0

Как следует из данных таблицы 3, наиболее эффективно трамвай стал работать в 1950 г. Для этого есть вполне объективные причины. По сравнению с 1948 г. была увеличена трамвайная сеть на 3 км и подвижной состав на 13 вагонов, что позволило увеличить перевозку пассажиров, пользовавшихся трамваем и в правобережной, и в левобережной части города. Пользование трамваем стало увеличиваться с ноября 1948 г., когда была сдана линия на правый берег. Следует признать, что, несмотря на проделанную работу по организации нового вида общественного транспорта в Липецке, планы 4-й пятилетки (1946–1950 гг.) были выполнены не до конца: по-прежнему нуждались в транспортных перевозках работники металлургического завода «Свободный Сокол».

Выводы

Таким образом, как показал анализ документальных источников, в послевоенный восстановительный период отрасль городского электрического транс-

порта продолжала развиваться, несмотря на все сложности. Свидетельством этому служит организация трамвайного движения в таком мощном индустриальном городе, как Липецк. Безусловно, основным драйвером для появления электрического трамвая послужили мощные предприятия в сфере машиностроения и металлургии и общее расширение городской агломерации. В рассматриваемый исторический период, как нами было установлено, огромное значение приобрела тесная связь между высшими органами государственной власти, отраслевыми министерствами и местными властными структурами, позволявшими в достаточно короткий срок решить возникающие проблемы от дефицита материалов и оборудования до вопросов финансирования. И это лишний раз подтверждает, что в рамках советской экономической системы решающее значение играла мобильность и возможность оперативно реагировать на проблемы экономического развития страны.

Список литературы

1. Клопотов К. К. Подвижной состав городского электротранспорта за рубежом. М.: Изд-во М-ва коммун. хозяйства РСФСР, 1958. 253 с.
2. 50 лет Ленинградского трамвая / Г. М. Кнерель, Я. Н. Лернер, В. И. Позднеев [и др.]. М.: Изд-во М-ва коммун. хозяйства РСФСР, 1957. 237 с.
3. Тархов С. А. Курскому трамваю 100 лет // Вестник городского электрического транспорта России. 1998. № 3. С. 28–34.
4. Тархов С. А. Орловскому трамваю 100 лет // Вестник городского электрического транспорта России. 1999. № 2. С. 25–27.
5. Розалиев В. В. Трамвай Владивостока: краткий исторический очерк. М.: [Б. и.], 2014. 130 с.
6. Розалиев В. В. Городской электротранспорт: из истории государственного управления. М.: [Б. и.], 2004. 278 с.
7. Горшенин А. В. Городской транспорт Среднего Поволжья в 1941–1950 гг. Самара: Офорт, 2018. 328 с.
8. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
9. Кожушко Ю. Н. Условия труда производственного персонала трамваев в городах Челябинской области в 1930-е гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 23–28. <https://doi.org/10.14529/ssh230203>.

10. Городской электрический транспорт в России, СССР и Российской Федерации / под ред. Ю. М. Коссого. Н. Новгород : Штрих-Н, 2007. 368 с.
11. Шпаков И. В. Становление и развитие трамвайного транспорта в Центральном Черноземье в конце XIX – начале XX вв. Чарлстон: CreateSpace, 2015. 145 с.
12. Горшенин А. В. К вопросу о становлении трамвайного движения в г. Ульяновске // Самарский научный вестник. 2017. №1 (18). С. 129–134.
13. Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. Юбилейный статистический сборник. М.: Статистика, 1972. 847 с.
14. Из истории Липецкого края. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1965. 174 с.
15. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6251. Л. 9.
16. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6428.
17. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6351.
18. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 233.
19. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1810.
20. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 47. Д. 3074.
21. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 454.
22. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 535.
23. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 48. Д. 3081.
24. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 536.
25. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 492.
26. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1852.
27. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 64.
28. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1811.
29. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1894.
30. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 2606.
31. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 5000.
32. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 6466.
33. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 3370.
34. ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 4408.

References

1. Klopotov K. K. Podvizhnoj sostav gorodskogo jelektrotransporta za rubezhom [Rolling stock of urban electric transport abroad]. Moscow, Izd-vo M-va kommun. hozjajstva RSFSR, 1958. 253 p.
2. Knerel G. M., Lerner Ja. N., Pozdneev V. I., eds. 50 let Leningradskogo tramvaja [50 years of the Leningrad tram]. Moscow, Izd-vo M-va kommun. hozjajstva RSFSR, 1957. 237 p.
3. Tarkhov S. A. Kurskomu tramvayu 100 let [The Kursk tram is 100 years old]. *Vestnik gorodskogo elektricheskogo transporta Rossii = Bulletin of urban electric transport of Russia*, 1998, no. 3, pp. 28–34.
4. Tarkhov S. A. Orlovskomu tramvayu 100 let [Oryol tram is 100 years old]. *Vestnik gorodskogo elektricheskogo transporta Rossii = Bulletin of urban electric transport of Russia*, 1999, no. 2, pp. 25–27.
5. Rozaliev V. V. Tramvai Vladivostoka: kratkii istoricheskii ocherk [Vladivostok tram: a brief historical sketch]. Moscow, 2014. 130 p.
6. Rozaliev V. V. Gorodskoi elektrotransport: iz istorii gosudarstvennogo upravleniya [Urban electric transport: from the history of public administration]. Moscow, 2004. 278 p.
7. Gorshenin A. V. Gorodskoi transport Srednego Povolzh'ia v 1941–1950 gg. [Urban Transport of the Middle Volga Region in 1941–1950]. Samara, Ofort Publ., 2018. 328 p.

8. Orlov I. B. Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniya [Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Formation]. Moscow, HSE University Publishing House, 2010. 317 p.
9. Kozhushko Y. N. Usloviya truda proizvodstvennogo personala tramvaev v gorodakh Chelyabinskoi oblasti v 1930-e gg. [Working conditions of tram production personnel in the cities of the Chelyabinsk region in the 1930s]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki* = *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 2023, no. 2, pp. 23–28. <https://doi.org/10.14529 /ssh230203>.
10. Gorodskoj elektricheskij transport v Rossii, SSSR i Rossijskoj Federacii [Urban electric transport in Russia, the USSR and the Russian Federation]; ed. by Yu. M. Kossoj. Nizhnii Novgorod, Shtrih-N Publ., 2007. 368 p.
11. Shpakov I. V. Stanovlenie i razvitie tramvajnogo transporta v Central'nom Chernozem'e v konce XIX – nachale XX vv. [Formation and development of tram transport in the Central Chernozem region in the late XIX – early XX centuries]. Charlston, CreateSpace, 2015. 145 p.
12. Gorshenin A. V. K voprosu o stanovlenii tramvajnogo dvizheniya v g. Ul'janovske [On the issue of the establishment of tram traffic in Ulyanovsk]. *Samarskij nauchnyj vestnik* = *Samara Scientific Bulletin*, 2017, no. 1 (18), pp. 129–134.
13. Narodnoe hozjajstvo SSSR 1922–1972 gg. Jubilejnyj statisticheskij sbornik [National economy of the USSR 1922–1972. Anniversary statistical collection]. Moscow, Statistika Publ., 1972. 847 p.
14. Iz istorii Lipeckogo kraja [From the history of the Lipetsk region]. Voronezh, Centr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1965. 174 p.
15. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. A-314, op. 1, d. 6251.
16. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6428.
17. GARF, f. A-314, op. 1, d. 6351.
18. GARF, f. R-5446, op. 1, d. 233.
19. GARF, f. A-314, op. 2, d. 1810.
20. GARF, f. R-5446, op. 47, d. 3074.
21. GARF, f. A-314, op. 2, d. 454.
22. GARF, f. A-314, op. 2, d. 535.
23. GARF, f. R-5446, op. 48, d. 3081.
24. GARF, f. A-314, op. 2, d. 536.
25. GARF, f. A-314, op. 2, d. 492.
26. GARF, f. A-314, op. 2, d. 1852.
27. GARF, f. A-314, op. 2, d. 64.
28. GARF, f. A-314, op. 1, d. 1811.
29. GARF, f. A-314, op. 2, d. 1894.
30. GARF, f. A-314, op. 2, d. 2606.
31. GARF, f. A-314, op. 2, d. 5000.
32. GARF, f. A-314, op. 2, d. 6466.
33. GARF, f. A-314, op. 2, d. 3370.
34. GARF, f. A-314, op. 2, d. 4408.

Информация об авторе / Information about the Author

Давыдов Алексей Сергеевич, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: oi46@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9177-3903

Alexey S. Davydov, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: oi46@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9177-3903

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(470.5)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-205-219>

Сценический репертуар советского регионального театра в период позднего социализма

С. А. Заельская¹ ✉

¹ Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, д. 14, г. Оренбург 460014, Российская Федерация

✉ e-mail: sv_a_z@mail.ru

Резюме

Актуальность. Обращение к репертуарной политике театров актуально в связи с тем, что изучение репертуара позволяет проследить не только основные направления художественных процессов, но и специфику социальных изменений изучаемой эпохи.

Цель исследования: изучить специфику процесса формирования и воплощения в жизнь сценического репертуара театров Урала в политико-идеологических условиях «развитого социализма».

Задачи. Для достижения поставленной цели исследования были сформулированы следующие задачи: охарактеризовать общие принципы формирования сценического репертуара и практический механизм его составления; изучить тематику и жанровую структуру репертуарных планов региональных театров в поздний советский период.

Методология. Методологической основой исследования стал системно-исторический подход, позволяющий изучить репертуарную политику как систему, функционирующую в социально-политической среде эпохи позднего социализма.

Результаты. Сценический репертуар являлся выражением творческого поиска театральных коллективов, осуществлявшегося в условиях компромисса с официальной политикой государства, правящей партии и естественным ходом художественно-эстетического процесса. С точки зрения идеологии и приверженности партийным установкам в репертуарных планах театров выделялись «зрелые идейно-художественные» и «кассовые» произведения. Ведущее место заняли пьесы современных советских драматургов. Национальная направленность театров многонационального Урала проявилась в воплощении на сценах произведений национальных драматургов. Особенностью эпохи стало введение пьес для детей и юношества в репертуарные планы не только театров, специализирующихся на молодежной публике, но и оперных и драматических коллективов.

Вывод. Репертуар уральских театров был представлен разнообразными произведениями и строился с учетом требований эпохи. Осуществление репертуарной политики театров способствовало вовлечению различных социально-демографических групп населения в театральный процесс, расширению и усложнению культурного пространства изучаемой эпохи.

Ключевые слова: сценический репертуар; работники сцены; драматургия; профессиональное искусство; театральная культура; Урал.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Заельская С. А. Сценический репертуар советского регионального театра в период позднего социализма // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 205–219. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-205-219>.

Поступила в редакцию 16.12.2023

Принята к публикации 22.01.2024

Опубликована 28.02.2024

Stage Repertoire of the Soviet Regional Theater During the Period of Late Socialism

Svetlana A. Zaelskaya¹ ✉

¹Orenburg State Pedagogical University
14 Sovetskaya Srt., Orenburg 460014, Russian Federation

✉ e-mail: sv_a_z@mail.ru

Abstract

Relevance. Addressing the repertoire policy of theaters is relevant due to the fact that the study of the repertoire allows us to trace not only the main directions of artistic processes, but also the specifics of social changes of the era being studied.

Purpose of the study: to study the specifics of the process of formation and implementation of the stage repertoire of theaters in the Urals in the political and ideological conditions of “developed socialism”.

Objectives. To achieve the research goal, the following tasks were formulated: to characterize the general principles of the formation of the stage repertoire and the practical mechanism for its compilation; study the themes and genre structure of the repertoire plans of regional theaters in the late Soviet period.

Methodology. The methodological basis of the study was a systemic-historical approach, which allows us to study repertoire policy as a system functioning in the socio-political environment of the era of late socialism.

Results. The stage repertoire was an expression of the creative search of theater groups, carried out in conditions of compromise with the official policy of the state, the ruling party and the natural course of the artistic and aesthetic process. From the point of view of ideology and adherence to party guidelines, “mature ideological and artistic” and “box office” works stood out in the repertoire plans of theaters. The leading place was occupied by the plays of modern Soviet playwrights. The national orientation of the theaters of the multinational Urals was manifested in the embodiment of the works of national playwrights on the stages. A feature of the era was the introduction of plays for children and youth into the repertoire of not only theaters specializing in youth audiences, but also opera and drama groups.

Conclusion. The repertoire of the Ural theaters was represented by a variety of works and was built taking into account the requirements of the era. The implementation of the repertoire policy of theaters contributed to the involvement of various socio-demographic groups of the population in the theatrical process, the expansion and complexity of the cultural space of the era under study.

Keywords: stage repertoire; stage workers; dramaturgy; professional art; theatrical culture; Ural.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zaelskaya S. A. Stage Repertoire of the Soviet Regional Theater During the Period of Late Socialism. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(1): 205–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-205-219>

Received 16.12.2023

Accepted 22.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

Изучение репертуарной политики театров Урала представляется значимым в силу той социально-идеологической ценности, которую несет в себе сценический репертуар как фундаментальная аксиологическая основа функционирования театра. Именно через репертуар театр творче-

ски выражается, коммуницирует со зрительской аудиторией, воспринимает ее потребности и одновременно распространяет художественные ценности, востребованные в общественной жизни. Репертуар представляет собой «художественную продукцию, ради которой существует театр» [1, л. 48], основание театральной жизни, наиболее полно отражающее

ландшафт идейно-художественной среды, взаимодействия театра и зрительской аудитории. Сценический репертуар театров Урала отражал культуру региона, идеологию, экономику, а репертуар конкретного творческого коллектива демонстрировал его идейно-художественную позицию, творческое своеобразие и уникальность. Театр выражается через спектакль, представляющий собой «вариант реализации художественного диалога, способ передачи идей, впечатлений, художественных образов посредством актерской игры, сценографии, музыкального оформления» [2, с. 1920]. В этой связи исследование сценического репертуара представляется актуальным. Именно через репертуар происходило как эстетико-художественное выражение театрального коллектива, так и воздействие на социум, общественное мнение и мировосприятие конкретного человека.

В историографическом освещении проблемы прослеживается определенный интерес ученых к проблемному полю театральной репертуарной политики. Исследования С. Д. Бортникова [3], С. А. Заельской [4], Ю. К. Трояковой [5], О. А. Уваровой [6], Т. У. Эльбуздукаевой [7] и ряда других авторов посвящены истории развития региональных театров в контексте функционирования социокультурной сферы и затрагивают репертуарную политику театров в том числе и в период позднего социализма. «Резонансно-динамическую природу изменений в театральном процессе» через анализ трансформаций в сценическом языке, в репертуаре, в звучании спектаклей театров Пермской области изучила Г. П. Ивинских [8]. В. Н. Дмитриевский обосновал идею о том, что «в повседневной афише театра воплощалось многообразие связей театрального процесса, именно в репертуаре, механизмах его формирования и эксплуатации наиболее полно выражался социальный контекст художественной жизни» [9, с. 494].

Внутренние и внешние факторы, воздействующие на формирование репертуара балетного театра, изучены в статье И. В. Ивановой. Автор приходит к выводу о прямой зависимости успешности театра от системы и стиля руководства [10, с. 131]. Изучению подверглись механизмы формирования сценического репертуара в контексте характеристики форм и методов управления культурой, общей социально-политической ситуации [11; 12]. Представленные работы затрагивают разноплановые аспекты репертуарной политики театров, как в масштабах страны, так и отдельных регионов. Однако изучение сценического репертуара театров Урала в условиях позднего социализма требует реконструкции и системного изучения.

Методология

Исследование выполнено с применением системно-исторического подхода, позволившего рассматривать репертуарную политику региональных театров как важнейший элемент в структуре советского театрального искусства. Специфика функционирования театра в условиях политико-идеологической среды позволяет объяснить механизмы формирования и воплощения в действительность репертуарных планов театральных коллективов. В основе исследования лежат принципы объективности и историзма – основополагающие принципы исторической науки, позволившие реконструировать и объяснить репертуарную политику уральских театров эпохи. Достижение цели исследования стало возможным в связи с применением проблемно-хронологического, системно-исторического, ретроспективного методов исторического исследования с опорой на приемы логического мышления.

Работа выполнена с привлечением широкого круга архивных материалов, извлеченных автором из 19 фондов 7 архивохранилищ Урала, материалов статистики, законодательных актов, источни-

ков личного происхождения. Делопроизводственные архивные материалы, данные статистики, постановления партии и государства позволили реконструировать процесс формирования и воплощения репертуара в творческой деятельности театров Урала в период позднего социализма.

Результаты и их обсуждение

Репертуарная политика представляет собой инструмент, который позволяет руководству театра сбалансировать интересы творческого коллектива, интересы зрителей и экономические интересы театра и подчинить их миссии театра в целом. Советский театр следовал возложенной на него миссии «формирования идейно-эстетических идеалов в русле коммунистической идеологии» [13, л. 8], должен был «активно участвовать в становлении нового коммунистического человека» [14, л. 98].

В условиях идеологии «развитого социализма», утвердившейся в изучаемую эпоху, театральные коллективы испытывали воздействие контроля со стороны партийных органов, обязаны были следовать букве партийных решений, «неукоснительно соблюдать жесткие идеологические каноны» [12, с. 133]. Советский репертуар выстраивался на принципах партийности и народности, развивал традиции социалистического реализма, должен был отличаться тематическим и жанровым разнообразием, поощрять зрителя к лучшим произведениям советской, прогрессивной зарубежной драматургии, отечественной и мировой классики, способствовал духовному обогащению советского человека, формированию его нравственных убеждений и эстетических вкусов [15, с. 365].

Модель функционирования театральных коллективов в период позднего социализма выстраивалась на принципах строгой централизации и подконтрольности государству, его политике и идеологическим установкам. В самих театрах

велось обязательное «идейно-политическое воспитание кадров», работали кружки по изучению марксистско-ленинской эстетики и текущей политики [16, л. 27]. Финансовая зависимость театров от государства выражалась в том числе и в наличии плана с производственными показателями у каждого театра. Театры обязаны были выполнять производственные планы, идеологические установки, решать возложенные на них задачи. Эти обстоятельства определяли репертуарную политику, при формировании которой важно было учесть все регламентируемые партией и государством аспекты деятельности, как художественно-эстетические, так идеологические и финансовые.

Формирование сценического репертуара являлось делом сложным и ответственным, находилось под воздействием широкого спектра факторов: от требований развития художественно-эстетических процессов до соблюдения условий, выдвигаемых властью. Репертуарный план подлежал обсуждению на партбюро, на партсобраниях, в творческих коллективах самих театров [1, л. 47]. Сценический репертуар театров формировался и утверждался на заседании художественного совета театра в соответствии с заранее утверждённой процедурой. В ходе заседаний совета обсуждению подлежали вопросы качества выпускаемых спектаклей, давались рекомендации по созданию идейно-художественного репертуара. С этой целью в состав художественного совета входили представители партийных, советских и профсоюзных органов [17, л. 85].

Следующей стадией являлось обсуждение репертуарного плана на коллегиях курирующих театры органов управления культуры [11, с. 37, 96]. Так, созданная в 1969 г. при Оренбургском областном управлении культуры репертуарная комиссия состояла из 24 человек. В состав комиссии входили представители управления культуры, областных, городских и районных комитетов КПСС, об-

ластных комитетов профсоюзов, областного отделения театрального общества, заведующий отделом культуры, главные режиссеры театров и художественные руководители филармонии. Репертуарная комиссия совместно с коллегией управления культуры предварительно знакомилась с предлагаемым репертуаром театров, принимала участие в его формировании, обсуждении и утверждении, просматривала новые спектакли театров, обсуждала и принимала их [18, л. 49].

Репертуар утверждался при условии его соответствия ряду принципов. К ним относились следующие: обязательная постановка спектакля к юбилейным датам в героико-революционной жизни страны; тематическое планирование репертуара, с включением в план классической пьесы, произведения на современную тематику историко-революционного, военно-патриотического и производственного плана [19, с. 129–130]. Репертуарные коллегии оказывались в противоречивой, практически мало разрешимой ситуации утверждения репертуара при необходимости «совмещать высокую идейность, художественное качество и востребованность зрительской аудиторией» [11, с. 133]. В изучаемый период случались ситуации «покровительства отдельным деятелям культуры или даже коллективам» со стороны партийных и государственных работников высокого ранга [19, с. 62]. Так, местные власти в Перми достаточно благожелательно относились к театрам: «не вмешивались в творческие дела», в то время как в соседней Свердловской области высокопоставленные чиновники театральным коллективам «ставить ничего не разрешали» [8, с. 451–452].

Определенную помощь в решении изучаемой проблемы оказывало Всероссийское театральное общество (ВТО), ведущими направлениями деятельности которого являлись содействие «в формировании репертуарной политики театров» [20, л. 66], «участие в работе художественных советов театров» [21, л. 3].

Свердловский государственный Академический театр оперы и балета имени А. В. Луначарского знакомил свою потенциальную аудиторию с новыми постановками и исполнителями через устный журнал «Творчество» Свердловского отделения ВТО [22, л. 11].

Региональное отделение ВТО в Башкирской АССР предоставляло театрам консультационные материалы по подготовке нового репертуара. К примеру, подобная помощь была оказана обществом Башкирскому государственному академическому театру драмы им. Мажита Гафури при подготовке спектакля «Власть тьмы», Республиканскому русскому театру драмы в работе над пьесами «Угрюм-река» и «Трактирщица», Сибайскому целлинному театру драмы в постановке спектакля «Тартюф» [23, л. 18]. По инициативе Челябинского отделения ВТО систематически проводили работу в творческих театральных коллективах области приглашенные критики и искусствоведы из Москвы, Ленинграда, Свердловска. Например, в течение 1966–1968 гг. в Челябинском государственном театре оперы и балета имени М. И. Глинки в обсуждении десяти спектаклей приняли участие столичные критики и специалисты в театральном деле: кандидат искусствоведения Николай Иосифович Эльяш (1916–1990 гг.), музыковед Татьяна Ильинична Карышева (1909–1993 гг.) [24, л. 4].

В изучаемую эпоху на развитие общества и профессионального искусства оказывал существенное влияние научно-технический прогресс, позволяющий театрам опробовать инновационные каналы коммуникации со зрителем, внедрить в творческий процесс новые формы и методы работы. Через прессу, радио и телевидение руководство театров знакомило зрителей с репертуарными планами, новыми постановками и отдельными исполнителями. Существенную роль в этом процессе играли средства массовой информации, и прежде всего телевидение. Так, Свердловский государственный те-

атр оперы и балета совместно со Свердловской студией телевидения 6 декабря 1964 г. организовал передачу «Вечер советской оперы», в которой были показаны сцены из спектаклей, с участием зрителей было проведено обсуждение работы театра над оперными произведениями советских авторов [22, л. 9].

Удмуртское телевидение усилило содержание «Театральной программы», акцентировавшей внимание на партийной теме в репертуаре театральных коллективов автономной республики, стало уделять больше внимания рассказам о лучших спектаклях. В телепередачах «Семь нот» и «Телевизионный концертный зал» посредством телевизионного вещания зрители имели возможность познакомиться с творчеством Пермского государственного ордена Трудового Красного Знамени Академического театра оперы и балета им. П. И. Чайковского [25, л. 78].

Свой вклад в раскрытие репертуарной темы вносила пресса. Так, в Пермской области к началу 1980-х гг. отмечалось повышение уровня театральных публикаций, фиксировался количественный рост статей по вопросам театрального искусства региона. В местной печати только в 1982 г. было опубликовано 29 театральных рецензий, большое число статей журналиста Н. Надеждиной, посвященных истории постановки спектаклей [26, л. 15, 18].

Анализ делопроизводственных региональных партийных архивных материалов показывает, что с точки зрения идеологии и следования партийным установкам в репертуарных планах театров выделялись два вида сценических произведений: «зрелые идейно-художественные» и «кассовые». Само наименование указывает на противопоставление и несовместимость понятий идейных спектаклей и «кассовых». Последние приносили театрам прибыль, выполнение плановых показателей, зачастую пользовались популярностью у зрительской аудитории. Противоречие между идейными установ-

ками власти и запросами зрителей налицо. Зрительская аудитория не находила ответов на вызовы эпохи в «идейно-художественных произведениях», в то время как классика и прочие «кассовые» спектакли отвечали запросам и пользовались популярностью.

Репертуарные планы театров Урала были преимущественно заполнены произведениями бесспорной идеологической значимости. Так во второй половине 1960-х гг. в репертуаре театров Удмуртии появились произведения «Моё сердце с тобой» (Музыкальный драматический театр), «У времени в плену», «Первый день свободы», «Конец Хитрова рынка» (Русский драматический театр им. В. Г. Короленко), «Василий Теркин», «Раскинулось море широко», «Поднятая целина» (Сарапульский государственный драматический театр) [14, л. 98].

Характерно, что в 1970-е гг. в репертуарных планах советских театров существенное место занимали пьесы на тему современности, о людях труда. В указанных произведениях драматургии поднимали вопросы «нравственных аспектов человеческих отношений на производстве» [27, с. 139]. Среди них заметна пьеса И. М. Дворецкого «Человек со стороны», отражающая острые проблемы производственных отношений в контексте нравственного восприятия действительности. Пьеса свердловского писателя и драматурга Г. К. Бокарева «Сталевары» отличалась детальным знанием жизни и быта сталеваров, была включена в театральные афиши 80 театров СССР, транслировалась по радио и телевидению [28, л. 3].

В репертуарные планы театров Урала обязательно включались пьесы о рабочем классе и современной деревне. В сезон 1970–1971 гг. Пермский, Березниковский и Кизеловский театры драмы включили в свой репертуар лирическую драму о советской деревне «Синие дожди» Ю. К. Петухова, Кудымкарский драматический театр осуществил постановку спектакля «Поднятая целина» М. А. Шо-

лохова о первых годах коллективизации. Пермский академический театр драмы поставил пьесу «Рабочая хроника» местного драматурга Бориса Александровича Черенёва (1927–1998 гг.) [29, л. 6]. Отсутствие в репертуарном плане «масштабных произведений» о рабочем классе партийными органами признавалось существенным недостатком в работе театра, как это произошло, к примеру, с Челябинским государственным академическим театром драмы имени С. М. Цвиллинга в 1977 г. [30, л. 24]

Театры обязаны были реагировать на юбилейные мероприятия, проводившиеся в СССР с большим размахом [11, с. 85], готовить постановку к очередному съезду партии. В 1967 г. отмечалось пятидесятилетие советской власти. Специально к годовщине установления советской власти в Оренбургской области Бугурусланским городским драматическим театром им. Н. В. Гоголя была поставлена драма в трёх действиях «Молодые годы Оли Свиридовой» оренбургского драматурга Владимира Ивановича Пистоленко (1908–1973 гг.). Постановка оказалась удачной, получила хорошие отзывы зрительской аудитории и критики [16, л. 25]. Определились с программой к 50-й годовщине все театры Свердловской области. Свердловский драматический театр выпустил в честь юбилея спектакль М. Ф. Шатрова «Шестое июля» и М. Горького «Мещане». Театр юного зрителя поставил спектакль о Я. М. Свердлове и подготовил пьесу «Мы веселые ребята» Ю. Г. Томина. Свердловский государственный академический театр оперы и балета имени А. В. Луначарского подготовил спектакли «Анна Снегина» композитора А. Н. Холминова, «Товарищ Андрей» Б. Д. Гибалина [15, с. 354].

Театральные коллективы Челябинской области, выполняя постановление бюро обкома КПСС и облисполкома «Об итогах областного совещания актива по актуальным вопросам культурного строительства», в 1977 г. к очередному юбилею

Советской власти осуществили постановку ряда сценических произведений. Так, Челябинский государственный театр оперы и балета посвятил предстоящему юбилейному событию оперу «Иркутская история» М. В. Карминского, Магнитогорский драматический театр имени А. С. Пушкина поставил спектакль «Расстрелянный ветер» С. В. Мелешина, Златоустовский драматический театр имени 10-летия Октября ввел в репертуар пьесу в трех актах «Оптимистическая трагедия» В. В. Вишневского [3, л. 1]. Далеко не всегда «съездовские спектакли» пользовались популярностью у зрителей. Так, в 1965 г. Свердловским академическим театром драмы к предстоящему съезду партии была поставлена драма А. П. Штейна «Вдовец». В своих воспоминаниях актер театра Борис Захарович Молчанов (1912–1984 гг.) характеризует ее как «пьесу туманную, надуманную, мрачную», спектакль по которой «вышел еще мрачнее и обком вынужден был его снять после просмотра» [31].

Произведения советских драматургов преобладали в сценических репертуарных планах театров Урала. К примеру, театральные коллективы Свердловской области в сезон 1973 г. в общей сложности поставили 79 спектаклей, из которых 65 пьес были созданы советскими писателями [32, л. 7]. Аналогичная тенденция прослеживается и в других регионах Урала. Башкирским государственным академическим театром драмы им. Мажита Гафури с 1976 по 1980 г. было поставлено 30 спектаклей, из которых 18 – современных башкирских драматургов, 2 – башкирских классика, 3 – современных татарских драматургов, остальные 7 – русская и зарубежная классика, пьесы авторов братских республик [33, л. 1]. В репертуаре театров Челябинской области в 1980 г. присутствовало 135 наименований сценических постановок, из числа которых 72 пьесы были созданы советскими драматургами [34, л. 22]. В течение следующего года в количественных показа-

телях театров области прослеживается устойчивая тенденция к увеличению постановок вышеназванных пьес. В сводном репертуаре театров Челябинской области в 1981 г. насчитывалось 170 названий произведений, из них 90 – советских авторов, 25 – русской классики, 55 – зарубежных авторов [35, л. 1]. В одном только Челябинском государственном академическом театре драмы имени С. М. Цвиллинга в 1984 г. репертуарный план состоял из 16 спектаклей, из которых: 10 – современной советской драматургии, 2 – русской классики, 2 – зарубежной драматургии, и по одному спектаклю советской и зарубежной классики [36, л. 25].

Основу репертуарной афиши уральских театров составляли произведения советских авторов, «посвященные революции, советской действительности, отличающиеся глубоким идейно-художественным содержанием» [37, л. 6]. В подавляющем большинстве это были произведения «о партии, величии подвигов советских людей», такие как «Синие кони на красной траве» М. Ф. Шатрова (Пермский академический театр драмы), «Вся его жизнь» Е. И. Габриловича (Кизеловский театр драмы), «Берег» Ю. В. Бондарева (Коми-Пермяцкий окружной драматический театр им. А. М. Горького), «Молодая гвардия» А. А. Фадеева (Пермский театр юного зрителя) [38, л. 3]. Современная пьеса лидировала в репертуарных планах театров Урала.

Определенное место в сценическом репертуаре театров Урала занимали спектакли «кассового плана», лишенные, по мнению идеологов, «высокого пафоса гражданственности и идейно-художественного значения, рассчитанные на невзыскательный вкус» [14, л. 98–99]. К середине 1980-х гг. в структуре репертуара театров РСФСР «абсолютное большинство пьес представляло собой социально-бытовые комедии или произведения с мелодраматическим или детективным сюжетом, по которым создавались “кассовые” спектакли» [11, с. 131], вытесняв-

шие «серьезные произведения героико-патриотического, современного звучания» [39, с. 258]. К примеру, в 1981 и 1982 г. наибольшее количество спектаклей Пермского государственного ордена Трудового Красного Знамени академического театра оперы и балета им. П. И. Чайковского приходилось на долю мировой классики, причем наиболее активно эксплуатировались спектакли с «облегченным мелодраматическим сюжетом» [40, л. 15]. В Оренбургской области к 1983 г. при формировании репертуарной афиши «порой предпочтение отдавалось постановкам развлекательного характера». «Зрителям иногда предлагались произведения, в которых на первый план выступали всякого рода жизненные неурядицы, мелкие семейно-бытовые конфликты, духовно-убогие, ноющие персонажи, не находящие места в жизни» [41, л. 18].

Именно эти спектакли ставили рекорды по постановкам в отличие от пьес идейного плана. Причины этого явления в позднесоветском обществе партийные органы видели в текучести кадров и отсутствии зрительского спроса на «идейно-художественный спектакли». Власти считали, что театр не справляется с возложенной на него задачей «средствами театрального искусства развивать театральный вкус зрителя, повышая идейно-художественный уровень спектаклей» [14, л. 99–100]. Действительно, например, в Удмуртии качество постановок оценивалось не выше среднего как по режиссерскому решению, так и по актерскому мастерству. Явное неблагополучие фиксировалось со сценической речью, слабейшим звеном всех театров республики была работа технических цехов, существенно отстающая от развития технической культуры современного общества на столетие [14, л. 99–100]. В то же время следует учитывать возросший образовательный уровень населения изучаемого региона, наличие высших учебных заведений, десятки тысяч студентов, промышленных предприятий, высококвали-

фицированных рабочих и инженерно-технической интеллигенции. Театр в условиях идеологических ограничений именно через спектакли «кассового» плана предпринимал попытки творчески выражаться, доносить до зрителя в иносказательной манере ответы на «вызовы» времени. Зрительская аудитория эпохи позднего социализма готова была воспринимать иносказания, видя за ними скрытый смысл и ответы на многие вопросы современности. Порой зритель, уставший от бытовых и рабочих жизненных моментов, искал в постановках «кассового» плана отвлечение от насущных проблем.

Особое место в репертуарных планах театров Урала принадлежало произведениям национальной драматургии народов СССР, что способствовало разнообразию театральных афиш региональных театров, «взаимовлиянию и взаимообогащению национальных культур» [42, с. 340], «интернациональному воспитанию трудящихся» [15, с. 363]. Театры автономных республик Урала выстраивали свой репертуар преимущественно на основе национальной драматургии, что было связано с ростом профессионализма местных драматургов, режиссеров, актерского состава. В сезон 1966 г. в Башкирском государственном академическом театре драмы им. Мажита Гафури были поставлены пьесы башкирских драматургов Н. Асамбаева («Счастье человека»), А. М. Мирзагитова («Сын солдата»), А. К. Атнабаева («С законным браком!»), написанные на современную тематику [43, л. 58]. Существенный вклад в развитие советского сценического искусства внесли произведения народного поэта Мустая Карима, поставленные на многих сценах страны [44, с. 35]. Башкирский целинный театр драмы в 1965 г. выпустил спектакль киргизского писателя Чингиза Айтматова «Тополёк мой в красной козынке», с успехом воспринятый зрителем [45, л. 5]. Сценический репертуар театров Удмуртской АССР включал произведения

удмуртских драматургов – Е. Е. Загребина, А. Л. Григорьева, С. А. Самсонова, классиков удмуртской литературы: И. Г. Гаврилова, В. Е. Садовникова [46, л. 1]. Только за период с 1970 по 1972 г. в театрах республики были осуществлены постановки новых пьес удмуртских драматургов И. Г. Гаврилова «Снег белый» и «Звонкая осень», Л. И. Перевощикова «Дорогой подарок», С. П. Широбокова «Девы-красавицы», Г. Д. Красильникова «Остаемся верны», С. А. Самсонова «Ночной звонок» [47, л. 2]. Осуществление подобных крупных национальных полотен являлось для театров большим творческим ростом, свидетельствовало об усилении профессионального мастерства уральских драматургов, актеров, режиссеров.

В автономных республиках Урала спектакли шли не только на русском, но и на национальных языках, что свидетельствовало о национальной ориентированности театров данных территориальных образований. В Башкирской АССР в пяти из семи профессиональных театров спектакли шли на башкирском языке [39, с. 253]. Из 11 спектаклей репертуарного плана Удмуртского драматического театра шесть были поставлены на удмуртском языке: «Белый снег» И. Г. Гаврилова, «Медвежий угол» В. Е. Садовникова и М. Тронина, «Древнегреческий роман» Е. Е. Загребина и С. Т. Смирнова, «Девы-красавицы» С. П. Широбокова, «Правда – хорошо, а счастье лучше» А. Н. Островского [48, л. 43].

Театральные коллективы Пермской области активно практиковали постановки произведений национальной драматургии. На сценах театров были поставлены пьесы: «Платон Кречет» и «Память сердца» украинского драматурга А. Е. Корнейчука, «Трибунал» белорусского драматурга А. Е. Макаёнка, «Поэма о любви» казахского писателя Г. М. Мусрепова, комедии «На седьмом небе» и «Рим, 17, до востребования» украинского сценариста Н. Я. Зарудного, «Первый урок» белорус-

ского драматурга К. Л. Губаревича, «Моя тёща» осетинского драматурга Г. Д. Хугаева [49, л. 5]. В Коми-Пермяцком окружном драматическом театре им. А. М. Горького велась систематическая работа с местными драматургами С. А. Можаяевым и М. Ф. Сторожевой над созданием сценических произведений на коми-пермяцком языке [49, л. 5–6]. Тесная связь с жизнью своего народа, постоянное стремление творческих коллективов осмыслить нравственные и эстетические проблемы позволяли актерам создавать правдивые колоритные сценические образы. Зрители проявляли неподдельный интерес к национальной драматургии с ее обращением к истокам и уникальному народному опыту. Произведения по этническим мотивам делали репертуар оригинальным и востребованным.

Рос интерес театров к классическим произведениям, постановка которых демонстрировала возможности труппы, располагающей яркими творческими индивидуальностями. Количество спектаклей, поставленных в РСФСР за период с 1976 по 1980 г. по произведениям русской и зарубежной классики, удвоилось в сравнении с предыдущим пятилетием [42, с. 340]. Русская и зарубежная классика в театрах Свердловской области была представлена пьесами: «Варвара», «Свои люди – сочтемся», «Васса Железнова», «Наташа Ростова», «Недоросль» [50, л. 9]. Театры Челябинской области регулярно обращались к драматургии А. Н. Островского, А. П. Чехова, М. Горького и других классиков [20, л. 66]. Театральные афиши Пермской области насчитывали 30 наименований классических спектаклей, среди которых 5 пьес советской классики по произведениям М. Горького, М. А. Шолохова, С. С. Прокофьева и 12 спектаклей зарубежной классики, включавших драматические произведения У. Шекспира, Ж. Б. Мольера, Лопе де Вега, К. Гольдони, В. Гюго, Э. Ростана [38, л. 3]. Интерес театров к инсценировкам классических произведений объяснялся стремлением к

более смелому осмыслению вопросов современной реальности, масштабному отображению событий и характеров.

Обращение к произведениям, адресованным детям и подросткам, стало «качественно новым явлением» [42, с. 340] изучаемого периода. Активную работу в этом направлении вели не только театры юного зрителя и театры кукол, но и оперные и драматические коллективы. Башкирский государственный театр оперы и балета в декабре 1964 г. для юных зрителей осуществил постановку второго детского балета башкирского композитора Н. Г. Сабитова «Мурзилка космонавт» [39, с. 251]. Оренбургский областной драматический театр им. М. Горького существенное внимание при формировании репертуара уделял молодежному зрителю, осуществляя постановки сказок для детей, пьес на историческую тематику, повествующих о героическом прошлом страны («Русские люди» К. М. Симонова, «Место действия – Россия» Н. К. Доризо) [51, л. 21]. Все театры Свердловской области осуществляли постановку специальных спектаклей для детей. Значительную воспитательную работу вели театр юного зрителя им. Ленинского комсомола и кукольный театр [15, с. 357]. Текущий репертуар Челябинского государственного областного театра кукол в 1977 г. включал 15 названий пьес, среди которых присутствовали произведения советских и зарубежных авторов, русские народные сказки [52, л. 2].

Выводы

Таким образом, сценический репертуар являлся выражением творческих поисков театральных коллективов, осуществляемых в условиях компромисса с официальной политикой государства, правящей партии и закономерным ходом художественно-эстетического процесса. Помощь в формировании репертуара театрам оказывали региональные отделения Всероссийского театрального общества. Работа средств массовой информации

способствовала привлечению зрительской аудитории в театр и вносила новые технические веяния в театральный творческий процесс. Обязательными стали постановки спектаклей к юбилейным датам и важнейшим событиям в общественно-политической жизни страны.

С точки зрения идеологии и следования партийным установкам в репертуарных планах театров выделялись два вида сценических произведений: «зрелые идейно-художественные» и «кассовые». Произведения бесспорной идеологической значимости преобладали в репертуарах театров. Однако именно «кассовые» спектакли порой пользовались популярностью у зрителя. Пьесы советских драматургов на тему современности занимали лидирующее положение в репертуарных планах уральских театров. В целом репертуар был тесно связан с художественным языком, основанном на глубоком, психологически достоверном отображении социалистической действительности. Репертуар театров Урала был представлен произведениями разнопла-

новыми, строился с учетом требований эпохи, пополнялся пьесами русской, советской, зарубежной классики, включал спектакли о советском образе жизни, пьесы для детской и молодежной аудитории. Национальная ориентированность театров многонационального Урала проявилась в воплощении на сценах произведений национальных драматургов, в ряде случаев на языках народов автономных республик Урала. Пьесы, связанные с яркими национальными традициями, отзывались у публики, пользовались популярностью. Особенностью эпохи стало внедрение произведений для детей и молодежи в репертуарные планы не только специализирующихся на молодежной аудитории театров, но и оперных и драматических коллективов. Все вышесказанное свидетельствует о процессе вовлечения в эстетико-театральное пространство различных социально-демографических групп населения, расширении и усложнении театрального пространства изучаемой эпохи.

Список литературы

1. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. П-2624. Оп. 1. Д. 33.
2. Орлова Е. В. Театральное Оренбуржье в региональном измерении // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всероссийской научно-методической конференции. Оренбург: ОГУ, 2016. С. 1916–1921.
3. Бортников С. Д. Театральное искусство Сибири в 1960–1985 гг. // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 4 (7). С. 39–47.
4. Заельская С. А. Профессиональное театральное искусство автономных республик Урала в поздний советский период (1964–1984 гг.) // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве: сборник статей по материалам Международной научной конференции. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. С. 131–139.
5. Троякова Ю. К. Репертуар и гастрольная деятельность театрального коллектива Хакассии в 1965–1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23), ч. 1. С. 168–172.
6. Уварова О. А. Развитие театрального искусства Восточной Сибири во второй половине XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Байкал. гос. ун-т экономики и права, 2008. С. 396–400.
7. Эльбуздукаева Т. У. Театральное искусство в ЧИАССР в 60-80-е гг. XX в // Вопросы истории. 2021. № 11-2. С. 182–188. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi53>.

8. Ивинских Г. П. Пермский театральный период. Из истории театрального искусства Пермского края. XIX – начало XXI века. Пермь: ИЦ «Титул», 2014. 684 с.
9. Дмитриевский В. Н. Театр и зритель. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики. Ч. 2: Советский театр 1917–1991 гг. М.: Гос. ин-т искусствознания: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2013. 696 с.
10. Иванова И. В. Принципы планирования репертуарной и прокатной афиши в музыкальном театре (балетная афиша) // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2020. № 1. С. 130–145. <https://doi.org/10.35852/2588-0144-2020-1-130-145>.
11. Белошапка Н. В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева: монография. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2012. 320 с.
12. Олейник Я. А. Театральное искусство Западной Сибири в свете политических процессов середины 1960–1970 гг. // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2012. № 5. С. 132–138.
13. ОГАОО (Объединенный государственный архив Оренбургской области). Ф. 371. Оп. 48. Д. 108.
14. ЦДНИУР (Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики). Ф. 16. Оп. 1. Д. 11048.
15. Культурное строительство на Среднем Урале: сборник документов (1941–1977 годы). Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1987. 400 с.
16. ОГАОО. Ф. 2568. Оп. 1. Д. 473.
17. ПГАНИ (Пермский государственный архив новейшей истории). Ф. 200. Оп. 66. Д. 26.
18. ОГАОО. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 775.
19. Бовтун О. П., Бовтун И. В. Театральная культура Западной Сибири в 1980–1990-е годы: монография. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. 206 с.
20. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 195. Д. 268.
21. ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 354. Д. 603.
22. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 240. Оп. 1. Д. 412.
23. НАРБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. Р-1910. Оп. 2. Д. 330.
24. ОГАЧО. Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 122.
25. ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 354. Д. 2631.
26. ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 354. Д. 2708.
27. Дмитриев Ю. А., Хайченко Г. А. История русского и советского драматического театра (от истоков до современности). М.: Просвещение, 1986. 160 с.
28. ГАСО. Ф. Р-2354. Оп. 1. Д. 889.
29. ПГАНИ. Ф. 8187. Оп. 1. Д. 121.
30. ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 1542.
31. Борис Молчанов: летопись жизни и творчества в документах, библиографии и воспоминаниях (1912–1984). Екатеринбург: Свердлов. обл. универсальная библиотека им. В. Г. Белинского, 2012. 168 с.
32. ГАСО. Ф. Р-2354. Оп. 1. Д. 821.
33. НАРБ. Ф. Р-1910. Оп. 4. Д. 542.
34. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 193. Д. 227.
35. ОГАЧО. Ф. Р-1360. Оп. 4. Д. 248.
36. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 204. Д. 840.
37. ОГАОО. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 769.
38. ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 354. Д. 2709.

39. Исторический опыт развития образования, науки и культуры в Башкирской АССР: традиции и новации. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. 320 с.
40. ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 354. Д. 2928.
41. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 83. Д. 29.
42. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1979–1984. Документы. М.: Полит. энцикл., 2019. 998 с.
43. НАРБ. Ф. 1910. Оп. 2. Д. 327.
44. Репертуар Башкирского государственного академического театра драмы имени Мажита Гафури 1919–2009 гг. Уфа: Китап, 2009. 88 с.
45. НАРБ. Ф. Р-1910. Оп. 2. Д. 328.
46. ЦГАУР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. Р-1105. Оп. 1. Д. 1590.
47. ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11431.
48. ЦГАУР. Ф. Р-1105. Оп. 1. Д. 1105.
49. ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 354. Д. 939.
50. ГАСО. Ф. Р-1919. Оп. 1. Д. 397.
51. ОГАОО. Ф. Р-1469. Оп. 2. Д. 341.
52. ОГАЧО. Ф. Р-1632. Оп. 1. Д. 63.

References

1. OGACHO (Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti) [United State Archives of the Chelyabinsk Region], f. P-2624, op. 1, d. 33.
2. Orlova E. V. [Theater Orenburg region in the regional dimension]. *Universitetskii kompleks kak regional'nyi tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury. Materialy Vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii* [University complex as a regional center of education, science and culture. Materials of the All-Russian Scientific and Methodological Conference]. Orenburg, OGU Publ., 2016, pp. 1916–1921. (In Russ.)
3. Bortnikova S. D. Teatral'noe iskusstvo Sibiri v 1960-1985 gg. [Theatrical art of Siberia in 1960-1985]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of science, culture, education*, 2007, no 4(7). pp. 39–47.
4. Zael'skaya S. A. [Professional theatrical art of the autonomous republics of the Urals in the late Soviet period (1964–1984)]. *Sotsial'noe i natsional'noe v sovetskoj kul'ture: k 65-letiyu Dekady tatarskogo iskusstva i literatury v Moskve. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Social and national in Soviet culture: to the 65th anniversary of the Decade of Tatar art and literature in Moscow. Collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference]. Kazan', Institut istorii im. S. H. Mardzhani AN RT Publ., 2022, pp. 131–139. (In Russ.)
5. Troyakova Yu. K. Repertuar i gastrol'naya deyatel'nost' teatral'nogo kollektiva Khakassii v 1965–1980-e gg. [Repertoire and touring activities of the theater group of Khakassia in 1965–1980s.] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2012, no 9(23), vol. 1, pp. 168–172.
6. Uvarova O. A. Razvitie teatral'nogo iskusstva Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XX [Development of theatrical art in Eastern Siberia in the second half of the 20th century]. *Irkutskii istoriko-ehkonomicheskii ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk, Baikal St. Univ. of Economics and Law, 2008, pp. 296–400.
7. Ehl'buzdukaeva T. U. Teatral'noe iskusstvo v CHIASSR v 60-80-e gg. XX [Theatrical art in the Chechen Autonomous Soviet Socialist Republic in the 60-80s. XX century]. *Voprosy istorii = Questions of history*, 2021, no. 11-12, pp. 182–188.

8. Ivinskikh G.P. Permskii teatral'nyi period. Iz istorii teatral'nogo iskusstva Permskogo kraia. XIX – nachalo XXI veka [Perm theatrical period. From the history of theatrical art of the Perm region. XIX – early XXI centuries]. Perm', ITS "TituL", 2014. 684 p.
9. Dmitrievskii V. N. Teatr i zritel'. Otechestvennyi teatr v sisteme otnoshenii stseny i publiki. Chast' 2. Sovetskii teatr 1917 – 1991 gg. [Theater and spectator. Domestic theater in the system of relations between the stage and the public. Part 2. Soviet theater 1917 – 1991]. Moscow, State Institute of Art Studies, “Canon” ROOI “Rehabilitation”, 2012. 969 p.
10. Ivanova I. V. Printsipy planirovaniya repertuarnoi i prokatnoi afishi v muzykal'nom teatre (baletnaya afisha) [Principles of planning repertory and rental posters in musical theater (ballet poster)]. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka = Theater. Painting. Movie. Music*, 2020, no. 1, pp. 130–145.
11. Beloshapka N. V. Gosudarstvo i kul'tura v SSSR: ot Khrushcheva do Gorbacheva [State and culture in the USSR: from Khrushchev to Gorbachev]. Izhevsk, Udmurt Univ. Publ., 2012. 320 p.
12. Oleinik Ya. A. Teatral'noe iskusstvo Zapadnoi Sibiri v svete politicheskikh protsessov serediny 1960-1970 gg. [Theatrical art of Western Siberia in the light of political processes of the mid-1960-1970s.]. *Rossiiskii politicheskii protsess v regional'nom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika = Russian political process in the regional dimension: history, theory, practice*, 2012, no. 5, pp. 132–138.
13. OGAOO (Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti) [United State Archives of the Orenburg Region], f. 371, op. 48, d. 108.
14. CDNIUR (Centr dokumentatsii noveishei istorii Udmurtskoi Respubliki) [Documentation Center for the Contemporary History of the Udmurt Republic], f. 16, op. 1, d. 11048.
15. Kul'turnoe stroitel'stvo na Srednem Urale. Sbornik dokumentov (1941–1977 gody) [Cultural construction in the Middle Urals. Collection of documents (1941–1977)]. Sverdlovsk, Sredne-Ural. kn. izd-vo, 1987. 400 p.
16. OGAOO, f. 2568, op. 1, d. 473.
17. PGANI (Permskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii) [Perm State Archive of Contemporary History], f. 200, op. 66, d. 26.
18. OGAOO, f. R-2558, op. 1, d. 775.
19. Bovtun O. P., Bovtun I. V. Teatral'naya kul'tura Zapadnoi Sibiri v 1980-1990-e gody [Theatrical culture of Western Siberia in the 1980-1990s]. Barnaul, AltGTU Publ., 2005. 206 p.
20. OGACHO, f. R-288, op. 195, d. 268.
21. PGANI, f. 105, op. 354, d. 603.
22. GASO (Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti) [State Archives of the Sverdlovsk Region], f. R-240, op. 1, d. 412.
23. NARB (Natsionalnyy arkhiv Respubliki Bashkortostan) [National Archives of the Republic of Bashkortostan], f. R-1910, op. 2, d. 330.
24. OGACHO, f. R-1655, op. 1, d. 122.
25. PGANI, f. 105, op. 354, d. 2631.
26. PGANI, f. 105, op. 354, d. 2708.
27. Dmitriev Yu. A., Khaichenko G. A. Istoriya russkogo i sovetskogo dramaticheskogo teatra (ot istokov do sovremennosti) [History of Russian and Soviet drama theater (from origins to modern times)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 160 p.
28. GASO, f. R-2354, op. 1, d. 889.
29. PGANI, f. 8187, op. 1, d. 121.
30. OGACHO, f. R -1589, op. 1, d. 1542.
31. Boris Molchanov: letopis' zhizni i tvorchestva v dokumentakh, bibliografii i vospominaniyakh (1912–1984) [Boris Molchanov: chronicle of life and work in documents, bibliography and memoirs (1912–1984)]. Ekaterinburg, Sverdlov. Obl. universal'naya biblioteka im. V. G. Belinskogo, 2012. 168 p.

32. GASO, f. R-2354, op. 1, d. 821.
33. NARB, f. R-1910, op. 4, d. 542.
34. OGAAO, f. P-288, op. 193, d. 227.
35. OGACHO, f. R-1360, op. 4, d. 248.
36. OGACHO, f. R -288, op. 204, d. 840.
37. OGAAO, f. R-2558, op. 1, d. 769.
38. PGANI, f. 105, op. 354, d. 2709.
39. Istoricheskii opyt razvitiya obrazovaniya, nauki i kul'tury v Bashkirskoi ASSR: traditsii i novatsii [Historical experience in the development of education, science and culture in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic: traditions and innovations]. Ufa, IIAL UFITs RAS, 2021. 320 p.
40. PGANI, f. 105, op. 354, d. 2928.
41. OGAAO, f. 371, op. 83, d. 29.
42. Apparat TSK KPSS i kul'tura. 1979–1984. Dokumenty [The apparatus of the CPSU Central Committee and culture. 1979–1984 Documentation]. Moscow, Polit. Enycl. Publ., 2019. 998 p.
43. NARB, f. R-1910. op. 2. d. 327.
44. Repertuar Bashkirskogo gosudarstvennogo akademicheskogo teatra dramy imeni Mazhita Gafuri 1919–2009 gg. [Repertoire of the Bashkir State Academic Drama Theater named after Mazhit Gafuri 1919–2009]. Ufa, Kitap Publ., 2009. 88 p.
45. NARB, f. r-1910. op. 2. d. 328.
46. TsGAUR (Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Udmurtskoy respubliki) [Central State Archives of the Udmurt Republic], f. R-1105, op. 1, d. 1590.
47. TSGANIUR, f. 16, op. 1, d. 11431.
48. TsGAUR, f. R-1105, op. 1, d. 1105.
49. PGANI, f. 105, op. 354, d. 939.
50. GASO, f. R-1919, op. 1, d. 397.
51. OGAAO, f. R-1469, op. 2, d. 341.
52. OGACHO, Ф. P-1632. Оп. 1. Д. 63.

Информация об авторе / Information about the Author

Заельская Светлана Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация,
e-mail: sv_a_z@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6559-5402

Svetlana A. Zaelskaya, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Science, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation,
e-mail: sv_a_z@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6559-5402

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.3

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-220-230>

Взгляды представителей партийно-политического актива Курской губернии на изменение социальной структуры городского населения (1918–1921 годы)

Н. В. Петров¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: petrovkolya97@mail.ru

Резюме

Актуальность. На современном этапе развития Российской Федерации сохранение исторической правды является одним из основных направлений государственной политики. Заявления о необходимости возвращения государственной идеологии позволяют судить об актуальности обращения к опыту раннего советского периода, когда коммунистическое учение стало основой формирования новой модели государства, впоследствии достигшего немалых успехов на мировой арене в самых различных областях. Городское население стало опорой для революционных преобразований, что вызывает интерес к изучению взглядов представителей региональной власти на проблемы развития социальной структуры общества.

Цель – раскрыть специфику эволюции публичных взглядов партийно-политического актива региона на социальный состав городского населения Курской губернии с 1918 по 1921 год.

Задачи: на основе анализа архивных документов выявить общие тенденции становления социальной структуры городского населения Курской губернии.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались базовые принципы исторической науки: историзм, объективность и системность. Также были применены общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция, аналитический метод), специальные исторические методы: историко-генетический, сравнительно-исторический.

Результаты. На основе анализа архивных документов выявлены особенности становления взглядов на образ социального состава Курской губернии в воззрениях курских коммунистов первых лет советской власти.

Вывод. Политической основой социальной структуры городского населения региона признавались пролетарии, являвшиеся опорой в деле революционных преобразований всех сфер общественной жизни. Партийный актив Курской губернии воспринял положения коммунистических учений как ключевую модель формирования городского сообщества. Полупролетариат, мелкая буржуазия и интеллигенция, по мнению партийных деятелей, должны стать частью трудящихся как единственного носителя власти. Женщины впервые рассматривались как равноправная часть городского сообщества в деле государственного строительства.

Ключевые слова: городское население; советская власть; коммунизм; пролетариат; социальный состав.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Петров Н. В. Взгляды представителей партийно-политического актива Курской губернии на изменение социальной структуры городского населения (1918–1921 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 220–230. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-220-230>.

Поступила в редакцию 14.12.2023

Принята к публикации 23.01.2024

Опубликована 28.02.2024

The Views of Representatives of the Party and Political Activists of the Kursk Province on the Change in the Social Structure of the Urban Population (1918–1921)

Nikolay V. Petrov¹✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: petrovkolya97@mail.ru

Abstract

Relevance. At the present stage of development of the Russian Federation, the preservation of historical truth is one of the main directions of state policy. Statements about the need to return the state ideology allow us to judge the relevance of referring to the experience of the early Soviet period, when communist doctrine became the basis for the formation of a new model of the state, which subsequently achieved considerable success on the world stage in various fields. The urban population has become a pillar for revolutionary transformations, which arouses interest in studying the views of representatives of regional authorities on the problems of the development of the social structure of society.

The purpose – to reveal the specifics of the evolution of the public views of the party and political activists of the region on the social composition of the urban population of the Kursk province from 1918 to 1921.

Objectives: based on the analysis of archival documents, to identify general trends in the formation of the social structure of the urban population of the Kursk province.

Methodology. In the process of working on the research, the basic principles of historical science were used: historicism, objectivity and consistency. General scientific methods were also applied (analysis, synthesis, induction and deduction, analytical method), special historical methods: historical-genetic, comparative-historical.

Results. Based on the analysis of archival documents, the peculiarities of the formation of views on the image of the social composition of the Kursk province in the views of the Kursk communists of the first years of Soviet power are revealed.

Conclusin. The political basis of the social structure of the urban population of the region was recognized by the proletarians, who were the mainstay in the revolutionary transformations of all spheres of public life. The party activists of the Kursk province perceived the provisions of the communist teachings as a key model for the formation of an urban community. The semi-proletariat, the petty bourgeoisie and the intelligentsia, in the opinion of party leaders, should become part of the working people as the sole bearer of power. For the first time, women were considered as an equal part of the urban community in the field of state building.

Keywords: urban population; Soviet government; communism; proletariat; social composition.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Petrov N. V. The Views of Representatives of the Party and Political Activists of the Kursk Province on the Change in the Social Structure of the Urban Population (1918–1921). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(1): 220–230. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-220-230>

Received 14.12.2023

Accepted 23.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

На развитие Российской Федерации в настоящее время оказывает влияние ряд факторов внутреннего и внешнего характера. В условиях, когда информационная война является одним из дестабилизирующих условий для российской государственности, попытки фальсификации ис-

торических событий становятся серьезным вызовом для системы органов единой публичной власти. Этим продиктована актуальность и своевременность внесения в Конституцию Российской Федерации ст. 67.1, в которой отражены положения о России как правопреемнике СССР, признании государственного ис-

торически сложившегося единства страны, о защите исторической правды и противодействии недопустимого умаления подвига народа при защите Отечества.

Для эффективной реализации политики патриотического воспитания граждан и сохранения исторической памяти, помимо нормативных установлений, необходимо иметь проработанную государственную стратегию, в которой отражалось бы общее видение того, каким должно быть российское общество. Все чаще общественные и политические деятели России заявляют о необходимости разработки и введения государственной идеологии¹. Без принятия новой Конституции это невозможно, поскольку в ч. 2 ст. 13 Основного закона содержится прямой запрет на внесение подобной конституционной нормы. Однако в сложившейся на настоящий момент ситуации, когда консолидация общества является основным для существования Российской Федерации условием, игнорировать факт потребности определения ориентиров формирования мировоззрения для различных социальных групп с учетом специфики их образа жизни недопустимо.

Сказанное позволяет говорить о целесообразности обращения к советскому опыту, который продемонстрировал всему миру, что идеологическое содержание государственной политики может объединить все общество для совершения трудовых подвигов, победы в Великой Отечественной войне, полета человека в космос, развития науки и образования для будущих поколений.

В историографии социальная структура населения в рамках формирования общества нового типа в первые годы советской власти рассматривалась с применением различных подходов. К примеру,

в монографии В. М. Селунской советское общество изучается без деления на сельское и городское население [1]. Ряд ученых предметом своих исследований избирали демографические показатели населения городов, в частности источники формирования городских сообществ [2], брачное состояние горожан [3–4], а также определение особенностей трансформации демографических структур городских поселений [5]. Немаловажным направлением изучения городского населения стали вопросы влияния государственных задач на социальную структуру общества [6], выявления специфики процесса изменения элементов социального состава общества (на примере Центрального Черноземья, Дальнего Востока) [7–8], а также уяснения региональных особенностей трансформации социальной структуры городов (на материале Астраханской области) [9]. Перепись населения является важнейшим источником информации о населении, что позволяет выделить отдельную группу научных работ по социальному составу горожан [10–12]. Применительно к Курской губернии изучались социально-экономическое положение региона после Гражданской войны [13] и условия повседневной жизни курян в 1920-е гг. [14]

Вместе с тем, несмотря на достаточно высокую степень разработанности вопросов динамики развития городского сообщества в ранний советский период, когда влияние коммунистического учения на государственное строительство было определяющим, вопрос о воззрениях представителей органов власти относительно будущего социальной структуры городского сообщества на региональном уровне освещен достаточно слабо, на материале Курской губернии детально не рассматривался.

Методология

В настоящей работе использовался комплекс научных методов и принципов, что позволило достичь обозначенной цели и выполнения поставленных задач.

¹ Бастрыкин считает, что надо добавить в Конституцию положения об идеологии государства // Российская газета. 2023. 22 нояб. URL: <https://rg.ru/2023/11/22/bastrykin-schita-et-chto-nado-dobavit-v-konstituciiu-polozheniia-ob-ideologii-gosudarstva.html> (дата обращения: 10.12.2023).

Автор опирался на базовые принципы проведения исторических исследований: историзм, объективность и системность. Также были использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция, аналитический метод), так и специальные исторические методы (историко-генетический, сравнительно-исторический).

Использование перечисленного методологического аппарата позволило выявить специфику реализации политики по формированию социальной структуры городского населения в Курской губернии.

Результаты и их обсуждение

Неоспоримо, что события 1917 г. стали поворотными для истории Российского государства, а их последствия оказывают влияние на общественно-политическое развитие страны и в настоящее время.

Диктатура пролетариата, переход к которой и стал главным условием изменения структуры социального состава общества общегосударственного значения, не представлялась конечной целью революционных событий и последовавшей Гражданской войны. Как известно, в учении Карла Маркса диктатура пролетариата рассматривалась как промежуточная стадия перехода к бесклассовому обществу. В. И. Ленин, поддерживая и раскрывая утверждение Карла Маркса, называл диктатуру пролетариата как необходимый элемент построения общества без классов, поскольку только рабочие не стремятся закрепить свое господство [15, с. 453]. Эту задачу он обозначил как сложный и длительный во времени этап.

Говоря о средствах достижения бесклассовости советского общества, В. И. Ленин указал, что после свержения капиталистов необходимо «уничтожить разницу между рабочим классом и крестьянством» [15, с. 279]. Первую группу представляло преимущественно городское население, а вторую – сельское насе-

ние, которое в дореволюционной России численно преобладало.

Профессор В. Б. Жиромская отмечает, что в первые годы советской власти для социальной структуры городов был характерен следующий облик: «...рабочий класс, занятый преимущественно на предприятиях; буржуазия, которая хоть и была существенно ослаблена как с экономической, так и с политической точки зрения, но еще не перестала существовать и пыталась оказывать сопротивление; мелкобуржуазные элементы как колеблющаяся между рабочим классом и буржуазией часть городского сообщества; рабочая и буржуазная интеллигенция; деклассированные элементы» [16, с. 19].

Безусловно, для советской власти в этой структуре городского сообщества приоритетным был именно рабочий класс, который наряду с крестьянством как представителем сельских территорий стал надежной опорой как в деле Великой Октябрьской социалистической революции, так и в победе в Гражданской войне. Сам факт наличия такого социального состава говорит о возникших противоречиях, которые В. И. Ленин характеризовал как «закат капитализма с одновременным зарождением коммунизма» [15, с. 271].

Политическая жизнь Курской губернии в первые годы советской власти в целом соответствовала линии, заданной высшими партийными органами в Москве. О том, каким должно быть городское сообщество, можно судить из протоколов заседаний и конференций, а также другой документации Курского губернского комитета партии РКП(б). Так, в протоколе Второй Губернской партийной конференции, состоявшейся 25 октября 1918 г., содержится заявление, в соответствии с которым Курская губерния наводнена буржуазией, бежавшей из северных губерний и столиц, спекулянтами и «темными дельцами» [17, л. 19].

Однако работа по борьбе с нежелательными представителями социального состава городского сообщества тормозилась из-за сопротивления левых эсеров и злоупотреблений коммунистов на местах [17, л. 20]. Обозначенная проблема требовала решительных действий советской власти в Курской губернии, в связи с чем была поставлена задача очистить ее территорию от буржуазии и от лиц с неопределенным родом занятий: органы государственной власти должны оказывать Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией всяческое содействие.

Из докладов с мест в рамках Второй Губернской партийной конференции усматривается, что одной из основных задач в уездных городах стала постановка партийной и советской работы, налаживание связи с Губернским комитетом партии в целях выполнения всех поставленных директив [17, л. 36]. Процесс становления советской власти в Курской губернии не был простым: представителями с мест констатировалось большое число злоупотреблений со стороны членов партии, таких как пьянство и разгильдяйство, что обусловило необходимость усиления дисциплины и применения «самых суровых мер наказания» [17, л. 37].

Построение общества нового типа сопровождалось необходимостью установления диктатуры во всех коммунистических организациях и закрепление на всех постах исключительно коммунистов с проведением периодических ревизий в рамках исполнения данной задачи. Проблемным аспектом также были профессиональные качества коммунистов, которые зачастую являлись «проходимцами, не имеющими с коммунистами ничего общего» [17, л. 37].

Мировоззренческой основой формирования социальной структуры городского сообщества в государстве новой формации являлась борьба с капитализмом как явлением. Курские партийные деятели полностью восприняли постулаты

учений Карла Маркса и Фридриха Энгельса и уже в 1918 г. утверждали, что именно капитализм является причиной мировой бойни, а социальная революция – ее следствие [18, л. 74].

Значение Октябрьской революции 1917 г. для членов РКП(б), безусловно, было определяющим. Они считали, что благодаря этим событиям прекратились страдания рабочего класса, который взял на себя власть как в политическом, так и в экономическом отношении [18, л. 85].

При принятии управленческих решений в выступлениях партийных деятелей усматривается противопоставление рабочего класса и буржуазии. Последняя, по мнению курских коммунистов, в 1918 г. в социальном составе общества была еще сильна и пыталась раздавить социалистическое правительство. Борьба с этим классом в первые годы советской власти стала важнейшим направлением политической деятельности при формировании нового социального состава городов Курской губернии [18, л. 85].

Отмечалось, что именно буржуазия создала учение о политической экономии для «затмения света», но учение Карла Маркса, используемое пролетариатом, позволило, по их мнению, противодействовать этому нежелательному для советской России классу. Поскольку борьба пролетариата была не закончена, то внедрение демократизма на данном этапе виделось невозможным, т. к. сначала нужно было установить диктатуру. Начальный этап построения советского общества требовал от РКП(б) перехода к гражданской классовой борьбе с организованными эксплуататорами [18, л. 85 об.].

Роль буржуазии сводилась к обеспечению интересов пролетариата и крестьянства. Например, для решения проблемы недостатка дров в Обоянском уезде 21 декабря 1918 г. было принято решение провести принудительную мобилизацию среди представителей трудоспособной городской буржуазии и только в случае

их нехватки можно было обратиться к беднейшим слоям населения [18, л. 108].

Переход от капитализма к социализму рассматривался как общее направление общественного развития, а завершением этого периода считалась победа рабочего класса по всему миру. Анализируя положение в советской России, курские коммунисты указывали, что несмотря на то, что удалось захватить политическую власть, «обуздать» крупную промышленность, нужно определить задачи по работе с мелкой буржуазией, в которой видели проблемный слой общества [19, л. 16–17].

Выстраивание политики по приобщению горожан Курской губернии к политической деятельности государства членами РКП(б) от региона осуществлялось не только с учетом текущей ситуации, подробному анализу подвергались и предшествующие события. Таким образом можно было подтвердить, почему капиталистический строй не являлся состоятельной формой организации государства.

В частности, обозначая причины империалистических войн на Третьей партийной губернской конференции, состоявшейся с 3 по 5 марта 1919 г., отмечалось, что капиталисты обеспечивали рабочего «чтобы он не умер с голоду, чтобы он мог просуществовать вместе со своей семьей» [19, л. 18]. Однако развитие техники и совершенствование машинного производства привели к тому, что на фабрики были вынуждены пойти не только сами рабочие, но и их жены и дети. Объединение капиталистов в различные в тресты и синдикаты в процессе централизации и монополизации рынков сбыта привели к тому наряду с расширением производства товаров, к невозможности их сбыта. Причиной этому стали скудные доходы рабочего класса. Это и послужило условием для начала империалистических войн между странами, а все разрушения сказывались на рабочем классе, который «и без того страдал».

Закономерным виделся выход из Первой мировой войны 3 марта 1918 г. с началом Гражданской войны в связи с необходимостью отмежевания от буржуазного парламентаризма. Далее пролетариату РСФСР ставились следующие задачи: взять власть и после вести политику в соответствии с постулатами марксизма с целью достижения социализма в будущем.

Итогом выполнения обозначенных выше задач должно стать превращение всего общества в трудовой народ, что означало бы реализацию принципов демократизма и равенства прав. В Курской губернии полагали, что класс эксплуататоров следует уничтожить, заставить их работать и тем самым превратить их в рабочий класс [19, л. 19].

На начальных этапах формирования Советской России в политическом поле имело место четкое убеждение, что диктатура пролетариата будет установлена по всему миру и это поможет нивелировать всю несправедливость капиталистического строя. Курские большевики полагали, что именно пролетариат РСФСР поведет за собой весь рабочий класс и это поможет развить революционное движение. Именно по этой причине пролетариат Советской России, как и весь мировой пролетариат, нуждался в разработке руководящей линии, поскольку рабочее движение носило интернациональный характер. При этом председателем конференции тов. Кретовым высказывалось мнение, что советский пролетариат выступает освободителем не только русского народа, но и всего человечества. Партийные органы Курской губернии были обязаны осуществлять борьбу с имеющимися устоями общественной жизни и деятельность по переустройству человеческого общества на социалистических принципах для мирного строительства. Кроме того, констатировалась потребность усиления роли пролетариев и привлечение других элементов социальной структуры, т. к. они представляли опас-

ность в случае их безразличия к революционным событиям. Для этого предлагалось осуществлять поддержку в области охраны труда и социального обеспечения не только пролетариев, но полупролетарских слоев городского населения. Под полупролетариатом члены РКП(б) от Курской губернии подразумевали «неземледельческое население, которое не может пропитаться на одной земле и большинство которых ходит на заработки и проводят часть года на фабриках и заводах» [19, л. 29].

Городское население рассматривалось партийными органами как надежный элемент советского общества в первые годы его формирования, которому, помимо собственного участия в коммунистическом строительстве, вменялась обязанность по работе в сельской местности [19, л. 30 об.]. Курская губерния не стала исключением: представители социальной группы пролетариата и полупролетариата должны были усилить влияние на деревню, проведя ее пролетаризацию.

К политико-правовым факторам формирования социального состава населения городов Курской губернии можно отнести обсуждения первой в истории российского государства Конституции РСФСР 1918 г. Курские коммунисты отмечали, что достоинством «выработанной нами» Конституции является то постановление, что управлять страной могут только трудящиеся. Партийные организации городов Курской губернии ассоциировали себя с разработчиками Основного закона, что говорит об их единении со всей страной в формировании нового общества [19, л. 3 об.]. Важным средством консолидации городских и сельских жителей на территории губернии было проведение политики по расширению сферы влияния РКП (б) и углублению коммунистического сознания.

Вполне логичны предложения об управлении сельским хозяйством по методам управления промышленностью. Здесь можно проследить связь между го-

родом и деревней: рабочие должны были управлять хозяйством под контролем государства. Это необходимо для того, чтобы с помощью сельского хозяйства обеспечить городской промышленный пролетариат необходимыми продуктами [19, л. 43]. Упомянутые выше задачи по пролетаризации населения были сопряжены с предложением по созданию крупных производственных центров как в городе, так и в деревне. Если не отталкивать мелкую буржуазию и выполнить обозначенную ранее цель, то в управлении государством принимал бы участие весь народ.

В число основополагающих вопросов при обсуждении будущей социальной структуры населения городов Курской губернии вошел процесс формирования партийных органов. Так, одним из предметов обсуждения был состав лиц, принимаемых в коммунистическую партию: нужно было решить, чьи интересы она представляет. Естественно, этим классом стал рабочий (пролетариат), поскольку именно его представители подверглись наибольшей эксплуатации. Между тем в городах Курской губернии численное соотношение населения было следующим: 2/3 пролетариев и 1/3 мелкой буржуазии [19, л. 51]. Но на повестке дня в 1919 г. стояла проблема не количественного, а качественного состояния горожан с точки зрения их политического участия в жизни страны.

Учет класса населения при организации партийных органов должен был определяющим фактором. Мелкая буржуазия, попавшая в коммунистическую партию в период с 1917 по 1919 г., считалась случайным элементом. На губернской партийной конференции пришли к выводу о возможности принятия в партию представителей мелкой буржуазии и интеллигенции, но в усложненном порядке: те, кто попали в партию во время Гражданской войны, по итогам чистки должны перейти в ряды сочувствующих [19, л. 31]. Этот процесс согласовывался с

поставленной задачей по пролетаризации населения губернии.

На протяжении всего исторического развития России женщины оказывали существенное влияние на динамику социального состава городского населения. Именно после революционных событий 1917 г. женское население рассматривалось не только как элемент изменения демографических признаков и численности горожан, но и как равные с мужчинами личности, которые после проведения большой организационной работы могли бы управлять молодым советским государством. Приобщение женщин к политической деятельности предполагало осуществление ряда мер, в основе которых лежало освобождение их от домашней работы и воспитания детей с возможностью посещения собраний. Кроме того, основой вовлечения женского населения в дела страны была грамотная постановка агитационно-просветительской работы [19, л. 53 об.]. Достижение желаемого результата связывали с тем, что нужно было на деле доказать женщинам-работницам, что коммунистическое общество берет на себя обязанность по воспитанию детей путем создания сети детских садов и что в совместной с коммунистами борьбе они смогут достичь счастливого будущего.

Первоочередная работа по укреплению коммунистических взглядов среди женщин проводилась в отношении горожанок Курской губернии, на которых после привлечения к советской и партийной работе возлагалась задача по проведению агитационно-пропагандистской работы среди крестьянок [20, л. 3]. К концу 1920 г. усилиями Курского городского комитета РКП (б) осуществляли деятельность теоретические кружки для занятий коммунисток и содействовали Курскому губернскому отделу народного образования в борьбе с невежеством и темнотой трудящихся масс [20, л. 31, 57]. Действительно, уровень политического сознания женщин не всегда оценивался высоко. Так, в Протоколе первой беспартийной

конференции работниц Ямской слободы г. Курска от 19 сентября 1920 г. отмечалось, что «женщины, в силу своей отсталости, неправильно понимали задачи, поставленные советской властью, и те пути, через которые советская власть проводит их в жизнь» [20, л. 57].

Несмотря на то, что проблемы горожанок по участию в государственном строительстве неоднократно обсуждались, устранить их полностью в первые годы советской власти не удавалось. Работницы отмечали несправедливое положение, поскольку им было сложно совмещать ведение домашнего хозяйства и заботу о семье с деятельностью по построению коммунистического государства. В возражениях этим тезисам о трудном положении женщины содержался тезис о том, что советская власть не стремится оторвать женщину от семьи, она зовет ее к постепенному развитию [20, л. 58 об.]. Женщина на ранних этапах формирования советского общества не рассматривалась как пассивный участник, ей вменялась в обязанность борьба за собственное равноправие, а органы государственной власти лишь создают условия, при которых поддержание домашнего очага не было смыслом жизни горожанок [20, л. 58 об.].

В целом к концу 1921 г. в докладе Курскому губернскому комитету РКП(б) от Курского губернского совета профессиональных союзов Курская губерния характеризовалась как «преимущественно крестьянская губерния с чрезвычайно низким уровнем культуры населения с средневековым ведением хозяйства и большими помещичьими землевладениями в прошлом» [21, л. 21]. Безусловно, курским партийным деятелям предстояло много работы по формированию общества нового типа в рамках городского общества.

Выводы

Таким образом, вопрос государственного строительства в первые годы советской власти на уровне регионов был

основополагающим. Опираясь на коммунистическое учение, партийные деятели Курской губернии поэтапно вырабатывали стратегию по управлению городским населением, на которое можно было положиться при выполнении задач, поставленных Центральным комитетом РКП(б). В Курской губернии полностью восприняли положения о несостоятельности капиталистического строя и его тяготах для рабочего класса во всем мире.

Основу социальной структуры городского населения региона составили пролетарии, ставшие опорой в деле революции и установлении диктатуры пролетариата. Другие слои городского населения рассматривались с должной степенью осторожности, а целью деятельности советских органов власти стало усиление влияния на полупролетариат, мелкую буржуазию и интеллигенцию, которые могли стать частью нового общества, но при выполнении определенных условий и

под строгим контролем трудящихся. Важным политико-правовым фактором является анализ Конституции РСФСР 1918 г. на региональном уровне с выделением ее достоинств и рассуждений на основе ее положений об образе состава РКП(б). Городское население в глазах новой власти обоснованно рассматривалось как более образованное и политически преданное, поэтому на него возлагались серьезные задачи по работе с населением в сельской местности.

Подытоживая, можно сказать, что важным направлением политической работы было привлечение женщин к строительству коммунизма, поскольку для страны было важно максимальное участие всего городского сообщества в выполнении основной цели по достижению социализма, а в конечном итоге и коммунизма как высшей точки общественного развития человечества.

Список литературы

1. Селунская В. М. Социальная структура советского общества: история и современность. М.: Политиздат, 1987. 286 с.
2. Журавлева В. А. Источники формирования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2014. 242 с.
3. Журавлева В. А., Мирошниченко М. И. Брачное состояние городского населения Урала по материалам переписей 1923 и 1926 гг. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 68–72.
4. Жиромская В. Б. От военных потерь к консенсуальному браку: особенности демографического развития России в XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 3. С. 5–20.
5. Корнилов Г. Е. Трансформация демографических структур в городских поселениях (на материалах Уральской области в 1923–1934 годах) // Исторический курьер. 2021. № 4(18). С. 121–132.
6. Юрина Т. В. Определение государственных задач и их влияние на социальную структуру общества: исторический аспект // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2007. № 7. С. 24–30.
7. Пенькова А. Н. Анализ основных процессов изменения социальной структуры общества в переломные моменты истории России (на примере Центрального Черноземья) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7. № 1 (22). С. 145–150.
8. Головин С. А. Особенности социального состава населения на Дальнем Востоке РСФСР в 20-30-е гг. XX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 2 (10). С. 118–128.
9. Корноухова Г. Г. Региональные особенности трансформации социальной структуры городов СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2. С. 38–49.

10. Сукманов Э. В. Население Курского края по переписям 1920 и 1923 гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 1(25). С. 80–83.
11. Колозина И. М. Методика проведения переписи 1920-х гг. и ее значение для социокультурной политики большевиков (на примере провинциального Саратова) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 9(65). С. 103–106.
12. Воронцов В. С. Переписи населения как источник этнических и языковых характеристик населения // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 2(9). С. 93–98.
13. Денисова М. А. Становление советской семьи в 1920-е годы (на примере Курской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2010. № 7(78). С. 182–187.
14. Рядных А. Ю. Социально-экономическое положение Курской губернии в 1920–1921 гг. после Гражданской войны и иностранной интервенции в годы становления советской власти // Журнал исторических исследований. 2017. Т. 2, № 3. С. 6–12.
15. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. 654 с.
16. Жиромская В. Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1988. 168 с.
17. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-65. Оп. 1. Д. 3.
18. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 12.
19. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 19.
20. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 117.
21. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 149.

References

1. Selunskaya V. M. Social'naya struktura sovetskogo obshchestva: istoriya i sovremennost'. [The social structure of soviet society: history and modernity]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 286 p.
2. Zhuravleva V. A. Istochniki formirovaniya gorodskogo naseleniya Urala v 1920–1930-e gg. [Sources of formation of the urban population of the Urals in the 1920s-1930s]. Chelyabinsk, Izd. tsentr YuUrGU Publ., 2014. 242 p.
3. Zhuravleva V. A., Miroshnichenko M. I. Brachnoe sostoyanie gorodskogo naseleniya Urala po materialam perepisey 1923–1926 gg. [Marital status of the urban population of the Urals based on the materials of the censuses of 1923 and 1926]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik = Ural Historical Bulletin*, 2017, no. 4 (57), pp. 911–917.
4. Zhiromskaya V. B. Ot voennykh poter' k konsensual'nomu braku: osobennosti demograficheskogo razvitiya Rossii v XX v. [From military losses to consensual marriage: features of Russia's demographic development in the 20th century]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia*, 2007, no. 3, pp. 5–20.
5. Kornilov G. E. Transformaciya demograficheskikh struktur v gorodskih poseleniyah (na materialah Ural'skoj oblasti v 1923–1934 godah) [Transformation of demographic structures in urban settlements (based on the materials of the Ural Region in 1923–1934)]. *Istoricheskij kur'er = Historical Courier*, 2021, no. 4 (18), pp. 121–132.
6. Yurina T. V. Opredelenie gosudarstvennykh zadach i ih vliyanie na social'nuyu strukturu obshchestva: istoricheskij aspekt [Definition of State tasks and their impact on the social structure of society: historical aspect]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo = Proceedings of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky*, 2007, no. 7, pp. 34–40.
7. Pen'kova A. N. Analiz osnovnykh protsessov izmeneniya sotsial'noy struktury obshchestva v perelomnye momenty istorii Rossii (na primere Tsentral'nogo Chernozem'ya) [Analysis of the main processes of changing the social structure of society at critical moments in the history of Russia (on the example of the Central Chernozem region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser-*

iya: *Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2017, vol. 7, no. 1(22), pp. 145–150.

8. Golovin S. A. Osobennosti sotsial'nogo sostava naseleniya na Dal'nem Vostoke RSFSR v 20-30-e gg. XX veka [Features of the social composition of the population in the Far East of the RSFSR in the 20-30s of the XX century]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* = *Social and humanitarian sciences in the Far East*, 2006, no. 2 (10), pp. 118–128.

9. Kornoukhova G.G. Regional'nye osobennosti transformatsii sotsial'noy struktury gorodov SSSR v 1920-1930-e gg. (na materialakh Astrakhanskoy oblasti) [Regional peculiarities of the transformation of the social structure of the cities of the USSR in the 1920s-1930s (or materials of the Astrakhan region)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* = *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*, 2007, no 2, pp. 38-49.

10. Sukmanov E. V. Naselenie Kurskogo kraja po perepisyam 1920 i 1923 gg. [The population of the Kursk region according to the censuses of 1920 and 1923]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 2013, no. 1 (25), pp. 80–83.

11. Kolozina I. M. Metodika provedeniya perepisi 1920-h gg. i ee znachenie dlya sociokul'turnoj politiki bol'shevikov (na primere provincial'nogo Saratova) [The methodology of the census of the 1920s and its significance for the socio-cultural policy of the Bolsheviks (on the example of provincial Saratov)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* = *Society: philosophy, history, culture*, 2019, no. 9 (65), pp. 103–106.

12. Vorontsov V. S. Perepisi naseleniya kak istochnik etnicheskikh i yazykovykh karakteristik naseleniya [Population censuses as a source of ethnic and linguistic characteristics of the population]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya* = *Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region*, 2020, no. 2 (9), pp. 93–98.

13. Denisova M. A. Stanovlenie sovetskoj sem'i v 1920-e gody (na primere Kurskoj gubernii) [The formation of the Soviet family in the 1920s (on the example of the Kursk province)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* = *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science*, 2010, no. 7 (78), pp. 182–187.

14. Ryadnyh A. Yu. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Kurskoj gubernii v 1920–1921 gg. posle Grazhdanskoj vojny i inostrannoj intervencii v gody stanovleniya sovetskoj vlasti [The socio-economic situation of Kursk province in 1920–1921 after the Civil War and foreign intervention during the formation of Soviet power]. *Zhurnal istoricheskikh issledovanij* = *Journal of Historical Research*, 2017, vol. 2, no. 3, pp. 6–12.

15. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij [The social structure of soviet society: history and modernity]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 39. 684 p.

16. Zhiromskaya V. B. Sovetskij gorod v 1921–1925 gg.: problemy social'noj struktury [The Soviet City in 1921-1925: problems of social structure]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 168 p.

17. GAOPIKO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Kurskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Kursk region], f. P-65, op. 1, d.3.

18. GAOPIKO, f. P-65, op. 1, d. 12.

19. GAOPIKO, f. P-65, op. 1, d. 19.

20. GAOPIKO, f. P-65, op. 1, d. 117.

21. GAOPIKO, f. P-65, op. 1, d. 149.

Информация об авторе / Information about the Author

Петров Николай Вячеславович, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: petrovkolya97@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9177-3903

Nikolay V. Petrov, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: petrovkolya97@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9177-3903

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94(394)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-231-241>

Лев Троцкий – путь в революцию

А. А. Колупаев¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Резюме

Актуальность. В статье освещена биография одного из вождей партии большевиков Льва Троцкого. Он являл собой пример пассионарной личности. Благодаря его организаторским и ораторским качествам большевики организовали восстание в октябре 1917 года и захватили власть в стране. Привлечение новых исторических фактов предоставляет возможность переосмыслить ключевые моменты прошлого. В этом ключе статья является актуальной и востребованной.

Цель статьи осветить путь лидера партии большевиков Льва Троцкого в революцию и его деятельное участие в революционном процессе.

Главными **задачами** исследования являются: исторический анализ жизненного пути революционного вождя, оценка событий 1917 года и Гражданской войны.

Методология. Статья основана на принципах системности, объективности и историзма, которые были дополнены хронологическим и историко-сравнительным методами.

Результаты научного исследования доказывают важность изучения роли пассионарной личности в истории. Показано, что в начале XX века Россия была «заражена» революцией. Революционные идеи привлекали к себе значительные массы молодежи из разных слоев населения. Одним из таких ярких представителей революционной молодежи был Лев Троцкий. В революционных событиях 1917 года раскрылся его организаторский и ораторский талант. Несмотря на огромное количество противников и сложные исторические реалии Лев Троцкий и другие вожди революции смогли сплотить миллионы граждан России на борьбу с внешними и внутренними врагами и одержать победу в тяжелой и кровопролитной Гражданской войне.

Выводы. Троцкий стал одним из лидеров популярной среди широких народных масс партии большевиков. Всей своей деятельностью он доказал, насколько может быть велика роль пассионарной личности в истории.

Ключевые слова: партия большевиков; партия меньшевиков; партия эсеров; революция; гражданская война; Красная армия.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Колупаев А. А. Лев Троцкий – путь в революцию // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 231–241. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-231-241>.

Поступила в редакцию 21.12.2023

Принята к публикации 24.01.2024

Опубликована 28.02.2024

Leo Trotsky – the Path to Revolution

Andrei A. Kolupaev¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Abstract

Relevance. The article highlights the biography of one of the leaders of the Bolshevik Party, Leon Trotsky. He was an example of a passionate personality. Thanks to his organizational and oratorical qualities, the Bolsheviks organized an uprising in October 1917 and seized power in the country. Bringing in new historical facts provides an opportunity to rethink key moments of the past. In this regard, the article is relevant and in demand.

The purpose of the article is to highlight the path of the leader of the Bolshevik Party, Leon Trotsky, into the revolution and his active participation in the revolutionary process.

The objectives objectives of the research are: a historical analysis of the revolutionary leader's life path, an assessment of the events of 1917 and the Civil War.

Methodology. The article is based on the principles of consistency, objectivity and historicism, which have been supplemented by chronological and historical-comparative methods.

The results of the scientific research prove the importance of studying the role of passionate personalities in history. It is shown that at the beginning of the XX century Russia was "infected" by the revolution. Revolutionary ideas attracted significant masses of young people from different strata of the population. One of such prominent representatives of the revolutionary youth was Leon Trotsky. His organizational and oratorical talent was reflected in the revolutionary events of 1917. Despite the huge number of opponents and difficult historical realities, Leon Trotsky and other leaders of the revolution were able to rally millions of Russian citizens to fight against external and internal enemies and win a difficult and bloody Civil War.

Conclusions. Trotsky became one of the leaders of the Bolshevik party, which was popular among the broad masses. Through all his activities, he proved how great the role of a passionate personality in history can be.

Keywords: Bolshevik party; Menshevik party; Socialist Revolutionary party; revolution; civil war; Red Army.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kolupaev A. A. Leo Trotsky – the Path to Revolution. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(1): 231–241. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-231-241>

Received 21.12.2023

Accepted 24.01.2024

Published 28.02.2024

Введение

Начало XX века в России представляло собой период высокой политической турбулентности, сопровождавшийся активным участием широких народных масс в политической жизни страны. Лев Троцкий являлся ярким представителем российской молодежи, которая очень активно шла в революцию. Именно революционная деятельность открыла в нем большие организаторские и ораторские способности, которые так ярко прояви-

лись в период революционных событий 1917 года и Гражданской войны.

Методология

В современной научно-исторической концепции доминируют хронологический и конкретно-исторический подходы. В настоящий период времени историческая наука значительное место уделяет изучению роли и влиянию отдельной пассионарной личности на ход общественного развития. Данная статья претендует на объективную оценку личностного фактора в истории на примере рас-

смотрения биографии одного из лидеров партии большевиков Льва Троцкого с помощью принципов историзма, научности и объективности, хронологического и историко-сравнительного подходов.

Результаты и их обсуждение

Льва Давидовича Троцкого можно смело назвать вторым человеком в партии большевиков. В дни октябрьских событий 1917 года и в период Гражданской войны он сыграл выдающуюся роль в победе партии над своими многочисленными оппонентами. Как утверждал в октябре 1917 года лидер партии большевиков В. И. Ленин: «...отныне нет лучшего большевика, чем Троцкий» [1, с. 122]. Троцкий, спустя много лет, находясь в изгнании за рубежом, тоже высказался о своей роли и о влиянии Ленина на те судьбоносные события. Он писал следующее: «Не будь меня в 1917 году в Петербурге, – Октябрьская революция произошла бы – при условии наличности и руководства Ленина. Если бы в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции: руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться. В этом для меня нет ни малейшего сомнения» [2, с. 27].

Давайте же посмотрим на путь в революцию этого человека, впоследствии ставшего выдающимся революционером и государственным деятелем первого в мире советского государства. Лев Давидович Бронштейн, так звали будущего революционного вождя, родился в 1879 г., в богатой еврейской семье в Херсонской губернии. Родственники Льва Бронштейна занимались в основном предпринимательской деятельностью и достигли в этой сфере большого успеха. Так, его отец Давид Леонтьевич Бронштейн был крупным арендатором земли. Он брал землю в аренду у различных владельцев, а затем сам сдавал ее в аренду нуждающимся, т. е. фактически наживался на крестьянах. Старший брат Льва, Александр являлся владельцем пивоваренного

завода. Родственники со стороны матери Анны Львовны владели сахарным заводом в Воронежской губернии [3, с. 23–25].

О своём детстве Лев Троцкий отзывался следующим образом: «Моё детство не было детством голода и холода. Ко времени моего рождения родительская семья уже знала достаток. Но это был суровый достаток людей, поднимающихся из нужды вверх и не желающих останавливаться на полдороге. Все мускулы были напряжены, все помыслы направлены на труд и накопление» [4, с. 71]. Видимо, о таком же благополучии для многонационального русского народа мечтал и сам Лев Давидович. Когда Льву исполнилось десять лет, родители отправили его получать образование в престижное Одесское реальное училище Святого Павла. В его стенах он провел семь лет до 1895 г. [5, с. 12] Однако уже с 1896 г. молодой Лев Бронштейн стал принимать участие в очень «модном» в тогдaшнем русском обществе революционном деле. В этой связи можно вспомнить знаменитый судебный процесс над Верой Засулич, которая была оправдана судом присяжных 24 января 1898 г. за покушение на убийство градоначальника Петербурга Федора Трепова [6, с. 22]. Становится очевидным, на чьей стороне в то время была основная часть русского общества и интеллигенции.

Лев Бронштейн принимал участие в деятельности Южно-русского рабочего союза. Однако не в роли революционера-террориста, а в качестве обыкновенного революционного пропагандиста [7, с. 56]. Он не спешил положить свою жизнь на алтарь революции за счастье трудового народа. В 1898 г. Лев Бронштейн был впервые арестован и очень тяжело переносил тяготы тюремного заключения, даже стал задумываться о суициде. С пребыванием в тюрьме связано происхождение его знаменитого псевдонима Троцкий, который он позаимствовал у строгого тюремного надзирателя [1, с. 122]. Вскоре последовал судебный приговор, который

был относительно мягким и предполагал ссылку в Восточную Сибирь. В Сибири Лев Бронштейн сочетался браком со своей соратницей по Южно-русскому рабочему союзу Александрой Соколовской. В ссылке у революционной четы родился первый ребенок, будущий революционный вождь активно занимался самообразованием [8, с. 125].

Однако очень скоро Лев Троцкий устал от слишком спокойной жизни в Сибири. Теперь он считал себя опытным революционером, имевшим за спиной тюремный срок и ссылку. В революционной иерархии это давало основание для занятия более высокого положения в партийных структурах. Льву Бронштейну российские революционеры сделали новый паспорт на имя Льва Троцкого, с которым он пересек почти всю территорию Российской империи и оказался на территории Австро-Венгерской империи, а затем стал колесить по Европе, навещая революционеров в изгнании. Следует отметить, что в этот период времени Европа была вторым домом для российских революционеров. Здесь они находили как моральную, так и материальную поддержку от сочувствующих европейцев, а также от спецслужб иностранных государств. В Европе он встречался с известными народниками Павлом Аксельродом и Верой Засулич. Завел связи с представителями новой революционной силы – лидерами партии РСДРП Владимиром Лениным и Юлием Мартовым [2, с. 153–154]. Вот что писал о появлении Троцкого в Европе А. В. Луначарский: «Заграничную публику Троцкий поразил своим красноречием, значительным для молодого человека образованием и апломбом. ...Очень серьёзно к нему не относились по его молодости, но все решительно признавали за ним выдающийся ораторский талант и, конечно, чувствовали, что это не цыплёнок, а орлёнок» [1, с. 153].

Особое влияние на становление Троцкого оказал известный в европейских революционных кругах А. Л. Пар-

вус. Этот человек был своим не только в среде российских революционеров, он также поддерживал тесные связи с германской разведкой, регулярно получая от нее крупные суммы денег на революционные мероприятия в России. Поэтому Троцкому было обязательно необходимо заручиться поддержкой такого уважаемого в среде соратников человека. Таким образом, вплоть до революции 1905 г. Лев Троцкий находился в «благословенной» для российских революционеров Европе и в своем политическом развитии «дрейфовал» от меньшевиков к большевикам и обратно. В 1903 г., несмотря на то, что он уже был женат и имел ребенка, Лев Троцкий решил жениться в Париже на русской революционерке Наталье Седовой [7, с. 44].

В 1905 г. Россия, ведущая кровопролитную войну с Японией, получила «нож в спину» – первую русскую революцию 1905–1907 гг. События первой русской революции застали молодого революционера Троцкого в Швейцарии. Вскоре он вернулся в Россию и поехал в Санкт-Петербург. Однако в столице империи революционерам не удалось добиться значительных успехов, поэтому он поспешно уехал в Финляндию, где подвергся аресту. Суд приговорил Льва Троцкого к вечному поселению в Сибири, что никак не входило в планы будущего вождя Октября 1917 года. Во время этапирования, он с помощью революционных друзей легко совершил побег и опять уехал в безопасную Европу [2, с. 153–154]. В 1912–1913 гг. в период Балканских войн Лев Троцкий работал корреспондентом газеты «Киевская мысль» [9, с. 53]. После начала Первой мировой войны в июле 1914 г. Троцкий перебрался в Швейцарию, которая стала настоящей «Меккой» для находившихся в Европе российских революционеров. Здесь были все возможности для подготовки революционных кадров, хорошие бытовые условия, партийная школа в Лонжюмо, а главное – абсолютная безопасность и гарантии то-

го, что тебя не выдадут России. Здесь, в Швейцарии Троцкий продолжил сотрудничество с киевской либеральной газетой в качестве военного корреспондента и занялся своей основной революционной деятельностью [5, с. 169–170].

В июле 1914 г. начиналась Первая мировая война. Лидер партии РСДРПб В. И. Ленин, также находившийся в Швейцарии, 26 июля 1915 г. опубликовал статью под названием «О поражении своего правительства в империалистской войне». Вот что Ленин писал в этой статье: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это – аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов» [2, с. 183]. Лев Троцкий, подчиняясь основному партийному принципу демократического централизма, как и вождь партии большевиков В. И. Ленин, мечтал о поражении России в войне [5, с. 179]. В то время как русская армия вела тяжелые бои в Восточной Пруссии и в Галиции, истекала кровью у Мазурских болот и на Стоходе, профессиональный революционер, а по совместительству журналист Лев Давидович Троцкий побывал во Франции, Испании и США [7, с. 302]. Именно работа военным корреспондентом позволила впоследствии Троцкому занять должность народного комиссара по военным и морским делам молодой советской республики. Поскольку среди руководства партии большевиков просто не оказалось специалистов по военному и морскому делу.

События Первой мировой войны показывали, что «чаша весов» к концу 1916 г. стала склоняться в пользу стран Антанты. В январе 1917 г. лидер большевиков В. И. Ленин писал: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думаю, мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социали-

стическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции» [10, с. 53]. Однако события Февральской революции в России изменили ход истории и вместо ожидавшейся в 1917 г. победы стран Антанты Первая мировая война продолжилась, а Россия пережила две революции и постепенно втягивалась в пучину Гражданской войны.

Февральская революция застала пламенного борца за права угнетенных народов России и мира на территории США, откуда он в начале мая 1917 г., теперь уже абсолютно уверенный в победе революции, прибыл в Петроград. В столице Лев Троцкий активно включился в революционную борьбу, стал заседать в Петросовете [2, с. 153–154]. Большевиков совершенно не устраивала многопартийная система, поэтому они взяли курс на захват власти в стране. В это время Троцкий много работал по привлечению на сторону большевиков солдат Петроградского гарнизона и матросов Кронштадта. Попытка захватить власть в июле 1917 г. потерпела неудачу. Лев Троцкий был заключен в знаменитую тюрьму Кресты, откуда он смог выйти только после Корниловского мятежа в сентябре 1917 г. Выйдя из тюрьмы, Троцкий получил должность председателя Петросовета и в отсутствие Ленина, который в это время скрывался в Финляндии, исполнял обязанности главы партии большевиков. В это время лидеры большевиков Ленин и Троцкий поняли, что власть в России очень слаба и ее можно легко взять в свои руки, поэтому они берут курс на подготовку вооруженного восстания [11, с. 72]. Лев Троцкий при Петросовете сформировал Петроградский военно-революционный комитет (ВРК), который и стал центром подготовки вооруженного восстания. Большевики торопились провести восстание и покончить с двоевластием в стране до созыва II Всероссийского Съезда Советов рабочих и солдат-

ских депутатов, чтобы поставить съезд перед свершившимся фактом [10, с. 59–60]. Используя дешёвые популистские приемы, Троцкий и другие большевики вели активную революционную пропаганду. Они обещали солдатам и рабочим мир, землю, хлеб и находили искренний отклик в малообразованной среде солдат, матросов, рабочих и крестьян. Вероятно, мало кто из этих людей тогда думал о том, что за эти события придется дорого заплатить народу России.

23 октября Троцкий лично «разагитирует» гарнизон Петропавловской крепости. У большевиков были сильные сомнения по поводу этого гарнизона, а Антонов-Овсеенко даже подготовил план штурма крепости на случай, если она останется лояльной Временному правительству [2, с. 203].

В этих переломных для страны событиях ярко раскрылся ораторский талант Льва Троцкого. Известный революционер Н. Н. Суханов впоследствии вспоминал речь Троцкого, произнесенную перед одной из колеблющихся частей Петроградского военного округа: «Советская власть уничтожит окопную страду. Она даст землю и уврачуеет внутреннюю разруху. Советская власть отдаст всё, что есть в стране, бедноте и окопникам. У тебя буржуй две шубы – отдай одну солдату. У тебя есть тёплые сапоги? Посиди дома. Твои сапоги нужны рабочему... Зал был почти в экстазе. Кажется, что толпа запоёт сейчас без всякого сговора какой-нибудь революционный гимн... Предлагается резолюция: за рабоче-крестьянское дело стоять до последней капли крови... Кто за? Тысячная толпа, как один человек, вздёрнула руки. Пусть ваш голос будет вашей клятвой поддерживать всеми силами и со всей самоотверженностью Совет, который взял на себя великое бремя довести победу революции до конца и дать людям землю, хлеб и мир» [1, с. 208].

Огромную роль Троцкого в успешном проведении Октябрьского восстания

признавал даже его постоянный внутрипартийный оппонент Иосиф Сталин: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета т. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому» [12, с. 47].

На II Съезде Советов, проходившем 25–26 октября в Петрограде, Лев Троцкий выступил с резкой критикой эсеров и меньшевиков, которые были не согласны с ликвидацией в ходе октябрьского восстания Временного правительства, из-за чего они бойкотировали заседание съезда, покинув зал. Троцкий произнес пламенную речь и предложил отправить всех несогласных с новыми политическими реалиями в «сорную корзину истории». Вот отрывок из его речи на съезде: «Восстание народных масс не нуждается в оправдании. То, что произошло, – это восстание, а не заговор. Мы закаляли революционную энергию петербургских рабочих и солдат. Мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор... Тем, кто отсюда ушёл и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы – жалкие единицы, вы – банкроты, ваша роль сыграна. И отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории...» [10, с. 208–209]. В эти решающие октябрьские дни Лев Троцкий был неутомим. Во время угрозы для революции, возникшей из-за попыток генерала Краснова освободить от революционных элементов Петроград, Троцкий организовывал его оборону, лично выехав на Пулковские высоты, и находился там до того момента, пока угроза для восстания не миновала.

Очень ярко в качестве разрушителя старой России Лев Троцкий проявил себя на посту народного комиссара иностранных дел. Большевики следовали провоз-

глашенному ранее лозунгу выйти из Первой мировой войны. Троцкий выдвинул следующую дипломатическую формулу: «ни мира, ни войны: договора не подписываем, войну прекращаем, а армию демобилизуем» [5, с. 173]. После чего Наркоминдел Троцкий столкнулся с бойкотом стран союзников по Антанте, которые вскоре заявили о разрыве дипломатических отношений с Советской Россией. Германия тоже не оценила такой акт доброй воли со стороны советского правительства и после 7 суток перемирия 18 февраля 1918 г. вместе с Австро-Венгрией перешла в наступление на никем не защищаемую российскую территорию. Ведь российская армия после непрерывной революционной агитации фактически вся дезертировала. В короткий срок, практически без боя, были заняты территории Прибалтики, Беларуси, Украины, оказалась в оккупации даже юго-западная часть Курской губернии. В этих неблагоприятных политических условиях нарком Лев Троцкий заявил о желании уйти в отставку, но под давлением Ленина остановил и выехал для переговоров с Германией и ее союзниками в Брест-Литовск. Здесь, он 3 марта 1918 г. подписывал унижительный для России, которая так была близка к победе в Первой мировой войне, Брестский сепаратный мирный договор в нарушение всех ранее заключенных с союзниками договоренностей [2, с. 356–357]. Об этих событиях очень ярко выразился британский политик Уинстон Черчилль, который в годы Первой мировой войны возглавлял морское министерство. Он сказал следующее: «Корабль российской государственности затонул при входе в гавань победы» [13, с. 59].

Несмотря на такое явное политическое поражение, каковым является подписание кабального мирного договора в Бресте, карьера большевика Троцкого шла только в гору. Ведь политические события, происходившие в России, развивались со стремительной скоростью и

его незаурядные ораторские и организаторские способности могли очень сильно понадобиться еще не окрепшей советской власти. Большевиков совершенно не устраивала многопартийная система, поэтому они взяли курс на захват власти в стране. В это время в России во всю разворачивались события Гражданской войны. Российское общество оказалось расколотым вследствие заключения унижительного Брестского мира, фактически лишившего страну победы в Первой мировой войне. Россия оказалась единственной из стран победительниц, которая не воспользовалась плодами этой победы. Даже небольшое балканское государство Сербия, из-за которой начался мировой военный конфликт, стало большим государством Югославией, объединив славянские народы Балканского полуострова.

В то время как Россия, которая принесла на алтарь победы в войне 2 млн жизней своих солдат и офицеров, после мира, заключенного большевиками, оказалась территориально отброшена в первую половину XVII в., страна оказалась в полной дипломатической изоляции [2, с. 309–310]. После такого «успешного» мирного договора даже левые эсеры, находившиеся с большевиками в тактическом политическом союзе, больше не могли продолжать с ними блокироваться. Этот межпартийный политический конфликт завершился летом 1918 г. открытым мятежом левых эсеров, которые, осознав свою политическую ошибку, допущенную в октябре 1917 г., когда они фактически подставили большевикам плечо, теперь попытались исправить ситуацию и отстранить партию большевиков от власти. Что же говорить о представителях других политических партий, которые были просто разгромлены большевиками, а их деятельность вместе с печатными органами была запрещена. В этой связи можно привести пример разогнанного большевиками в январе 1918 г. Учредительного собрания, после чего

они фактически узурпировали власть в стране.

Таким образом, всего за несколько месяцев своего нахождения у власти они сумели своими неумелыми действиями настроить против себя значительное количество населения страны. В это время с самых высоких трибун были провозглашены лозунги, которые априори были направлены на раскол страны. Чего только стоит произнесенный В. И. Лениным в речи от 24 января 1918 г. лозунг «Мы грабим награбленное» [1, с. 304]. Этот и другие подобные высказывания фактически санкционировали те преступления экономического характера, которые были совершены большевиками и их сторонниками против частной собственности. При этом к частной собственности у них идеологически было особое отношение, они выступали резко против данного института, заменив ее очень аморфной общественной, т. е. ничьей. Таким образом, ограбленными в России оказались не тысячи, а миллионы. Не только представители буржуазии и помещики, как это справедливо отмечалось потом в советской историографии, но и миллионы простых крестьян, которые более 40 лет платили выкупные платежи после отмены крепостного права и надеялись, что они теперь стали собственниками своих земельных наделов. Благодаря большевикам они вновь становились арендаторами земли, собственником которой оказалось государство.

Большевиками были присвоены, а фактически разграблены миллионы вкладов обычных граждан страны, что, в свою очередь, вело к росту социальной напряженности. Россия начала XX в. представляла собой аграрную страну с подавляющим большинством сельского населения, и в этих условиях в деревне всю разворачивалась «гражданская» война, вызванная экспроприацией земли и продовольствия. Из-за инфляции в стране начался безудержный рост цен на все товары, и особенно на продукты пи-

тания. В этих условиях крестьяне как единственные производители сельхозпродукции стали отказываться продавать продовольствие по твердым, а значит, не соответствовавшим экономическим реалиям закупочным ценам государства. Им было гораздо выгоднее продать их на рынке по более высокой цене. В этих условиях большевики выдвинули просто «гениальное» решение – отменить деньги. Ведь бумажные деньги, которые до революционных событий 1917 г. могли быть свободно обменяны на монеты из драгоценных металлов, а русский рубль был одной из самых стабильных валют в мире, теперь стал равен по стоимости обычному клочку бумаги. Итогом такой экономической и социальной политики стало острое противостояние власти большевиков и общества. В этих условиях их власть держалась только на штыках Красной гвардии и других верных им силовых подразделений, а также на политике террора, который должен был выполнять функцию устрашения всех недовольных реалиями большевистской власти [5, с. 310–311].

После полного провала внешней политики Лев Троцкий был назначен 14 марта 1918 г. на высокий и очень ответственный в реалиях начинавшейся Гражданской войны пост председателя революционного совета молодой Советской республики. Троцкий любил эпатаж, и именно ему принадлежит образ революционного большевика в кожаном френче и кожаной кепке. Троцкий очень эффективно проявил себя в борьбе с врагами советской власти. Для удобства и высокой скорости своего перемещения он придумал создать специальный революционный поезд [10, с. 148–149]. Как оказалось, «немытая» царская Россия обладала развитой сетью железных дорог, поэтому Троцкий очень эффективно использовал свой бронепоезд, быстро перемещаясь с фронта на фронт на протяжении двух с половиной лет Граждан-

ской войны, практически живя в этом бронепоезде.

Именно Льву Троцкому Россия должна быть благодарна за концентрационные лагеря, практику заложничества, массовый террор [10, с. 155–156]. Так, например, на станции Свияжск Троцкий расстрелял каждого десятого из Петроградского полка и лично возглавил оборону Казани [1, с. 315]. В то же время Троцкий своей активностью нажил себе много врагов. Так, во время обороны Царицына в 1918 г. Троцкий вступил в острое противостояние с И. Сталиным и К. Ворошиловым [14, с. 111]. В дальнейшем в период внутрипартийной борьбы он не раз будет вступать в личные конфликты со Сталиным, став для него личным врагом. Это обстоятельство впоследствии станет в судьбе Л. Троцкого и его семьи роковым [12, с. 137].

В годы Гражданской войны Лев Троцкий совмещал сразу несколько ключевых должностей: наркома по военным делам, председателя Высшего военного совета, народного комиссара по морским делам и председателя революционного военного совета РСФСР. Это давало ему огромные полномочия и делало ответственным за победы и поражения периода Гражданской войны. Исходя из этого Троцкого можно смело назвать одним из главных творцов победы большевиков в Гражданской войне. Известный доктор Г. А. Зив, вспоминая о роли Л. Троцкого в годы Гражданской войны, впоследствии писал: «Троцкий нащупал свою настоящую профессию: ...неумолимая логика (принявшая форму военной дисциплины), железная решительность и непреклонная воля, не останавливавшаяся ни перед какими соображениями гуманности, ненасытное честолюбие и безразмерная самоуверенность, специфическое ораторское искусство» [1, с. 270].

Машина советской пропаганды создала ореол Троцкого – героя. За оборону Петрограда он получил орден Красного знамени, его именем был назван эсминец

и бронепоезд, а город Гатчина к которому он не имел никакого отношения, переименован в Троцк. Во многих городах СССР улицы были переименованы в честь вождя революции. В Курске одна из главных транспортных магистралей города – улица Херсонская стала улицей Троцкого (в настоящее время улица Дзержинского) [15, с. 53–55].

Последовавшие в дальнейшем события, связанные со сложной экономической обстановкой в стране, вызванные трудностями Гражданской войны, привели к введению в России новой экономической политики. Многие видные представители партии большевиков сравнивали нэп с французским термидором, а за термидором, как известно, последовал приход к власти во Франции Наполеона. Многие видели в Троцком нового Бонапарта [16, с. 141; 17, с. 29]. После отхода В. И. Ленина от активной политической жизни Троцкий столкнулся со значительной оппозицией к своей фигуре в высших эшелонах власти [18, с. 46–47]. Так получилось, что у такого яркого лидера фактически отсутствовали союзники. Многие старые большевики считали его выскочкой, который присоединился к партии большевиков только летом 1917 г. Известный большевик А. Д. Нагловский обвинил Троцкого в формировании атмосферы «аракчеевщины» [15, с. 174]. Его открытыми врагами в партии были могущественные И. Сталин и Г. Зиновьев.

После смерти Ленина начался период внутрипартийной борьбы, в которой Троцкий, оставшийся в политической изоляции, был обречен на поражение. В результате 16 ноября 1927 г. Троцкий был исключен из партии большевиков, а 18 января 1928 г. был выслан в Алма-Ату [19, с. 130–154]. Спустя год Политбюро СССР приняло решение: «Выслать Льва Троцкого за границу за антисоветскую деятельность». Так, 12 февраля 1929 г. Лев Троцкий вместе с семьей был отправлен в Турцию. Перед отправкой за границу вагон с семьей видного револю-

ционного деятеля 12 суток простоял в отдаленном железнодорожном тупике в Курской области [20, с. 49]. Таким образом, он был единственным большевистским лидером, который проиграл во внутрипартийной борьбе, но не был репрессирован на территории СССР, а был выслан за границу на законных основаниях. На наш взгляд, это было сделано потому что масштаб Троцкого как политического и государственного деятеля был настолько велик, что даже победившие враги не смогли его отправить в тюрьму на территории СССР. Они могли с ним расправиться только за пределами Советского государства [21, с. 72].

В дальнейшем после долгих скитаний по миру он осел в далекой Мексике, где и был убит на вилле в Койоакане агентом НКВД Рамоном Меркадером 20 августа 1940 г. [22, с. 329] Так закончился жизненный путь «лучшего большевика», каковым называл Троцкого в октябре 1917 г. В. Ленин. Ведь именно Троцкому партия была обязана своей по-

бедой в революции и во многом в Гражданской войне.

Выводы

Таким образом, начало XX в. в России характеризовалось высокой революционной активностью народных масс. Это было время слома прежних политических и социальных устоев. Оно сопровождалось ликвидацией абсолютных монархий и борьбой народных масс за свои права. В такие исторические периоды очень велика роль пассионарной личности. Лев Троцкий являлся ярким представителем пассионарных революционных вождей, своеобразным Данко, который благодаря своим уникальным организаторским способностям и кипучей энергии увлек за собой в революцию миллионы граждан России. Он провел нашу страну через революционные события 1917 года и Гражданской войны, сумел завоевать победу для партии большевиков и отстоять дело революции.

Список литературы

1. Луначарский А. Лев Давидович Троцкий // Силуэты: политические портреты. М.: Политиздат, 1991. 343 с.
2. Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921 / пер. с англ. Т. М. Шуликовой. М.: Центрполиграф, 2006. 527 с.
3. Аксельрод Ю. С. Мой дед Лев Троцкий и его семья: Личный взгляд, воспоминания, материалы, документы. М.: Центрполиграф, 2013. 445 с.
4. Чернявский Г. Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010. 665 с.
5. Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. М.: АСТ, 1998. Т. 1, 2. 416 с.
6. Старцев В. И. Л. Д. Троцкий (Страницы политической биографии). М.: Знание, 1989. 63 с.
7. Фельштинский Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий. Книга 1: Революционер. 1879–1917 гг. М.: Центрполиграф, 2012. 448 с.
8. Иванов А. А. Первая ссылка Льва Троцкого // Клио. 2013. Вып. 9 (81). С. 120–127.
9. Червенков Н. Н., Шкундин Г. Д. Балканские войны // Болгария в XX веке: Очерки политической истории / ред. Е. Л. Валева. М.: Наука, 2003. 464 с.
10. Фельштинский Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий. Книга 2: Большевик. 1917–1923 гг. М.: Центрполиграф, 2012. 512 с.
11. Тютюкин С. В. «Ликвидаторы» и «партийцы». Августовский блок // Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.
12. Лев Троцкий. Иосиф Сталин. М.: АСТ, 2022. 544 с.
13. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М.: Международные отношения, 1989. 456 с.
14. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992. 310 с.

15. Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929 / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2006. 495 с.
16. Резник А. В. Троцкизм и Левая оппозиция в РКП(б) в 1923–1924 годы. М.: Свободное марксистское изд-во, 2010. 112 с.
17. Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП (б), 1923–1924 годы. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 382.
18. Фельштинский Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий. Книга 3: Оппозиционер. 1923–1929 гг. М.: Центрполиграф, 2013. 464 с.
19. Дойчер И. Троцкий. Изгнанный пророк. 1929–1940 / пер. с англ. А. С. Цыпленкова. М.: Центрполиграф, 2006. 526 с.
20. Фельштинский Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий. Книга 4: Враг №1. 1929–1940 гг. М.: Центрполиграф, 2013. 544 с.
21. Колпакиди А. И. Ликвидаторы КГБ. М.: Яуза Эксмо, 2009. 768 с.
22. Папоров Ю. Н. Троцкий. Убийство "большого затейника". СПб.: Нева, 2005. 384 с.

References

1. Lunacharskij A. Lev Davidovich Trockij [Lev Davidovich Trotsky]. Siluety: politicheskie portrety [Silhouettes: political portraits]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 343 p.
2. Dojcher I. Trockij. Vooruzhennyj prorok. 1879–1921 [Trotsky. An armed prophet. 1879–1921]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2006. 527 p.
3. Aksel'rod Yu. S. Moj ded Lev Trockij i ego sem'ya: Lichnyj vzglyad, vospominaniya, materialy, dokumenty [My grandfather Leon Trotsky and his family: A personal view, memories, materials, documents]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2013. 445 p.
4. Chernyavskij G. Lev Trockij [Leon Trotsky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2010. 665 p.
5. Volkogonov D. A. Trockij. Politicheskij portret [Trotsky. Political portrait]. Moscow, AST Publ., 1998, vol. 1, 2. 416 p.
6. Starcev V. I. L. D. Trockij (Stranicy politicheskoy biografii) [Trotsky (Pages of his political biography)]. Moscow, Znanie Publ., 1989. 63 p.
7. Fel'shtinskij Yu., Chernyavskij G. Lev Trockij. Kniga 1. Revolyucioner. 1879–1917 gg. [Leon Trotsky. Book 1. The Revolutionary. 1879–1917]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2012. 448 p.
8. Ivanov A. A. Pervaya ssylka L'va Trockogo [The first exile of Leon Trotsky]. *Klio = Clio*, 2013, is. 9 (81), pp. 120–127.
9. Chervenkova N. N., Shkundin G. D. Balkanskije vojny [Balkan Wars]. Bolgariya v XX veke: Ocherki politicheskoy istorii [Bulgaria in the XX century. Essays on political history]; ed. by E. L. Valseva. Moscow, Nauka Publ., 2003. 464 p.
10. Fel'shtinskij Yu., Chernyavskij G. Lev Trockij. Kniga 2. Bol'shevik. 1917–1923 gg [Leon Trotsky. Book 2. The Bolshevik. 1917–1923]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2012. 512 p.
11. Tyutyukin S. V. "Likvidatory" i "partijcy". Avgustovskij blok ["Liquidators" and "party members". The August Bloc]. Men'shevizm: stranicy istorii [Menshevism: pages of history]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 560 p.
12. Lev Trockij. Iosif Stalin [Leon Trotsky. Joseph Stalin]. Moscow, AST Publ., 2022. 544 p.
13. Truhanovskij V. G. Uinston Cherkhill' [Winston Churchill]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1989. 456 p.
14. Bazhanov B. Vospominaniya byvshego sekretarya Stalina [Memoirs of Stalin's former secretary]. St. Petersburg, Vsemirnoe slovo Publ., 1992. 310 p.
15. Dojcher I. Trockij. Bezoruzhnyj prorok. 1921–1929 [Trotsky. An unarmed prophet. 1921–1929]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2006. 495 p.
16. Reznik, A. V. Trockizm i Levaya oppoziciya v RKP(b) v 1923–1924 gody [Trotskyism and the Left Opposition in the RCP(b) in 1923–1924]. Moscow, Svobodnoe marksistskoe izd-vo, 2010. 112 p.
17. Reznik A. V. Trockij i tovarishchi: levaya oppoziciya i politicheskaya kul'tura RKP (b), 1923–1924 gody [Trotsky and the Comrades: the Left Opposition and the Political Culture of the RCP (b), 1923–1924]. St. Petersburg, Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017. 382 p.

18. Fel'shtinskij Yu., Chernyavskij G. Lev Trockij. Kniga 3. Opozicioner. 1923–1929 gg [Leon Trotsky. Book 3. The Oppositionist. 1923–1929]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2013. 464 p.
19. Dojcher I. Trockij. Izgnannyj prorok. 1929–1940 [Trotsky. The exiled prophet. 1929–1940]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2006. 526 p.
20. Fel'shtinskij Yu., Chernyavskij G. Lev Trockij. Kniga 4. Vrag №1. 1929–1940 gg [Leon Trotsky. Book 4. Enemy No. 1. 1929–1940]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2013. 544 p.
21. Kolpakidi A. I. Likvidatory KGB [The KGB Liquidators]. Moscow, Yauza Eksmo Publ., 2009. 768 p.
22. Paporov Yu. N. Trockij. Ubijstvo "bol'shogo zatejnika" [Trotsky. The murder of the "big entertainer"]. St. Petersburg, Neva Publ., 2005. 384 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Колупаев Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430

Andrej A. Kolupaev, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>